

Евгений Красницкий Бешеный Лис

Отрок – 2

«Красницкий Е. С. Отрок. Бешеный Лис»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2007
ISBN 978-5-9922-0164-2

Аннотация

XII век. Права человека, гуманное обращение с пленными, высший приоритет человеческой жизни... Все умещается в одном месте — ножнах, висящих на поясе победителя. Убей, или убьют тебя. Как выжить в этих условиях тому, чье мировоззрение формировалось во второй половине XX столетия? Принять правила игры и идти по трупам? Не принимать? И быть убитым или стать рабом? Попытаться что-то изменить? Для этого все равно нужна сила. А если тебе еще нет четырнадцати, но жизнь спрашивает с тебя без скидок, как со взрослого, и то с одной, то с другой стороны грозит смерть? Если гибнут друзья, которых ты не смог защитить?

Пока не набрал сил, пока великодушие, оружие сильного, не для тебя, стань хитрым, ловким и беспощадным, стань Бешеным Лисом.

Евгений Красницкий

Бешеный Лис

Часть первая

Глава 1

Конец марта 1125 года. Туров — Княжий погост — дорога на Ратное

Приключения начались сразу же после выезда из Турова. Стоило только санному поезду миновать последние сараи и заборы городского посада, как Мишка, правивший передними санями, увидел, как на дорогу выскочили четыре фигуры и, выстроившись поперек пути, дружно брякнулись на колени. Мишка придержал Рыжуху, сзади послышался топот копыт — дед и Немой купили себе строевых коней и сопровождали семейный караван верхом, в полном вооружении.

— Кхе! Гляньте-ка, музыканты!

Действительно, на дороге стояли четверо из оркестра, сопровождавшего выступление Мишкиной «труппы», — двое парнишек, игравших на рожках, флейтист и «ксилофонист». Когда дед подъехал к ним вплотную, все четверо сдернули шапки и уткнулись лбами в грязный, перемешанный с навозом дорожный снег.

— Боярин! Корней Агеич, батюшка! — возопил «ксилофонист», обладатель астрономического имени Меркурий. — Смилуйся, не дай пропасть! Возьми к себе, хоть холопами, хоть кем! Если не меня, то хоть детишек пожалей, пропадут! Приюти, батюшка боярин, мы отслужим!

— Ну-ка поднимайтесь, нечего грязь носами ковырять! Что, Своята выгнал?

— Сами ушли, боярин-батюшка, мочи не стало!

— Сами? Кхе... И чем же он вас так утеснил?

— Всем, батюшка-боярин, голодом, холодом, побоями, попреками, угрозами. Сколько бы ни заработали, все равно должны ему. Ты не подумай, мы вольные, и кабальных записей на нас нет, просто Своята все время твердил, что мы зарабатываем меньше, чем он на нас тратит. Совсем сил никаких не стало. Возьми, боярин, хоть детишек, я-то выкручусь как-нибудь.

— Кхе! Куда ж я вас...

— Боярин!!!

— Да не ори ты! Думаю я, а не гоню. Так просто такие дела не решаются. Ждите здесь, Михайла, пойдем-ка с матерью поговорим.

Мать уже сама выбралась из бывшего скоморошьего фургона и шла к передним саням, следом за ней потянулись и отроки.

— Вас кто звал? Кыш по местам! Анюта, слышала, наверно, все, что скажешь?

— Дети еще совсем, пропадут, батюшка. Я с ними еще там, в Турове поговорила, все — сироты. А Своята их и правда в черном теле держал, не врут. Вон тот крайний — Артемий — выглядит как Кузька, а на самом деле старше Михаила на год.

— Кхе! Значит, брат?

— Не знаю, батюшка. — Мать жалостливо вздохнула. — Меня вот Никеша на могилку к родителям сводил, так я как будто повидалась с ними, на душе посветлело, а этим и пойти-то некуда. Жалко ребяток.

— Так брат или нет?

— Воля твоя, Корней Агеич, а я бы... — Мать немного помолчала, снова вздохнула. — Я бы взяла.

— Андрюха, ты? — Дед повернулся к Немому. Немой ткнул указательным пальцем в Мишкину сторону, потом тронул свою гривну десятника.

— Хочешь сказать, что с ними в «Младшей страже» почти полный десяток соберется? — «перевел» дед.

Немой кивнул.

— Значит, брат... Ну а ты, Михайла, что скажешь?

— Мне вроде бы и невместно... — Мишка изобразил скромность, хотя взять ребят хотелось.

— Спрашивают — говори! — Дед почему-то начал сердиться, было похоже, что ответы матери и Немого ему не понравились.

— А прокормим? — осторожно спросил Мишка.

— Не объедят, да и бездельничать не будут.

— Тогда — брать.

— Вот как! — Дед подбоченился и критически оглядел собеседников с высоты седла. — Одна пожалела, второй к делу пристроил, третий прокормом озаботился! А думать я за вас должен? Так, что ли? Ладно, эти обалдуи, но ты-то, Анюта, знаешь же!

— О чем ты, деда? — Мишка все еще не мог уразуметь причины дедова недовольства.

Дед сердито молчал, и мать, в очередной раз жалостно вздохнув, пояснила вместо него:

— Мишаня, не берут в Ратное чужих. — Мать беспомощно развела руками. — Девочек в замуж приводят, а мужиков или парней... Такой уж обычай за много лет сложился. Ты об этом, батюшка?

— О чем же еще? — Дед пристукнул деревяшкой в железное доньшко кожаного ведерка, заменявшего ему правое стремя. — Как я их перед сотней поставлю? Только если холопами. А если холопами, тогда какая же «Младшая стража»?

— Но Пашку же привели, когда у него родители померли, — вовремя припомнил прецедент Мишка.

Мать опять ответила вместо деда:

— Он — родич, Мишаня, его старшая сестра, которая в Ратном замужем, к себе взяла. А почему вы его Пашкой зовете? Он же Пантелей, должен быть Панькой, а не Пашкой.

— Нашла время выяснять! — досадливо оборвал невестку дед. — Если ничего другого не придумали, тогда два пути: или отправляем ребят на все четыре стороны, или едем назад в Туров обельные грамоты выправлять. Они и в холопы согласны, сами сказали.

«Блин, вот ведь ситуация! Деду, видимо, и самому хочется ребят взять, а обычай не позволяет, потому он и злится. А чего тогда нас спрашивал? Думал, что мы какой-нибудь выход придумаем? Что же тут придумаешь, было бы хоть какое-нибудь дальнее родство... Можно, конечно, и соврать: мол, дальних родственников из Турова привезли, но это дед и сам придумать мог бы, наверно, не хочет врать... Стоп, сэр Майкл! Родство! Как же я сразу-то...»

— Мама, — торопливо, пока дед еще не принял окончательного решения, спросил Мишка, — а родство обязательно кровное должно быть? Вот если, скажем, крестник, это как?

— По христианским канонам крестный отец или мать — те же родичи. Даже очень близкие — в брак вступать нельзя.

— Деда, — Мишка задрал голову к возвышающемуся в седле Корнею, — а давай их окрестим! Станут нашими родственниками. Мы же Княжий погост будем проезжать, там церковь есть.

— Мишаня, — не очень уверенно возразила мать, — у них же имена христианские, их крестили уже...

— Кашу маслом не испортишь, — Мишка решительно рубанул рукой воздух, — окрестим еще раз!

— Ты что, сынок? — Мать мелко перекрестилась. — Грех это!

— Святое крещение грех? Мама!

— Кхе! Михайла, как у тебя язык-то в узел не завязывается?

— Деда, ну что тут такого? Появилось затруднение, я придумал, как из него выйти. Да вообще, давай у них самих спросим!

— Ну давай спросим. — Дед призывно махнул музыкантам рукой. — Эй, ребята!

Квартет рванул с места, как наскипидаренный.

— Меркуха, — грозно спросил дед подбежавшего первым ксилофониста, — вы крещенные?

— Это... — замялся Меркурий. — Как бы да...

— Что значит «как бы»?

— У Свояты в Берестье дружок есть — поп. Он сказал, что с христианскими именами теперь по городам ходить безопаснее. Ну и окрестили нас как бы. Не в церкви и оба пьяные были. Я и не знаю: считается ли?

Мишка, не давая ни матери, ни деду ответить, заявил:

— Не считается!

— А что ж теперь?... — испугался Меркурий.

— Кхе! — Дед, скрывая довольную улыбку, расправил усы. — Крестить вас будем!

По-настоящему!

— Так значит, берете? Боярин-батюшка!!! Да мы...

— Тиха-а! Я не боярин, больше меня никогда так не называть! Быстро забирайтесь вон в тот воз. Одежонка у вас... того, в ящике теплее будет.

— Мы только вещички... — засуетился Меркурий.

— Бегом! Анюта, покорми их там чем найдется да насчет крещения и всего прочего объясни.

Крестной матерью ты у всех одна будешь. Кхе! Мало тебе своих пятерых... А мы с Андрюхой, так и быть, пополам поделимся. Андрюха, ты кого хочешь в крестники? Что, все равно? Тогда бери самых малых, а я — тех, что постарше. И вот что: садись-ка ты пока в сани, а в седло Михаилу пусти, мне с ним потолковать надо.

Санний поезд наконец-то тронулся, дед с внуком пропустили сани вперед и поехали сзади, стремя в стремя.

— Ну, Михайла, признавайся как на духу: сам насчет воинской школы выдумал?

— Почти. Ты же согласился Петруху в обучение взять? Та же самая школа, только для одного ученика. А так и заработаем, и ратнинцы, что поумнее, своих отроков тебе в обучение отдавать станут. Ты же сам говорил, что молодежь учат плохо.

— А насчет лавки?

— А тут — все правда. Никифор в самом деле про это рассказывал, только он уже такой был, что обращался не к тебе, а к кувшину, а ты и не слушал. От лавки обязательно польза будет, вот увидишь. Станет народ из окрестных деревень приезжать, ратнинцам будет где товар без хлопот сбыть. Торговля разрастется, другие купцы подтянутся. Вокруг торгового места всегда народ собираться начинает. Ну в селе-то селиться не дадим, тогда посад постепенно за тыном вырастет. Так села в города и превращаются. Станет Ратное городом, а ты — в нем воеводой. Чем плохо?

— Ну это когда еще будет, да и будет ли? — Скепсис деда был вполне понятен, поэтому Мишка счел за благо сменить тему:

— Деда, а ты в долю с Никифором вошел?

— Вошел, даже грамоту составили.

— А место для лавки выбрали?

— Андрюха свое подворье Никифору продал, все равно у нас живет.

— А жениться надумает? Как без своего дома?

— Андрюха? Жениться? — Дед фыркнул и покрутил носом. — Да скорее твоя Ниня замуж выйдет! От него и раньше-то бабы, как от чумы, шарахались, когда говорить мог и руки обе целые были. А теперь-то...

— Что ж, никто и никогда? Совсем?

— Ну-ка кончай мне зубы заговаривать! Признавайся: зачем про школу выдумал? И Петрухой не отговаривайся, не поверю.

— А ругаться не будешь? — осторожно спросил Мишка.

— Может, и буду, смотря чего скажешь.

— Тебе и по уму, и по заслугам давно боярином быть должно... — начал Мишка и выжидающе умолк.

— Пока не ругаюсь, давай дальше, — подбодрил внука Корней.

— От князя боярства не дождешься, — продолжил Мишка, — гривну сотничью и то хитрым способом добывать пришлось. Значит, надо боярином становиться самому.

— Ну-ну, и при чем же здесь школа?

— Что такое боярин, деда? Земля и дружина. Причем сначала дружина — она тебе и землю добудет, и людей на эту землю посадит. Заметь: ТВОЯ дружина, а не княжеская сотня. Великий князь киевский при смерти. Скоро все опять закрутится: князья с места на место поедут, земли делить станут, детей и родню на теплые места пропихивать. Если бы сотня была твоей личной, ты в это время запросто мог бы себе землицы прибрать, холопами ее населить, ну и прочее.

Мишка снова замолчал, ожидая дедовой реакции на свои слова. Дед немного помолчал, хмыкнул, покосившись на внука. Мишка уже было приготовился услышать что-нибудь на тему: «Не суйся не в свое дело», но дед спросил вполне доброжелательным тоном:

— Все так, а школа?

— Допустим, прислали тебе на обучение десять человек. — Мишка, почуяв дедову заинтересованность, приободрился и заговорил увереннее: — Что, ты вместе с ними еще один десяток своих людей не сможешь выучить? Кто знает, какие люди твои, а каких ты за плату учишь? Пусть Никифор хотя бы несколько учеников пришлет, под это ты сколько захочешь своих в учение поставить сможешь! Ведь сможешь?

— Кхе!

— Не ругаешься? — Мишка попытался заглянуть деду в глаза и получил шуточный щелчок по носу.

— Не ругаюсь, не ругаюсь. Дальше давай, мудрец.

— А чего не спрашиваешь: где людей взять?

— Потому что знаю. Совсем деда за дурня держишь?

— Как раз наоборот: я вот так и не придумал ничего. Одно только знаю: люди — главная ценность, дороже золота и самоцветов.

— Людей найду. Ты давай про школу. — Чего-чего, а гнуть свою линию, не отвлекаясь в сторону, дед умел.

— Так, а что еще-то? — Мишка даже слегка растерялся, оказывается, дед знал какой-то способ решения самой сложной, на Мишкин взгляд, проблемы. — Я уже все вроде бы рассказал.

— Нет, — покачал головой дед, — ты рассказал про то, зачем школа нужна, а вот про то, какой она должна быть, — ни слова.

— Так ты уже сколько людей выучил! — совершенно искренне удивился Мишка. — Что я тебе рассказать могу?

— Выучил, но не в школе. И сам я в школах никогда не учился. Не было у нас раньше таких, как отец Михаил, и школ не было. Та ребятня, которая к нему четыре года отбегала, от тех, кто в школу не ходил, отличается, как... — Дед запнулся и, то ли не подобрав сравнения, то ли подобрав такое, что при внуке вслух произносить не стоило, отрубил: — Словом, отличается, и в лучшую сторону! Если уж мы воинскую школу создаем, то и ученики наши от обычных ратников должны так же отличаться. Понял, о чем я толкую?

— Преимущества систематического образования...

— Чего? Опять словечки ученые? — Дед досадливо поморщился. — Толком говори!

— Программу обучения продумать надо.

— Михайла!

— Прости, деда, очень трудно с книжного языка на обычный перетолковывать. Ты прав, и сделать это можно, но я не знаю, получится ли?

— Давай-давай. Рассказывай, а я подумая, может, и получится.

«Блин, как же попонятнее изложить-то? Раньше надо было думать, сэр, теперь вот извольте рожать адекватные формулировки на ходу».

— Кто у нас новиков обучает? Сами родители или мужчины-родственники. Так?

— Еще десятники, — добавил дед.

— Все равно: в чем учитель силен, в том и ученик силен, а в чем учитель слаб... Ну нельзя же быть во всем лучше всех!

— Ну и что?

— А если учителей в школе собрать лучших в каждом каком-то деле? Ну, скажем, лучший лучник у нас Лука Говорун, а лучший мечник... Я не знаю, но ты-то всех знаешь!

— Понял, понял! — Дед демонстрировал прямо-таки чудеса толерантности, похоже, поднятая Мишкой тема заинтересовала его всерьез.

— погоди, деда, дай договорю! Если лучшие будут новиков обучать, то общий уровень подготовки повысится... То есть... Сейчас, соображу, как сказать...

— Да понял я, не дурак! Все как бы лучшими станут.

— Да, и то, что было редкостью, станет обычным. А среди них опять кто-то лучше других окажется, в чем-то одном. Их и сделать учителями. Так все и будет улучшаться!

«Блин, нет нужных терминов в ЗДЕШНЕМ языке. Как же объяснить-то?»

— Не ломай голову, понял я. Нет тут никакой особой мудрости. Если ученик не сравнялся с учителем, то учитель — дерьмовый. А хорошего учителя ученик, рано или поздно, превзойти должен! Ты думаешь, почему я так об обучении пекусь? В том, что на той переправе треть народу потеряли, вовсе не дурак боярин виноват и не Данила. Сотня ослабла! Лет двадцать назад никто бы команды и не ждал. Сами бы из-под обстрела выскочили и лучников тех порубили. Ты не думай, что я по-стариковски ворчу: мол, раньше и погода была лучше, и девки слаще. Выучка другая была! Без нее и не выжили бы. А теперь живем спокойно, соседи присмирели, наши жирком поросли. Ты посмотри: многие ли, как я или Лука, доспех без переделки носят? Почти всем чуть не каждый год расставлять приходится — брюхо не влезает!

Мишка замер. Впервые дед разговаривал с ним, как со взрослым, делясь наболевшим и не делая скидки на возраст внука. Видимо, сам о том не задумываясь, дед выставил Мишке высший балл за то, что произошло во время нахождения в Турове, — начал воспринимать внука всерьез.

— Больно говорить, — продолжал тем временем дед, — но боюсь, сотня уже не поднимется. На той переправе потопла почти одна молодежь. Три десятка! Старики слабеют, уходят, а на замену... В этом году примем только шесть новиков, в следующем — девять или десять. За два года восстановим половину потерь. А сколько из них до настоящей зрелости доживут? Может, и никто! Выучки на-

стоящей нет, к учебе спустя рукава относятся, что ученики, что учителя. В первом же бою можем всех потерять.

— Но ты же сотник! Неужели заставить не сможешь?

— Заставить могу, но из-под палки толку не будет, желание нужно! Я почему этих ребятишек подобрал? У них желание будет, до седьмого пота станут стараться, и подгонять не придется! Для них в воинское обучение попасть — счастье, а для наших — обуза. Не для всех, конечно, но для многих.

— Значит, необходимость воинской школы назрела.

— Перезрела! Я поэтому твоему вранью поначалу и поверил. Думал: осенило по хмельному делу. Потом только догадался. Ты вот что, внучок... Кхе! Это... Если еще какая мысль полезная появится... — Ох и непривычно было сотнику Корнею говорить такое тринадцатилетнему мальчишке, но сотник есть сотник: чтобы повелевать другими, надо уметь повелевать собой. — Не жди случая, говори сразу. Выслушаю и обдумаю. Обещаю!

— А прямо сейчас можно?

— Кхе! Тебе палец дай, так ты всю руку отхватишь! Говори уж, чего там!

— Есть в ученых книгах такое правило: если задумываешь какое-то большое начинание, то первым делом нужно понять — зачем? Какой итог получить хочешь? Если правильно это поймешь, тогда станет понятно, что и как делать нужно. Вот давай сейчас попробуем понять цель обучения — кого мы готовить будем?

— Ну и кого?

Дед явно не понял, к чему клонит Мишка, и тот поспешил объяснить:

— Чем охрана купеческого каравана от обычных ратников отличается?

— Во-первых, татей всегда больше, чем охраны. Малыми силами нападать — дураком быть нужно.

— Значит, надо учить биться с превосходящими силами противника!

— Так, правильно. — Дед согласно кивнул. — Во-вторых, место и время для нападения выбирают тати. И стараются напасть неожиданно.

— Значит, надо учить быть готовым отразить нападение в любой момент и в невыгодных условиях.

— Не-а, тут ты, внучок, промахнулся! Все время в напряжении быть нельзя — быстро устанешь. Надо учить предвидеть! Есть места для нападения удобные, там надо быть настороже, а есть места безопасные. Одни от других надо уметь отличать. Лучше всего этому знаешь как учиться? Самому уметь засады устраивать! Тогда и тебя врасплох никто не застанет.

— Угу, понятно. А еще?

— А еще в обозе есть люди, которые себя защитить не могут, и скотина, которую можно напугать. А еще надо приметы знать: где на ночь остановиться безопаснее, как в непогоду не попасть, в каких местах через реки переправляться. Много еще всякого.

— Значит, в охране каравана должны быть не просто хорошие бойцы, но и люди знающие?

— И грамотные! — с нажимом добавил дед.

— А это зачем? — делано удивился Мишка. Сам-то он был за грамотность «обеими руками», но вот с чего дед этим так озаботился?

— А купцы неграмотных вообще за людей не считают! И грамоте учить в нашей школе будешь ты! Вот с музыкантов и начнешь, наверняка даже своего имени прочесть не могут!

«Доигрался! Ученые книги, ученые книги, придурок! Будешь теперь: А и Б сидели на трубе! А с другой стороны, не к отцу же Михаилу их водить!»

— Буду, что ж поделаешь? — смиренно произнес Мишка. — Только есть и еще одно дело, которому учить придется. В дороге лекаря не найдешь, а раны и болезни ждать, пока доедешь, не станут. Как-то надо тетку Настену уговорить, чтобы лекарскому делу обучать согласилась. Не полностью, конечно, но самым необходимым вещам.

— Не уговаривать надо, а плату предлагать. И остальным тоже. За «спасибо» никто работать не будет. Я поэтому Никифору плату за обучение и не назвал — сам пока не знаю, но получится дешевле!

— Но для себя-то мы людей забесплатно учить будем! Вернее, за счет тех, кто платить будет. Только вот этих-то чему учить станем?

— Тому же самому, — решительно заявил дед, — знаний лишних не бывает!

— А ратнинцев, если родители их к нам пошлют?

— Кхе! Да, тут подумать надо...

— Деда, опять так же: какая цель? Вот у нас как бы два вида учеников. Первый вид — охранники купеческих караванов. Их учим воевать с татями, малым числом, посреди пустой дороги и при этом защищать караван с людьми и скотиной. Второй вид — ратнинцы. Их учим воевать в составе десятка и сотни. Воевать в строю, против таких же ратников, брать на щит укрепленные места или, наоборот, защищать и... все такое прочее. Получается, что совсем разных людей учим. Точнее, сначала, когда бойца самого по себе готовим, всех можно учить одинаково, а потом разделять: одних в охрану, других в кованую рать. А вот своих как учить?

— Верно в твоих книгах написано: все от цели зависит. — Дед сожалеющее вздохнул. — Эх, мне бы в твои годы такой отец Михаил попался... А своих... Своих надобно всему учить! И тому, и другому.

— Тогда получается три этапа... э-э... три срока обучения. В первый срок учим всех одному и тому же. Потом разделяем: охрану учим одному, ратнинцев другому. наших людей учим вместе с ратнинскими. Потом, в третий срок, учим наших тому, чему учили охрану. Так?

— Вроде бы так. Кхе! Хитер ты, Михайла, наши-то лучше всех выучены будут!

— Так для себя!

— А для сотни? Я сотню не брошу, какая бы она ни была!

В голосе деда слышалось не просто упрямство, что-то в тоне, которым были произнесены эти слова, «зацепило» Мишку, напомнило нечто из ТОЙ, прошлой жизни. Да! Таким же тоном говорили мужики, отказывающиеся выбросить партбилеты после указа Ельцина о запрете компартии. Обычные мужики: работавшие, воевавшие, растившие детей, не причастные ни к репрессиям, ни к злоупотреблениям, ни к маразматической дури «партстарцев», ни к перестроечной шизофрении.

«Именно так! Он с этим вырос, с этим и умрет! Отказаться от ратнинской сотни для него то же самое, что отказаться от всей своей прошлой жизни. Все видит, все понимает, но рушить то, что создавалось в течение столетия, и сам не будет, и другим не даст. Значит, и разговор надо строить соответствующим образом.»

— Во-первых, деда, для сотни мы и так выучим ребят лучше, чем если бы школы не было. А во-вторых... Деда, а ты когда-нибудь думал, почему сотня потихоньку все хуже и хуже становится? Только не говори, что люди мельчают или что жирком от спокойной жизни поросли. Для того, кстати, деды наши и воевали, чтобы внукам лучше жилось. Ты сам говорил, что для одних воинское дело обуза, а для других — нет. Можешь общую причину указать, которая часть людей от воинской жизни отваживает?

— Кхе! Общую для всех? — Дед задумчиво поскреб в бороде. — Больно мудрено! У каждого — свое.

— Ну тогда перечисляй: у кого — что.

— Перво-наперво, всегда есть людишки ленивые, дурные или просто слабые.

— С этими уже ничего не сделаешь — балласт... э-э... лишний груз, мусор.

— Верно, мусор. Но они опасны, потому что лень и дурость заразительны. Они и других за собой тянут. Всякий лентяй норовит трудягу дураком выставить, слабак сильного человека — зверем тупым, а трус храбреца — сумасшедшим. А если таких много становится, то все: ни порядка, ни дела серьезного, ни работы добротной. Все, как гнилая тряпка, расплзается!

«Точно по Гумилеву! Субпассионарии: „Будь таким, как мы!“ Какая же ты умница, дед!»

— Деда, из сотни таких не выгнать, они только за чужими спинами выжить и могут. А вот из своей дружины — запросто! Да и выгонять не придется, они туда и не попадут. А другие причины?

— Да вот хотя бы Степан-мельник. Мельница-то не его — общинная. Он у старосты уже несколько раз ее выкупить хотел, но не вышло. Теперь, похоже, свою ставить собирается. Сейчас плата за помол в сотенную казну идет, а если мельница у Степана своя будет, тогда плата ему пойдет. Ему воинское дело только помеха, ну разве что прикрытия, чтобы податей не платить. Еще... Кого бы еще вспомнить? А! Да дядька твой — Лавр! Он как с мечом разомнется, так на следующий день тонкую работу делать не может — руки чувствительность теряют. А ведь талант у мужика! Но если воинское умение не поддерживать, убьют. Вот и выбирай!

— Ну вот и понятно все! — Мишке сразу стало легче объясняться — дед сам все рассказал. — Одни к службе неспособны, а другие дело себе нашли, которое им интереснее и полезнее. Противоречия между ними сотню и раздрают: между умными и дураками, между трудягами и лентяями. А истинные воины как бы в стороне остаются, они и тем и другим — помеха. Когда-то сюда пришли по велению Ярослава Мудрого сильные люди, для которых воинское дело было главным. Для всех! Постепенно начали накапливаться другие: дрянь и люди дельные, но заинтересованные чем-то другим. Сотня перестала быть единым телом. Ты еще не все про субпассионариев... про слабаков и дурней

рассказал. Это они чужаков в Ратное не допускают. Дельные люди и рады бы дополнительные рабочие руки к своим делам приставить. Воины тоже хотели бы численность войска увеличить. Вот ты, например, шестерых учеников везешь, так? Но хитростью приходится. Ты припомни: кто громче всех орал бы, если б ты их просто так привел?

— Кхе! Те самые — мусор.

— Вот, деда! Собственная дружина — не блажь твоя, а спасение воинского сословия из того болота, в которое сотня превращается. Уведешь воинов — и Ратное в город превратится еще быстрее. Появятся купцы, ремесленники, другие дельные люди, которых ратная служба от дел не отвлекает. Но соберутся там же и пьяницы, и тати, и побирушки, и прочие шпыни ненадобные — от этого ведь тоже никуда не денешься.

— Нет, Михайла, я сотню не брошу, на то я клятву давал. Помру или убьют — другое дело, а так... Нет!

— Но свою-то дружину собирать будешь?

— Буду!

— А с чего ее кормить?

— А как мы кормимся? Землю пашем, торгуем, добычу и холопов на войне берем, другие дела всякие... Ага! Вот, значит, ты о чем! Другие дела... Ишь как подвел, книжник! Ну и что ты надумал?

— Воина, так же как и других дельных людей, ничего от главного дела отвлекать не должно. Дружину кормит боярин! Для того у него есть земля, а на ней холопы или просто смерды, которые за землю и защиту сколько-то платят боярину. Тогда воинский дух в дружине не умрет.

— Ты насчет воинского духа... Кхе! Того... поаккуратнее.

— А что такое?

— А то... — Дед, похоже, колебался: говорить или не говорить? Потом все же решился. — Кхе! Ну ладно... Ты хоть еще и не ратник, но в бою уже побывал, не в настоящем, конечно, но смерти в лицо глянул. Опять же «Младшая стража»...

— Да что такое, деда?

— Старика на костре помнишь? Который Триглава славил?

— Такое забудешь... — Мишка знобко повел плечами.

— Ну так вот. Он воином был, я сразу понял!

— Ты ему еще подпевать стал.

— О том и речь. Мы, конечно, христиане... и все прочее, что положено. Но и Перуна тоже не забываем... И Трояна. Потому что воины. Воинского духа в них больше, чем в кресте.

— Так ты ту женщину в лесу... — До Мишки только сейчас дошло, почему дед столь скрупулезно исполнил тогда языческий погребальный обряд. — Ну у которой «громовая стрела» была... Понятно...

— Объяснять, что трепаться об этом...

— Не надо! А за умирание воинского духа прости — не знал я. Боги конечно же бессмертны.

— Тринадцать лет... Едрена-матрена... Что же с тобой дальше будет?

— Дальше будет четырнадцать. Скоро уже. Что вы с Никифором на меня, как на урода, дивитесь? Сам же сказал, что учение на пользу!

— Иди-ка ты... в сани. Поговоришь с тобой, потом три дня голова пухнет, шапку не надеть.

Сани были нагружены, что называется, под завязку, путь предстоял длинный, поэтому лошадей не подгоняли. Обоз тянулся со скоростью пешехода, и Мишка почувствовал, что его потихоньку начинает клонить в сон. Он вылез из саней и зашагал рядом.

«Такие, значит, дела! Ситуация практически по учебнику. Прислал в глухой языческий край Ярослав Мудрый сотню ратников с семьями. Поставил задачу трудную, но выполнимую — стать хозяевами округа, привести к покорности местное население, прикрыть границу с Волынью. Стимул — вольная и сытная жизнь для детей и внуков. Задача выполнена, дальше что? Дальше — хреново. Черт побери, как легко быть пророком, когда события без труда вписываются в классическую схему!

А схема проста. Структура всегда создается для решения задач, что, в свою очередь, служит достижению определенной цели. Если кадры в структуре квалифицированные, а ресурсов достаточно, то задачи успешно решаются и цель достигается. Это просто и понятно, что в двенадцатом веке, что в двадцатом.

А вот дальше начинаются сложности. Если цель достигнута, то надо формулировать новую цель и очерчивать круг задач по ее достижению. А что делать с имеющейся структурой? Она-то создавалась под решение прежних задач! Самый простой выход: ликвидировать старую структуру

и создать новую. Можно еще попробовать старую структуру реорганизовать. По это в теории, а в жизни зачастую просто рука не поднимается ломать то, что отлично работало многие годы, а то и десятилетия.

Что происходит в этом случае? Структура, не имеющая общей цели, порождает целый букет внутренних целей и задач по их достижению, сплошь и рядом противоречащих друг другу. Начинают развиваться внутренние конфликты, структура разваливается. Между прочим, и сроки развала очень невелики — период жизни одного поколения.

И как этот жуткий сценарий прикладывается к нашим делам? Очень просто! Задача выполнена, цель достигнута. Сотня захватила богатейшие угодья, соседи носа высунуть не смеют, ратники живут сытно, даже богато, самооценка высокая, опасностей особых нет. Казалось бы: живи и радуйся. Но, увы, радости у разных людей разные.

Появилась группа людей, которые хотят заниматься предпринимательством. Они тяготятся воинской службой, потому что она мешает им заниматься бизнесом. Вот и пожалуйста, первый внутренний конфликт: дед хочет, как и в прежние времена, держать в строю ВСЕХ мужнин, а ВСЕ не хотят, часть желает заниматься предпринимательством.

Есть и вторая группа, не желающая жить по-прежнему. Это те, кто хочет пользоваться данными сотне привилегиями, но не желает платить за них службой и кровью. То есть только брать, ничего не давая взамен.

Имеются конечно же и те, кто хочет оставаться служилыми людьми. Но киевский князь при смерти, да и не интересуются в Киеве ратнинской сотней уже давно. А туровский, того и гляди, тю-тю — уедет. Кому прикажете служить? Тому, кто придет вместо него? Но у того своя дружина есть, ей он доверяет, потому что она от него зависит. А ратники практически независимы, а значит, опасны. Служить, получается, некому.

Единая структура, в полном соответствии с теорией, разделяется на три группы, чьи интересы противоречат друг другу. Если интересы, то есть цели, противоречивы, неизбежны конфликты. Пока они проявляются подспудно, в виде нежелания посвящать большую часть времени и сил поддержанию боеспособности и подготовке достойного пополнения.

Поиграем в пророка еще немного и попробуем предсказать судьбу каждой из групп. Служилые — те, кто хочет жить по-старому, — обречены. Сотня с тридцатипроцентным некомплектом, того и гляди, превратится в полусотню, а потом и вообще... Ничего не поделаешь — кадровый дефицит. Как серьезная воинская сила сотня медленно, но верно стремится к нулю. При участии в первом же серьезном сражении она запросто может прекратить свое существование.

Теперь — предприниматели. Это им сейчас хорошо, только они этого не понимают и тяготятся воинскими обязанностями. А не будет под боком боеспособного подразделения? Припрутся княжеские сборщики дани, разбойнички обнагледут, соседи старые обиды припомнят, да через неприкрытую границу кто-нибудь наведается... А в город не переберешься — там конкуренция. И что останется от вашего бизнеса, господ? Так что предприниматели, сами того не понимая, целиком зависят от срока жизни ратнинской сотни.

И, наконец, балласт. Стоит только сотне окончательно накрыться медным тазом, им — конец. Часть просто перемрет или будет перебита, остальные окажутся чьими-то холопами. Те, кто ничего не могут, — кандидаты в покойники. Те, кто ничего не хотят, частично тоже покойники, а остальных заставят работать, невзирая на их желания. Таким образом, и третья группа тоже целиком зависит от срока жизни первой группы.

Вот такой прогноз. После окончательной потери боеспособности ратники либо будут перебиты соседями, либо уведены в полон, либо попадут под власть какого-нибудь оборотистого боярина. Крайний вариант: месту сему быть пусту! И прогноз этот, как ни печально, сбудется! Если ничего не предпринимать. Но чтобы что-то предпринять, нужно осознавать ситуацию, а ее осознает только тринадцатилетний пацан. Продолжим игру в прорицателя? Запросто! Только теперь мы вступаем на почву предположений, хотя и обоснованных...»

— Михайла! Уснул, что ли?

— А? Чего, деда?

— Сворачивай, обедать пора.

«Надо же, не заметил, как полдня прошло!»

— Шевелись, шевелись! — бодрим командным голосом орал дед. — Меркуха, бери своих музыкантов и — за дровами, топоры в санях возьмите. Вы, парни, коням корму задайте, где овес, сами знаете. Анна, котел возьми тот, что побольше: едоков прибавилось. Андрюха, помоги ей воды принести, сама к польнье пусть не спускается. Шевелитесь, шевелитесь, засиделись в санях!

Дед лихо командовал, не слезая с седла, как будто ставил на дневку воинское подразделение. Впрочем, сани ставили в круг и оружие держали под рукой. Дорога, она и есть дорога.

— Михайла, как коням корм зададите, подойди — переговорить надо.

— А голова опять не опухнет?

— Я те дам, поганец, сам у меня сейчас опухнешь! Меркуха, есть чем огонь развести? Э, да разве это кресало? Слезы одни! Аня, дай ему свое. Да не трогай ты котел, тяжелый же! Кузька, ты как сани поставил? Я тебя самого сейчас так поставлю! Глаза-то есть? Эй, вы что, ночевать здесь собираетесь? А на хрена нам тогда столько дров? Ну да, ты их еще обратно в лес отнеси! Положи, другим пригодятся, не одни мы на дороге... Кузька, да что ж ты творишь? Левее бери, левее... Едрена-матрена, сильно ушибся? Ну разве ж можно так? Да не реви, что ты как девчонка? Конечно, больно — оглоблей в морду, как глаз-то не вышиб? А не дергай за повод, лошадь — скотина бессловесная, но свое разумение имеет. Ну ничего, до свадьбы... Аня, не тот мешок! Гречка в другом. Андруха, да помоги ты ей, мешки-то тяжелые. И сало не забудьте! Тебе чего, Михайла?

— Сам же звал.

— Ага, пока каша дойдет, расскажи-ка мне, как ты десятком командовать собираешься? Или не думал еще?

— Вот и нет! Всю дорогу только об этом и думал.

— Ой, врешь!

— А проверь.

— Кхе! Ну и что же надумал?

— Показать?

— А есть чего показывать?

— Есть.

— Ну давай.

— Демка! — позвал брата Мишка. — Подойди сюда!

— Чего, Минь?

— Так, Демьян, приказом старшины «Младшей стражи» и с благословения княжьего сотника Корнея Агеича, ты, Демьян, с сегодня назначаешься десятником первого десятка «Младшей стражи».

— А чего это — я?

— Приказы не обсуждаются, а выполняются! Отвечать надо: «Слушаюсь!» Повтори!

— Слушаюсь.

— Тогда принимай командование!

— Это... А как?

— «Слушаюсь» забыл!

— Слушаюсь, а как командовать-то?

— Кузька твой брат?

— Ага.

— А кто из вас старше?

— Мы одинаковые... это... в один день родились.

— Но Кузька невезучий: то нож в ногу воткнет, то с доски сверзится, то с коня...

— Ага, он еще в кузне...

— Не перебивать старшину!

— Это самое... Слушаюсь!

— О! Понял службу, молодец! — ободрил новоиспеченного десятника Мишка. — Так вот, Кузька — невезучий, и тебе приходится за ним присматривать, как будто ты старший. Так?

— Ага, так.

— Вот и за ратниками своего десятка будешь присматривать, как будто ты для них старший брат. Учить, помогать, защищать, а если надо, наказывать. Понял?

— Понял, а как командовать-то?

Несмотря на Мишкины старания, Демка продолжал оставаться в недоумении. Дед не преминул «подсыпать соль на рану»:

— Кхе!

— погоди, деда, Демьян парень умный, сейчас все поймет. — Мишка снова принялся за объяснения: — Ты слышал, как сотник Корней сейчас командовал?

— Ага, а Кузька все равно всю морду... — злорадно подхватил Демка и, тут же осекшись, испуганно глянул на деда.

— Потому я тебя, а не его десятником и назначаю — невезучий, — воспользовался подвер-

нувшись примером Мишка. — Как ты думаешь, мы сами на дневку становиться умеем?

— А как же!

— Тогда зачем же Корней Агеич командовал?

— А... это... Не знаю. — Демка напрягся и выдал результат напряженной работы мысли: — Он всегда так!

— Ну вот смотри, — продолжал гнуть свое Мишка, — дрова все заготавливать умеют?

— А чего тут уметь-то? Взял топор...

— А коням корм задавать?

— Конечно.

— А воду из полыньи набирать, костер разводить и все остальное?

— Так сколько раз уже...

— Вот: все всё умеют. А если все всё разом возьмутся делать, порядок будет?

— Не-а, договориться надо: кто чего делает...

— И сколько времени на договоры уйдет? А кто-то еще скажет: «Не хочу это делать, хочу то».

Теперь понял?

— Ага, от командования порядок и быстрота! — Демка добрался наконец до вывода, к которому подталкивал его старший брат.

— Ну вот, деда, я же говорил: умный парень! — изобразил Мишка энтузиазм. — Все понял. Теперь дальше. Ты заметил, что на каждое дело Корней Агеич старшего поставил? Дрова заготавливать — Меркурия, сани в круг ставить и лошадей кормить — меня...

— Тебя он не назначал! — тут же уел брата Демка.

— Но я же первыми санями правил, а вы за мной следовали. Он меня просто не сейчас, а раньше назначил, когда на первые сани посадил. Понятно?

— Ага, а тетю Аню назначил главной кашеварить, а Андрея ей в помощь дал!

— Все правильно. Так и ты делай. Ты десятник, но не все же дела целым десятком делаются.

Иногда народу меньше надо. Поэтому нужны... старшие стрелки.

— Кто?

— Командиры пятерок. Назначай их сам, но я советую Ростислава и Петра. Если, конечно, Корней Агеич не против.

— Кхе! Не против. — Деду Мишкино представление, кажется, начинало нравиться.

— Ну вот. Назначаешь старших стрелков, и все команды — через них, чтобы тебе к каждому ратнику каждый раз самому не обращаться. С него и спрос, если кто-то из его пятерки что-то не так сделает. Вот Корней Агеич мне сейчас попенял за то, что за Кузькой не уследил.

— Кхе!.. Попенял, — подтвердил Мишкино вранье дед.

— Прямо сейчас назначай старших стрелков, как я тебя назначил. Расскажешь им то, что я тебе сейчас рассказал, распределишь остальных: кого к Петру, кого к Ростиславу. Кстати, сам как думаешь: кого к кому?

— Э-э... Сейчас... — Демка поскреб в затылке. — Не получается поровну! В одной пятерке выходит трое, а в другой четверо.

— Так подумай, как сделать так, чтобы пятерки по силам примерно равны были.

— Тогда Меркуху надо в меньшую — он постарше и поздоровее. И Кузьку туда же, Роська с ним сладит, а Петруха нет. А остальных — к Петрухе. Только... это... Кузька обидится — меня десятником поставили, а его даже старшим стрелком не назначили.

— Пришлешь его ко мне, я объясню. А Петра с Ростиславом пришлешь к сотнику — представиться.

— Это как?

— Запоминай: «Господин сотник, дозволю представиться: старший стрелок первого десятка „Младшей стражи“ Петр» или Ростислав. Запомнил?

— Запомнил. А зачем — господин?

— Для уважения. И насчет слова «слушаюсь» объясни.

— Ага... То есть слушаюсь!

— Совсем хорошо! После обеда скажешь старшим стрелкам, чтобы распределили людей по саням — править посменно. Первой пятерке — первые трое саней, остальные — второй.

— А которая пятерка первая? — Въедливость Демки уже начала доставать, но приходилось терпеть.

— Сам решишь. Когда будешь об этом говорить старшим стрелкам, то что еще сказать надо?

— Не знаю...

— Одежка-то у ребят...

— Ага! — сообразил Демка. — У нас же тюк с одеждой там был. И сапоги.

— Давай командуй. А когда поедем, подсядь ко мне в сани, поговорим, как ночью стражу выставлять.

— Слушаюсь!

Демка с озабоченным видом направился к саням, а Мишка развернулся к деду всем корпусом, встал «во фронт» и отчеканил:

— Господин сотник, разреши получить замечания!

— Разреша... Тыфу! Игрушки тебе все! Господина какого-то выдумал... Кхе! Господин сотник... Господин сотник. А что? И господин! А врал зачем? Я тебе пенял за Кузьку?

— Нет, но они должны думать, что пенял. А как вообще? Правильно я начал?

— Кхе! Сойдет для начала. — Похоже, дед остался доволен увиденным. — А чего сам десятником не назвался?

— Будет же и второй десяток, и третий. Сам обещал, что люди будут.

— Ну-ну... Вон Кузька идет, что ему скажешь?

Вид у Кузьки был одновременно обиженный и несчастный. Под левым глазом набухал синевой роскошный синяк — следствие соприкосновения с торцом оглобли.

— Деда! — начал он плачущим голосом. — А чего Минька...

— Пр-р-рекратить! — рывкнул дед. — Морду утереть, пояс подтянуть! Ты ратник или баба?

Кузька опешил:

— Какой ратник?

— А-а! Так ты не в «Младшей страже»? Ну тогда гуляй, внучек.

— Не, я тоже... — Кузька растерянно оглянулся на Мишку, потом снова уставился на деда.

— Тогда чего скулишь? — Дед был строг и непреклонен.

— Так Демку в десятники... — уже не столь плаксивым голосом заговорил Кузька. — А я что, хуже?

— Михаилу спрашивай, он назначал.

Кузьма вопросительно глянул на Мишку.

— Ты не хуже, — тут же отозвался Мишка, — для тебя другое дело есть, не на десяток и не на два, а на всю «Младшую стражу», сколько б ни было. Ты ведь с кузнечным делом лучше Демки справляешься?

— Ну смотря с каким. Папаня сказывал, что у меня тонкая работа лучше выходит.

— Самострелы для всего десятка делать надо?

— Надо. Только я один...

— А кто сказал, что ты один? Ты этим делом командовать будешь. А самострелы каждый для себя под твоей командой делать станет. И ножи, и болты, и доспех подгонять. А еще надо кому-то следить, чтобы ратники все это в порядке содержали, и учить, как это правильно делать. Ратник Кузьма! С благословения господина сотника назначаю тебя оружейным мастером всей «Младшей стражи»! Десятком тебя постараюсь не обременять, но если народу соберется много, то придется и тебе покомандовать, так что ты присматривайся, как это у Демки выходит, чтобы его ошибок не повторять.

— Оружейным мастером? Так я же еще... — Лицо Кузьмы на глазах просветлело, впечатления не портил даже набухающий синяк.

— Научишься, отец поможет, я тоже, чем смогу, — ободрил Мишка.

— Тогда... Тогда ладно.

— Слушаюсь!

— Чего?

— Отвечать надо: «Слушаюсь».

— Ага... Слушаюсь.

Мишка дождался, пока Кузьма отойдет, и повернулся к деду:

— Ну как?

— Оружейный мастер — это хорошо. Правильно придумал. А вот самострелы... Игрушки это все. Несерьезное оружие. Луки вам надо в руки брать.

— Волков я побил? На звук стрелять научился? Нет, деда, я понимаю: лучному бою нам учиться надо обязательно, но и от самострелов польза есть. Вот сейчас, случись что в дороге, мы самое меньшее троих врагов положить сможем, а если еще и ножами, как в том переулке, то и больше. «Младшей страже» сила сразу нужна. А лучному бою учиться долго, и руки нужны не детские, как у

нас сейчас. Ты не подумай, я не отлыниваю. Мы же и с самострелами учимся расстояние правильно определять, цель выискивать, на ветер и на движение упреждение делать. Это все и для лучшего боя сгодится. Так что мы и с самострелами на лучников потихоньку учимся.

— То-то, что потихоньку. — Кажется, Мишкины доводы не очень убедили деда.

— Есть у меня еще одна задумка про самострелы, — продолжил Мишка, — только ты сразу не смейся. Обещал же выслушивать и обдумывать.

— Обещал, обещал. Давай уж, выкладывай.

— А если самострельному делу баб обучить?

— Кхе! Сдурел? Бабам оружие?

— погоди, дед! Дай доскажу. От женщины или от девки никто ведь опасности не ждет. Смотри: мать, тетя Таня, Аня-младшая, Машка. Четыре выстрела. Если с близкого расстояния — любой доспех пробьет. Мало ли что, а четыре выстрела есть четыре выстрела, да еще неожиданных. А если всех баб и девок в селе обучить? Да они сотню воинов положат, оглянуться не успеешь. Ты представь себе: обложила Ратное вражья сила, идут на приступ. Мы баб на заборол ставим, а сами в седла и к воротам. Один раз стрельнули — сотня болтов полетела, другой раз — еще сотня. А может быть, и больше — сколько выучим. Враг в смущение пришел, заколебался, тут ворота настезь — и сотня ратников вылетает, а с заборол все бьют... Так можно одной сотней полтысячи победить.

— Красно рассказываешь, заслушаться можно. Мне парней-то в обучение не загнать, а ты — баб!

— И не загоняй. Сначала можно только из тех семей, где мужики от воинского дела не отлынивают. Ну сам подумай: уйдете вы на войну, кто Ратное защитит? Я с десятком стрелков? А если хотя бы сотня самострелов будет, мы хрен кого к тыну подпустим.

— Раньше-то уходили, и ничего. — Голос деда стал уже не таким уверенным.

— Раньше у тебя десятка три новиков было. И выученных как следует. На них Ратное и оставалось. Да десятка полтора женщин из луков бить обучены, хоть с мужиками-лучниками им не сравниться, но тоже помощь. А тут — сотня, и сила выстрела от силы стрелка не зависит, у взрослого стрелка на полторы сотни шагов доспех пробивает, а то и на две! А если такая баба, как Алена, так ей такой тугой самострел сделать можно, что и троих зараз пробьет.

— Кхе! Мудрец... Как в голову-то пришло?

— Было в древности такое племя — амазонки. У них все женщины лучницами были. С этим племенем никто совладать не мог, даже Александр Македонский.

— Македонский... Он весь мир завоевал, а с бабами не совладал? Трепач ты, Михайла. Ладно, подумаем. Если мать согласится... Сначала — только своих. Потом посмотрим. Анна! Что там с кашей?

— Доходит, ложки готовьте!

Дед с Мишкой уже собрались идти к костру, как перед ними возникли Роська и Петька.

— Господин сотник, дозволю представиться: старший стрелок «Младшей стражи» Ростислав!

— Господин сотник, дозволю представиться: старший стрелок «Младшей стражи» Петр!

— Кхе! Молодцы... Э-э... Поздравляю с назначением!

— Спасибо...

— Надо отвечать: «Рады стараться, господин сотник!», — быстренько подправил Мишка.

— Рады стараться, господин сотник!

— Кхе! Десятник Демьян! Хорошо своих ратников учишь!

— Рад стараться, господин сотник!

— Ну красота. В Ратном все ус... Кхе! Обалдеют. Пошли кашу есть. Музыканты! Ложки-то имеете?

— Как же без них, господин сотник?

— Ну и ладно.

* * *

Снова монотонно тянется заснеженная дорога, мерно топочут копыта, сани кренятся на ухабах. Демка, получив подробный инструктаж по организации караульной службы, соскочил с саней и отправился инструктировать старших пятерок. Дед с Немым ускакали вперед проверять лед на пересекающей путь речушке.

«На чем я там в своих „пророчествах“ остановился? Да, две группы: предприниматели и, ну, скажем, „обыватели“ — тяготятся воинской службой и как кадровый резерв для пополнения сотни

малопригодны. Однако выжить без сотни они не смогут. Во-первых, времечко сейчас такое, что слабый обязательно становится, рано или поздно, добычей сильного. Во-вторых, благополучие населения Ратного обеспечивается жалованной грамотой Ярослава Мудрого, по которой ратнинцы освобождены от всех видов податей и имеют право пользоваться, опять же безвозмездно, всеми близлежащими угодьями, с которых удалось согнать местных. А грамота эта дана за ратную службу. Не будет службы — не будет и льгот.

Вывод напрашивается сам собой: найти способ сохранить, а в идеале увеличить боеспособность сотни. Порох, что ли, изобрести? Сомнительно. Даже не представляю, каким словом ЗДЕСЬ селитра называется, а если и увижу, то не узнаю — никогда не видел. Да и нет никакой уверенности, что при ЗДЕШНЕМ уровне технологий можно изготовить путный ствол. Ну и не лезьте, сэр, не в свою епархию. Ваше дело — люди, стимуляция их к тому или иному способу поведения, вот этим и занимайтесь!

Проблему кадрового дефицита можно решить только пополнением извне. Если это противоречит традициям, то... тем лучше! Будем пополнять не ратнинскую сотню, а личную дружину боярина Корнея! Сотня прекратит существование, но воинская сила останется! А привилегии, между прочим, действуют только для военных, остальным придется платить за охрану. Предприниматели, пожалуй, будут и не против, а обыватели... обывателей заставим! Заставить, кстати, можно и обитателей окрестных селений. Обложить всех данью и содержать на это воинскую силу. Феод? Разумеется, феод! А чего еще можно ожидать в двенадцатом веке? Феодализм, сэр. А должность командира становится не выборной и не назначаемой, а наследственной. Кем же в таком случае получается дед по европейским понятиям? Бароном? Нет, пожалуй, графом, потому что промежуточного уровня управления между дедом и первым лицом — князем — не будет. Земли, на которых мы живем, именуется Погорыньем — от названия реки Горыни. Корней Агеич Лисовин, граф Погорынский. Однако!

Что может этому помешать? В первую очередь консерватизм мышления. Дед может сам не захотеть уходить из Ратного. Как выманить? Учебный центр! Рано или поздно, если дело пойдет, ему в Ратном тесно станет. Человек двадцать — двадцать пять на дедовом подворье разместить можно, но занятия проводить будет уже негде, да и конюшню на двадцать пять голов не разместить. А нужно еще где-то хранить припасы, амуницию, свою кузницу иметь, лазарет, гауптвахту, наконец. Нет, уломаем деда!

Ну что ж, сэр, будем в графья выбиваться? А что, чай, не в дровах найденные!»

* * *

На Князьем погосте¹ пришлось задержаться. Во-первых, крестили музыкантов и Роську, во-вторых, погостный боярин Федор Алексеевич — давний дедов приятель — уломал-таки деда посидеть за чаркой, как в былые времена, мотивируя свое предложение необходимостью отпраздновать крестины, в-третьих, лошади нуждались в отдыхе.

На первый взгляд боярин Федор ничего особенного из себя не представлял — обычный бородастый мужик, среднего роста, «выше средней упитанности», русоволосый, как, впрочем, и большинство местных жителей, разве что одет побогаче да манеры имеет властные. Так на то и боярин. Однако веяло от Федора Алексеевича, несмотря на пузатость, волосатость и хамское обращение со слугами, чем-то таким, чего Мишке ЗДЕСЬ встречать еще не приходилось... интеллигентностью, что ли? Нет, скорее, интеллектуальностью, если можно так выразиться.

Было что-то такое во взгляде, в манере выслушивать ответы на, казалось бы, совершенно простые вопросы, в кратких, но емких и точных замечаниях в разговоре... В общем, погостный боярин, которого Мишка по пути в Туров видел лишь мельком, вызывал к себе интерес.

С дедом боярин Федор вел себя запанибрата — называл его Кирюхой, а дед, в свою очередь,

¹ Погост — место, где останавливался (гостил) князь во время поездок в полюдь для сбора дани. Великая княгиня Ольга превратила погост в административно-территориальную единицу, разделив землю на погосты — территории, с которых собирался определенный объем податей (урок). С распространением христианства слово «погост» стало обозначать и деревню с церковью и кладбищем. В названиях некоторых населенных пунктов слово «погост» сохраняется и по настоящее время. В XIX веке слово стало использоваться в значении «кладбище». Начиная со времен Ярослава Мудрого князья постепенно переставали сами ездить в полюдь, посылая за данью доверенных людей или, при необходимости, назначая своих «постоянных представителей на местах». Именно к таким представителям относится и погостный боярин Федор.

простецки именовал боярина Федькой. Чувствовалось, что были они очень давними и близкими друзьями, и с годами их взаимное благорасположение ничуть не уменьшилось.

Уставшие и намерзшиеся в дороге ребята быстро разомлели от сытной еды и чарки меда, поднесенной по поводу крестин. Некоторое время, пока дед красочно живописал своему старинному приятелю туровские приключения, они еще держались, но, когда разговор переключился на неинтересные для них темы, начали откровенно клевать носами.

Мишка же на еду, а особенно на мед, не налегал и, когда мать увела ребят спать, остался за столом, больно уж интересный разговор пошел у деда с погостным боярином.

— Ты смотри, как ловко Мономах своих сыновей рассадил, — вещал Федор. — Сунутся с запада ляхи или угры — на Волыни их Андрей Мономашич встретит, попробуют из Дикого Поля половцы набежать — в Переяславле Ярополк сидит. Опытный воин, не единожды уже поганым задницы драл. Надумают черниговцы на Киев идти — Юрий из Залесья им в спину ударит. Сунутся полоцкие князья — тут и Вячеслав в Турове, Ростислав в Смоленске. Да еще Мономах дочку Агафью за Всеволода Давыдовича Городненского² выдал. Не силен князь, но против полочан помочь сможет. Со всех сторон прикрылись.

— Больно у тебя, Федька, гладко все получается, — не соглашался дед. — Думаешь, Всеволод Городненский забыл, что его отца волынского княжения лишили и в Дорогобуже век доживать заставили? В том деле Мономах заводилой был!

— Ну и что? За дело Давыда покарали! За то, что князя Василька Теробовльского ослепил! Да и породнился Всеволод Давыдович с Мономахом — зятем стал.

— Родство княжым которам не помеха! — продолжал гнуть свое дед. — Дружок наш с тобой, Федя, Ярослав Святополчич, тоже в родстве с Мономахом был. Третья жена его Елена Мстиславна — внучка Мономаха. Однако выгнал ее Славка вместе с ребенком.

— Ага... — Боярин Федор вдруг пригорюнился и предложил: — Давай-ка, Кирюха, помянем Ярослава... Трое нас когда-то было, кто ж мог подумать, что так вот все выйдет...

Друзья выпили, не чокаясь, помолчали... Дед вздохнул и неожиданно улыбнулся.

— Золотые денечки были, Федька! Помнишь, как девкам в баню скоморошьего медведя запустили?

— Ха! — оживился Федор Алексеич. — А помнишь, как ты бабкой нарядился и боярина Гюряту на семь дней поноса сглазил? Его, бедолагу, целую неделю и несло, как утку! Весь Туров перерыли — колдунью искали.

— Ха-ха-ха! — подхватил дед. — Я же сам прилежнее всех и искал, даже чуть было не нашел!

Дальше воспоминания пошли валом, друзья, перебивая друг друга, вспоминали один случай за другим: пьянки, драки, розыгрыши, откровенное хулиганство, любовные приключения, снова драки...

«Ну почудили деды в молодости! А что? Лет по шестнадцать-семнадцать им тогда было, да еще в компании с княжичем. Близкими друзьями, похоже, были — Славкой называют. А дед-то словно помолодел: все стариковские ухватки куда-то подевались, знаменитое „кхе“ из речи исчезло, даже осанка изменилась — заметно, что в молодости орлом был. М-да, сэр, патриархальное общество с не отжившим еще менталитетом родоплеменного строя. Любой начальник неосознанно имитирует стариковское поведение. Еще недавно, да и сейчас еще во многих местах всем заправляют старейшины, а потому авторитет управленца обязательно должен подкрепляться невербальным рядом, характерным для пожилого мужчины: неторопливость (даже некоторая скованность) движений, рассеянный взгляд, специфическая мимика, покашливание, насмешливая язвительность по отношению к более молодым...»

— А помнишь, как с черниговскими купцами подрались? — продолжал между тем дед. — Ох и отметелили нас тогда! У меня вот с тех пор зуба и нет...

— А у меня с тех пор к непогоде копчик ноет... — жизнерадостно вторил Федор. — Да-а, а Славке тогда ребро сломали...

— Ага! — подхватил Корней. — А он им в отместку, когда они перед отъездом молебен заказали, попу в кадило навозу подсыпал! Как и исхитрился-то? Вонница была!

— А помнишь, Кирюха, как Славка тебя с Аграфеной ночью из города выводил? Головами ведь рисковали... А! — Федор махнул рукой, опрокинув что-то из посуды. — Молодые были, все нипочем!

² Название Городно позднее преобразовалось в Гродно. Так город называется и сейчас.

— Да... молодые... — Улыбка медленно сползла с дедова лица. — А теперь ни Ярослава, ни Аграфены моей...

Боярин Федор тоже посерьезнел и как-то робко спросил:

— Как же ты теперь, Кирюша? А ну как надумает новый князь туровский Славкиных братьев из Пинска выгонять? Тебе же с сотней идти придется...

— Лучше и не спрашивай, Федя. — Дед покрутил в пальцах моченое яблоко и вдруг сжал его в кулаке так, что сок брызнул в разные стороны. — Я уже за то Бога благодарю, что не пришлось мне два года назад на самого Ярослава сотню вести. Все понимаю... Ляхов и угров Славка на Русь привел, собственный город на щит взять собирался... Но, хочешь — верь, хочешь — не верь, Федя, радуюсь, что изувечили меня до того и в смерти Ярославовой даже малой доли моей вины нет. — Дед помолчал и с ожесточением добавил: — А еще радуюсь, что Аграфена не дожила и смерти брата своего не увидела, сотню ратнинскую на войну с ним не проводила...

В горнице повисла тишина, Мишка сжался за столом, стараясь сделаться маленьким и незаметным.

«Вот она, воинская служба: прикажут — и пойдешь воевать против собственной родни и друга юности. От хорошей жизни увечью не радуются... А дед ведь искренен, если б не ранение, пришлось бы ему вести сотню под Владимир-Волынский. Правда, тогда бы не угробили треть народа на той переправе, но что чувствовал бы и переживал дед... Похоронить жену и идти воевать против ее брата, который, не убоявшись отцовского гнева, помог в свое время сбежать влюбленным. Вот вам, сэр, Ромео и Джульетта „а-ля рюс“».

Боярин Федор, словно откликаясь на Мишкины мысли, подал голос:

— Кирюш, а ведь старший сын Славкин — Вячеслав Ярославич, что в Клёчке сидит... Он же вроде как племянник тебе?

— Эх, Федька! Да была б у меня не сотня задрипанная, а войско настоящее... Повышибал бы я Мономашичей и с Волыни, и из Турова да посадил бы Вячка на отцовский стол!

— Ты что, Кирюха? — Федор Алексеич испуганно замахал руками. — Окстись! Не дай бог, услышит кто да донесет! Тоже мне воевода великий! Князей он по столам рассаживать будет!

— Да не трясись ты, Федька! — Дед свысока глянул на приятеля и пьяно ухмыльнулся. — Сразу видно, что воинского дела ты не знаешь. Привык тут на погосте мешки да короба считать... — Мишке так и показалось, что дед сейчас добавит: «Крыса тыловая». — У меня в Ратном неполная сотня, в Пинске и Клёчке, наверно, и того меньше. Всей войны — что два раза чихнуть да один раз пернуть... А насчет доноса... Да если бы ты тут у себя доносчиков терпел, так давно бы из погостных бояр вылетел. Что я, не знаю, что ли?..

— Знает он... — ворчливо прогудел в бороду погостный боярин, отжимая намоченный в огу речном рассоле рукав рубахи. — На меня не донесут, а на кого другого...

— Да ладно тебе! — перебил дед. — Скажи-ка лучше, кто, по твоему разумению, на место Мономаха в Киеве сядет? В Турове разное болтают... По лествичному праву очередь на великое княжение у Ярослава Святославича Черниговского...

— Плюнь, Кирюха. Похерил Мономах лествичное право.

Федор Алексеевич как будто только сейчас заметил Мишку и, покосившись на него, вопросительно глянул на деда. Тот в ответ лишь равнодушно махнул ладонью: пусть, мол, сидит. Погостный боярин еще раз покосился на Корнеева внука, пожал плечами и продолжил:

— Помнишь, как семь лет назад наше войско за Дунай ходило?

— Чего ж тут помнить? — удивился дед. — Я и сам с сотней ходил. Добычи тогда набрали... До Царьграда совсем немного оставалось — и вдруг назад повернули.

— Вот-вот! — подхватил боярин Федор. — А почему повернули? — И, не дожидаясь дедовой реплики, сам же и ответил: — А потому, что император Комнин признал Мономаха равным себе. Царем признал!

— Значит, правда? А я думал: трепотня.

— А ты, Кирюха, не думай! Воинского дела я не знаю, — передразнил Федор деда. — Да, не знаю, зато кое-что другое знаю получше тебя! Так что слушай, Кирюха, и мотай на ус... И ты, Михайла... Усов у тебя пока нет... — Боярин обернулся к Мишке и ухмыльнулся. — Мотай на что найдется.

— Будет тебе, Федька! — Деду приятельская ухмылка явно не понравилась. — Если есть что, так выкладывай, нечего глумиться.

— Есть, Кирюшенька, еще как есть!

Федор Алексеич степенно расправил усы и, забыв, что сидит на лавке, откинулся назад, чуть не

упав, но удержался рукой за край столешницы. Дед хихикнул, а его приятель, разом утратив наставническую величавость, заговорил спокойно, даже немного грустно:

— Цареградская империя одряхла, кругом враги: половцы, турки, арабы, крестоносцы тоже, хоть и христиане. Внутри мятежи, заговоры. Законная династия пресеклась: после Мономахов трон незаконно захватили Диогены, их спихнули другие самозванцы — Комнины. Им, чтобы удержаться на троне, нужны две вещи: признание законными императорами и сильный союзник.

Владимир Мономах, потомок законной цареградской династии, правда по женской линии, сел в Киеве незаконно. Воинской силой и признанием киевского боярства. А тати, Кирюха, ты сам знаешь, имеют обыкновение в шайки сбиваться. Вот незаконные Комнины и сговорились с незаконным Мономахом. Он их признает и помогает, при нужде, воинской силой. Они его тоже признают, но не просто великим князем, а царем.

«Блин! Оказывается, в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году мы не в первый раз от самого Константинополя назад повернули! Политика, тудить ее...»

Кто царю наследует? Старший сын, и больше никто! — продолжал Федор Алексеич. — Все остальные князья становятся изгоями, все лишаются права когда-нибудь, в свою очередь, сесть на великий стол! — Погостный боярин навалился грудью на край стола и выкрикнул прямо в лицо деду: — ВСЕ! Есть царь, и есть его слуги, какого бы звания они ни были, хоть бы и князья! Ну что, Кирюха, согласятся остальные Рюриковичи на такое?

— С-сучий потрох... — прошипел дед. — Кровью умоемся...

— Не сразу, Кирюша, не сразу. На киевский великий стол после Мономаха сядет, как и положено старшему царевичу, Мстислав Владимирович Белгородский. Мономах его специально из Новгорода в Белгород пересадил — к власти приучает. Мстислав уже сейчас в Киеве времени больше проводит, чем в Белгороде. Помешать этому никто не сможет. Я тебе не зря рассказывал, как Мономах своих сыновей по княжествам рассадил. Они спина к спине вокруг Киева встали со всех сторон, кроме Чернигова.

— Но там же как раз Ярослав Святославич, — прервал дед, — его очередь на великое княжение...

— Его очередь, да не его сила! — недослушал возражения Федор. — Он не воин. Когда еще на муромско-рязанском княжении сидел, даже с дикой мордвой управиться не мог. Будет тихо сидеть в Чернигове и радоваться, что обратно в Муром не гонят!

— М-да, пожалуй, что и так... — согласно покачал головой дед. — А другие братья Мстиславу не подгадят?

— Пока нет. Во-первых, им важно киевское княжение за родом Мономашичей удержать. Во-вторых, у Мстислава за спиной Новгород. Он там сызмальства жил, его новгородцы любят и знают. Когда Святополк Изяславич дружка нашего Славку хотел в Новгород посадить, а Мстислава на Волынь, новгородцы бучу подняли и не отпустили Мстислава — поперек воли великого князя пошли! Понимаешь, Кирюха?

— Чего ж тут не понять? — С деда, так же как и с его приятеля, заметно сошел хмель, выглядел он серьезным и сосредоточенным. — Не первый раз киевский великий стол новгородскими мечами берется. Так и Владимир Святой великим князем стал, и Ярослав Мудрый...

— Так и Мстислав станет! Даже и не мечами новгородскими, а только угрозой их, — добавил Федор. — Не первый раз, это ты верно сказал, но в последний!

— В последний?

— Да, Кирюша. Новгород медленно, но верно от Киева отходит. Мстислав в Новгороде своего сына Всеволода вместо себя оставил, а тот, дурень, с новгородцами не ужился. Довел до того, что новгородские бояре к Мономаху с жалобой в Киев приехали. А Мономах с ними сурово поступил — те из бояр, кто крест на верность целовать отказался, в порубах³ киевских сгнили. Одного только боярина Ставра жена Забава выручить сумела.

— Слышал я эту сказку! — Дед скептически скривил лицо, отчего его и без того страшный шрам стал выглядеть и совсем уж жутко. — Брехня, не могло такого быть!

— Ну почему же брехня? Могла баба мужиком переодеться? Могла! Могла на скачках выиграть? Могла! Был бы конь резвый...

— Могла, могла... — согласно закивал дед, — а вот победить в поединке ратника из ближней

³ Поруб — подземная тюрьма. Деревянный сруб, опущенный в яму. Сверху накрывался настилом и засыпался землей так, что оставалось лишь небольшое окошко для подачи воды и пищи.

княжьей дружины, да еще не одного, — ни в жизнь!

— Кирюш, бабы разные бывают. А в Новгороде, если не знаешь, суд и бабам поле⁴ присуждают. В доспехе и с острым оружием!

— Все равно! — Дед пристукнул кулаком по столу. — У меня в Ратном тоже одна такая есть. Аленой зовут. Здоровая — слов нет! Однажды корову из навозной ямы за задние ноги вытащила! Из лука бьет — хоть сейчас в строй ставь! Кулаками машет — лучше не подходи, насмерть уложить может. Однако же в настоящем поединке даже я, на одной ноге, ее одолею. Воин есть воин, а в ближней дружине великого князя слабаков нет.

— Но мужа-то она выручила!

— Да ублажила Мономаха по-бабьи, и весь сказ! Такую лихую бабу любому мужику... Гм... — Дед покосился на Мишку. — Лестно...

— Да, это верно... — Федор мечтательно завел глаза и посветлел лицом, видимо вспомнив что-то приятное. — Лихие бабы, они... — Боярин, так же как только что дед, покосился на Мишку и примолк.

«А сказка-то, если помните, сэр Майкл, до третьего тысячелетия дожила. Про Забаву Путьяичну, победившую князя Владимира Красно Солнышко в конных состязаниях, побившую в поединке несколько дружинников зараз и перепившую на пиру самых крутых выпивох. Только вот „Владимир Красно Солнышко“ — собирательный образ Владимира Мономаха и его прадеда — Владимира Святославича Святого, крестившего Русь. Эх, такую легенду лорд Корней опошил!»

— Не сходится у тебя, Федька! — прервал Мишкины размышления дед. — То ты говоришь, что новгородцы за Мстислава горой стоять будут, то — что против сына его взбунтовались и наказание претерпели. Не сходится.

— Невнимательно слушаешь, Кирюха, я сказал: если не мечами новгородскими, то их угрозой. Ярослав Мудрый тоже с новгородцами разругался, но, когда понадобилось, сумел помириться. Мстислав не дурнее прадеда своего, даст Новгороду какие-нибудь льготы, еще чем-то ублажит... Он в Новгороде почти всю жизнь прожил, знает, чем новгородцев удовлетворить. Поэтому угроза есть, и никто из князей рисковать не решится — судьбу Святополка Окаянного повторять никому не охота.

— Тогда опять не сходится! — гнул свое дед. — По твоим словам, все мирно должно пройти, а ты сам про кровь говорил!

— И опять ты меня невнимательно слушал! Стареешь, Кирюша, стареешь...

— Сам больно молодой. — Дед обиженно надулся, но было видно, что не всерьез. — Давай уж объясняй, «Федька Премудрый».

— Я согласился с тобой, что кровь будет, но сказал: не сразу. Первая кровь будет привычной. Половцы после смерти Мономаха обязательно воспрянут и нового великого князя на прочность попробуют. Но Мстислав с братьями их быстро в разум приведут, не впервой. Вторая кровь... — Боярин Федор немного помолчал, барабанил пальцами по столу и что-то прикидывая про себя. — Вторая кровь будет чуть позже — в Полоцком княжестве. Если уж Мономашичи решатся всю Русь под себя нагибать, то начнут с Полоцка. Эту язву и правда надо с корнем выжигать, мира у Киева с Полоцком уже никогда не будет. К тому же у Мономашичей своих сыновей взрослых полно, а тут целое княжество освободится, будет куда детишек пристроить. В общем, Кирюха, все полоцкие князья (сколько их там, пятеро, что ли?) повторят судьбу Всеслава Полоцкого и Глеба Минского — либо в поле полягут, либо в киевских порубах сгниют.

— Гм... Сурово мыслишь, Федор...

— Кирюш, ты что, и впрямь стариком стал? Не понимаешь?

— Да все я понимаю, Федька! — Дед досадливо поморщился. — Война рядом с племяшом моим пройдет — Славкиным сыном. Не дай бог, полоцкие князья его на свою сторону перетянут, Мономашичей-то ему любить не за что.

— Ну и как спасать будем Вячка?

— Придумаем... Время еще есть. — Дед вопросительно глянул на друга. — Есть ведь, Федя?

— Ну... — Федор поколебался. — Пока с половцами разберутся, пока другие неурядицы утрясут... Года два, Кирюша. Думаю, что года два у нас есть.

— Вот и ладно. Мы с тобой не старые еще, два года, бог даст, проживем. А там вон и Михайла в силу входить начнет... Да в конце-то концов! — вдруг обозлился дед. — Свой-то ум у Вячеслава

⁴ Поле — судебный поединок, «божий суд», победитель в котором безоговорочно признавался правым и свободным от любых обвинений.

должен быть, моим же сыновьям почти ровесник! Жизнь повидал, при угорском и ляшском королях покрутился... Не дите!

«Злится лорд Корней! Верный признак: не знает, что делать. А что тут сделаешь? Мономашичи старшего сына Ярослава Святополчича не могут во врагах не числить. Найдут повод и кокнут. А дед себя считает обязанным его защитить, да и Федор Алексеич, похоже, так же мыслит. М-да, дело долга и чести. Вправимся так, что костей не соберем, Мономашичи цацкаться не станут, прихлопнут, как мух. Взять бы и найти Вячеславу Ярославичу новое княжество, а дед при нем воеводой, а Федор — главой боярской думы... Бред собачий!»

— Давай дальше, Федя, чую, что про главную кровь ты еще и не начинал. Так?

— Так, Кирюша... А может, по чарочке сначала?

— Наливай. Михайла, тебе спать не пора ли?

— Деда! Мне же через два года шестнадцать будет! Вы как раз про те времена говорите, когда мне службу начинать. Дозволь остаться! Федор Алексеич! — Мишка умоляюще глянул на хозяина дома. — Ну где я еще такое услышу? Дозволь еще с вами посидеть, я же не мешаю!

— Ну что, Федя, пусть остается? Ладно, сиди слушай, мотай на у... На что ты там мотаешь?

— На... — Мишка с трудом сдержал лезущее наружу слово. — На палец мотаю, деда.

— Это ты зря! — Боярин Федор хихикнул и подмигнул деду. — Руки у воина должны быть свободны, на другое место мотать надо!

— Там уже не помещается! — Мишка все же не удержался. — Не дорос еще до ваших статей!

Га-га-га! Корней с Федором дружно загоготали, потом с удовольствием опрокинули чарки и принялись закусывать.

«Ну что за мужики! Только что о смертельных, без преувеличения, делах говорили, а теперь ржут, как жеребцы. Привыкли всю жизнь по краю ходить, а в перерывах оттягиваться... Федор, конечно, прибедняется, что не воин. Попробуй столько лет сидеть в глухомани, дань с язычников собирать и живым остаться. Но берет явно не силой — на погосте всего-то десятка три ратников, и из них половина — князьи, а половина — боярская дружина самого Федора. Умен, слов нет, умен. То-то у него деревеньки и тут есть, и на восточном берегу Случи. А семьи нет, ни жены, ни детей. Что-то не так, надо бы деда потом выспросить или мать».

— Давай, Федюша, вещай далее, но помни: тебя будущий сотник слушает и... хе-хе, куда надо мотает!

— Думаешь, станет сотником? — Федор Алексеич испытующе оглядел Мишку. — Хватит шулушки?

— А куда он денется? Если не станет, пусть на том свете мне на глаза не показывается! Выпюрю!!! А ты, Михайла, слушай и мотай... Тьфу, привязалось! Давай-ка, Федя, еще по одной!

«И как вам, сэр Майкл, перспектива стать сотником? Мало! Не знаю почему, не знаю для чего, но мало! Спинным мозгом чую: больше надо! Пять сотен, десять... Сто! ЗДЕСЬ это тьмой называется. Не хочу, как дед, в майорах обретаться, хочу быть корпусным генералом! А Владычицей Морскою не желаете, сэр? И чтобы золотая рыбка на посылках?»

Стоп! Откуда это все лезет? То желание командовать десятитысячным корпусом, то новое княжество для дедова племянника... между прочим, моего двоюродного дядьки. Подсознание что-то пытается подсказать? Или просто дурь? Подождем, если подспудно вызревает какая-то идея, то со временем вылезет более отчетливо, а если дурь, то забудется. Федор уже, кажется, к самому интересному перешел, слушайте, сэр, и мотайте... Блин, да что ж такое-то?»

— Когда это все закрутится, я, Кирюша, сказать пока не могу. — Федор говорил раздумчиво, тщательно подбирая слова. — И никто пока не может. Мстислав немолод — полсотни вот-вот сравняется. Сколько он еще проживет? Как отец — до семидесяти двух? Если так, то часть братьев — а может, и все — не так, так эдак в мир иной перейдут. Тогда посадить после себя наследником старшего сына у него может получиться. Тут, Кирюша, время важно. Целое поколение (а лучше два) должно вырасти при Мономаховом роду на киевском великокняжеском столе. Чтобы казалось, что иначе и быть не может, чтобы иного и помыслить не могли. Если проживет Мстислав еще лет двадцать, так и будет. Сыновья подрастут, осильнеют. Снова, как нынешние Мономашичи, спина к спине вокруг Киева встанут. Мономах еще не царь, и Мстислав царем не будет, а вот если Всеволод Мстиславич Новгородский от отца киевский стол примет, тогда будет у нас царь и царство. Единое, сильное, способное не только от врагов оборониться, но рубежи раздвинуть.

Федор Алексеевич помолчал, передвинул туда-сюда по столу чарку, вздохнул и продолжил:

— Только не верится мне, Кирюша, в такое благолепие. Так и знай: проживет Мстислав меньше десяти лет, и не видать нам с тобой тогда спокойной старости. Всеволод Новгородский слаб, против

дядьев не устоит. Я тебе не зря сказал, что Мстислав Мономахич последний из князей, кто новгородской силой на киевский стол садится. Сам Мономах пришел в Киев из Переяславля — с границы Дикого Поля. С сильным войском и славой защитника Русской земли.

Сила и слава, Кирюша, — вот ключ от Киева, а не лествичное право и прочие уставы, ряды и уложения. Власть не дают, власть берут! Не доживет Мстислав до шестидесяти, придет третья кровь — самая большая и страшная! Первым на киевский стол взберется Ярополк Переяславльский. Спросишь: почему? Войско! Войско, которое все время в готовности, которое что ни год, то воюет, которое постоянно пополняется удальцами, не желающими дома сидеть, а готовыми головой рискнуть ради славы и добычи.

Надо ли объяснять, что дружины и ополчения других князей против него ничто? Но на всю Русь его силы, конечно, не хватит, и братья начнут дележ земли. Вот тогда-то... Так что, Кирюша, на спокойную старость не рассчитывай. Копи силу, воспитывай вот их, — Федор хлопнул Мишку по плечу так, что тот чуть не слетел с лавки, — и молись, чтобы племяш твой Вячеслав Ярославич Клещкий дожил до того смутного времени, когда возможным станет все!

* * *

На очередной дневке Мишка вспомнил о том, что собирался расспросить мать о боярине Федоре. Время было как раз подходящим — Анна Павловна, пристроившись у костра, над которым висел котел, крошила на разделочной доске солонину. Мишка присел на бревно рядом с матерью и спросил:

— Мам, а чего это у Федора Алексеича ни жены, ни детей? И живет он один в глухомани, а ведь заметно, что не глуп и образован.

— Еще бы незаметно было! — отозвалась мать. — Он когда-то при великом князе Святополке Изяславиче большим человеком был — в посольских боярах ходил. Сам послом, правда, не разу не был — в возраст почтенный не вошел, но советником при послах ездил много раз.

Только вот не повезло ему в жизни. — Мать сочувствующе вздохнула. — Умный он, добрый, когда-то весельчаком был. Первый раз женился... — Мать поколебалась, но, видимо, все же решила не кривить душой. — Первый раз он женился, как говорили, не по любви — из выгоды. В жены себе взял дочь ближнего боярина великокняжеского. Видать, Бог его за это и наказал. Чуть больше года прожили, и жена его умерла во время родов. И ребеночка лекари тоже спасти не смогли.

Прошло сколько-то лет, года три, наверно, и поехал Федор Алексеич с посольством к ляхам. Дружок его князь Ярослав Святополчич на дочери короля Болеслава жениться надумал. Ну сватовство, да еще королевское... Пьянки-гулянки, пиры, охоты... Пригласилась боярину Федору одна паненка, Кристиной звали — дочка кого-то из ближников князя Мазовецкого. И он, говорили, ей по сердцу пришелся. В другой раз поехал Федор Алексеич в Краков — невесту к жениху везти, а на обратном пути остановились у князя Мазовецкого в замке. Тут Федор возьми да и посватайся к Кристине.

Отец ее, не упомню уже, как его звали, ни да, ни нет не сказал, но обнадежил. Видать, хотел сначала вызнать как следует все про будущего зятя. Ну отгуляли свадьбу, Ярослав Святополчич с молодой женой зажил, а Федор все мается. В конце концов попросил Федор князя Ярослава помочь в сватовстве, а для начала послать его с каким-нибудь поручением к князю Мазовецкому: очень уж ему Кристину повидать хотелось.

Ну для дружка старинного князь Ярослав расстарался. Отправил с боярином Федором грамоту, а в ней попросил князя Мазовецкого похлопотать об удаче в сватовстве.

Мол, боярин Федор Алексеич мой друг старинный, человек достойный, у самого великого князя в чести. Федор по дороге Кристину навестил, и такая у них любовь сделалась, что уговорились сбежать вместе, если отец на женитьбу не благословит. Но оказалось, что зря сговаривались, князь Мазовецкий как грамоту Ярославову прочел, так сразу и велел свадебные подарки готовить. «Я сам, — говорит, — сватом у тебя буду, мне не откажут!»

Федор, конечно, рад-радешенек, единым духом слетал в Киев, получил благословение у родителей — они еще живы были тогда — и обратно в Мазовию. Весна, распутица, реки разлились, чуть не утонул по дороге, но разве мужчину в таком деле удержишь? Приехал, а подарки подносить и некому! Вместо усадьбы отца Кристины только стены закопченные — пруссы перед самой ростепелью набег на Мазовию учинили. Рассчитали, поганцы, что по половодью за ними никто в погоню не пойдет.

Федор Алексеич — к князю Мазовецкому, тот утешил: трупы Кристины на развалинах не на-

шли, значит, жива — в полон увели. Погоди, говорит, реки в берега вернуться, пошлю дружину в Пруссию, глядишь, и невесту твою отыщем. Ну Федор на месте, конечно, усидеть не смог, поехал к князю Ярославу во Владимир-Волынский. Тот другу посочувствовал, дал три сотни латных для похода на пруссов. Ратнинская сотня тоже пошла, не мог Корней Агеич друга в беде бросить.

Лето в тот год рано началось, жара, сушь, ратники в доспехах так упревали, что, бывало, без памяти с коней валились, один Федор как железный, не ест и не спит. Как какого прусса живым возьмут, сам пытал страшно, все дознавался, где нужно его невесту искать. Нашли все-таки на одном хуторе. Батюшка Корней рассказывал, что поверить не мог, будто красавицей была: худая, страшная, в волосах седые пряди, это в шестнадцать-то лет! А на шее полоса синяя и кожа ободрана — руки на себя наложить пыталась, да не дали, успели из петли вынуть.

Казалось бы, все хорошо кончилось, как в сказке — витязь суженую отыскал, от ворогов освободил, теперь честным пирком — да за свадебку... — Мать примолкла и утерла тыльной стороной ладони скатившуюся по щеке слезу. То ли так переживала свой собственный рассказ, то ли как раз резала лук. — Только ты, Мишаня, сказкам не очень-то верь.

Мишка даже вздрогнул оттого, как разительно изменился на последней фразе голос матери. До этого она, словно и вправду рассказывала сказку, говорила слегка нараспев, вплетая в свою речь характерные для сказочников словесные обороты. Последние же слова были сказаны зло, с каким-то особым ожесточением.

— В сказках, сынок, ничего не говорится о том, что полонянки, по многу раз насильованные, битые, униженные, за месяц из девиц в старух превращаются. И о том, что, даже сохранив рассудок, невеста после всего этого в женихе такого же кобеля, какие над ней измывались, видит, сказочники тоже помалкивают.

Короче, в монастырь она уйти решила. Как Федор ни уговаривал, как ни пытался о любви их напомнить... Там еще, как на беду, поп латинский с дружиной мазовецкой был. Все страдал, что самоубийство, хоть и неудавшееся, грех великий. И лях один. Упился, дурак, прусского пива да и ляпнул, что русичи, мол, неразборчивы — готовы из-под кучи чужих мужиков подстилку замуж взять. Федор его даже на поединок вызывать не стал, так, голыми руками, шею свернул.

«Стоп, стоп, стоп, сэр! Что-то маман понесло, такие вещи пацану рассказывать... Может быть, лучше как-то закруглить разговор? Сама же потом жалеть будет».

Мать между тем все с таким же ожесточением продолжала:

— В общем, ушли ляхи, и поп Кристину увез. Ему-то выгода — других наследников у отца Кристины не осталось, значит, все имущество и земли Церкви отойдут. Федор потом говорил, что это ему наказание Божье за то, что первый раз из выгоды женился, а Кристине о первом браке ни словом не обмолвился.

Ушли ляхи, остался Корней воеводой над четырьмя сотнями латников, и поехало. Начали с того, что Федор хозяина хутора, где Кристину нашли, живым гвоздями к дереву около муравейника приколотил. Пока пиво допивали, в дорогу собирались да хутор жгли, всё слушали, как тот прусс, заживо съедаемый, диким голосом орет.

А потом... Два городища прусских начисто выжгли, а сколько деревенок да хуторов — бог весть. Что с людьми творили — Корней по сию пору поминать стесняется. В конце концов доигрались — попали в лесной пожар. То ли их собственный огонь догнал, то ли пруссы сами лес подожгли, чтобы их зверство прекратить, да только еле выбрались. Полон, добычу — всё бросили, некоторые даже заводных коней потеряли.

Домой вернулись — звери зверьми, а тут еще засуха, неурожай. Сколько баб в то лето в синяках от мужниных кулаков ходили, почитай, всё Ратное. Батюшка твой Фрол Корнейч, покойник, тоже не раз приложился...

«Ни хрена себе, сэр Майкл, это что же такое ваш либер фатер откаблучил, что мать до сих пор простить не может? Дела-а... Пора заканчивать беседу, а то еще чего-нибудь такого наслушаюсь...»

Мишка попытался подняться с бревна, но мать придержала его рукой:

— Сиди уж! Начали, так до конца расскажу.

— Может, потом как-нибудь? — осторожно возразил Мишка.

— Сиди слушай! Давно пора было рассказать, да все случая не было. Дед-то обязательно до последнего дня дотянул бы.

«Сурпрайз, сэр! Оказывается, мне это все зачем-то знать положено! Интересно, зачем?»

— Уехал боярин Федор в Киев. Лет через пять-шесть женился во второй раз, опять на боярышне из знатного рода, снова стал при посольствах службу править. Разбогател изрядно, князем вели-

ким отмечен был не раз. В Царьграде чем-то так отличился, что золотой шейной гривной пожалован был и землями. Друга не забывал — после смерти сотника Агея помог деду сотником сделаться, хотя тот и сам управился бы, но все равно.

И с семьей все ладно получалось. Лет десять жили душа в душу. Он со своей Евдокии пылинки сдувал, на руках носил — всю любовь, что первых двум женщинам недодал, на нее изливал. Детишек троих нажили — двоих мальчишек и младшую девочку. Катериной назвали.

Мать помолчала, помешивая булькающую в котле кашу.

— Казалось бы, живи и радуйся. Только Господь наш, который есть Любовь, — мать саркастически скривила губы, — если уж взялся карать, то удержи не знает.

У Мишки от дурного предчувствия даже похолодело в животе.

— Сначала, — продолжала мать, — умер благодетель Федора — великий князь Святополк Изяславич. Пришел в Киев Мономах, и отец Евдокии в опалу попал, хотя Федора это не очень коснулось. А потом... На святки повез боярин Федор семью кататься. Сам верхом, а семья в санях. Разогнались по днепровскому льду, возница свистит, детишки визжат, Евдокия улыбается. Такими их Федор и запомнил. Полынью на Днепре тонким ледком затянуло да снежком запорошило, если не приглядываться, то и не заметишь. Конь туда со всего маху и влетел. Сам сразу с головой под лед ушел и сани с собой втащил. Как Евдокия успела полуторагодовалую Катерину на лед выбросить, даже и Федор сам понять не смог, а остальные все сгнули.

И запил Федор. Сначала понемногу, а потом, как с княжьей службы погнали... Да и кому он нужен-то такой? От прежнего великого князя остался — чужой, пьяница — дело доверить нельзя, хозяйство запустил, земли, князем Святополком пожалованные, так и не обустроил... На дочку и глядеть не хотел, все повторял, что если бы не она, так Евдокия спастись могла бы. Отправил Катерину к сестре Евдокии в Треполь.

Кто Корнею рассказал, что с другом такая беда приключилась, не знаю, да только съездил он в Киев и привез Федора к нам в Ратное. Тебе еще четырех лет не было, ты не помнишь.

Мишка не помнил вообще ничего из того, что происходило до «вселения», даже отца, но молча кивнул, вроде что-то смутно припоминая. Мать, впрочем, не обратила на это никакого внимания и продолжала свой рассказ:

— Сотворил отец Михаил истинное чудо. Как уж это у него вышло, не знаю, месяца три с Федором возился, сам чуть Богу душу не отдал, но привел-таки боярина в разум. Единственное, чего добиться не смог, того, чтобы Федор к дочери вернулся, видно, слишком сильно напоминала Катерина ему о погибшей жене. В то время и сделал князь Ярослав Святополчич своим друзьям последний подарок. То ли предчувствовал беду, которая с ним случиться должна, то ли просто помочь хотел... Отцовской великокняжеской печатью скрепил он две грамоты: одну — Федору на погостное боярство, вторую — Корнею на боярское достоинство и Погорыньское воеводство.

Федор подарок принял, так и правит с тех пор на Князьем погосте, а дед твой отказался, мол, если сам Святополк Изяславич его одарить не пожелал, то поддельного воеводства ему не нужно. Гордый!

Последнее слово мать произнесла так, словно плюнула, и надолго умолкла. Мишка решил уже было, что все, опять начал подниматься с бревна, но мать снова удержала его:

— Погоди, самого главного я тебе не сказала. Катерина и сейчас у тетки — боярыни Ирины — в Треполе живет. Она моложе тебя чуть меньше, чем на два года. Так что годика через три готовься жениться, Корней с Федором вас с Катериной у ее колыбели обручили, породниться им, видишь ли, захотелось!

— Что?!!

От подобной новости Мишка чуть не сверзился с бревна, на котором сидел.

«Ни хрена себе! Я, выходит, уже обручен! Без меня меня женили, туды их поперек! И молчат! А Юлька? Да не нужна мне никакая Катерина, знать не знаю и видеть не хочу! И вообще, может, крокодил какой-нибудь... Во влип! Чего ж делать-то теперь? А что тут сделаешь? Дед от своего слова не отступится... Треполь, Треполь... Кажется, это южнее Киева, может, половцы налетят и свадьба расстроится за наличием отсутствия невесты? Господи, что за мысли...»

Потрясение было слишком сильным. Первой мыслью была Юлька, потом злость на деда, потом Мишка понял, что мгновенно утратил возникшую было симпатию к боярину Федору. Только потом до него дошло, что мать явно не одобряет дедовых планов.

— Мам, — тихонько спросил Мишка, — тебе вроде бы это обручение не по нутру?

— А тебе? — вопросом на вопрос ответила мать.

— Да на кой мне эта Катерина? У черта на рогах — в Треполе! Да и вообще... — Мишка зап-

нулся, сказать по поводу «вообще» можно было многое, но, во-первых, это все и было «вообще», одни эмоции без конкретики, а во-вторых, мать и так его прекрасно поняла. — А чего ж ты тогда со- глашалась-то?

— А кто меня спрашивал? — Мать невесело усмехнулась. — Когда Фрол с отцом к Федору на крестины ехать собирались, об этом и речи не было, а когда вернулись из Киева, поздно было — обручальное кольцо твое привезли.

— Чего ж раньше-то молчали?

— У деда спрашивай...

«Ага, у него спросишь... Впрочем, сэр, важнее сейчас не то, почему молчали, а то, почему это всплыло именно сейчас? И что же по этому поводу можно предположить? Блин! Да ларчик-то просто открывается! Мать окунулась в столичную жизнь, покрутилась среди подруг детства, а некоторые из них оказались даже и боярыни, наверняка выслушала не один комплимент по поводу своего сына, особенно после того, как князь с нами ласково обошелся. Боярыни, положение чьих мужей пошатнулось с приходом нового князя и имеющие дочерей подходящего возраста, вполне могли положить глаз на „перспективного“ парня. Тут-то мать и вспомнила про то давнишнее обручение, о котором, может быть, и думать забыла за давностью лет.

А намеки от подружек детства могли последовать очень привлекательные, вот мать и заело. Это, кстати сказать, объясняет и злость матери по поводу дедова отказа от боярства и воеводства — одно дело хоть и перспективный, но худородный жених, и совсем другое — боярич и воеводич! Тут ведь дело не только во мне одном, старшие же сестры в возраст невест входят, будь они боярышнями, можно в Турове...»

— Анюта!!! — прервал Мишкины размышления крик деда. — Куда смотришь?! Каша подготавливает!

— И так сожрете, не подавитесь! — зло огрызнулась мать и, резко поднявшись с бревна, на котором сидела рядом с Мишкой, пошла куда-то в сторону кустов.

* * *

Седьмой день пути. От Княжьего погоста до Ратного, если по хорошей дороге да налегке, — полтора дня. Но сани тяжелые, лошади подустали, да и дорога... Никуда, кроме Ратного и Нинеиной веси, она не вела, значит, ездили по ней мало, а весеннее солнышко поторапливало: того и гляди, окажешься посреди леса в непролазной каше талого снега.

Кроме того, дед явно чего-то опасался. Игрушки в «Младшую стражу» как-то сразу переросли в совершенно серьезное дело: дед сам проверял по ночам посты, вытащил из саней копьё — свое и Немого, — то и дело заставлял санный поезд останавливаться и вдвоем с Немым уезжал вперед, проверяя подозрительные места. Все ехали в кольчугах. Брони не хватило только Меркурию: четыре трофейных доспеха из скоморошьего фургона пришлось делить на пятерых — Роську и четырех музыкантов. Меркурий отговорился своей, уже ставшей привычной, фразой: «Ребяток жалко, я-то как-нибудь выкручусь».

То, что дед беспокоится не напрасно, вскоре подтвердилось весьма наглядным образом: на опушке леса обнаружили следы нескольких конных. Судя по следам, четверо верховых выехали к дороге, некоторое время постояли, а потом снова вернулись в чашу. Немой немного проехал по их следам и вернулся с неутешительной вестью: всадники повернули в сторону Ратного. Почему они двинулись не по дороге, оставалось только гадать, но ничего хорошего подобное обстоятельство не сулило.

«Шесть саней, восемь лошадей, двенадцать человек. Из двенадцати только пять вооружены, но трое из них — мальчишки. Расклад еще тот. Но как дед догадался?»

— Деда, ты как догадался, что за нами следят? — улучив подходящий момент, поинтересовался Мишка.

— Рожу одну знакомую на погосте заметил, и очень мне эта рожа не понравилась... — Дед поморщился, отчего его жуткий шрам шевельнулся, как живое существо, зрелище, даже для привычного к дедову уродству Мишки, оказалось жутковатым. — Вот что, Михайла, если что заметишь, сразу стреляй: своих здесь быть не может. Понял?

— Понял, деда. И сани в круг?

— Если успеем... нет, не успеем, даже не пробуй. Луки у них, скорее всего, будут слабые — лесные однодеревки. Из такого бронию не всегда и пробьешь. Если что, ты сразу из саней вываливайся, прячься за поклажу и высывайся осторожно, они в лицо метить будут.

— Из самострела можно и лежа стрелять, а им в полный рост стоять придется!

— Заряжать все равно стоя будешь, — охладил Мишкину уверенность дед, — и на один твой выстрел они десятком ответят, если не больше.

Сотник был серьезен и деловит. Очень серьезен. Его можно было понять: вдвоем с Немым (самострелы ребят он явно серьезной силой не считал) предстояло оборонять обоз от неизвестного количества врагов. Мишка все же решился спросить:

— Кто они?

— Родичи тетки Татьяны из Куньего городища.

— Что, до сих пор не простили?

— И не простят. Надо было мне туда с сотней наведаться, да не стал — все-таки родичи. — Дед снова поморщился. — А зря, видать...

— Деда, лишних бы в скомороший воз загнать, чтоб на виду не были... — внес конструктивное предложение Мишка.

— Уже загнал. Так ты посматривай. И своей головой соображай, мне некогда будет... старшина.

— Считай, что учеба началась — караван защищать будем!

— Тьфу! Все тебе шуточки! Посматривай, говорю!

«Кунье городище». Раньше дед такого и не упоминал, а остальные говорили: «Татьянина деревня». Если городище, то это поселение древнее. В таких славянские роды жили с тех времен, когда пришли на эти земли. Интересно: почему «Кунье»? Может быть, куница у них тотемным животным была? О ерунде думаете, сэр, есть вещи поважнее. Например, то, что лесные жители мастерски умеют устраивать засады. Странно, что они нам свои следы показали. Или специально хотели поугасть?

Едет караван, а его выслеживают туземцы — натуральный вестерн, только вот кольтов и винчестеров нету. Даже кремниевого или фитильного самопала нет ни одного.

Как нас будут брать? Повалят дерево на дорогу? Незачем. Сани у нас тяжелые, а они верхом, догонят без проблем. Луки у них слабые. Да в лесу дальнобойный и не требуется, значит, постараются бить с близкого расстояния, а следовательно, наибольшая опасность там, где лес близко подходит к дороге».

Мишка набрал в грудь воздуха и крикнул:

— Роська!!! Подойди!!!

— Иду!!! — раздался ответ откуда-то из середины каравана.

Придерживать Рыжуху Мишка не стал, сани и так тянулись со скоростью пешехода. Роська подбежал, поддерживая руками слишком длинную для него кольчугу, плюхнулся рядом с Мишкой, посмотрел преданными глазами.

В Князьем погосте его окрестили вместе с музыкантами. Роська, как выяснилось, и сам не знал, какого он вероисповедания. Возможно, в младенчестве и был окрещен, но родителей и дома своего не помнил. На ляхскую ладью, которую захватил в абордажном бою лихой купец Никифор, его продали, а до того продали еще раз или два, сам он сказать затруднялся.

Мишка, нахально глядя в глаза священнику, заявил, что желает по примеру первохристиан освободить своего раба, обращенного в истинную веру, а чтобы и памяти о рабстве не осталось, сменить ему имя. Символа веры Роська, естественно, не знал, но священник ради такого дела благосклонно не обращал внимания на то, что Мишка подсказывает своему крестнику нужные слова. Так и стал Роська Василием. На напутственные слова священника о том, что, не имея иной родни, должен раб Божий Василий почитать Михаила как отца родного, Роська отреагировал неожиданно бурно: разрыдался и кинулся Мишке в ноги. В принципе его можно было понять: обрести семью после всех приключений, которые ему довелось пережить... Мишка даже как-то иначе начал вспоминать Ходюка, в сущности воспитавшего из Роськи вполне приличного парня, а не тупого холопа, но по-собачьи преданные глаза Роськи прямо-таки вгоняли его в краску.

— Слушай меня внимательно, — начал Мишка, по-прежнему не глядя Роське-Ваське в глаза, а вроде бы бдительно оглядывая окружающую местность. — Сейчас пойдешь вдоль саней и передашь всем возницам то, что я тебе скажу. На нас могут напасть, скорее всего, в том месте, где лес будет близко подходить к дороге. Луки у лесовиков слабые, доспех могут не пробить, поэтому надо беречь лицо, стрелять они умеют, да и расстояние будет небольшим. Я смотрю вперед. Кто на вторых санях?

— Петька.

— Он пусть смотрит влево. Кто на третьих?

— Матвей.

— Он пусть смотрит вправо. Кто на четвертых?

— Четвертый — скомороший воз. Там Кузьма.

— Он пусть смотрит опять влево. Кто на пятых?

— Митька.

— Он пусть смотрит вправо. На последних санях Демка, смени его... кто там остался?

— Артюха.

— Вот пусть Артюха правит, а Демка пускай залезает с самострелом на поклажу и смотрит назад. Сигнал опасности — свист. Если опасность справа — один раз. Если слева — два. Как только слышите свист, останавливаетесь и прячетесь за поклажей. В возу у нас мать и Меркуха. Сядешь к ним третьим так, чтобы удобно было размахнуться кистенем. Как только какая-нибудь рожа под полог сунется, сразу бей! Все понятно?

— Все, только Корней Агеич уже это говорил, кроме кистеня.

— В таком деле повтор лишним не бывает. Ступай.

«Дед говорил, что долго в напряжении находиться нельзя, а как тут не напрягаться, если лес все время рядом? Снегу там, конечно, по пояс, быстро не выскочат, но места для стрельбы можно оборудовать заранее. Где-то я читал, что бесшумных засад не бывает. Хрен там! Лесовики это умеют делать с детства. Если их зверь заметить не может, то уж человеку-то! Можно вроде бы еще как-то по поведению птиц засаду обнаружить. То ли сороки трещат, то ли, наоборот, все птицы умолкают. А что тут у нас? Кто-то чирикал вроде бы только что... Ну и? Что это может означать?»

Да, сэр, недоиграли вы в детстве в индейцев. Какие вопиющие пробелы в образовании! А где было играть? На асфальте, что ли? Да и вестерны у нас начали показывать, когда я уже из нужного возраста вышел. Хотя нет, был же фильм «Сыновья Большой медведицы». Впрочем, какой это вестерн? Снят в ГДР, индейца играл югославский культурист... как его, Гойко Митич, что ли? Это все равно что американское предложение снять Ермака с Арнольдом Шварценеггером в главной роли. Такая же чешуя...

Господи, о чем я думаю? Двенадцатый век, блин, а я вспоминаю несуществующую ГДР и несуществующую Югославию. Нервы, сэр, нервы. Слава богу, справа лес отодвинулся, все полегче».

Шагах в десяти впереди и слева, возле стоящего возле самой дороги дерева, вдруг как из-под земли вырос мужик. Взмахнул топором — и дерево начало крениться, падая поперек дороги. Оно еще не успело упасть, а Мишка уже нажал на спуск, болт ударил мужика в грудь, а самому Мишке словно кто-то двинул молотком с правой стороны по ребрам.

«Стрела... не пробил...»

Вторая стрела шелкнула по шлему так, что мотнулась голова. Не испытывая дальше судьбу, Мишка вывалился из саней и, скрючившись за поклажей, нажал ногой на рычаг самострела, отмечая краем сознания свист стрел и раздавшиеся один за другим два мальчишеских вскрика.

«Господи, кто?..»

— Мишка, сзади! — ударил по нервам Петькин крик.

В нескольких шагах, слева от санного поезда, перли сквозь глубокий снег трое мужиков в бронях и с мечами. Мишка наложил болт и не целясь — всего-то шагов пять — всадил болт в переднего. Снова, понимая, что уже не успевает, упер самострел в снег. Второй мужик выбрался на дорогу и кинулся к Мишке, широко замахиваясь мечом для удара. Шлем у него был без бармицы, и разворот тела открыл голую шею. Туда-то и метнул Мишка кинжал. Тать успел среагировать, отклонился в сторону и получил прямо в голову брошенный Петькой топор. Удар хоть и получился не смертельным, но отвлек, а может, и слегка оглушил мужика, и второй Мишкин кинжал все-таки нашел цель. Петька подлетел к оседающему на снег лесовику и принялся рвать у него из руки меч. Третий из нападавших сунулся к скоморошьему фургону, откинул полог и отшатнулся, хватаясь руками за лицо. Из фургона вылетел Роська, взмахнул кистенем, и лесовик рухнул пластом. Тут же Роське в спину ударила стрела, Роська выгнулся от боли дугой, но наконечник завяз в кольцах брони и дальше не пошел.

Болт лег на направляющие, и Мишка осторожно выглянул из-за поклажи, вернее, попытался выглянуть — в шлем снова ударила стрела, да так, что Мишка еле устоял на ногах.

— Петька, не высовывайся, гляди за лесом!

Мишка плюхнулся на живот и осторожно выглянул из-за саней. На опушке леса стоял лучник, внимательно глядя на санный поезд, и размеренно, словно механизм, посылал в сторону саней одну стрелу за другой.

«Ну, снайпер хренов, а про то, что стрелять лежа можно, ты и не знаешь».

Самострел щелкнул, посылая в полет болт, и лучник скрючился, схватившись за живот. Мишка снова взвел оружие и уже смелее глянул поверх поклажи. Справа, сильно хромая, пятился от убитой лошади Немой. На него наседали сразу двое пеших, и Андрей отмахивался от них то мечом, то кистенем, примотанным к левой, искалеченной руке. Откуда-то из санного поезда вылетел болт и ударил в бедро одного из противников Немого. Лесовик вскрикнул и упал на четвереньки.

Мишка перевел взгляд влево — дед крутился на коне, умудряясь противостоять сразу трем конникам. Копья у него уже не было, в щите засели сразу четыре стрелы, а еще одна торчала из передней луки седла — деда явно расстреливали, как мишень в тире, но бывалый профессионал не утка на болоте — и сам уберется, и коня уберет. Вот и сейчас дед тоже переигрывал противников, видать, кавалеристами они были неважными. Как-то так получалось, что против деда каждый раз оказывался только один всадник, загораживавший при этом деда от двух других. И фехтовальщиком Корней Агеич был отменным, кто бы из троих ни очутился в пределах досягаемости его оружия, тут же оказывался в положении защищающегося, правда, добить противника дед не успевал, приходилось снова бросать коня в сторону.

Наконец у одного из троих лопнуло терпение, и он, остановив коня, потянул из саадака⁵ лук. В него-то Мишка и выпустил очередной болт. Так и не вытащив до конца лук, всадник кувырнулся с коня. Мишка снова согнулся над самострелом.

«Почему никто из близнецов не стреляет? Неужели оба... нет, один выстрел был уже после того, как я снайпера успокоил. Чего ж тогда?..»

Мишка снова поднял взведенный самострел над санями. Второй противник деда, застряв ногой в стремени, волочился по снегу, а с третьим сотник Коней сошелся вплотную. Кони, встав голова к хвосту, кружили на месте, а всадники рубили друг другу щиты в щепки. Впрочем, длилось это недолго, третий дедов противник, взмахнув руками, откинулся на круп коня. Мишка глянул в сторону Немого, и как раз в этот момент Андрей, отведя своим мечом клинок противника в сторону, ударил того поверх щита локтем в лицо. Мишка аж вздрогнул: при медвежьей силе Немого такой удар запросто мог вмять нос чуть ли до самого затылка, а локоть-то еще и в кольчуге. Уложив последнего из нападавших, Андрей сам пошатнулся и тяжело осел в снег.

Мишка закрутил головой, но стрелять было уже не в кого, все закончилось.

«Немой ранен, дед вроде бы цел, Петька тоже цел. Что с остальными? Роська лежит, но шевелится, больше никого не видно. Блин, командовать же надо».

— Стар... — Голос предательски сорвался, Мишка прокашлялся. — Старшие пятерок, доложить о потерях!

— Роська... Вон лежит... Вроде живой...

Петр стоял над мертвым мужиком бледный, даже чуть зеленоватый, держась обеими руками за рукоять слишком большого для него меча.

— Ты ратник или девка?! — подражая командному тону деда, рявкнул Мишка. — Быстро проверить и доложить. Да брось ты эту железку, бегом!!!

Петька затрусил вдоль саней, а Мишка обвел глазами и самострелом поле боя, проверяя, не шевелится ли кто-нибудь из нападавших. Окровавленный снег, трупы, кони без всадников... Недалеко от саней на снегу валяются копья, видимо, на копейный удар лесовики к себе не подпустили. Немой, сидя на снегу, что-то делал со своей правой ногой, дед сгорбился в седле, свесив руки, было видно, что он здорово измотан.

«Блин, три руки и три ноги на двоих, а народу накрошили! Раз, два, три, четыре... Потом посчитаем, что там с ребятами? А со мной-то что? Едрит твою... похоже, обмочился! Как же это? Хорошо, что никто не заметил. А! Не до того сейчас! Что там Петька тянет?»

— Петька! Уснул? Не слышу доклада!

— Иду! — Петька действительно шел, но с совершенно убитым видом, новости, похоже, были совершенно безрадостными.

— Ну?

— Кузька ранен... в ногу, Роська ранен в спину, Меркурий...

— Ну? Да не молчи ты!

— Меркурий убит... — Петька всхлипнул. — Демка тоже...

«Господи, за что! Демка... Как же теперь тете Тане сказать?»

⁵ Автору прекрасно известно, что слова «колчан», «саадак», даже слово «лошадь» и еще очень многие другие пришли в русский язык из Степи и прижились несколько позже описываемых событий, но главный герой-то — человек XX века, для него эти слова русские.

— Все?

— Митрий ранен в голову, Артем в грудь, как Роська. Минь, пойдём, Кузьку со стрелы снять надо.

— Как это снять? — не понял Мишка.

— Ну пришилило его, пойдём...

Кузьку действительно пришилило. Стрела, прошив бедро, вонзилась в доску, на которой он сидел.

— Кузя, ты как?

— Демку... Минь, Демку убили...

«Да, близнецы особенно тяжело переносят смерть братьев, бедняга, даже про свою рану не вспоминает».

— Петр, знаешь, где кузнечный инструмент лежит? Тащи какие-нибудь клещи — стрелу перекусить.

Мишка похлопал по поясу, но третьего кинжала не было. Совсем забыл: еще в Турове Петьке подарил. Вытащил у Кузьки и разрезал на нем одежду. Крови было немного, стрела прошла с внешней стороны бедра и не глубоко, крупные сосуды, видимо, задеты не были.

— Минь, у тебя кровь, — подал голос Кузьма.

— Где?

— Вон, на щеке. Не на этой, слева.

Мишка только сейчас почувствовал жжение на виске, влагу на щеке и на шее. Просунув руку под бармицу, чуть не вскрикнул от боли: пальцы нащупали щепку, вспоровшую кожу на виске и над ухом. Видимо, последняя стрела, попавшая в шлем, расщепилась от удара, и острый обломок дерева как-то пролез под бармицу. Проведя пальцами по краю шлема, Мишка нащупал на железе зазубрину.

«На пару сантиметров ниже — и... А я в горячке и не заметил. Наверно, от удара на какой-то момент потерял сознание, вот в штанах и мокро. Да, сэр, повезло... А Демке...»

— Эти подойдут? — Петька протягивал небольшие клещи с острыми...

«Как это место у клещей называется? Неважно, главное, стрелу перекусить можно».

— Кузя, потерпи немножко, сейчас мы...

— Ох!

— Сейчас, еще чуть-чуть... Ну вот! Все уже.

— Ребята, что тут у вас? — Мишка услышал голос матери и ощутил стыд, про нее-то он и забыл в горячке, даже у Петьки не спросил.

— Мама! С тобой все в порядке?

— Со мной-то да, а вот вы все... Меркуша умер...

— А Демка?

— Живой, только ранен тяжело, я стрелу достать не смогу, лекарка нужна. Боюсь, не довезем.

— Так! — Мишка огляделся по сторонам. — Какие сани разгрузить быстрее всего? Эти? Петька, на нож, режь веревки. Быстро! Поклажу выкидывай, Матвей, иди сюда, помогай!

Дружными усилиями, чуть не опрокинув сани, ребята вывалили поклажу на снег. Мишка еще раз огляделся, надо было решить, кого посылать в Ратное за помощью. Дееспособных было четверо: сам Мишка, мать, Петр и Матвей. Мать уже хлопотала, перевязывая Кузькину рану, отправлять ее было нельзя — пусть занимается ранеными. Петр и Матвей в Ратном никогда не были... Пожалуй, лучше подойдет Петька, он постарше и посообразительней.

— Старший стрелок Петр! — Мишка постарался изобразить уверенность, которой на самом деле не чувствовал. — Эта дорога приведет прямо к селу, если гнать галопом, где-нибудь за час-полтора доедешь, лошадь не жалея, только раньше времени не загони. В село не заезжай. Справа в низине домик лекарки, с дороги его из-за деревьев не видно, но подъедешь ближе, разглядишь. Лошадь у нее есть, обратно поскачете на свежей. Все понял?

— А что сказать-то?

— А что, сам не сообразишь?

— Она же меня не знает. Вдруг не поверит?

«А ну-ка успокоиться! Петька прав: его Настена не знает. Надо придумать что-то, что несомненно укажет ей на меня. Какой-то предмет? Нет, не годится, любой предмет можно взять и у покойника. Нужны слова вроде пароля».

— Тогда... скажешь так: «Серебряное зеркало, шестое колено лекарок». Запомнил?

— Серебряное зеркало, шестое колено лекарок. А что это?

— Неважно, она поймет и поверит. Все, гони!

Петька хлестнул лошадь вожжами, потом еще раз, сани тронулись, быстро набирая скорость.

— Мишаня, у тебя кровь. — Мать уже закончила перевязывать Кузьму и обратила свое внимание на сына.

— Заноза, мама, помоги вытащить, а то самому не видно. — Мишка откинул бармицу, расстегнул подбородочный ремень и снял шлем. Мать оттянула пропитавшийся кровью подшлемник и схватилась пальцами за щепку.

— Ой! — Мишка ойкнул не столько от боли, сколько от неожиданности.

— Все, все уже, Мишаня, дай-ка перевяжу, а то кровь сильно течет. Шапка-то у тебя где? Надень, а то застудишься.

— Мама! Да что ты со мной возишься? Остальные-то как?

— Демьян — хуже всех, — принялась перечислять мать, — Артемию тоже крепко досталось, Васе чуть легче...

— Какому Васе? А! Роське!

— Мите только лоб рассекло, вскользь прошло. — Мать закончила перевязывать Мишкину голову и опустила руки.

— А как Меркушу-то, мама?

— Прямо через стенку, в спину, как будто видели...

С той стороны, где находились дед с Немым, вдруг раздался истошный вопль, потом еще — человек просто заходился криком от боли. Мишка, обернувшись на крик, увидел, что Немой склонился над одним из нападавших и делал с ним что-то такое, отчего тот жутко дергался и орал. Рядом, спокойно наблюдая за происходящим, высился в седле дед.

«Кажется, это называется „получить момент истины“. Война и есть война, что ТАМ, что ЗДЕСЬ».

— Михайла! — раздался голос деда. — Поди сюда!

«Ну да, только этого мне сейчас и не хватает — на допросе присутствовать. И так обос... а сейчас еще и облююсь. И не ходить нельзя, блин...»

— Иду! Мама, вы поглядывайте здесь, вдруг еще чего-то...

Пленный затих, видимо, потерял сознание. Стараясь не смотреть в его сторону, Мишка подошел к деду.

— Андрюха, снегом ему морду потри, да посильнее, только шею не сверни, — «проконсультировал» дед Немого и повернулся к Мишке. — Михайла, что там у вас?

— С той стороны еще четверо вылезли, все убиты. У нас один убитый — Меркурий. Пятеро раненых, двое — тяжело: Демьян и Артемий. Кузька — в ногу, неопасно, но ходить не может. Роська тоже, наверно, какое-то время полежит, но для жизни неопасно. Матвей цел. Петра я за Настеной послал, мать сказала, что Демьяна можем не довести.

— А сам? — Дед кивком указал на Мишкину перевязанную голову.

— Царапина. — Мишка поймал себя на том, что произнес это слово точь-в-точь, как герои советских фильмов о Великой Отечественной войне.

Дед покивал каким-то своим мыслям и задал новый вопрос:

— Чего Петруха на санях-то? Верхом быстрее.

— Как он верхом ездит, я не знаю, а в пустых санях почти так же быстро.

— Ладно, вон того видишь? — Дед указал на одного из лежащих лесовиков. — Стащи с него бронь и свяжи. Если начнет дергаться, добавь ему, но не убивай.

Лежащий навзничь лесовик был уже немолод, голова и борода были больше чем наполовину седыми. Кажется, это был как раз тот, последний из трех всадников, с которым дед схватился грудь в грудь. Шлема на голове у него не было, а вся левая половина лица превратилась в один сплошной синяк, видимо, дед приложил его мечом плашмя. С трудом ворочая тяжелое тело, Мишка принялся стягивать с него кольчугу.

Дело шло туго, а тут еще очнулся и снова завопил пленный. Мишка не сдержался и кинул взгляд в его сторону. Немой, ухватившись за хвостовик болта, торчащий из бедра лесовика, тихонько покачивал его в ране. Почувствовав приступ тошноты, Мишка поспешно отвернулся и принялся с остервенением сдирать кольчугу со своего «клиента». Потом поискал, чем связать, ничего не нашел и стянул ему руки, локоть к локтю, его же поясом.

Молодой мужик, которого пытал Немой, начал наконец говорить. Из его сбивчивого, прерываемого стонами и всхлипами рассказа выяснилась весьма неприглядная история. Оказывается, отправка двух сотен княжьей дружины на погром языческого капища и расположенного невдалеке от него городища не осталась незамеченной. Весть о карательной экспедиции разнеслась по лесам го-

раздо быстрее, чем двигалась княжья дружина. Древлянские и дреговические роды, рассчитывая, что с двумя сотнями общими усилиями удастся совладать, решили послать помощь. Из Куньего городища тоже вышли двадцать шесть мужиков, владеющих ратным искусством.

Несмотря на то что княжья дружина, неся потери в засадах и ловушках, двигалась через лес медленно, к основным событиям отряд из Куньего городища опоздал. На месте капища и соседнего поселения они обнаружили только трупы и головешки. Командир отряда не пожелал возвращаться домой и повел своих людей по следу уходящего войска, и на какой-то лесной поляне они настигли отставший от основной группы обоз с ранеными дружинниками, охраняемый всего десятком ратников. Всех: десяток охраны и три с лишним десятка раненых и два десятка обозников — истребили поголовно, потеряв при этом восемь своих убитыми и пятерых ранеными.

Пеший отряд превратился в конный, в избытке снарядившись трофейным оружием и доспехами. Можно было уже возвращаться домой, но командир решил, что даже в половинном составе они еще могут пощипать княжьих людей, и снова погнал лесовиков по следу. Дружину они не догнали, но встретили земляка, который шел из Княжьего погоста и рассказал, что видел там демона, много лет назад укравшего из городища дочку командира отряда.

После этого известия Славомир — командир лесовиков — словно взбесился. Не остановило его даже то, что трое из пятерых раненых были очень плохи и могли умереть. Двое, в конце концов, и умерли, но преследования дедова каравана это не остановило. Сегодня они сошлись...

— Так, значит... раненых резали, паскуды... Андрюха, кончай его!

Немой вырвал из бедра лесовика болт и с размаху всадил его мужику в глаз. Крик оборвался. Михайла торопливо зачерпнул горсть снега и засунул себе в рот. Не помогло, на какое-то время он, сотрясаемый приступами рвоты, перестал воспринимать окружающее.

— Ну что, внучок, думаешь, настоящую войну увидел? — услышал Мишка над собой голос деда. — Эк тебя скрутило! Нет, это еще не война, внучок, так — стычка. На настоящей войне мальчикам с игрушками делать нечего!

«Напалма ты не видел, старый хрен, и ковровых бомбардировок. Я, правда, тоже — только по телевизору, но зато на себе попробовал, как это бывает, когда израильский штурмовик с кормы на твоей парход заходит, а в трюмах пять тысяч тонн артиллерийских снарядов лежат. Игрушки, говоришь?»

— Вы с Андреем семерых уложили, мы тоже — семерых. Кузька один раз выстрелил, вот как раз в этого, а Демьян вообще ни разу. Вот тебе и игрушки.

— Это ты — в одиночку шестерых?

— Одного — Роська кистенем, еще одного — Петька помог, остальных я!

— Кхе! Самострелы... надо же... ладно, Андрюха, давай этого!

Немой, сильно хромя, перебрался к связанному Мишкой мужику и принялся растирать ему лицо снегом. Мужик замычал, задергал связанными руками, открыл глаза.

— Здравствуй, сватьяшка Славомир, давненько не встречались, — с людоедской ласковостью пропел дед. — Годков десять, а то и поболее.

— Корзень, чтоб ты сдох! — отозвался связанный мужик.

«Сколько же у деда имен? Корней, Кирилл, теперь еще Корзень. Не удивлюсь, если и еще есть...»

— Ну сдохнешь-то как раз ты, сватьяшка, но не сразу. За паскудство твое ответить придется.

— Не пугай, христианин, светлые боги...

— Вот перед ними-то и ответишь, и по древним славянским обычаям, — не дал Славомиру договорить дед.

— Что ты, христов выб... про наши обычаи...

— Знаю! — снова перебил Корней. — И за пролитие крови ближних родичей спрошу как надлежит! Ты, гнида болотная, дядьев с племянниками стравил. Вон три твоих сына убитые лежат, а там два твоих внука раненые кровью исходят. Помнишь, что по нашим древним обычаям за такое положено? Нет тебе прощения от светлых богов славянских!

— Врешь, Корзень! — Мужика аж трясло от ненависти и бессилия. — Не могла Татьяна родить, волхв ее чрево затворил!

— Однако родила! Крест животворящий сильнее волхвования оказался! — Дед по-волчьи ощерился, шрам на его лице сделался багровым. — А теперь получи по обычаю, изверг, родную кровь проливший!

Три коротких взмаха меча — и Славомир лишился ушей и носа. Мишку снова скрутило, но желудок был пуст, и он только часто задыхался, пытаясь унять бунтующий организм.

— Не узнают тебя теперь пращурь, и нет у тебя ни лица, ни имени! — торжественно возгласил дед. — Андрюха, режь ему подколенные жилы!

Немой чиркнул по ногам Славомира засапожником.

— Не перейдешь ты теперь через Калинов мост! — продолжил речитативом Корней, словно произносил какое-то языческое заклятие.

— Корзень, будь ты прокл...

Кончик дедова меча, лязгнув об зубы, вошел Славомиру в рот, слова превратились в стон и бульканье.

— Не извергнешь более хулу и проклятие! Нет у тебя отныне ни голоса, ни облика, ни имени, ни пути! Михайла, тащи ЭТО конем в лес, там ему руки освободишь, пускай ползет!

Мишка, даже не пытаясь поймать какого-нибудь оставшегося без всадника коня, выпряг из саней Рыжуху, привязал Славомира к упряжи за ноги и повел лошадь под уздцы к ближайшим деревьям. Проходя мимо, совершенно равнодушно глянул на убитого им лучника — на эмоции не осталось уже никаких сил. Так же равнодушно, зайдя за первые деревья, освободил ноги мычащего мужика от привязи, перерезал стягивающий ему локти ремень и побрел назад по кровавому следу.

«Двенадцатый век... Права человека, гуманное обращение с пленными, высший приоритет человеческой жизни... Все умещается в одном месте — ножнах, висящих на поясе победителя. И какая-то высшая справедливость в этом есть, Славомир ведь пощады не просил, понимал, на что шел. Да и поделом ему. Какой командир обречет на смерть раненых подчиненных ради личной мести? Дерьмо он был, а не командир! Люди ему доверились, а он...»

— Михайла, Михайла! Да очнись ты! Андрюха, кажись, перебрали мы, не в себе парень.

Мишка вдруг обнаружил, что стоит столбом напротив деда с Немым, держа Рыжуху под уздцы, и совершенно не помнит, как он пришел сюда из леса.

— Слышу я, деда, не бойся, не свихнусь. Андрею ногу перевязать надо, я мать позову.

— Не надо, перевязали уже. Теперь Настену надо ждать, у Андрюхи в ноге кончик жала обломился, плохо отковали, болотники косорукие. Настена вытащит, сами только расковыряем без толку. Ты это... Про Славомира — никому ни слова. Незачем Татьяне знать, что я отца ее... Понял?

— Понял, никому не скажу, — пообещал Мишка.

— А если спросят: «За что казнили?», — не успокаивался дед, — скажешь, что за раненых дружинников.

— Угу, за злодейство.

— Верно. — Дед вытянул шею и оглядел обоз. — Там, у саней, кто-нибудь шевелиться способен?

— Матвей цел, — начал было Мишка, но понял, что больше уцелевших нет, и неуверенно добавил: — У Митьки лоб рассечен, но, может быть, ничего. Посмотреть надо.

— Иди, дашь им самострелы и тащи сюда, я пока коней поймаю. — Дед озабоченно оглянулся на лес. — Надо обоз ихний брать, там еще трое остались.

— Не смогут они из самострелов, деда... — попытался возразить Мишка.

— Делай, что говорю! Давай шевелись!

Мишка побрел к саням. Мать с помощью Матвея подсаживала в фургон держащегося за грудь Артемия. Крови видно не было, похоже, что также как, и у Роськи, стрела завязла в кольцах доспеха, но подоспешников у ребят не было, и удары стрел ничего не смягчило.

— Мама, как там Митя, верхом ехать сможет?

— Да ты что? Он и стоять-то не может, шатается как пьяный. Я его положу с Артюшей и Демой.

— Как они?

— Дема плох, Настену бы дожидаться... — Голос у матери прервался.

Мишка только вздохнул, здесь он помочь ничем не мог.

— Мама, я Матвея забираю, в лесу еще трое татей остались, надо добить. Матвей! Бери Демкин самострел — и давай со мной!

Из-за саней вылез скрюченный Роська:

— Минь, я тоже с тобой!

— Нет, ты верхом не сможешь. — Мишка всем своим видом продемонстрировал, что не намерен выслушивать возражения. — Тебе другое дело: посадишь Кузьму так, чтобы он мог самострелом воз с ранеными прикрыть. Сам будешь рядом — заряжать. Понял?

— Я и сам могу из самострела, мне ребята давали попробовать.

— У Кузьмы лучше выйдет, он, даже к доске пришпиленный, и то одного татя завалил. —

Мишка повысил голос. — Делай, что говорю!

— Слушаюсь, господин старшина!

— Вот, другой разговор. Матвей, готов? Тогда пошли.

Дед недовольно оглядел подошедших отроков:

— Михайла, ты чего только одного привел, где второй?

— Лежит, больно крепко по лбу досталось. Я, когда в шлем попало, еле на ногах устоял, а ему в лоб, повезло, что живой.

— Ладно тогда. — Дед с сомнением поглядел на Матвея. — Матюха, верхом-то сумеешь?

— Могу вообще-то, но не очень... — Матвей с опаской покосился на коней.

— Научишься, — отрубил дед. — По коням!

Всего минут через пять неспешной рыси след привел к поляне, на которой сгрудились десятка полтора запряженных саней и конский табунок голов в двадцать. Сани были завалены оружием, доспехами, одеждой, седельными сумками и прочим имуществом раненых дружинников и их охраны. На одних санях лежали два трупа, видимо, те самые раненые, которые умерли в пути. А на соседних — еще один покойник, похоже скончавшийся совсем недавно. Еще двоих лесовиков не было, но от поляны в глубь леса уходил свежий санный след.

— Смылись, будем догонять! Галопом! Вперед! — скомандовал дед.

Снегу в лесу было лошадям почти по брюхо, и они шли тяжелыми короткими прыжками. Мишкин конь оказался сильным и совсем свежим, да и всадник был не тяжел, поэтому Мишка, сам того не ожидая, возглавил погоню. Следом гнал своего коня дед, а Матвей сразу же стал отставать, наездником он оказался и правда скверным. Гнать так гнать! Мишка, уворачиваясь от нависающих ветвей, пригнулся к конской шее и все подгонял и подгонял жеребца, временами срезая петляющий между кустов и деревьев санный след.

Наконец впереди показались сани с беглецами. Один, стоя в санях во весь рост, нещадно нахлестывал лошадь левой рукой, вместо правого запястья у него была замотанная тряпками культа. Второй лесовик, с перевязанной головой, лежал неподвижно. Мишка приблизился почти вплотную и выстрелил в спину возницы, тот выгнулся и упал назад, прямо на лежащего односельчанина.

Еще несколько скачков — и конь поравнялся с санями. Мишка уже начал прикидывать: спрыгнуть ему в сани, попытаться схватить лошадь под уздцы или просто дождаться, пока никем не понукаемая скотина остановится сама, как вдруг второй лесовик поднялся во весь рост и взмахнул кистенем. Удар пришелся коню между глаз, ноги у жеребца подогнулись, Мишка вылетел из седла и головой вперед ухнул в снег, не долетев, слава богу, всего с полметра до ствола здоровенной сосны.

Глубокий снежный покров смягчил падение, Мишка, протерев глаза, только и успел заметить, как мелькнул между деревьями круп дедова коня. Оглянулся назад, Матвея не было, пошарил в снегу, нашел самострел. Матвей так и не появился. Пришлось идти назад. Коня Мишка нашел за вторым поворотом. Зацепившись поводьями за кусты, он понуро стоял, опустив голову, седло было пусто.

«Так, куда едем? Искать Матвея? Снег глубокий, сильно расшибиться он не мог, след четкий, выберется назад пешком. Едем за дедом».

Дед и сани с лесовиками обнаружили довольно быстро. Мишка после всего увиденного сегодня думал, что его уже не проймешь ничем, но то, что открылось его глазам... Никем не управляемая лошадь умудрилась завязнуть вместе с санями в кустах и теперь дергалась, пытаясь убежать от того, что творилось позади нее. В санях лежали даже не изуродованные трупы, а какое-то кровавое месиво, а дед, выкрикивая рыдающим голосом что-то неразборчивое, продолжал истерично полосовать мечом то, что несколько минут назад было человеческими телами. Снег, кусты, круп лошади и сам дед были густо заляпаны красным, во все стороны летели кровавые ошметки и куски дерева от саней, а дед все рубил и рубил.

«Да, сэр, солдатская истерика — это вам не битье тарелок на кухне, близко лучше не подходить».

— Деда! Деда!!! С ума сошел, старый. Сотник Корней!!! Блин, да угомонись ты! Корзень!!! Мать твою!!!

— А? Мих... Михайла... Внучок...

Дед уронил за спину занесенный для очередного удара меч и осел в пропитанный кровью снег.

— А я думал... Мишень... ка...

Мишка отвернулся, смотреть на дедовы слезы почему-то показалось страшнее, чем на то, что дед натворил с лесовиками.

Матвея нашли на полдороге к поляне с разбойничьим обозом. Парнишка, пошатываясь, брел, зажимая одной рукой распоротую чуть ли не до самого уха щеку, другой рукой держа волочащийся по снегу самострел.

— На ветку напоролся. Но смотри, Михайла, молодец: оружия не бросил, — одобрительно произнес дед. — Правильно мы все-таки ребят к себе взяли. Подсади его в седло, сам не залезет.

— Деда, сани и лошадей на поляне оставим или к дороге сведем?

— Лошадей надо к дороге, до темноты не уедем, наверно. Не дай бог, волки заявятся, на кровь-то. Ты вот что: выкини покойников и на их санях дровишек подвези — костер запалить надо. — Дед длинно вздохнул и спустился в седле. — А мы с Мотей поедем, устал я что-то.

«Ничего удивительного. Почти любой дедов ровесник из двадцатого века загнул бы и от половины его сегодняшних приключений. Странно, что у меня-то крыша не поехала... Но как он Славомира... И где здесь логика? С одной стороны, заявляет, что крест животворящий сильнее волхования, а с другой — казнит за пролитие родственной крови, по языческим обычаям. Вот и думай... Хотя сказано же: „Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой“. Славомир с нами по языческим обычаям разобратся желал, в соответствии с ними же и получил.

Удивительно другое: как мы сегодня вообще выжили? Да, луки у лесовиков слабоваты, да, в конном бою против профессионалов у них шансов не было, но все же... Если бы третий мужик, вылезший из леса с нашей стороны, не сунулся бы в фургон, а попер бы на нас с Петькой — быть нам покойниками. А если бы и под дедом так же, как под Немым, убили коня, он на одной ноге не отбил-ся бы. Немого завалили бы следующим, а большие воевать и не с кем было. Кузьку уже пришилили, а Демьян без сознания лежал. Все решили два обстоятельства: глупость того мужика и дедово воинское искусство. Ну еще, конечно, то, что Славомировы люди мальчишек за бойцов не посчитали. Да и кому бы в голову пришло, что три сопляка четверых матерых бойцов ухайдокают, а потом и еще троих? Нет, не только в везении дело! Моя «Младшая стража», когда всех вооружим и обучим, будет по-настоящему опасна именно своей непредсказуемостью. А до осени выучим. Ребята замечательные. Кузька, уже пробитый стрелой, умудрился точный выстрел сделать, Петька выручил меня в самый пиковый момент, Роська как будто родился с кистенем, между прочим, уже второго бандюгу у меня на глазах кончил. У Мотьки тоже характер чувствуется: на полном скаку башкой об сук, а оружия не бросил.

Демке не повезло... Надо было ожидать: если одному из близнецов постоянно не везет по мелочам, то второму рано или поздно не повезет по полной программе — баланс вероятностей в таких парах обычно соблюдается неукоснительно. Только бы выжил... Петька, наверно, добрался уже, значит, скоро Настена придет».

Глава 2

Конец марта 1125 года. Стан на дороге в Ратное

Дел оказалось невпроворот: развести костер, рассадить около него раненых, способных хотя бы сидеть, накормить людей, задать корму лошадям, в том числе и приведенным из леса, поставить сани на всякий случай в круг... Мишка даже не представлял себе, как много всего нужно сделать и как со всем этим управиться в одиночку. Сначала он хотел приспособить к приготовлению пищи Кузьму, но тот и сидеть-то мог только на одной половине задницы. Роська из-за боли в спине тоже не мог наклониться над котлом, и кашеварить пришлось Немому.

Неожиданно помогать Мишке взялся Матвей. Даже из-под повязки было видно: вся левая сторона лица у него опухла так, что даже закрылся глаз, но двигался парень уверенно и Мишкины распоряжения выполнял толково. Наконец каша упрела, и Мишка задумался: будить ли деда, который, завернувшись в тулуп, задремал, сидя в первых санях, как вдруг раздался голос Роськи:

— Кто-то едет!

По дороге со стороны Ратного летели наметом два всадника. Когда кони приблизились, стало видно, что всадник только один, а второго коня он ведет в поводу. На Настену это было совсем не похоже, и Мишка попятился к костру, около которого он оставил свой самострел. Всадник, видимо, тоже проявил осторожность и, остановив коня примерно на расстоянии одного перестрела, начал разглядывать открывшуюся перед ним картину. Посмотреть, конечно, было на что: кровь, трупы, укрывшиеся за поставленными в круг санями люди... Мишка заметил, что около ног коня крутится, то и дело поднимая голову и приносясь, собака.

«Ничего не учует — ветер в нашу сторону... Блин, да это же Чиф!»

— Чиф! Чиф! Ко мне!

Конечно, видят собаки плоховато, чутью может помешать ветер, но уж голос хозяина пес узнает из тысячи голосов. Как Чиф рванул с места! Можно было подумать, что это не он только что пробежал за скачущими во весь опор конями полтора десятка верст! Мишка был мгновенно сбит с ног и облизан чуть ли не с головы до пят.

— Чиф, псина ты моя, соскучился, хороший мой, даже и не обижаешься, что оставили тебя привязанного... Ну хватит, я тебя тоже люблю, перестань... Да дай ты на ноги подняться!

Мимо протопали по снегу копыта коней, Мишка обернулся и увидел дядьку Лавра и сидящую у него за спиной Юльку.

«Надо же! Второй раз Лавр водителем „скорой помощи“ работает и опять Юльку вместо Настеньки привез. Да что ж он вытворяет-то? Ну дает! У всех на глазах... ох дед ему и устроит!»

Увидев вышедшую из фургона с тяжелоранеными мать, Лавр соскочил с коня и стиснул ее в объятиях.

— Аннушка, свет мой... живая!

— Отпусти, дурень, люди же кругом!

— Живая, а я уж думал...

— Да отпусти ж ты! Совсем очумел!

«Отпусти, отпусти, а сама не вырывается. Кхе, как говорит лорд Корней. А вот и он, легок на помине. Ну что-то будет!»

— Лавруха! Ополоумел? Анька, а ты чего тут... Кхе! Пошла к раненым! И ты тоже! Сын еле дышит, а у тебя одно на уме! Совсем сдурели, мне тут только ваших... этих самых... не хватает!

Дед явно сам растерялся от бурного проявления страстей и не знал, как себя вести. В конце концов, разозлившись не столько от недопустимого поведения сына и невестки, сколько от собственной растерянности, схватил Лавра за ухо и оттащил от «предмета обожания».

— Иди, там он, Анька, покажи... Тьфу! Тут беда, а им все... Михайла, а ты чего вылупился? Хватит на снегу сидеть! Ну что за народ, только б целоваться, у этого бабы нет, так он с собакой! Помог бы лучше лекарке с коня слезть, столько верст охлюпкой проскакала, весь зад отбила, бедная!

Юлька действительно сидела, вцепившись в заднюю луку седла, бледная, с закушенной губой.

«Конечно, таким аллюром, без седла и стремян, тут и мужика здорового умотало бы. Руки, наверно, трясутся, как она лечить-то будет?»

— Юля, давай слезть помогу. Давай руки, осторожненько. Чиф, не мешай!

— Ой!

На ногах Юлька не удержалась и обвисла на Мишке всей тяжестью.

— И эти обниматься, да что ж это такое-то! — снова завозмущался дед. — Совсем с ума посходили!

— Деда, она стоять не может!

— Сидеть — тоже! — уверенно заявил Корней. — Подержи ее пока так, сейчас я тулуп постелю, пусть приляжет, все равно с нее прямо сейчас толку не будет.

Мишка помог Юльке улечься на живот, потоптался рядом и не нашел ничего лучше, чем спросить:

— Есть хочешь? У нас каша как раз поспела.

«Что вы несете, сэр, какая каша? Похоже, лорд Корней прав — все свихнулись!»

— Что у тебя с головой? — поинтересовалась Юлька.

— Царапина, стрелой зацепило слегка.

— А я думала — мозги вышибло. Какая мне сейчас каша?

Юлька оставалась Юлькой даже в таком плачевном состоянии.

— Тогда хочешь, меду принесу или вина? У нас есть.

— А чего праздновать-то будем? — Юлька приподнялась на локтях и огляделась. — Что у вас тут случилось?

— А что, Петька не рассказал? — холодея от ужаса, спросил Мишка. — Он что, не доехал?

— Это тот парень, что ли? Да он вообще ничего толком сказать не мог.

— Почему?!!

— Потому что грохнулся где-то. Нашли кого послать, с санями управиться не может!

— Что значит «грохнулся»?

— А то и значит! Его лошадь в село приволокла: сани поломаны, голова разбита, правая рука сломана. Мать роды принимала, так бабы меня позвали. Сказали: «Бредит». А я как услышала про зеркало...

Юлька неожиданно всхлипнула.

— Дура-а-ак... я думала, его уже и в живых... а он — кашу...

— А кто ж тогда Петьке про зеркальце сказал, если меня уже... того? — Мишка почувствовал, как его отпускает страх за судьбу Петра.

— Дура-а-ак! Мы думали, вас всех... он один спасся...

— Ага, я — дурак, а вы — умные — вдвоем, без оружия, что б вы тут делали, если нас и в самом деле...

— Чурбан бесчувственный, не понимаешь ты ничего!

Мишка вдруг понял, что впервые в жизни видит Юльку по-настоящему плачущей. Дочка лекарки и плач казались ему до сих пор вещами несовместными, как гений и злодейство, по Пушкину. И, несмотря на то что запас эмоций на сегодня, казалось, был исчерпан полностью, Мишка вдруг почувствовал некоторую стесненность в горле.

— Кхе! — Из-за саней вырулил дед, держа в руке глиняную кружку. — На-ка, девонька, выпей, быстрее в себя придешь. У нас раненых полно, а тут еще и лекарку лечить приходится. Пей, пей: и согреешься, и успокоишься.

— Деда, они не знали ничего! — поспешил сообщить Мишка. — Петька по дороге разбился, лошадь его без памяти...

— Да слышал я, слышал. Когда мать-то твоя, девонька, подьедет?

— Не скоро еще, Корней Агеич. Там роды тяжелые, пока закончит... Но тетка Татьяна сани готовит и Анька-младшая тоже. А дядька Лука свой десяток поднимает, я слышала, как он говорил, чтобы все в бронях...

— Татьяна, говоришь, сюда едет? — Дед обернулся к фургону с ранеными и заорал: — Лавруха, а ну быстро ко мне! Лавруха!

Не дозвавшись сына, дед шустро поковылял к фургону сам.

«Испугался, что Татьяна братьев опознает, велит Лавру трупы прибрать».

— Минь, чего это он? — Юлька с любопытством уставилась вслед деду.

— Не знаю, ты пей, пей.

— Ну да, а то я не вижу! — фыркнула Юлька. — Не знает он! — От недавних слез уже и след простыл.

— А с кем тут Татьянин муж только что обнимался? — проворчал Мишка. — Но я же дурак, не понимаю ничего! Вот и не знаю.

— Вкусно! — Юлька мгновенно сменила тему разговора. — Чего это он мне тут намешал?

— Дай-ка попробую. Угу, вино, мед, и теплой водой все разбавлено. Сейчас согреешься и руки дрожать перестанут.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно прищурилась юная лекарка. — Ты что, вино уже пил?

— А ты как думала? Мы в Турове так загуляли!

— Ой, врать-то!

«А ну-ка, милейший, кончайте треп! Раненым ждать некогда».

— Слушай, Юль, у нас раненых много. Только я и дед на ногах, ну и мать еще. Ты скажи, что тебе нужно будет, мы приготовим пока.

— Воды нагрейте побольше, чистые тряпки для перевязок понадобятся. — Юлька мгновенно сделалась серьезной. — А какие раны-то?

— Самый тяжелый — Демка. — Мишка присел рядом с лекаркой, чтобы той не приходилось задирать голову. — Ему стрела почти под мышку слева попала. Не то кольчуга в этом месте послабее была, не то выстрел такой уж убойный оказался, но пробило, и наконечник между ребер прошел. Он, наверно, от боли руку прижал и обломил древко, мать наконечник вытащить не смогла. И еще один с железом в теле есть — Андрей. Но у него в ноге.

— Резать придется, а у меня инструмента с собой нет, — озаботилась Юлька.

— А какой нужен? У нас кузнечный инструмент есть...

— И что же ты ковать собрался?

«Вот язва, прости господи! Но лучше уж пусть язвит, чем плачет».

— Да для тонких работ инструмент! Щипчики там разные, пилки, сверлышки...

— Показывай, — распорядилась Юлька.

Мишка хотел пойти за инструментом, но на глаза попался Матвей.

— Мотя! Принеси-ка инструмент! Помнишь, когда Кузьку со стрелы снимали, там Петька клещи брал?

Юлька снова приподнялась на локтях и завертела головой.

— Мотя? И еще тот — в санях. Что за парни?

— Мы из Турова пятерых ребят с собой везли, только одного убили... — Мишка с усилием сглотнул комок в горле. — А остальные все ранены.

— Что, и Кузька?

— Я же сказал: все, кроме меня...

— Помню, помню. Ты-то тоже покорябанный. Ох, как его...

Матвея действительно сейчас даже родная мать не узнала бы — так опухло у него лицо.

— Ну-ка сядь сюда, я посмотрю! — распорядилась Юлька.

Работоспособность возвращалась к юной лекарке прямо на глазах. Подействовал дедов коктейль или сработала генетически заложенная профессиональная одержимость, но уверенность в голосе и в движениях к ней вернулись. Матвей с сомнением глянул на Юльку, потом вопросительно — на Мишку.

— Давай-давай, Мотя. Она хорошая лекарка, полгода назад меня чуть не с того света вытащила. Юля, посмотри сначала инструмент, пока ты Матвея пользуешь, я его прокипячу.

— Ага. — Юлька оглядела разложенное перед ней железо. — Вот это, это и еще вот эти штуки.

Пока Мишка набивал котелок снегом, пристраивал его над костром и объяснял Немому, для чего надо варить железки, Юлька уже почти управилась с первым пациентом. Стоя на коленях, она заново перевязывала Мотьке лицо.

Мишка стоял рядом, смотрел, как Юлька перевязывает Матвея, что-то воркует своим «лекарским голосом», и чувствовал, как откуда-то изнутри поднимается чувство нежности. Вроде бы девчонка как девчонка, тоненькая, даже хрупкая, обманчиво слабые на вид тонкие пальцы и запястья. Слабые, пока не почувствуешь на себе их тренированную лекарскую хватку. Чуть вздернутый носик, узкое лицо — ничего общего с круглолицей и толстоносой Настеной.

Голова замотана серым шерстяным платком, из-под которого выглядывает перехватывающая лоб девичья повязка с вышитым красным узором. Шубейка, сшитая Мишкиной матерью из тех самых волчьих шкур, подшитые кожей войлочные сапожки, сильно напоминающие обувь XX века с романтическим названием «Прощай, молодость», разве что без застежки «молния». Одежда удобная, добротная, но неброская, по ратнинским понятиям, даже бедноватая, хотя лекарка Настена была отнюдь не бедна.

Единственное, что отличало Юльку от остальных ровесниц (за исключением лекарской одержимости, естественно), — масть. Ратнинцы, как, впрочем, и дреговичи, с которыми за сто лет густо замесила свои гены ратнинская сотня, в подавляющем большинстве были блондинами различных оттенков: от белобрысой «солемы» до роскошной светло-русой «волны». Попадались и рыжие, но мало. А Юлька была шатенкой. Это-то и ставило в тупик сельских кумушек, безуспешно пытавшихся вычислить папашу юной лекарки.

Толстая темная коса, резко выделяющаяся на фоне рубахи из беленного на солнце полотна, как магнитом притягивала взгляды сплетниц, порождая самые невероятные версии и предположения. Мишка несколько раз слышал разговоры о том, что Юлька прячет в своей косе отравленную (по другой версии — заговоренную) иглу, а тетка Варвара, не за страх, а за совесть исполнявшая в селе обязанности «желтой прессы», на полном серьезе утверждала, что лично наблюдала процесс превращения этой косы в ядовитую змею.

И это Юлька-то, без раздумий готовая жизнь положить на алтарь медицины! Правда, характер — как у тещи из анекдотов, а язык — незачем и косу в змею оборачивать.

«И все же, все же, все же... Эх, силушки еще не накачал, а то бы нес ее на руках, как дядька Лавр тогда нес через двор мать...»

Романтическое настроение Мишке поломал Чиф, видимо решивший принять участие в оказании медицинской помощи. Ткнувшись мокрым носом в Юлькины руки и попытавшись облизать ту часть лица Матвея, которая еще виднелась из-под повязки, пес напугал своими жуткими клыками Мотьку, получил тычок локтем от Юльки и, очень довольный, закрутился возле Мишкиных ног.

— Вот, смотри, — Юлька показала Мишке пропитавшуюся кровью занозу, — почти до самого уха вошла.

— Да, если бы осталась, плохо дело было бы. Благодарю лекарку, Матвей! Юль, тебе помочь подняться? Давай-ка.

Мотька, мгновенно проникшийся к юной лекарке уважением, подхватил Юльку с другой стороны, и парни наполовину повели, наполовину понесли Юльку к фургону. Оказавшись внутри, Юлька сразу же начала отдавать распоряжения таким властным тоном, что позавидовал бы и сотник

Корней:

— Полог — откинуть, этих — вынести, Демьяна — к свету. Минька! Воз разверни, чтобы солнце сюда светило!

— Во дает! — восхитился Мотька. — А со мной ласково так говорила, я даже боли почти не чувствовал...

— Она умеет. Тащи-ка ее сумку сюда, на тулупе осталась.

Пока возились, выполняя Юлькины указания, вода в котелке закипела.

— Минька! Долго еще железо варить? — заорал от костра Кузька.

— Пока мягким не станет! Ты его помешивай, помешивай да посолить не забудь!

«Блин, с чего я веселюсь-то? Неужели Юлькин приезд подействовал? Хотя, конечно, появилась лекарка, нашлось на кого переложить ответственность за раненых. А то ведь все время грызло беспокойство. Любят же люди, когда с них кто-то заботу снимает и берет на себя. А Юлька на себя брать умеет, не отнимешь...»

— Чего, и правда солить?

— Я вам посолю! — Юлька слышала все, что происходит вокруг, или вычленяла из окружающих шумов касающиеся ее темы. — Мотя, неси котелок сюда, только воду слей. Потом еще воды вскипяти, как можно больше.

Мотька с энтузиазмом взялся за подсобные медицинские работы: пристраивал над костром всю имеющуюся в наличии посуду, запаривал в котелке какие-то травы, мотался за чем-то к саням. Дело пошло. Мишка с облегчением вздохнул и только сейчас почувствовал, как устал.

— Деда, а ты мне такого же, как Юльке, не намешаешь? Что-то я умотался.

— Тебе это нельзя, оно — для сугреву и успокоения, сразу в сон потянет. Иди лучше на мое место, так отдохни.

«Лука свой десяток поднял... вот действительно преданный деду человек. Этот в дедову дружину уйдет и людей своих за собой утянет. А лучники у него там собраны отменные...»

Мишка сам не заметил, как задремал...

— Минь, а Минь! Минь, проснись, тебя лекарка зовет.

— А? Ты чего, Мотька?

— Юля зовет, плохо там...

Мишка, прихрамывая на затекшую ногу, кинулся к фургону:

— Что, Юль?

— Не могу! — В голосе Юльки было нескрываемое отчаяние. — Не получается, хотела, как тебя у Нинеи, и не смогла. Минька! Отходит он!

— Так! — Мишка попытался придать голосу как можно больше уверенности. — Первым делом успокойся. Потом попробуй еще раз.

— Да я уже три раза...

— Не ныть! Сделай глубокий вдох!

— Миня...

— Глубокий вдох, я сказал!!! Так, еще один. Еще. Теперь посмотри на солнце, сколько до темноты осталось?

— Да зачем...

— Делай, что говорю!!! Сколько?

— Часа два или... не знаю...

— С какой стороны ветер?

— Оттуда. Да зачем это все?

— Чтобы отвлеклась. Теперь начинал все снова. Вспоминай, как Нинея учила. Не напрягайся, растекись, как вода, впитайся в него, почувствуй биение жизни.

— ...Нет, Миня, он не такой, как ты. Не выходит, не чувствую его...

«Не такой, как я? Да, Нинея что-то такое говорила, мол, почувствует разницу, когда другими займется. Вот и почувствовала... Что же придумать? Со мной-то она смогла. Может, через меня? Надо попытаться, других вариантов все равно нет».

— Хорошо, попробуй через меня. Помнишь, Нинея рассказывала: женщина силу собирает, мужчина направляет.

— Я же не умею так...

— Некогда разговаривать, бери меня за руку! Да не так, пульс ищи!

— Чего?

— Жилку, где сердце бьется, вот я у тебя уже нащупал. Нашла? У тебя бьется быстрее, замед-

ляй, а я попробую ускорить, чтобы одинаково бились. Теперь сливайся со мной, как тогда...

«Есть! Что-то такое чувствую. Да, ощущаю ее эмоции... Блин, некогда разбираться, главное, что она, кажется, мне поверила».

— Юля, вокруг море силы, она во всем: в воздухе, в свете, в людях, в деревьях. Ощути ее. Слышишь?

«Не надо говорить, я и так понимаю. Да, сила есть, попробую зачерпнуть».

«Ты... ты что, мои мысли читаешь?»

«Нечего читать, это и мои мысли тоже, мы — одно. Не мешай».

Мишка вдруг почувствовал необыкновенный прилив сил, ясность мысли, что-то еще, чему нет пока названия в человеческом языке. Казалось, он способен совершить что угодно: взлететь в воздух, свернуть горы, растопить снега... Но ничего этого делать было не нужно, потому что рядом — умиравший Демка, всю эту неизмеримо огромную энергию надо было отдать ему.

«Получается, Юленька, какая же ты умница! Веди меня к Демке, мы сможем, вот увидишь!»

«Вот. Чувствуешь?»

Боль вонзилась в левую сторону груди, навалилось удушье, начало «уплывать» сознание.

«Это же не я, это я его ощущаю... Господи, как тяжело...»

«Мы вместе, мы справимся. Отдавай силу, Мишаня, туда, где хуже всего, только осторожно, понемногу».

«Нет, не так. Организм сам знает, что надо делать, ему только не хватает энергии, а у нас она есть, много, очень много. Нет, и это неправильно. Мы сейчас — единое целое, триединый организм, накачанный энергией. Мы справимся, только не надо мешать, я чувствую: не надо ничего делать, не надо ни о чем думать. Надо... надо уснуть, все должно происходить само. Да! Нинея говорила, что сон — лучшее лекарство. Мы засыпаем, мы ни о чем не думаем, мы ничего не ощущаем, мы...»

Бац! Удар по лицу... еще один...

— Да очнись же ты, пень! Минька!!!

— Спать, надо спать...

— Не надо! Все уже! У нас получилось!

— Что? Ой, Юлька, ты чего?

— Получилось! Демка жить будет!

— Да? А чего тогда дерешься? Ну вот, то бьет, то целует. Все же хорошо?

— Все хорошо, только ты не просыпался никак. — Юлька выглядела на все сто — глаза блестят, румянец во всю щеку, Мишка же лежал на дне фургона пластом, сил хватало только на то, чтобы разговаривать.

— Так сон-то какой приятный: сначала ты меня по морде била, а потом...

— Могу еще!

— Поцеловать? Давай, пока дед не видит!

— По морде могу еще! — Юлька воинственно сжала кулачки. — Хочешь?

— Ну, если тебе больше нечего мне предложить, согласен. Все-таки знак внимания со стороны прекрасной дамы. Хоть такой.

— Выметайся! У меня еще дел полно.

— Ну до чего же с тобой трудно: то бьешь, то целуешь, то зовешь, то гонишь... — Мишка попытался подняться. — Ой, Юленька, что-то меня ноги не держат.

— Хватит придуриваться, ноги его не... Минька, да ты чего?

— Пардон, мадемуазель, кажется, отъезжаю...

* * *

Все повторялось. Мишка снова лежал с закрытыми глазами, медленно выплывая из забытья, а рядом тихо звучали женские голоса, и один из них был Юлькиным. Все как тогда — у Нинеи.

— Я не поняла, мама, он какие-то слова говорил, то есть думал... не по-нашему. Я не запомнила.

— Ничего, помнишь, я тебе про заклинания объясняла? — Второй голос принадлежал лекарке Настене. — Если не понимаешь смысла, то заучивать бесполезно.

— Да, помню. Только я думала, что он силу в больное место направит, а он вдруг решил, что надо спать. Я пробовала перебороть, но он сильнее оказался. Ну... и уснули все. Сколько спали, не знаю, а как проснулась, то сразу к Демке. Смотрю, он дышит ровно, сердце бьется хорошо, и си-

нюшность на лице пропала.

— Значит, Миня правильно решил.

— Да, только он не просыпался никак, я его еле растолкала. Он поговорил со мной немножко, потом опять что-то непонятное сказал и снова уснул. Странно как-то, мама. Я, как приехали, сама с лошади слезть не могла, ноги не держали, болело все. А после этого как новенькая стала, хоть пляши. А он спит и спит.

— Все правильно, доченька. — Мишка по голосу почувствовал, что Настена улыбается. — Бывают такие дела, которые женщину только бодрят, а мужики после них, как медведи осенью, норуют спать завалиться.

— Какие дела?

— Вырастешь — узнаешь.

— Мама!

— Не кричи на мать! Словами этого не объяснить, надо самой попробовать.

— Чего попробовать? А-а, ты про это самое... так мы с Минькой только за руки держались!

— А были одним целым. Ближе не бывает. Вы с ним теперь...

— Кхе! — Не узнать голос деда было невозможно, даже с закрытыми глазами. — Настена! Ты парня-то моего перед отъездом посмотрела? Как он?

«Блин! На самом интересном месте! Принесло же старого».

— Правая рука сломана ниже локтя, но срастется, я думаю, быстро. А остальное не страшно, полежит несколько дней, и все.

— Ну слава богу. — Дед облегченно вздохнул. — А Андрей?

— А вот ему — лежать! — Голос Настены построжел. — Ногу не бередить, повязку два раза в день менять. Я приходишь буду, смотреть. И костыли ему сделайте. Дурной он у тебя, дядя Корней, это ж надо додуматься — самому ножом железку из ноги выковыривать! Пусть Бога благодарит, если хромым не останется, а то и одноногим. Ты ему построже накажи: на костыли не раньше чем дней через десять, и то если все хорошо обернется. В общем, посмотрим, я каждый день навещать буду.

— Ага, вот, значит, как. Понятно. Ты, Настена, дочку похвали, всех моих отроков попользовала, Демку так и вообще с того света достала. Изрядная лекарка растет! А это тебе, девонька, от меня, держи.

— Ой, Корней Агеич, не надо... — Похоже, Юлька получала гонорар впервые в жизни. — Спасибо, я бы и так...

— Кхе! Бери, бери, заслужила! Знала б ты, какой камень у меня с души сняла! Чуть не десяток битых мальцов посреди леса, и ехать нельзя. Да! Михайла тебе в Турове какой-то подарок припас, забыл, наверно, сразу отдать — не до того было.

— А какой подарок?

— А вот и не знаю! — Дед откровенно поддразнивал Юльку. — Сам поднесет, тогда увидишь! А это вот тебе, Анастасия Микулична, за изрядное воспитание дочки. Мне бы так ратников кто воспитывал, так моя сотня тысячи стоила бы!

«Ларец растряс, старый. Ну и правильно! Для такого дела не жалко».

— Благодарствую, Корней Агеич! А за Демьяна внука благодари, это он придумал, как правильно лечить надо. Непрост у тебя внучок-то, дядя Корней. А?

— И не говори, Настена, я иногда и не знаю даже... вот, опять! — Игривость в голосе деда сменилась недоумением. — Ну кто его лекарскому делу учил? Слушай, а долго он еще дрыхнуть будет?

— Пусть поспит, ему сегодня тоже досталось.

— Да уж! Видела б ты, как его выворачивало... но шестерых татей упокоил! Одного так и вообще ножом. Лисовинова кровь! Кхе! Ну ладно, пойду я. Подарки-то не только от меня, все отроки тебе, девонька, кланяются. Ты теперь у «Младшей стражи» вроде как святая заступница. Все за тебя горой! Кхе! Что-то заболтался я с вами...

Дед все никак не мог уйти, что-то его держало около фургона.

— Ты это... Настена, ты с Татьяной разговаривала?

— О чем?

— Кхе! Да кто ж знает? Она ничего такого не говорила?.. — Дед умолк, Настена тоже молчала, видимо, ждала пояснений. — Ну, — наконец решился дед, — что мы земляков ее того, побили. Может, кого из родичей опознала?

— Нет, не говорила, да и не смотрела она на покойников.

— А, ну тогда ладно... пошел я.

С третьей попытки дед все-таки ушел. Наверно, услышал то, что ему было нужно.

— Ну что, Михайла, наслушался? — насмешливо произнесла Настена. — Давно же не спишь!

— Что ты, тетя Настена. — Мишка неохотно разлепил глаза. — Я только что...

— Минька!!! — тут же ошетибилась Юлька. — Подслушивал?!

— Ну да! Очень надо мне.

— Ага! Мама, ты знаешь, что этот дурень учудил? Меня с души воротит, на ногах не стою, только и могу, что на животе лежать. А этот умник подходит и спрашивает: «Каша хочешь?»

— Ха-ха-ха, ой, Минька, уморил! — Могучая грудь Настены подпрыгивала от смеха так, что видно было даже под полушубком. — Что? Ха-ха-ха, так и спросил?

— Ага! Хи-хи-хи. — Юлька скалила передние зубы, как белка. — Как раз, говорит, поспела!

Мишка почувствовал, что краснеет. История действительно получилась дурацкая. Но Юлька, язва такая!

— Хи-хи-хи, я пятнадцать верст тряслась...

— И как раз, ха-ха-ха, к каше! Ой, не могу, ха-ха-ха!

— Тетя Настена, Юля, — под полог просунулась перевязанная физиономия Матвея, — вы есть хотите? Каша как раз...

— Га-ага-га!

Теперь ржали уже все трое. Мотька недоуменно уставился на смеющихся, пытаюсь, видимо, сообразить: что ж это он такого смешного сказал.

— Ох, ха-ха-ха, не могу. — Настена тряслась от смеха так, что билась спиной о стенку фургона. — Вы что... ха-ха-ха, сговорились?

— Кормильцы! Хи-хи-хи, кашевары! — дискантом вторила матери Юлька.

— Мотя, гы-гы, не слушай... ох, блин, не слушай их, неси... пока... ха-ха-ха... пока не остыла.

— Вы чего? — Мотька тоже было начал неуверенно улыбаться, но помешала раненая щека.

— Мотька, ха-ха-ха... — Настена дрожащей рукой попыталась утереть выступившие слезы. —

Перестань... помрем со смеху!

У задней стенки беспокойно зашевелился и тихо простонал Демка. Смех мгновенно утих, и Настена с дочкой склонились над раненым.

— Мотя, не обращай внимания, просто случай смешной вспомнили. Неси кашу, Юлька с утра не евши.

— Ага, сейчас. Минь, с тобой десятник Лука чего-то поговорить хотел.

* * *

На улице уже стемнело, и рыжая борода десятника Луки светилась в отблесках костра, как глаз светофора. Во внешности лучшего лучника ратнинской сотни отчетливо проявлялись черты предков-викингов: рыжими были не только волосы и борода, но даже брови и ресницы, глаза были светло-голубыми, а сам Лука высок и широк в кости. Своей скандинавской родословной он, похоже, очень гордился и специально ее подчеркивал — волосы носил длинные, до плеч, а длиннющие, опускающиеся до груди усы заплетал в косички.

— А-а, Михайла! — Лука сидел вместе со своим десятком около костра, возле его ног Мишка увидел на снегу три окровавленных болта с поломанными перьями. — Ты поел? А то у нас еще осталось.

— Спасибо, дядя Лука, поел.

«Это ж он из покойников мои болты вытащил. Специально ходил, смотрел. Не зря дед его хвалит — настоящий профессионал».

— А скажи-ка, Михайла, — десятник поднял со снега Мишкины болты, — зачем ты перья из дерева делаешь? Они же ломаются.

— А из чего делать?

— Из кожи не пробовал? Если кожу правильно выделат, ничуть не хуже будут и не сломаются.

— Не думал как-то, — Мишка пожал плечами, — надо будет попробовать, только я кожу выделывать не умею.

— Ничего, другие умеют. Расскажи-ка ты нам... да ты садись, чего стоять-то? Расскажи-ка ты нам, Михайла, как ты из своей игрушки шесть татей в бронях положил?

— Пять. Одного я ножом, Петька помог.

— Да? Это который из вас?

— Тот, что в село приехал.

— А, ну ладно, пускай будет пять. Понимаешь, парень, даже хорошему лучнику положить в бою пять ворогов в доспехе — редкая удача. Не всякая стрела не всякий доспех пробивает, и враг не стоит и не ждет, когда ты его продырявить соберешься. Он, вражина, наоборот...

«Поехали... Всем хорош мужик, и десятник отличный, и лучный мастер, и умен, но говорливый, как магнитофон. Недаром же кликуха — Говорун. Вообще-то для потомка викингов черта не характерная... Хотя и у них были скалды — песельники-сказочники. Сейчас он мне все расклады стрелкового боя в красках опишет, еще какое-нибудь лирическое отступление сделает, случаи поучительный из собственной практики приведет, а потом только я вопрос услышу. Послушать его бывает интересно, а часто и полезно, но только не сегодня. Ночь уже на дворе... почти».

— ...А было против вас четырнадцать лесовиков, — продолжал свой монолог Лука. — Засады они делать умеют, из лука белку бьют так, чтобы шкурку не испортить, да еще все в бронях. Как же это ты их?

— Первых двух просто было — почти в упор, — принялся объяснять Мишка. — Потом мы с Петькой...

Слушали внимательно, хотя большинство в девятом десятке и составляли уже матерые, опытные мужики, прошедшие не одну сечу. Мишка даже почувствовал себя кем-то вроде экскурсовода — «Посмотрите направо, посмотрите налево», — когда вслед за его жестами все головы поворачивались туда, куда он указывал. Вроде бы рассказал все, но Лука не успокаивался:

— Так! А теперь поподробнее. Как ты все-таки уложил того лучника, он же тебе поначалу высунуться не дал. Что ты тогда сделал?

— Лежа, из-за саней выстрелил.

— Лежа?

«Ну да, ты же в нашей армии не служил, ползать на брюхе тебя не заставляли, а из лука бьют только стоя или с седла».

— Допустим, это — сани. — Мишка указал на свернутую попону, на которой сидел Лука. — Я за ними спрятался и...

— погоди! — прервал Мишку Лука. — Какой высоты была поклажа?

«Дотошный, как налоговый инспектор, но так, наверно, и надо».

— Мне по грудь было.

— Ага! Тишка, дай щит. Нет, низко, седло подставь, а на него уже щит. Да, так и держи. Давай дальше, Михайла.

— Я за поклажей спрятался, зарядил самострел...

— Заряжай. Все, как было, показывай. На вот болт, все равно испорченный.

Мишка проделал все манипуляции, потом лег на снег и высунулся из-за импровизированного укрытия.

— Вот так. Он меня, наверно, не заметил.

— Нет! — Лука отрицательно покачал головой. — Такой стрелок все замечает. Но лежачего он опасным не посчитал. Все поняли?

Десяток ответил своему командиру нестройным согласным ворчанием. Мишка понял, что мужикам действительно интересно, и продолжил:

— Ну я подождал, когда он в другую сторону посмотрит, и стрельнул.

— Вот! — Лука назидательно поднял вверх указательный палец. — Лежишь себе спокойненько, никто на тебя не смотрит, тетива на защелке, держать не нужно, а как случай выпал, раз — и готово! Ну, признавайтесь, перестреляли бы Мишку на месте того лучника? Чего молчите? Правильно, любого бы из вас он положил. И меня бы положил, потому что я в его сторону и глядеть бы не стал: лежит, ну и пусть себе лежит. А потом он из-за тех же саней еще одного стрельнул, и еще одного — на полном скаку, с седла. А кто из вас, Михайла, тому, который вон там лежал, болт в глаз засадил?

«Вообще-то в ногу, а в глаз уже Немой „пересадила“, но это все мелочи».

— Кузьма. Он только один раз выстрелить мог: ему стрела вот сюда попала и к саням пришпилила.

— Вот! Слыхали? — Лука возвысил голос, хотя его и без того слушали внимательно. — Кто-нибудь из вас, к саням пришпиленный, выстрелить может? Да еще так точно! Не можете! Так, а теперь ты, Тишка, повтори то, что ты давеча трепал про детей и игрушки. Ну, я жду!

Тихон, явно смущенный, потупился и невнятно пробормотал:

— Да ладно, дядя Лука...

— Я жду! — Лука снова повысил голос.

— Ну винюсь, глупость ляпнул... Кто ж знал?

— А не знаешь, так не болтай! Наказание тебе будет такое: пойдешь к Михаиле Фролычу в ученики и выучишься стрелять из самострела так же, как он — с завязанными глазами, на звук.

— Лука Спиридоныч!

— Я еще не все сказал! Пойдешь к Лавру Корнеичу и выучишься делать самострелы, но не для отроков, а для взрослых, чтобы рукой взводить.

— Дядя Лука, так это ж...

— Молчать, когда я говорю! Когда всему этому выучишься, возьмешь тех косоруких, которые лук освоить никак не могут, и обучишь их самострельному бою. Пора тебе, племяш, десятником становиться! Вот теперь — все. Можешь чирикать.

«Вот куркуль! У него же и так целая мастерская по изготовлению луков — сам, два сына, три племянника, два холопа с женами. Теперь он еще и самострелы клепать наладится, и племянника в десятники пропихивает. Ну силен Лука Говорун! А об авторском праве, Лука Спиридоныч, вы, конечно, и понятия не имеете. Или вид делаете?»

— Лука Спиридоныч, самострелы — дело дядьки Лавра!

— Знаю! Договоримся. А тебе за обучение Тихона даю десять самострелов для «Младшей стражи» бесплатно. Согласен?

— Нет! — Мишка уже понял, что Лука пытается что-то для себя выгадать, используя эффект неожиданности, и решил поторговаться: все-таки племянник купца. — Двадцать самострелов, но не за обучение, а за станок, на котором болты вытачивать можно. Быстро, и все одинаковые.

— Двенадцать!

— Восемнадцать!

— Четырнадцать!

— Шестнадцать!

— Пятнадцать!

— И по десять болтов к каждому. По рукам?

— По рукам! А за обучение чего хочешь?

— За науку — науку, Лука Спиридоныч. В «Младшей страже» сейчас девять человек... восемь — одного убили. Ты их видел, ребята крепкие. Самострелы самострелами, а лучному бою тоже учить их надо. Ты — лучший у нас лучник, значит, «Младшую стражу» надо учить у тебя.

— А не много захотел? Ты одного учишь, а я восемь?

— Три возражения, — быстро ответил Мишка — с Лукой надо было вести себя как на парламентских дебатах. — Первое: добрые лучники есть и кроме тебя, а я один. Второе: не все из восьми могут способными оказаться, тогда учеников станет меньше. Третье: скоро учеников станет еще больше, если с нами дело пойдет, остальных будешь учить за плату. Договорись с дедом. И еще: на первых порах самым простым вещам учить, конечно, будешь не сам, Тихона заставишь. Я не против, был бы толк.

— Купцом бы тебе быть.

— А я и так купцов племянник.

— Вот! — Лука снова поднял вверх указательный палец. — Видите, каких парней Корней Агеич воспитывает? Вырастут — кому вы, охламоны, нужны будете? Они и воинами станут, и науки превзошли, и торговать могут, и ремесла знают. А Никифор — дядька его? Он на своих ладьях, как нурман: где торгует, а где и на щит взять может, а если ему Корней Агеич ладейную рать выучит...

«Опять поехал! И правильно, ведь все понимает, умен, черт. Какой помощник для деда, и чего тот за Данилу держался? Но монолог надо прерывать, конца не видно».

— Дядя Лука, хочешь, еще одну интересную вещь подскажу?

— Не перебивай старших! Гм, о чем это я? Ладно, чего запросишь за свою интересную вещь?

— Ничего. Это за то, что ты нам на помощь десятков поднял.

— Обижаешь! Я тридцать восемь человек привел.

— Прости, не знал. Значит, если что, дед может почти на четыре десятка рассчитывать.

— Что «если что»? — сразу же насторожился Лука.

— В жизни всякое бывает, — туманно отозвался Мишка.

— Темнишь, парень.

— Так не на исповеди.

— Э! Забыл, что со старшим разговариваешь?

— Помню, что говорю с умным человеком, который понимает больше, чем сказано.

Возле костра повисла неловкая пауза. Лука сверлил взглядом Корнеева внука, Мишка упорно

не отводил глаза, хотя знал, что грубо нарушает правила общения младшего со старшим. Глаза следовало опустить и молчать, дожидаясь, пока Лука заговорит первым. Было видно, что десятнику очень хочется вразумить нахального сопляка оплеухой или чем-либо подобным, но он сдерживается.

Наконец Лука, видимо что-то решив для себя, прокашлялся и, покрутив головой, произнес:

— Вот что, Михайла... Анька дедову походную палатку привезла, вон она стоит. Давай-ка я тебя до нее провожу.

«Все проспал. Куча народу приехала, какие-то дела, похоже, решаются, а я дрых, как суслик».

Отойдя от костра так, чтобы никто не мог их услышать. Лука остановился:

— Что ты там говорил про то, что скоро учеников прибавится?

— Туровские купцы будут присылать на обучение сыновей или других родственников, чтобы потом свой человек охраной командовал. Если дело пойдет, то потом к каждому из них пришлют по десятку, чтобы командирский навык приобрел.

— Угу... — Лука покивал головой. — Умен Корней, ничего не скажешь. Под это дело можно... всякое можно. Умно, умно. Когда привезут?

— Собирались по первой воде, но один уже есть — тот самый Петька, он сын купца Никифора, материного брата.

— А плата за обучение какая будет?

— Еще не знаем, ты вот сколько запросишь?

— Гм, подумать надо. Хорошее дело, я с Корнеем обговорю. Теперь другое. — Лука оглянулся на костер, возле которого сидели его люди, и понизил голос. — Корней, надо понимать, не только купеческих детишек учить собирается?

— Верно, Лука Спиридоныч.

— Ну и?

— Сотня медленно умирает, вместе с ней и все... Железные пальцы Луки смяли в комок полусубок на груди под самым горлом. Мишка почувствовал, что ноги отрываются от земли.

— Ты что болтаешь? Удавлю, щенок...

Мишка потянул из ножен кинжал, но вторая рука Луки захватила его запястье, как капкан.

— Кусаться надумал, сучонок? Я тебя...

Второй кинжал коснулся шеи десятника. Лука мгновенно выпустил Мишку и отпрянул. Сделано это было так быстро, что Мишка даже не сразу понял, что свободен.

— Хитер! — Лука слегка пригнулся и расставил в стороны руки. Не доставая оружия, предложил: — Ну давай поиграем.

— Горло прикрой, дядька Лука, и глаза: мы в эти места бить приучены. В Турове троих татей так упокоили, а четвертого изуродовали.

— Ага! — раздался из темноты Мотькин голос. — Мишка ему ухо отсек.

— А тутошнего зарезанного ты сам видел, — добавил с другой стороны Роська. — Старшину «Младшей стражи» не замай!

— Р-р-р.

— Чиф, рядом! Сидеть! — Мишка ухватил пса за ошейник.

«Лука — профессионал. Вырубить трех мальчишек голыми руками для него не проблема, даже с риском, что кто-нибудь из них может успеть полоснуть ножом, но Чиф — это серьезно. Если он повиснет на руке или, не дай бог, доберется до горла... пусть даже только с ног собьет... зарезанного татя Лука сам видел».

— Сидеть! — точно таким же тоном, как Мишка на Чифа, Лука прикрикнул на зашевелившихся у костра мужиков. — Шутейно мы...

— А щенком меня не зови! Моя мать не сука! — Мишка немного помолчал. — Все еще хочешь играть, Спиридоныч?

— Поиграли уже. — Лука сплюнул в сторону. — «Младшая стража» выиграла.

— Вира с тебя, дядя Лука. Выслушаешь меня, но рукам воли не дашь.

— Гм. Ну слушаю.

— Сотня медленно умирает. Прибавки от своих почти нет, со стороны не берем. В первом же серьезном бою сколько-то народу потеряем. А боев будет много — Владимир Мономах при смерти. В Турове сел Вячеслав, но если Киев Мономашичам не достанется... Дальше объяснять?

— Не дите, понимаю. — Лука нервно дернул головой.

— Если сгинет воинская сила, всему Ратному конец. Пополнять сотню извне, сам понимаешь, не дадут. Единственный выход для сохранения и увеличения воинской силы — дружина боярина Корнея. Тот, кто пойдет к нему, останется воином, остальные будут платить за защиту. И вся округа

тоже, куда достанем. На это и будем содержать войско. Ближникам боярским — деревеньки с холопами, дружине — корм и добыча.

— Почему сам, — Лука кивнул в сторону палатки деда, — не говорит?

— А ты бы сказал? С мальчика же какой спрос?

— Когда?

— Медленно, постепенно. Князьям не до нас будет.

— Понял. Ты того... не держи зла, погорячился.

— Все понимаю, ты не первый.

— Даже так? — Мрачное выражение лица Луки мгновенно сменилось настороженным. — А кто еще?

— Ты бы ответил?

— Хм, — Лука криво ухмыльнулся, — вот тебе и «Младшая стража»: мальцы, игрушки. Передай деду: на четыре десятка может рассчитывать.

— Передам.

Лука развернулся и пошел назад, к своему костру, а Мишка по очереди оглядел Матвея и Роську.

— Вы откуда взялись?

— Крестная забеспокоилась, — объяснил Роська. — Темно уже, а ты ушел, и нету.

— Все слышали и видели, но мало что поняли. Так?

— А чего это вы с ним... — начал было Матвей.

— Ничего не видели, ничего не слышали, понимать нечего! — быстро перебил Роська.

— Верно мыслишь, старший стрелок! Пока Демьян лечится, бери на себя десяток. Ребят постепенно, по мере выздоровления, будем на учебу ставить. Ты командуешь, Кузьма учит.

— Слушаюсь, господин старшина!

— Как спина?

— Полегчало. Юлия, не знаю как по бабушке, просто волшебница, а говорит как! — Голос у Роськи потеплел. — Я матушку вспомнил...

Мотька ревниво засопел:

— Со мной тоже... говорила.

«Поздравляю, сэр, у вас на глазах происходит формирование любовного треугольника. И углов, надо понимать, будет все прибавляться, она же со всеми профессионально поработала, а они все сироты, ласкового слова не слышали с младенчества. Пресекать надо в зародыше, только как?»

— Ребята, вы на голос ее не очень-то ведитесь. Это лекарское искусство — успокоить, приласкать, пожалеть. Лекарок этому с детства учат, и она так с каждым больным или раненым разговаривает, не только с вами.

«Бесполезно... слушают, но не слышат. Только этого мне не хватало. Как их ножевому бою учить, если они из-за Юльки тут же резаться начнут? Ну нет, лекарка моя любезная, сама напортачила, сама и исправлять будешь!»

— Ладно, сами потом убедитесь. Сейчас давайте на ночь устраивайтесь. Роська, обойдешь всех, посмотришь, как устроились, потом мне доложишь. Я у деда буду.

— Слушаюсь!

Мишка, сопровождаемый Чифом, быстро зашагал к фургону. Как он и предполагал, все женщины собрались там. Как только Мишка сунулся под полог, разговор прервался и все головы повернулись к нему.

— Тетя Настена, неприятность у нас, Юлька парней моих подпортила, может плохо кончиться.

— Что? Как это подпортила?

Вопрос прозвучал строго, даже грозно, но было понятно, что строгость эта адресована не Мишке. Юлька тоже сразу все поняла и попыталась «отыграть» тему:

— Минька, ты чего болтаешь, за кашу, что ли, обиделся?

Дело, однако, казалось Мишке очень серьезным, поэтому он, не глядя на Юльку, по-прежнему обращался только к Настене:

— Ты же знаешь, как она голосом завораживать умеет, а ребята все — сироты, ласковое слово и не помнят, когда в последний раз слышали. Мотька с Роськой уже волками друг на друга глядят, а постепенно и другие выздоравливать начнут. Обучим их оружием пользоваться, а они друг в друге дырок наделают.

Бзынь! Подзатыльник, исполненный опытной лекарской рукой, мгновенно вышиб из Юлькиных глаз слезы.

— Мама! Я же как лучше хотела, они даже боли не чувствовали!

— Все силу свою пробуешь? Я тебе что говорила?

Бзынь!

«Влипла подруга. А ситуация-то такая же, как с моими ребятами. Дети же еще, а в руках сила: у них — оружие, у нее — власть над сознанием. Силы своей не понимают, страха не ведают, ответственности... и слово-то такое им неизвестно. А то ли мы делаем, вообще? Не натворить бы беды, но и назад ходу нет. Думайте, сэр Майкл, управление персоналом — тоже наука».

— Тетя Настена, она же не знала, что они...

— Должна была понять, на то и лекарка. Если слишком легко ей поддались, значит, что-то не так. А она решила, что это она такая сильная да умелая!

Бзынь!

— Мама!

Бзынь!

Мишка уже открыл рот, чтобы вступить за Юльку, но его опередила мать:

— Настя, будет тебе, мозги выбьешь!

— Было б что выбивать...

«Нет, Настена и правда здорово разозлилась, надо как-то отвлечь. Ну-ка, сэр, спасайте прекрасную даму!»

— Тетя Настена, можно сказать?

— Что еще?

— Если уж это... не знаю, как назвать, появилось, то убить это уже нельзя, надо, наверно, попробовать чем-то заменить. Ну вот мама у них у всех крестная, так, может быть, можно это на нее перевести как-нибудь? И еще: они ни семейной жизни, ни родства не помнят или не знали этого вообще. А неприкосновенность родни им как-то внушить тоже нужно...

— Поняла я тебя, поняла! Слышишь, лахудра? — Настена сердито глянула на дочь. — Никто его не учил, а все лучше тебя понял! Больше к отрокам и близко не подходить! Я сама ими займусь, они у меня узнают, что такое ласковое слово! Про тебя, свиристелку, забудут, как и не было! Перестань реветь! Сама виновата! А насчет семейных дел...

— Настя, — подала голос Татьяна, — я бы к себе кого-нибудь взяла. У Ани-то своих пятеро, а у меня двое.

— Михайла, — Настена обернулась к Мишке, — сколько их у тебя всего?

— Четверо.

— А тот, что в село приехал?

— Мамин племянник, Петькой зовут.

— Мотю я бы взяла, — уже помягчевшим голосом проговорила Настена. — Он Юльке толково помогал и ни крови, ни ран не боится, есть у парня склонность к лекарству. Да и этой, — Настена кивнула на Юльку, — полезно понюхать, как мужиком в доме пахнет.

— Мама, да мужики все дурные, вонючие, грязные!

— И этот? — Кивок в сторону Мишки.

— А...

— То-то же!

Мишка, в который раз за день, почувствовал, что краснеет. Настена была беспощадна, как умеют быть беспощадными для дела все хорошие врачи.

— Мама, — Мишка просительно глянул на мать, — Роську бы у нас оставить, он мой крестник, да и относится ко мне...

— Видела я, правильно говоришь, сынок.

Татьяна, словно опасаясь, что ей не достанется ни один приемыш, торопливо встала:

— Значит, мне — двоих. Как их звать-то?

— Артемий и Дмитрий. А дядя Лавр не рассердится?

— Сам еще детей хотел, вот и будет ему... — Татьяна запнулась и принялась преувеличенно тщательно поправлять платок.

— Тетя Настена, — снова обратился Мишка к лекарке, — а можно еще одну вещь сказать? Так мы ребят приучим к заботе о них, а надо же научить и самим о других заботиться. У нас-то младшие есть: Сенька и Елька, — а с остальными как?

— Ну говори уж, говори, вижу же, что придумал.

— У Нинеиных сук скоро от Чифа щенки будут. Если ребятам раздать и наказать, чтобы воспитывали...

— Аня, парень-то у тебя... А? — Настена улыбнулась и протянула было руку потрепать Мишку по голове, но тут же испуганно ее отдернула — в фургон сунулся Чиф, которому, видимо, надоело ждать, когда хозяин снова обратит на него внимание.

— Тьфу на тебя! Напугал, кобелина!

Чиф лишь радостно оскалился в ответ Настене и попытался облизать хозяина.

— Фу! Чиф, перестань! — Мишка принялся отпихивать от себя пса. Женщины, глядя на эту борьбу, разулыбались, только мать неожиданно пригорюнилась и тяжело вздохнула.

— Фролушка... Отец бы, покойник, порадовался...

«У каждой свое горе, а ребят берут, не задумываясь. А ТАМ в роддомах бросают. Семью с пятью детьми днем с огнем не найдешь».

Мишка стянул с головы шапку и поклонился женщинам:

— Спасибо вам, бабоньки, за сирот, за то, что пригрели. Они вам сыновней любовью ответят.

— И тебе на добром слове благодарствуем, — ответила за всех Настена. — Ступай, Мишаня, мы тут о своих делах поговорим.

«Вот как: дурные, вонючие, грязные. Слышали бы ребята, они-то все за чистую монету приняли, а она силы пробовала... стерва. Впрочем, и Мотька с Роськой, стервецы, от наезда на Луку удовольствие получали. Тоже силы пробовали. Конечно, половое созревание уже на подходе, но ведь дети еще. А может, все правильно? Это ТАМ социальная зрелость наступает гораздо позже физиологической, а ЗДЕСЬ... запросто может быть, что и наоборот. Меньше живут, быстрее взрослеют. Только же сегодня по краю все прошли, и ни у одного ни истерики, ни комплексов всяких. Ну Юльке Настена мозги вправит, а моим кто? Настена, правда, пообещала, но этого мало, мужская рука нужна. Пожалуй, только дед».

Чиф снова, подпрыгнув, умудрился лизнуть Мишку в нос, почему-то вспомнилось:

*Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такой милою доверчивой приятцей,
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.*

— Минька, подожди! — Из фургона выскочила все время молча сидевшая в уголке Анька-младшая. — Минька, а правда, что ты нам всем подарки из Турова привез?

Контраст между материнской мудростью женщин и девичьей суетностью был настолько велик, что Мишка чуть не выматерился вслух.

— Нашла время!

— Ну, Минька, что тебе, жалко? Покажи...

— У деда всё, у него и спрашивай.

— У-у, он не покажет. А давай вместе пойдем, будто ты сам показать захотел.

— Пошли, он тебе покажет — ахнешь!

Возле дедовой палатки Мишка приостановился и, демонстративно кашлянув, громко спросил:

— Господин сотник, здесь старшина «Младшей стражи», дозволишь войти?

Анька совершенно по-идиотски хихикнула.

— Кхе! Дозволяю! А хихикает кто? Тоже заходи.

Согнувшись, Мишка пролез в палатку, за ним Анька.

— Вот, на подарки желает взглянуть...

— Пошла вон, вот я тебя!

Аньку как ветром сдуло.

— А тебе чего, Михайла?

— Новости есть, деда, и дела, без тебя не решить.

— Новости-то хорошие?

— Всякие.

— Лавруха, а чего это мы не слыхали, как они подошли? Мы тут с тобой о делах, а вокруг неизвестно кто шляется...

— Так снег-то утоптали, батюшка, не шуршит, не хрустит.

— Деда, а давай я Чифа на стражу поставлю, он никого близко не подпустит.

— И то дело.

Мишка высунулся наружу, свистом подозвал пса.

— Чиф! — Мишка хлопнул ладонью по полотнищу палатки. — Охранять!

Чиф всем своим видом продемонстрировал готовность порвать любого, кто приблизится к палатке, и тут же занялся приташенной откуда-то костью. Ему ограничения устава караульной службы были неведомы, и кость от исполнения обязанностей его нисколько не отвлекала. Пока Мишка «ставил на пост» Чифа, Лавр продолжил, видимо начатый раньше, разговор:

— ...Ворота только одни, а со стороны реки есть маленькая калитка. От леса до ворот шагов двести — двести пятьдесят. На том берегу лес далеко, сначала заливной луг идет, потом — пашня. Как через реку перебираются, я не знаю, но сейчас там лед.

«Ага, похоже, обсуждают налет на Кунье городище, Лавр же там бывал, знает подробно».

— Сколько там сейчас народу, трудно сказать, Танюха говорила, что около трех сотен, так это десять лет назад было. Со Славомиром ушло двадцать пять мужиков, может, у них больше боеспособных и не было, моровое поветрие и туда добраться могло. Так что сейчас там путных воинов может и не быть, только старики да парнишки, которых с собой не взяли. Пути от Ратного до них, если с заводными конями, дня полтора или два, зависит от дороги.

— Не забудь, Лавруха, нам еще до Ратного с обозом тащиться. Даже если с утра выберемся, все равно в этот день не выйдем, только на следующий. А еще собраться, да кто-то отлынивать станет...

Мишка, поняв, о чем идет разговор, влез со своим советом:

— Деда, а если сразу отсюда?

— Не влезай, пока не спрашивают! Умник, четыре десятка или семь — есть разница?

— Всем или только преданным тебе людям? Есть разница? — в тон деду отозвался Мишка.

— Каким-каким людям?

Снаружи донесся предостерегающий рык Чифа, а за ним голос Роськи:

— Господин сотник, дозвожь старшине Михаиле доложить!

Лавр изумленно глянул на деда:

— Ну, батяня, ты и порядки завел!

— Кхе! А ты как думал? Погоди, ты еще не все знаешь! Михайла, пусти его.

Мишка высунулся из палатки:

— Чиф, свой, не трогать! Роська, заходи.

— Господин сотник! Все люди устроены, уже спят. Лекарка Настена сказала, что десятнику Демьяну полегчало и везти его завтра будет можно, только медленно. На страже стоят ратники из десятка Алексея Рябого.

— Кхе! Молодец! — Дед довольно ухмыльнулся, искоса глядя на Лавра, и молодецки расправил усы. — Ступай и сам спать. Место-то есть? Вот и ступай, на сегодня служба кончилась. Ну, Михайла, что ты там про людей говорил?

— Те, кто сюда пришел, тебе преданы, другие-то и задницу не подняли, хоть ты совсем пропадай. Преданность награды требует: удачного похода, добычи. Пусть потом остальные локти кусают да думают, как благорасположение господина сотника заслужить.

— Кхе! Благорасположение... выдумает же. — Дед немного помолчал, раздумывая, потом заговорил уже иным тоном: — А добыча... зимние ловы закончились, пушнины у них должно много быть. Но четырьмя десятками, и десятников только двое... Лавруха, как думаешь?

— Если изгоном, а мужей, к воинскому делу склонных, у них и вправду больше нет, может и получиться.

— Деда, — снова встрял Мишка, — а если ночью и в маскхалатах...

— В чем, в чем?

— В белой одежде, чтобы на снегу не видно было. Исподнее поверх доспеха надеть — и через реку, к калитке. Всего несколько человек и нужно. Пока разберутся, мы ворота откроем, и остальные от леса галопом...

— Погоди, погоди... галопом. Не делали так никогда.

— Я, батюшка, так делал, — неожиданно поддержал племянника Лавр. — Гм, когда к Татьяне... к калитке. Только не в исподнем, а куском полотна беленого накрывался. И не через реку, а под берегом, там с полверсты всего. Можно попробовать.

— Кхе... Кхе... не знаю, не знаю. — Дед задумался, машинально поглаживая деревяшку, заменяющую ему правую ногу.

— Деда, давай я тебе пока новости расскажу, может, они и к этому делу прилягут?

— Ну?

— Меня Лука на разговор зазвал.

— И тут поспел! — Дед хлопнул ладонью по своей деревяшке. — Ну что ты скажешь? Как на

стражу, так Леху Рябого, а как... а чего хотел-то?

— Первое: хочет в своей лучной мастерской самострелы делать, с дядей Лавром обещал сторговаться.

— Лавруха, смотри не продешевь, а лучше ко мне посылай, я ему сторгуюсь... так сторгуюсь...

— Деда, лучше не цену запрашивать, а долю в прибытках, он много самострелов делать собирается. Только мне за станок для вытачивания болтов посулил пятнадцать самострелов бесплатно и по десятку болтов к каждому. А за то, что я его десяток самострельному бою обучу, взялся «Младшую стражу» лучной стрельбе учить.

— Что-о-о? — изумился дед. — Ратников — самострельному бою?

— Он хочет, чтобы Тихон обучил десяток тех, кто с луком управляется плохо, и стал бы десятником. — Мишка выдержал паузу и осторожно признался: — Деда, я под такой разговор посамовольничал немного, ты только не ругайся, выслушай сначала.

— Что еще учудил?

— Я насчет твоей личной боярской дружины намекнул, а он сказал, что на четыре десятка ты можешь рассчитывать. Вот я и подумал, что с этой добычи и холопов, которых в Куньем городище набрать можно, дружина может потихоньку и начаться. Преданные тебе люди сразу пользу ощутят.

— Так...

В палатке повисла тишина. Дед глубоко задумался, сын и внук сидели молча, не смея прервать его размышления.

— Поганец, едрена-матрена!

— Деда, я...

— Не ты. Лука! Сильный род создать надумал. Племянника в десятники, косоруким самострелы... случалось уже подобное, мне дед рассказывал. Был такой полусотник Митрофан. У нас тогда почти полторы сотни ратников было, и у каждой полусотни свой командир. Митрофан за десять с небольшим лет повязал всю свою полусотню родством: сам свадьбы и крестины подстраивал. И по-другому, по-всякому. Потом взбунтовался и увел своих людей за Горынь. Обложил данью десяток или больше деревенок, городок поставил. Хотел волынскому князю служить, а тот не стал его в службу брать, а взял Митрофанов городок на щит и сжег. Почему уж так вышло, не знаю. Но было такое.

— Батя, ты думаешь, что Лука тоже... — насторожился Лавр.

— Да кто ж его знает? Хотя и не дурак, и история эта ему известна, но чужая душа — потемки.

— Значит, деда, наш род сильнее должен стать!

— Слыхал, Лавруха? Сейчас тебе Михайла ратников нарожает, прямо в доспехах! Кхе! И, чего уж мелочиться, прямо верхом и с заводными конями. Давай, внучек, мы Настену позовем, чтобы роды принимала!

— Рожать можно и головой.

— Дану?

— У братьев Татьяны семьи были?

— Кхе!.. — Дед обалдело уставился на внука. — Поганец! Три семьи родил. Из головы. Лавруха, чего с ним делать? Вместо иконы в красный угол поставить?

— Родню холопить нельзя, батя, — осторожно напомнил отцу Лавр.

— А я о чем? Сколько там народу может быть?

— Ну... не знаю, у ихних жен еще сестры, братья наверняка есть. Вообще, полгородища родни может оказаться! Не прокормим же!

— Разберемся. Запасы-то у них свои есть? К весне, конечно, немного осталось, можно будет вывезти. Лавруха, ты понимаешь, какой род может получиться? И женить внутри рода можно будет, родство-то дальнее.

— Деда, а почему ты так легко Луке все тридцать восемь человек отдаешь? Рябой такой же десятник, как и Лука, а остальные восемнадцать человек? Пусть себе двух десятников выберут, обычай не запрещает, только твое благословение нужно.

— Не в благословении дело. Десятники обидятся, что я у них людей увел.

— Не уводил, — уперся Мишка, — они сами пришли, а для похода сами в десятки собрались и десятников выбрали. А непришедшие сами виноваты.

— Ладно, всем спать, — неожиданно прервал разговор дед, — а я еще подумаю. Михайла, ты здесь ложись, опять от тебя голова пухнет, ну что за внук мне попался.

«Ну-с, сэр, не пора ли подвести некоторые итоги? Помнится, ставили вы перед собой три задачи: стать сильнее всех сверстников, увеличить благосостояние семьи (с соответствующим из-

менением социального статуса) и создать свою команду. И всего-то, что у вас было из ресурсов: голова на плечах да семья за спиной. И получилось ведь! Силушка для своего возраста — грех жаловаться, один на один любого сверстника заламаю. Социальный статус и благосостояние не только восстановлены, но и имеют реальные перспективы роста. Команда собрана очень, надо сказать, неплохая и тоже с перспективой роста.

Это формально, с прагматической точки зрения. А с нравственной? Оглянитесь вокруг себя, сэр, и станет вам тоскливо, хоть на луну вой. С кем у вас складываются самые близкие отношения? Да с такими же одиночками, как вы сами. Отец Александр — один как перст. Свинья вы, кстати сказать, даже не поинтересовались его здоровьем. Нинея — всех вокруг себя перехоронила, а вы ей чем-то по душе пришились. Роська — сирота, даже национальности и вероисповедания своих не знающий. Матвей, Артемий и Дмитрий. С этими и вообще путно даже не пообщался ни разу. Дядька Лавр — одинокий, как и всякая творческая личность, да еще с весьма запутанными романтическими отношениями. Юлька. Также ведь одинокая, подружек у нее я что-то не видел.

Кто же вы такой, сэр, что около вас собираются только те, кому плохо? Чего они ждут от вас? Не знаете? А вы ведь сегодня, вернее, уже вчера еще сколько-то ребятишек осиротили и собираетесь за счет них еще свою команду прирастить! А не подонок ли вы, сэр? Циничный и безжалостный. Вот и деда на авантюру подталкиваете, а чего будет стоить местному населению создание феода во главе с лордом Корнеем? Между прочим, действительно лордом, поскольку станет он хозяином весьма обширной территории.

Но иначе же нельзя. Анализ показывает, что альтернативой может быть только гибель Ратного! Так что же? В соответствии с вашей любимой теорией управления, по достижении поставленной цели структура должна быть реорганизована под достижение следующей. Цель — создание благоприятных стартовых условий — достигнута. Структура, то есть семья, должна перейти в иное состояние, для того чтобы идти к новой цели — формированию боярской вотчины. Кадров прибавилось и еще прибавится. Ресурсы есть и тоже имеют тенденцию к росту. Технологии? Да какие, собственно, технологии? Банальный бандитизм, собираем банду и крышуем некоторую часть территории Турово-Пинского княжества. Крышуют же Русь Рюриковичи, но у них намечаются крутые заморочки с кровавыми разборками. Вот мы под шумок и... того, сбцаем себе если не герцогство, то уж графство — точно.

И все же, все же, все же. Как же нам с вами, сэр, поступить с циничным и безжалостным подонком? Давайте-ка сразу договоримся: никаких интеллигентских самокопаний, никаких комплексов вины, заламывания рук и посыпания головы пеплом. Душевное спокойствие — это тоже прагматика. Невозможно успешно заниматься серьезным делом, если что-то постоянно грызет тебя изнутри. В противном случае либо натворишь ошибок, либо вообще потянет веревочку намылить да подходящий крюк поискать. Как там Борис Годунов жаловался:

*Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчишки кровавые в глазах...*

Не позавидуешь товарищу Годунову, и самому в подобной ситуации оказаться страсть как не хочется.

Какие, собственно, имеются варианты? Первый и самый простой выход — оставить все как есть и понадеяться на крепость психики. Есть такая штука, как ретроградный анализ. Человек, пока он в своем уме, всегда находит, сам для себя, оправдание всему, что он натворил. Любой мерзости и грязи. Можно, конечно, и из этого исходить, но вы, сэр, управленец, и как врачу говорят: «Исцелись сам», так и управленцу можно сказать: «Управляй собой». Пускать дело на самотек просто-напросто непрофессионально.

Имеется и другой ход. Хирург тоже делает людям больно, иногда даже отрезает чего-нибудь, но при этом спасает жизнь. Удобная позиция, но хирург совершенно точно знает, что иначе нельзя, потому что обладает всей полнотой информации по проблеме. А я? Не знаю даже, кто сменит Мономаха на киевском столе. Боярин Федор, правда, вполне убедительно прогнозирует приход Мстислава Владимировича, но дальше-то что? Помню, что должна начаться чехарда киевских властителей, которые будут сменять один другого очень быстро, но вот когда это начнется? А про Турово-Пинское княжество вообще ни бум-бум. Действую на ощупь. Так что хирургическая отмазка не проходит.

Еще варианты есть? Есть! Компенсация. Например, Дзержинский — создатель ВЧК — КГБ

— ФСБ. Знал, что Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с саботажем и контрреволюцией в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции — дело кровавое, но необходимое, как и любая контрразведка. Знал — и взял на себя. «Рыцарь революции», романтик, интеллигент. Не мог не терзаться теми же вопросами, что и я сейчас. Масштаб конечно же другой, но суть та же. И нашел-таки компенсацию — беспризорные детишки. Миллионы, оставшиеся сиротами после Первой мировой и Гражданской. Вернул их к нормальной жизни, сделал полноценными людьми.

А случайно ли вокруг меня одинокие и неприкаянные собираются? Судьба, Бог или кто-то там еще подсказывают выход? Спасибо за подсказку, принимаю! Будут кровь, смерть и разрушения, но будут (и уже появились) парнишки, которые, не пересекая наши пути, сгинули бы без следа и надгробия. И пусть потом Тот, кому дано такое право, взвешивает и решает. А я постараюсь, чтобы на тех весах чаша с добром оказалась потяжелее».

Глава 3

Конец марта 1125 года. Дорога в Кунье городище

Узкая лесная дорога, заваленная снегом — коням по колено, а кое-где переметенная сугробами чуть не в человеческий рост, вдобавок еще и постоянно петляла. Где-то позади растянулась колонна из четырех десятков ратников и десятка обозных саней. Мишка ехал вместе с ратниками передового дозора, старшим в котором был все тот же племянник Луки Тихон. Он сам попросил, чтобы Мишку отпустили с ними, не столько конечно же из желания иметь в дозоре мальчишку, сколько рассчитывая на чутье и слух Чифа. Умение лесовиков устраивать засады было прекрасно известно всем, и, хотя неприятностей вроде бы не ожидалось, Тихону, видимо, захотелось подстраховаться.

Мишка и сам не ожидал, что его возьмут в поход, но дед почему-то решил именно так, и никто с ним спорить не стал. Только Леха Рябой мрачно поинтересовался, на хрена им сдался малец, на что получил краткий, но выразительный ответ деда, смысл которого сводился к тому, что сотнику виднее, кого брать, кого не брать. В последний момент, когда отряд был уже в седлах и ждал только команды, Мишка вспомнил о Юльке, залез в свой мешок и, достав платок, подъехал к сгрудившимся возле фургона женщинам.

— Юль, ты деда пытала, чего я тебе из Турова привез, вот держи, под цвет глаз выбирал.

Ярко-голубой шелк развернулся у Юльки в руке, упав одним концом на снег. Мишка отъехал к дороге и обернулся. Платок в опущенной Юлькиной руке все так же лежал одним концом на снегу, Мишка ждал, что она махнет ему на прощание, но девчонка стояла совершенно неподвижно. Мимо него уже пошли, по трое в ряд, конники, лошадь сама, без команды всадника начала разворачиваться вслед за ними, и из-за этого стало неудобно смотреть. Пришлось обернуться уже через другое плечо, Юлька все так же стояла рядом с женщинами, опустив руки. Так и не дождавшись прощального жеста, Мишка послал лошадь вперед, догоняя голову колонны, где, сверкая на весеннем солнышке золотой гривной, ехал дед. И только возле самого поворота, когда из-за расстояния уже было не разобрать лиц, обернувшись в последний раз, он увидел, как на фоне серой стенки фургона взметнулся и опал, словно язычок голубого пламени, его подарок.

Всю дорогу после этого в голове у Мишки не переставая крутился старинный мотив:

*И ранней порою
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.*

«М-да, прощай, любимый город, уходим завтра в море. Романтика, блин, сколько раз в море уходил, никто с причала не махал, порт — режимная территория, без пропуска не пройдешь. О чем поэты думают? Чего Юлька стояла, как оглушенная? Может, не надо было вот так, при всех? Так дед все равно протрепался при бабах... Или обиделась на то, что я Настене на нее нажаловался? Некрасиво вообще-то получилось...»

Чиф коротко рыкнул и выжидающе уставился на хозяина. Мишка, уже давно изучив все интонации его рыка, понял, что пес учуял людей, и натянул поводья, останавливая лошадь.

— Тихон, Чиф людей впереди чувствует.

— Стой! — вполголоса скомандовал своим людям Тихон, потом спросил Мишку: — Как думаешь, далеко?

— Ветра нет, значит, не очень.

— Щиты на руку! Минька, назад!

Щиты, собственно, и так были в руках, а не висели за спиной, но, для того чтобы левая рука не уставала, ратники опирали их нижний край на бедро левой ноги. После команды Тихона щиты поднялись, оставляя только узкую щель между своим верхним краем и нижним краем шлема. Через эту щель, как через амбразуру, всадники настороженно оглядывали заснеженный лес.

Тихон явно колебался. С одной стороны, переть на рожон, не зная, кто впереди и сколько их, было бы глупо, с другой — вернуться назад и доложить, что пес что-то там учуял, но неизвестно что, тоже не самый мудрый ход. Сомнения разрешил сам невидимый противник: одна стрела сломалась об окантовку щита Тихона, вторая рванула его за бармицу. Еще несколько стрел с хрустом впились в щиты дозорных, один из них охнул и припал к шее коня. У Мишки щита не было, и он почувствовал себя словно голым, пригнулся в седле, и тут же над головой свистнуло.

— Назад! Щиты за спину! Гони!

Мишка рванул левый повод, лошадь шарахнулась, и он накренился в седле, чуть не свалившись на землю. Это спасло его от еще одной стрелы, проскочившей под локтем и впившейся лошади в шею. Лошадь вздыбилась и начала валиться вбок, Мишка еле успел выдернуть ногу из стремени и вместе с животным повалился на дорогу. Подхватив выпавший самострел, он рванулся было к ближайшим кустам, но прямо перед его лицом в снег воткнулись две стрелы.

— Не стрелять! Живьем его, живьем! — раздался чей-то злой голос.

«Блин, это меня живьем брать собираются! Влип! Наши ускакали, но скоро вернутся, надо как-то выкручиваться».

Всего в двух десятках шагов на дорогу выскочили трое и, вытягивая из-за поясов топоры, побежали к Мишке. Он перекатился за труп лошади и потащил из сумки болт, слава богу, самострел был взведен заранее. Топот ног все ближе, Мишка осторожно высунулся из-за лошадиной туши и увидел, как на ближайшего мужика кинулся Чиф. Всего один рывок клыков — и мужик с разорванным горлом опрокинулся на спину, второй замахнулся топором, но тут в Чифа ударила стрела. Пес даже не взвизгнул, а почти по-человечески вскрикнул и распластался на снегу.

— Чиф!!! Сволочи, мать вашу!

Болт вмял овчину на груди у подбегающего мужика и, теряя оперение, вошел в тело на всю длину, мужик, сделав по инерции еще несколько шагов, споткнулся о лошадь и упал почти прямо на Мишку.

— Падлы! Всех замочу! На, пидор гнойный!

Мишка вырвал из руки покойника топор и швырнул в третьего лесовика, тот охнул и схватился за колено, свистнул Мишкин кинжал, и тать, брызгая кровью, забился на дороге. Тут же стрела рванула рукав кольчуги, опрокидывая Мишку на спину. Вторая стрела свистнула перед самым лицом и воткнулась в снег.

— Не стрелять, я сказал! — снова заорал невидимый командир засады.

— Некогда возиться! — отозвался другой голос. — Сейчас ему помощь подойдет!

— Успеем, если замахнется, бей в руку, он нам живой нужен.

Голоса раздавались совсем недалеко. Лежа на спине, Мишка уперся ногой в рычаг и изо всех сил потянул на себя приклад, в глазах потемнело от напряжения, стрела с широким охотничьим наконечником, больше напоминая обоюдоострый кинжал, чиркнула по ноге чуть выше колена, Мишка дернулся, и тут стопор все-таки щелкнул, поставив оружие на боевой взвод.

— Что, гниды болотные, зас...и? — заорал во всю глотку Мишка. — Подходи по очереди, всем яйца отстригу!

Мишка перевернулся на живот и по-пластунски подполз к хвосту лошади.

— Белояр! Время уходит, давай... а-а-а!

Вот и пригодилось умение стрелять на звук. Мишка попытался снова взвести самострел, но ногу полоснула такая боль, что он чуть не закричал. Штанина быстро набухла кровью.

— Шуйка! — опять подал голос командир засады, видимо, его-то и звали Белояром. — Шуйка, ты живой?

— Белояр, угребище звезданутое, ты — следующий! — надрывался Мишка. — Подай-ка голос еще раз!

Он перевернул самострел и попытался отжать рычаг левой ногой, ничего не вышло.

«Ну что ж, сэр, осталось два кинжала. Один метну, а второй... как получится, но живым не дам. Где ж наши-то? Чиф, псина моя, может, только ранен? Падлы, нет, хоть одного еще, но зарежу!»

— А ну, мужики, все разом! — попытался взбодрить своих Белояр.

— Сам лезь! Живой он ему нужен, как же!..

— Белояр! Он Шуйке и правда, как обещал... это самое... прямо туда и угадал!

— Да ты что?

— Правда! Без памяти он, кровью исходит.

«Какое приятное известие. Надо же, как удачно получилось. А мужики-то хлипкие, не поднимет их Белояр в атаку. Может, и продержусь до наших? Еще бы хоть разок стрельнуть! Господи, нога-то как болит».

— Белояр, поперек тебя и наискось, выкидыш крысиный, оглоблей сделанный, дерьмом вскормленный, на рожне сушенный, в портянку запеленатый, на колоде плющенный, в дымоход пропущенный, скрученный, порванный, лешим уворованный! — выдал в полный голос зацепившуюся в памяти с детства похабную скороговорку Мишка. — Видишь? Я свои обещания выполняю! Подай голосок-то, приголублю, как девку, век помнить будешь!

Над дорогой повисла тишина.

— Белояр! Чего молчишь, клещ мокрозады? Труханул, урод? Опарыш ты, а не мужик, и место твое на гноище, муха с дерьма на тебя не пересядет — побрезгует! Мать твоя потаскуха с упырем тебя прижила, а жена от тебя в хлев бегаёт к хряку. Весь род твой поганый — урод на уроде: бабы с бородами, мужики с грудями, девки рябые, пацаны кривые, сам ты шпареный, вареный, сзади подпаленный...

В лошадиный труп ударила стрела.

— Во-во, все вы такие: хромые пляшут, немые песни поют. Поди сюда, красавец писанный, я тебе винчестер отформатирую. М...звонить нечем станет.

Еще одна стрела вжикнула в миллиметрах над лошадиным боком и ушла в сугроб.

— Белояр!!! Курва бродячая, раком ставленная, винтом с левой резьбой, от ноздри до ануса, сик транзит gloria мунди, дебил! Ворох драный, шельма шкрябаная...

— Скачут!!! — взвился над дорогой испуганный голос.

— Готовсь! Бей по коням! — скомандовал Белояр.

Из-за поворота вылетели всадники. Плотным строем, прикрытые щитами, уставив копыя. Кони переднего ряда укрыты железными налобниками и кольчужными нагрудниками, стрелы лесовиков бессильно тюкали в броню и в щиты, ни один конь не упал, ни один всадник не дрогнул. В такие атаки ратницы ходить умели, а противники у них бывали и покруче бездоспешных лесовиков.

Мишка вжался в снег, но конная лавина аккуратно обтекла его с двух сторон и ушла вперед. Лес наполнился криками, лязгом оружия, конским ржанием. Мишка перебрался через лошадиную тушу и пополз к лежащему на окровавленном снегу Чифу. Пес был мертв: стрелять лесовики умели. Прижав к груди голову погибшего друга, Мишка тихонечко, по-щенячьи заскулил.

«Чифушка, милый мой, как же я теперь без тебя? Сколько раз ты меня спасал, а я тебя защитить не смог. Кто меня еще так любить будет, кто любую обиду простит, кто меня без слов поймет, так, как ты понимал? Как ты мне обрадовался, скучал, пока я в Турове был, а я тебе даже подарка не привез. Прости меня, собачка, ничего я уже для тебя сделать не могу. Ничего уже не исправлю, ничем не отблагодарю тебя, не расскажу, какой ты славный пес, как люблю я тебя. Ласковый мой, хороший, ну открой глаза, мальчик мой. Вернись, Чифушка, я тебя к Юльке отнесу, она вылечит. Не хочешь? Ну спи, мой хороший, я тебе песенку спою».

— Михайла, ты ранен?

Нам и места в землянке хватало вполне,

Нам и время текло — для обоих...

Все теперь одному, только кажется мне —

Это я не вернулся из боя.

— Михайла! Слышишь меня? — Кто-то тряс Мишку за плечо.

— Извините, товарищ майор, но это слишком банальный сюжет: всего два патрона в обойме, и тут из-за поворота выезжает Красная армия. Неоригинально-с.

— Заговаривается, крови много потерял. Берите его, перевязать надо, — распорядился незнакомый голос.

— Да никак, он пса не отпускает!

— Режь штаны, кровь уходит! Прямо здесь перевяжем. Ничего страшного, ни кость, ни жилы не задело, руку еще гляньте, вон кольчуга прорвана.

— Тихон, поганка, бросил парня...

— Правильно сделал: весь дозор здесь бы полег. И так Афоня еле доскакал.

— А чего ж тогда ему Лука морду раскровенил?

— А не надо было Корнеева внука в дозор тащить! Убили бы его — что б Лука сотнику сказал?

— Ну все, парень, до свадьбы заживет. К Юльке приедешь, она тебя быстро вылечит.

Над головой раздался голос деда:

— Эй, ребята, что с ним?

— Ничего страшного, Корней Агеич, по ноге вскользь прошло, а на руке только бронь попортило. А пса того... наповал.

— Крови, наверно, много потерял, заговаривался.

— Михайла, ты как? — Дед свесился с седла, всматриваясь в Мишкину ногу.

— Ничего я не заговариваюсь, встать помогите.

Схватка уже закончилась, да и не было, судя по всему, настоящего боя. Латная конница просто-напросто смела лесовиков, не оставив им шанса ни на отпор, ни на бегство. Десятка два пленных, подталкивая древками копий, сгуртовали на дороге, как скотину. Почти все были ранены, нескольких поддерживали под руки.

Мишка опустил глаза на тело Чифа и вдруг заметил на древке стрелы выжженный узор — метку хозяина. Осторожно, чтобы не потревожить раненую ногу, нагнулся и вытащил стрелу из тела пса.

— Ребята, давайте его в сани, к Афоне, — скомандовал дед.

— погоди, деда, должок за мной остался.

Мишка, волоча раненую ногу, поковылял к пленным. Прямо напротив него оказался молодой парень, зажимающий левой рукой окровавленный правый рукав.

— Это чья? — Мишка сунул к самым глазам парня стрелу с меткой. — Чья?

— Пошел ты...

Мишка изо всех сил ударил парня кулаком по ране, тот закатил глаза и упал навзничь. Сосед парня, очень заметно трусивший, не дожидаясь вопроса, кивнул на одного из пленных:

— Его знак...

Мишка похромал к указанному мужику. Тот сам стоять, видимо, не мог, его поддерживал под руку сосед. Борода слиплась от крови, изо рта торчали обломки выбитых зубов — видать, кто-то из ратников двинул ему краем щита в морду.

— Твоя стрела?

Пленный никак не реагировал на вопрос, тупо уставившись в одну точку.

— Твоя стрела, пададь?!

Мишка полоснул мужика кинжалом наискось через все лицо, пленный дернулся, в глазах, кажется, появилась осмысленность. Он даже что-то хлопнул окровавленным ртом.

— Михайла, ты что творишь?! Михайл...

— Чи-и-иф!!!

Мишка с маху всадил кинжал лесовику в живот, не удержавшись на ногах, упал вместе с ним и, лежа на извивающемся под ним теле, принялся кромсать его попеременно то кинжалом, то зажатой в кулаке стрелой.

— Чего вылупились, едрена-матрена, да оттащите же его! Нож, нож заберите, порежет кого-нибудь!

Кто-то заламывал Мишке руки за спину, кто-то просовывал сквозь лязгающие зубы горлышко фляги, а из Мишкиного горла рвался к чистенькому весеннему небу переполненный тоской и яростью, более уместный для стылой декабрьской ночи настоящий звериный вой.

* * *

Очнулся Мишка лежа в санях, нога тупо ныла, но пульсирующего дерганья не было, похоже, дело обошлось без воспаления. Рядом кто-то пошевелился.

— Проснулся, Михайла?

— Афанасий? — Мишка узнал одного из ратников, бывших вместе с ним в дозоре. — Ты как? Я слышал, ты еле-еле до наших доскакал, куда тебя?

— А! Щитом прикрыться не успел, ключица сломана. Придется одноруким походить. А ты?

— Ничего, побаливает немного.

— А хорош мед у дядьки Корнея! Ты полдня и всю ночь проспал, как младенец.

— Так уже утро? — удивился Мишка.

— Проспал ты утро, к полудню идет.

— А городище?

— Взяли перед рассветом. Дядька твой — Лавр — целый десяток тайно провел. Там у них ка-литка какая-то, ну вот через нее и провел, потом ворота открыли — и наши как ворвутся! Никто и ворохнуться не успел.

— И что, ни убитых, ни раненых?

— У нас один дурень с коня сверзился, ногу сломал, да еще одному поленом по морде попало, а у них человек пять убитых да с десятков раненых. Сотник Корней приказал лишней крови не пускать.

— Слушай, а почему нас на дороге стерегли? Никто же не знал, что мы на городище идем.

— А никто и не стерег, они нас случайно увидели, короткой дорогой через лес вперед забежали и в засаду сели. — Афоня оказался информированным обо всех делах прошедших суток. — Только слабы они против кованой рати. Думали дозор пропустить, пострелять, сколько выйдет, да и смыться, но не вышло.

— Так они что, не из городища?

— Только трое, то есть было-то пятеро, но двоих мы того... упокоили. А остальных они в тех местах насобирали, где княжья дружина прошла. Вели их куда-то, но куда — только Белояр знал, а с него уже не спросишь. Они своих баб с детишками недалеко оставили, туда сейчас Леха Рябой с двумя десятками ушел. Пригонит сюда. Детья им все равно некуда, деревеньки их княжья дружина спалила, пойдут к нам в холопы и не пикнут.

— А в городище?

— А там то же самое. Корней всех согнал и объявил, что за участие в бунте, по князьему указу, быть сему месту пусто. Но раз у него тут родня есть, то он их, так уж и быть, из городища живыми выведет, а только потом его огню предаст. Разрешил имущество собрать, кто сколько увезти сможет, даже коней наших заводных дал под волокуши, если саней не хватит. Благодетель. — Афоня криво усмехнулся. — Отец родной.

— Чего смешного-то? — не понял Мишка. — Он же действительно им жизни спасает! Думаешь, если бы Илларион сюда княжьих людей привел, лучше было бы?

— Княжьи сюда не дошли бы. А Илларион — это грек, что ли?

— Секретарь епископа туровского.

— Ну! Он, наверно. Пленные говорили, что его с переломанными костями в Туров увезли, в волчью яму вместе с конем провалился, но повезло: все колья в коня воткнулись, а его только сверху бревном приложило. Говорят, из доспеха золоченого, как рака из панциря, выковыривать пришлось. Да и вообще из двух сотен меньше одной целыми возвращаются. Может, и врут, конечно, но сюда бы точно не дошли.

— А зачем им сюда идти? Здесь мы есть, тоже княжьи люди, только без грека. А если без грека, то и без лишней крови.

— Ага! Себе холопов наберут, а нам — шиш! — выпалил вдруг с непонятной злостью Афоня.

— А ты холопскую семью хоть одну до нови прокормишь? — поинтересовался Мишка.

— Они со своим припасом пойдут, мы же не жгли ничего, не громили.

— Так в чем дело? В городище сотни три народу, да еще пришлые, а нас — четыре десятка, неужто хотя бы по одной семье на долю не придется?

— Меня доли лишили, — признался Афоня.

«Так вот чего ты злишься! Такая богатая добыча мимо проплывает. Интересно, за что это тебя так?»

— За что лишили-то?

— За тебя! Весь дозор — за то, что тебя с собой потащили. А если бы не твой пес, мы бы их проглядели, а они потом в упор, из-за кустов, неготовых... половину перебили бы!

— Кто доли лишил?

— Лука.

— У нас кто сотник: Лука или Корней? Дозор свою работу сделал, засаду обнаружил. За что наказывать? — возмутился Мишка.

— Так, может, ты... это... деду скажешь? Ну что, мол, не бросали тебя, просто вышло так. И насчет доли. Я семью прокормлю, не нищий, родня, если что, поможет.

— Скажу, только он и сам все знает и все видит.

* * *

Длиннющий — больше версты — караван двигался медленно, ратники попарно постоянно скакали от головы к хвосту растянувшегося обоза и обратно, пытаясь криками, а то и тумаками ускорить

движение и поддерживать в колонне хоть какой-то порядок, но сорока человек для этого было совершенно недостаточно. То тут, то там от дороги в лес уходили следы сбежавших. Искать их и не пытались: пока отыщешь одного, сбежит десяток, да и не нужны они были, если вдуматься. К каждому холопу стражника не приставишь, не сбежит по дороге, сорвется из Ратного, для настоящей холопской жизни годится не всякий.

Лучше всего подходят люди, обремененные семьей, таким в бега ударяться невозможно — с бабами и детишками по лесам особо не побегаешь. А если глава семьи еще и хозяйственный да работающий — совсем хорошо. Такой и семью прокормит, и хозяину прибыль даст. Еще хороши люди рукастые, владеющие каким-нибудь ремеслом. Для владельца мастерской, вроде Луки Говоруна, настоящая находка, но таких мало.

А одинокий да без хозяйства — пускай бежит. Либо дурак и сгинет в весеннем бескормном лесу, либо знает место, куда бежать, надеется где-то приют найти, такого при любом раскладе не удержишь. Поэтому ратники, шастая вдоль каравана, не только несли службу, но еще и приглядывались: какое у семьи имущество, как соблюдают порядок на переходе, ухоженны ли детишки и скотина. Опытному глазу все эти и многие другие приметы говорили о многом. Потом — при распределении долей добычи — одинаковые, казалось бы, семьи пойдут по очень разным ценам.

Были среди ратников и такие, кто смотрел на растянувшийся караван совсем другими глазами. Иной и рад бы заполучить в хозяйство лишнюю пару рабочих рук, но... в этом-то «но» все дело. Прежде чем от холопа пойдет хозяину какой-то прибыль, его почти полгода надо кормить. И это если холопа взяли, как сейчас, весной, а если осенью, то и целый год. И позволить себе это может далеко не каждый. Потому-то и будут десятники при распределении долей спрашивать: чем ратник желает получить свою долю — «душами или рухлядью». Пушнины в Куньем городище взяли немало, но если желающих получить «рухлядью» окажется много, доли получатся небольшие, а пеня будет не на кого — сам от «душ» отказался.

Все эти премудрости поведал Мишке словоохотливый обозник Илья — хлипкий низкорослый мужичок лет сорока, в чьих санях везли Мишку и Афанасия. При создании Ильи матушка-природа почему-то решила вложить всю мощь не в телесную крепость, а в волосяные покровы — усам его позавидовал бы сам маршал Буденный, а бородаща, казалось, могла успешно противостоять удару кинжала, надумай кто-нибудь прервать брренное существование обозника методом перерезания горла.

Прическа Ильи тоже была под стать бороде и усам, отчего голова его казалась чуть ли не вдвое больше, чем была на самом деле. Сочетание большой головы и тщедушного тела неволью порождало впечатление детскости, особенно со спины, но это впечатление тут же исчезало при взгляде в лицо. Тут же становилось понятно, что Илья мужик бывалый, крепко тертый и битый жизнью, склонный к неумеренному употреблению горячительных напитков, но отнюдь не глупый и, что называется, «себе на уме».

Сам-то Илья на многое не рассчитывал, доля обозника с долей ратника и рядом не лежала. Но что поделаешь, если родился больным да слабым и для воинского дела не годишься?

Дело свое он знал прекрасно, раненых возил не впервые, поэтому устроил пассажиров с максимальным удобством, с учетом их ранений, сам, когда требовалось, ловко менял Мишке повязку, да еще и разговорами развлекал. Его анализ экономической эффективности приобретения холопской семьи произвел на Мишку впечатление обманчивой простотой, свидетельствующей о глубоком знании предмета, точностью формулировок и беспощадным прагматизмом.

«Вот вам, сэр, и феодализм. Прежде чем получать прибыль, извольте сделать инвестиции. А не имеете первоначального капитала — ишии вам, а не эксплуатация угнетенных трудящихся. Законы экономики действуют, наплевав с высокого дерева на то, что Адам Смит их еще не открыл. А потом ведь еще и процесс производства организовать надо, сбыт продукции наладить (хотя какой, к черту, сбыт при натуральном хозяйстве?), обеспечить кадрам необходимые условия и прочее, и прочее и прочее. Тяжела судьба эксплуататора, горек его хлеб и туманны перспективы.»

А холопы? Почему так безропотно идут в рабство? Должен же быть у них какой-то резон. Чем они будут заниматься у хозяина? Примерно тем же самым, чем и на воле, только часть добытого своим трудом будут отдавать хозяину. И в чем смысл? Возможно, в том, что никто уже не придет и не отберет все, в том числе и жизнь? Защита. Собственно, получается государство в миниатюре: население платит налоги на содержание армии и аппарата управления.

И это — та самая община, которая наиболее яростно сопротивляюсь вторжению ратнищев на здешние земли? А почему бы и нет? Те, у кого хватало запала на сопротивление, постоянно гибли в стычках, возможно, совсем молодыми, не оставив потомства. Те же, кто сидел тихо, занимался хозяйством, в драку не лез, продолжали плодиться. Неизбежно численное соотношение менялось в

их пользу. В последний поход Славмир увел всего двадцать шесть человек, большие не нашлось, весьма показательный признак. Увел и сгинул. Перед оставшимися в полный рост встала дилемма: братья за оружие самим или найти себе защитника.

Раздумывать они, конечно, могли сколь угодно долго, но дед заставил принимать решение немедленно. Вернее сказать, сам за них все решил, а они могли соглашаться или не соглашаться, с соответствующими последствиями. Те, кто не согласен, дернули в лес, а остальные... ну конечно же не в восторге, но деваться-то некуда. Да и устали они от противостояния, длящегося уже более сотни лет, тем более что явно его проигрывали. Ведь ждали же, может быть, сами себе в том не признаваясь, что рано или поздно появятся у ворот закованные в железо всадники, и придется либо умирать, либо... Сотник Корней дал им возможность не умирать, и они согласились.

Сколько же себе дед народу урвет? Сотнику положено двадцать долей, десятникам — по три доли, ратникам — по одной, но могут быть премии за особые заслуги, при условии общего согласия. Так, если подсчитать все вместе и разделить... получается, что деду отходит около четверти всего, что добыли. Однако! А еще семьи родственников Татьяны, они в доли добычи не входят, дед принимает их в свою семью. Да куда же он их всех денет-то? Или я чего-то не понимаю, или дед сошел с ума. Пожалуй, все-таки дело во мне, дед на сумасшедшего непохож».

— Афоня, парень-то опять, что ли, уснул? — негромко спросил Илья.

— Да вроде бы... Он, говорят, крови много потерял, от этого в сон все время тянет. Я вот тоже, когда мне копьем бок пропорол, кровью залился. Потом неделю дрых, только поесть да по нужде просыпался.

— Совсем дите еще... — Илья немного помолчал и вдруг поинтересовался: — Афоня, у тебя сколько убитых на счету?

— Не все в счет идут, — недовольно пробурчал Афоня в ответ.

— У всех не все в счет идут, а сколько все-таки? — прицепился обозник словно репей.

— Ну, двенадцать...

— А колечко где же? — В голосе Ильи прорезались нотки ехидства.

— Да двое — обозники вроде тебя, а еще четверо — стрелами.

— Значит, шесть?

— Ну шесть, чего ты привязался-то?

— А то! У этого отрока уже десять, и он серебряное кольцо полноправного ратника заслужил, а ему всего тринадцать лет. Каково, а?

— Не, Илья, — Афанасий охотно переключился со скользкой для него темы на обсуждение Мишки, — не будет ему кольца, не так это просто. Смотри: в счет идут только воины, с которыми грудь в грудь схватился и одолел. А он там пятерых из самострела побил и только одного ножом, да и то не воины они были, а тати, хоть и в доспехе. А здесь ему двоих точно засчитать можно, того, которого он ножом, и того, которого пес задрал. Если ты ворога конем стоптал, это засчитывается, ну и пса, наверно, можно так же считать. А еще двоих опять из самострела. Но тут уж как старики решат, он оборону держал, для нас время выгадывал, могут и засчитать. Так что либо двоих, либо, если повезет, пятерых. Только он пока не воин, счет на него не ведется.

«Да, серебряное кольцо за победу над десятью равными тебе воинами заслужить непросто. Но это талисман, и очень сильный. Обладателей таких колец убивают очень редко, и неудивительно — опытный ветеран умеет выжить почти при любом раскладе. А Афоня-то молодец! Лучнику редко грудь в грудь схватываться приходится, а у него уже шесть побед на счету. Еще четыре — и будет тянуть жребий при дележе добычи вместе со стариками — сразу после сотника и десятников. Римляне таких ветеранов в третий ряд ставили, и считалось, что если дело до них дошло, то битва была очень тяжелой. Даже пословица латинская есть... не помню».

— Но все равно дите ж еще! — Илья не желал оставлять интересующую его тему. — Малец, а столько народу накрошил и в таких переделках выжил!

— Бывает...

— Конечно, бывает всякое, но я вот поспрашивал, и оказывается, что он еще с двумя мальцами в Турове троих татей уложил, а еще одного покалечил.

— Ты еще не все знаешь. Если подумать, так жуть берет.

Афоня выдержал многозначительную паузу, и Илья тут же «повелся»:

— А что такое? Почему жуть?

— Лука пленных допрашивал, они такое рассказали! Он, когда один на дороге остался, сначала троих уложил, которые его живьем взять хотели. А потом начал с ними лаяться, пообещал яйца отстричь. И сделал! Так одному прямо в мошонку болт и всадил, его потом нашли — лежит под елкой

скрюченный, кровью истек. А Михайла еще больше в раж вошел и так их жоака срамными словами поливать начал, что у лесовиков уши чуть не поотсыхали. Ребята из любопытства просили повторить, а те не могут, только фыркают да хихикают. А ты говоришь: тринадцать лет.

— Вот-вот. А ты бы так смог? Раненый, один против тридцати, а к тебе подойти боятся. Бьешь на выбор туда, куда пообещал, да лаешься так, что матерые мужи чумеют. Где и выучился-то?

По голосу обозника было не понять, чем он больше восхищается: храбростью мальчишки или его умением ругаться.

— Не, Илья, это еще не все, — продолжил накручивать ужас Афоня. — Ты слышал, как он того лесовика, который его пса убил, уделал? Живого места не оставил, а выл, говорят, как волчара, аж кони шарахались.

— Слышал, а что тебя удивляет? Он первый раз в жизни боевого товарища потерял, пусть и пса, но к животине иной раз сильнее, чем к человеку, привязываешься. Не было у тебя еще товарища, которому ты жизнь спасал, а он — тебе. И не дай бог такое пережить, по себе знаю.

— Не в товарище дело, — гнул свою линию Афанасий. — Илья, тут пострашнее. Лука, когда мы из Ратного к ним на помощь прискакали, по всем следам сам прошел, чтобы понять, что там делалось. Ты же знаешь: он дотошный. С ним Тихон и Петька Складень ходили. Вернулись оба бледные, глаза как плошки, и есть отказались. А ребята-то бывалые. Ну мы их расспрашивать, а они даже говорить поначалу не хотели.

В общем, нашли они в лесу сани, а в них месиво кровавое, даже не разобрать, сколько народу там смерть приняло: то ли двое, то ли трое. Рубили их так, что и сани в щепки. А вокруг саней следы Корнея и Михаила. Представляешь? А потом, в другой стороне, нашли в лесу одного живого. Тут еще жутче: уши, нос и язык отрезаны и подколенные жилы посечены. Так в лесу живым и брошен, а около него следы конские и Михаила. Вот тут и подумалось. Если все вместе сложить, просто жуть берет. С виду-то — обычный отрок и разговаривает вежливо, разумно. Даже помочь обещал и зла не держит за то, что бросили на дороге.

Собеседники на некоторое время умолкли, потом Илья продолжил:

— Жутко, конечно, но неудивительно. Лисовинов корень. Слышал про сотника Агея, Корнеева отца?

— Ну был такой, давно уже. Лет тридцать, наверно.

— Больше сорока лет назад он тогдашнего сотника своими руками зарезал, у всех на глазах. За то, что тот сотню чуть не под полное истребление подвел. А потом приказал каждому из оставшихся ратников по пять холопок обречь, а детей самим воспитывать, чтобы, значит, пополнение выросло. А попу, который ему пенять за это надумал, с одного удара три зуба вышиб.

— Сотника... ничего себе! Это что же, мой отец от холопки мог родиться?

— Неважно, что от холопки, — отозвался Илья наставительным тоном, — важно, что от ратника и ратником воспитан!

— Так и сам Корней...

— Нет, Лисовины свою кровь чтят, непростая она.

— Как это? — не понял Афоня. — Что значит «непростая»?

— Ну, во-первых, у них в каждом колене какая-нибудь из баб обязательно двойню рождает. Вот у Корнея первенцами были Фрол и Лавр.

— Имена! По трезвости и не выговоришь.

— По пьянке еще труднее, — со знанием дела пояснил Илья — Это ему поп тот так отомстил, сейчас-то имена детям сам выбираешь, а тогда строго было: поп в святцы заглянул да и окрестил, родителей и не спрашивал. Болтали, что Агей его за это еще раз отлупил и проклятия не побоялся. Ну а у Фрола и Лавра тоже по двойне рождались. У Фрола сначала две девки — Анька и Машка, потом вот Михайла, потом младшие — Семен и Евлампия, а у Лавра первенцы — Кузьма и Демьян.

— Слушай, а почему Корнея еще Корзнем кличут? — не в тему перебил обозника Афоня.

— Ты только при нем не помяни, не любит он.

— Да знаю я, любопытно просто.

— Тут три разные истории рассказывают, какая из них вернее, не знаю.

Чувствовалось по голосу, что Илья сел на любимого конька, можно было быть уверенным, что озвучены будут все три версии.

— Первая история совсем простая. Вроде бы добыл Корней в бою с ляхами дорогое корзно — плащ княжеский — и долго в нем ходил и величался. Отсюда и прозвище.

Вторая история смешная. Будто бы еще ребенком совсем малым залез Корней из шалости в корзину с бельем, а бабы ту корзину на речку полоскать понесли. Он сидел, сидел, а потом как заорет

дурным голосом. Бабы напугались да корзину в речку и уронили. Вот он в корзине плывет и орет, уже не каверзы ради, а от страха. Ну и стали корзиной дразнить, а потом как-то в Корзня превратилось.

А третья история опять про ляхов. Сошлись как-то две рати — наша и ляшская, и так вышло, что ни у нас, ни у них интереса к битве нет, а разойтись миром зазорно, вроде как испугались. Стоят, стоят, а делать-то что-то надо. Стали с той и с другой стороны молодцы выезжать и соперников вызывать на поединок. Сначала все поровну получалось: то наш одолеет, то их. А потом вышло так, что оба поединщика убитыми оказались: столкнулись, и оба насмерть.

И стали после этого ляхи одолевать. Вернее, один лях. Одного нашего из седла вышиб, второго, потом еще одного мечом зарубил. После этого наши засмутились, а лях ездит между ратями и насмехается. И тогда выехал против него Корней. Молодой был, неженатый еще. Съехались они, ударили копьями в щиты — и... ничего. Оба в седлах удержались. Съехались еще раз — то же самое. На третий раз у Корнея копье сломалось, но кто-то из наших ему свое кинуть успел, пока лях коня разворачивал.

И тут то ли лях устал, то ли по ударам почувствовал, что Корней сильнее, не знаю. Но на четвертый раз ударил он нечестно: не во всадника, а в коня. А Корней не растерялся, ухватил ляха за корзно и вместе с ним на землю свалился. Потом накинул ляху его же корзно на голову и, пока тот выпутывался, как даст ему сапогом по морде! Лях и повалился. Корней его на спину коня закинул и к своим уволок. Большой выкуп потом за того ляха получил и прозвище — Корзень.

— А чем дело-то кончилось? — нетерпеливо спросил Афоня, после того как Илья умолк.

— Так тем и кончилось — победил Корней.

— Да нет, я про рати! Сеча-то была?

— Не-а, дождь пошел.

— Дождь?

— Ага. Такой ливень хлынул, такие хляби разверзлись, какая там сеча! Восвояси повернули. Вот такая история тебе больше понравилась, про такую и думай.

«А чего тут думать-то! Если дед не любит, когда его так называют, значит, дело в корзинке с бельем. Остальные-то версии престижные. Только вряд ли... Славомир слово „Корзень“ так произносил, как будто тайное имя деда озвучивал — ущерб ему наносил. Если учесть еще, что дед тихую Перуну поклоняется, то все три истории понахивают дезинформацией. Так в сорок четвертом году американцы немецкой разведке мозги пудрили: разболтали сразу про несколько дат высадки десанта в Нормандии, а какая из них настоящая — поди угадай. Так и тут: выбирай, во что верить, а правда это или нет — хрен поймешь».

— А кровь? — снова задал вопрос Афоня.

— Чего «кровь»?

— Ты про кровь лисовиновскую начал, мол, необычная она. Во-первых, двойни в каждом колене, а во-вторых чего?

— А-а, ты про это. Так не перебивал бы, я б и рассказал, а то сбил с мысли...

— Да ладно тебе, Илюха!

— Я тебе не Илюха! — Обозник забыл, что старался говорить вполголоса, чтобы не разбудить Мишку. — Хоть и обозник, а лет на двадцать тебя постарше буду!

— Ну прости, Илья, не со зла же...

— Прости, прости... если не ратник, так уже и за человека не держите, витязи хреновы. А чуть что: «Ой, Илья, вынь стрелу из ж... ой, доведи, верхом не могу. Илья, добычу не дотащить, помоги, поделюсь».

— Илья, ты чего? Я же... — Афоня явно растерялся от такого напора.

— Ты же! Мы же! Вы же! Все вокруг вас крутится, вся жизнь Ратного на воинов завязана, без вас — смерть. А вас все меньше и меньше. Я еще времена помню, когда Ратное и полторы сотни воинов выставляло, и новиков в запасе десятка по три было. А сейчас? Сам сказал, что, если бы не пес, половину перебили бы. Сейчас корчился бы у меня в санях кто-нибудь со стрелой в кишках да добить просил бы... не знаешь ты, как это: домой убитых да калек привозить.

Собеседники надолго умолкли.

«Смотри-ка ты! Оказывается, не только мы с дедом критичность ситуации понимаем! Обозник, обозник, а... Впрочем, телесная слабость вовсе не подразумевает умственной неполноценности. А Илью, чувствуется, жизнь многому научила».

После длительной паузы Афанасий каким-то робким голосом спросил:

— Илья, а ты... добивал?

— Меня Бог миловал, но... добивали. Каждый обозный старшина знает, как мучения прекратить, быстро и так, что сам раненый не поймет. Ну и простые обозники, кто постарше, тоже... умеют.

— Так Корней нас на погибель вел?

— Нет! — уверенно ответил Илья. — Случайность это. Просто лесовики нас раньше заметили, чем мы их, но он вот, со своим псом, вам время на изготовку дал. Я потому и горячусь, что на войне таких случайностей не избежать, а ратников у нас осталось меньше семи десятков.

— А из них только сорок человек по своей воле в бой идти готовы, а остальные... — Афоня, сам того не зная, озвучил озабоченность, высказанную дедом при выезде из Турова.

— Готовы, не готовы, — проворчал Илья. — Из этих сорока у скольких серебряное кольцо есть? Раньше без него и ратником-то зваться не позволяли и до сих пор долю в последнюю очередь, что похуже, выделяют. Был, рассказывали, один такой, что сыновьям до серебряного кольца жениться не позволял, мол, не созрели еще. Один сын так и не успел.

— Убили?

— Хуже. Глаза вышибли. Кто ж за слепого замуж пойдет?

— И как же он?

— Сапожником стал, да таким сапожником! Сапоги тачал — загляденье. А батька его после этой истории в другую крайность ударился: всех под венец погнал. С тех пор, говорят, и обычай завелся: у кого сына нет, на опасное дело стараются не посылать, чтобы род не пресекался.

— Чтобы, значит, кровь продолжалась?

— Хитер ты, Афоня, нашел, как разговор опять на Лисовинову кровь свернуть!

— Так интересно же, дядька Илья.

— Уже и дядька. Все вы, пока целые, поверх обоза глядите, а как шкуру продырявят... ладно, об этом я уже толковал. Так вот, история эта на сказку похожа, но все взаправду было, и многие из тех людей еще живы, порасспросить можно. Ты жену Корнея помнишь?

— Помню. Аграфеной звали.

— Аграфеной Ярославной, потому как была она дочерью князя Ярослава Святополчича.

— Да ну?!

— Ага, не от законной жены, правда, но любил ее князь чуть не больше других детей. Устроил так, что она боярской дочерью считалась.

— Это как же?

— Не перебивай! Ты князей знаешь, попользоваться девкой да бросить у них обычное дело. Но если понесет она княжеский плод, то заботу проявляют... частенько. А тут запала князю Ярославу девица в сердце, прямо пропал! Был у него один боярин, как звали, не упомяну, старенький совсем, ветхий, вот-вот помирать. А семьи у боярина того не было, говорят, на пожаре все погибли. Его-то Ярослав на своей зазнобе и женил. Боярин тот Ярослава еще ребенком на коленях качал, любил, как сына, вот и согласился. Да и помер вскорости. А боярыня родила князю Ярославу девочку. Крестили Аграфеной. Тайны особой из этого не делали, даже звали ее, как подросла, Аграфеной Ярославной, а не по имени того боярина.

А Корней в те времена в Турове обретался, батюшка Агей его при княжьем дворе пообтереться послал. Шалопай был! Два дружка у него были. Один — Федор, он сейчас погостным боярином сидит на Княжьем погосте, а второй, дай бог памяти... неважно, сгинул он куда-то. Чего творили! Сколько медов выпито, сколько подолов девкам задрано, сколько драк мордобойных, а то и с оружием!

Князь, бывало, серчал, но за лихость ребят любил. И тут как раз случилась эта история с ляхом и корзном. Болтали, что Ярослав Святополчич так Корнею и сказал: «Ты честь нашу защитил, проси чего хочешь!» А тот возьми да и попроси руки Аграфены! Вот такие дела.

— И что князь? Отдал?

— Ага, разбежался! Выгнал он Корнея! И из терема княжеского, и из Турова. За наглость. А тот и правда наглым оказался: сговорился с дружками и увез Аграфену тайно. Князь, конечно, погоню послал, прискакали его люди в Ратное, а Корнея там нет! Он, оказывается, в Киев подался. А потом еще куда-то, болтали, что аж до Херсонеса добрался. Может, правда, может, нет — не знаю, но, когда ляхи Берестье осадили, Корней в войске киевского великого князя оказался и чем-то опять отличился. Ну, если великий князь киевский Корнея отличил, то удельному князю туровскому казнить Корнея, понятное дело, не с руки. А там еще и Аграфена двойню родила, порадовала родителя внуками. Так и обошлось.

«Бред! Интересно, как князь Ярослав — ровесник деда — мог в семнадцать лет годную для замужества дочь иметь? Сплетники, мать их... Слышат звон, да не знают, где он. Раз Ярославна,

значит, дочь князя Ярослава, идиоты. А то, что не дочь она ему была, а сводная сестра, и в голову не приходит. Хотя про „ветхого“ боярина, наверно, правда — бабуку ведь действительно Аграфеной Ярославной, а не Аграфеной Святополковной величали».

Илья между тем продолжал свое повествование:

— Фрола, как подросток, тоже в Туров отправили. В младшей дружине у князя был, но недолго, весь в батюшку Корнея, набедокурил чего-то и обратно в Ратное вернулся, но успел жениться на первой красавице Турова, его вот матери.

— И при чем тут кровь Лисовинов? — так и не понял Афанасий.

— Не понял? Да при том, что Фрол и Лавр по матери — Рюриковичи!

— Так мать же Аграфены невенчанная была?

— Малуша — мать Владимира Святого — тоже с князем Святославом не венчалась, она вообще рабыней была.

— Вот и нет! Ее брат Добрыня в княжьих ближниках ходил, а у Владимира был дядькой!

— Он что, родился ближником? Пробился наверх умом и храбростью. Тут уж такое дело: мужики мечом дорогу себе пробивают, а бабы... этим самым, хе-хе. Кто в чем искусен, тем, значит. Хотя на Малушу грех возводить не будем, она так ключницей и осталась.

«Ну до чего ж люди властям предрержающим косточки перемывать охочи! Почти два века прошло, и поди ж ты!»

— Но Владимир-то потом на цареградской царевне женился! — продолжал спор Афанасий.

— Да не о том речь! Рюриковичи у нас в Ратном, Афоня! Хоть и не из-под венца, а все равно Рюриковичи! Один, правда, погиб, царствие ему небесное, а второй-то вон, впереди скачет, а князья лишних в своей семье не любят. Особенно если за этим лишним сила стоит. История эта, по смерти князя Ярослава, забылась, но кто знает, когда и чем обернуться может? Корней силу набирает и нам намек дает. Умный поймет, а дураку и ни к чему.

— Какой намек?

— Хе-хе, вот ты, Афоня, дураком и выставился! Сам же мне про сани с порубленными покойниками рассказал и про мужика изуродованного в лесу. Это Корней внука на характер проверял, Лавр-то похлипче брата всегда был, в матушку пошел. Внук испытание выдержал, тогда Корней его в поход взял, как думаешь зачем?

— И зачем же? — Афанасий заворочался в санях, устраиваясь поудобнее, похоже, тема разговора захватывала его все больше и больше.

— Нам показать! — уверенно заключил Илья. — Чтоб знали, что род Лисовинов на Корнее не заканчивается! И внук нам показался! Во всей красе, что, разве не так?

— Ого! А ведь верно! Ребята, я слышал, его меж собой Бешеным зовут, теперь понятно: Лисовины.

— Угу, Бешеный Лис родился, пострашнее медведя будет.

— Как-то и не подумаешь...

— «Вежливый, разумный, зла не держит, помочь обещал» — так? — передразнил Илья.

— Так, только я...

— Так! — не дал Афоне договорить Илья. — Корней кого-нибудь из своих зря обижал?

— Не слышал.

— И не услышишь, он с сотней, как с собственным ребенком, носится. И внука своего к тому же приучает. И командовать учит: уже десяток парней под его руку поставил. Видал их?

— Не всех, они пораненные почти все...

— А один — убитый. Но, попомни мое слово, ты еще увидишь Михаилу сотником, а парней этих десятниками при нем, и это будет такая сотня, что с тысячей справится!

«Однако и репутация же у вас, сэр! Хоть в розыск объявляй: убийца, садист, расчленитель, матерщинник и вдобавок ко всему побочный родственник правящей династии. А еще люблю, притворяясь спящим или больным, подслушивать чужие разговоры. Портрет, достойный кисти... даже не знаю, кого. Специалиста по изготовлению фотороботов.

Слава богу, по молодости лет в развратники не записали, хотя прадед, как выясняется, сводничеством грешил и полигамию насильственным образом внедрял для разрешения демографического кризиса. А дед хулиганом был и девицу благородного происхождения украл. С такой наследственностью прямая дорога в бандиты. А кликуха Бешеный Лис — Майн Рид с Фенимором Купером в одном флаконе!

Но если серьезно, то именно такие лихие ребята в Европе сейчас и еще в течение нескольких веков будут династии основывать: королевские, герцогские, графские. Многие роды, конечно, пре-

секутся, но те, что сохраняются, дотянут до тех времен, когда выродившиеся потомки доведут дела до мятежей и революций. Мне, что ли, заняться? Так ведь и занимаюсь уже! Вот так номер: в струю попал! Влился, так сказать, в передовой отряд строителей феодализма.

А ведь пленного-то я действительно кромсал так же, как дед тех двоих — в санках. Это что ж выходит? У вас, сэр Майкл, только рациональная составляющая личности своя, а эмоциональная — наследственная, лисовиновская? То-то летом вы на деда с кинжалом поперли! Прадед собственного сотника, как свинью, зарезал, дед... Выходит, это наследственное. Если вождя под хвост попала, авторитеты побоку, зверь наружу лезет, а не угробиться при этом позволяют только наработанные рефлексы. А Юлька? Может, потому и стояла столбом, что, когда Демку лечили, она во мне зверя почувяла? Да нет, потом она себя вроде бы нормально вела... Или мать позже объяснила? Блин, сэр, вы же с таким характером, как противопехотная мина: лежит себе, лежит, а потом ка-ак ахнет! Нет, над этим всем надо крепко подумать или Нинею расспросить. Во всяком случае, какой-то предохранитель нужен, а то дров наломаю — мало не покажется.

Да-а, Илья мужик интересный. Выходит, предшественниками таксистов были не ямицики, а обозники. Такие же разговорчивые, информированные, всякого повидавшие и очень полезные. А режут их почем зря! Любой воинский отряд только и мечтает, что на вражеский обоз наехать. Добычи много, а сопротивление почти нулевое. Вот кому самострелы бы пригодились! А что, это мысль!

По нынешним временам дружина без обоза — никуда. Оружия на себе прут столько, что еще что-нибудь: продовольствие, боеприпасы, медикаменты, всякий другой необходимый груз — ни человеку, ни коню не под силу. Если у деда будет своя дружина, то должен быть и свой обоз. Интересно, эти десять обозников сами пошли или их Лука заставив?»

— Дядька Илья! — Мишка решил все-таки «проснуться».

— А-а, проснулся? — Обозник вроде обрадовался Мишкиному пробуждению и тут же заботливо поинтересовался: — Нога не болит? Может, мерзнет?

— Болит, но не сильно.

— Просто болит или дергает?

— Просто болит.

— Тогда не страшно. Чего проснулся-то, по нужде надо? Остановиться?

— Нет, ничего не нужно.

— Ты, парень, не стесняйся, я раненых за двадцать с лишком лет перевозил — и не сосчитаешь, все умею и всякое видел. У меня богатыри рыдали, как дети, и парнишки умирали, которым еще жить бы и жить. Один раз даже баба у меня в телеге рожала. Вот история была! Я как раз переднее колесо на место ставить собрался, а она как схватится за обод да как заорет! Я к себе колесо тяну, а она — к себе, старшина подбежал: «Вы что, с ума походили?» — спрашивает, а потом разобрался, в чем дело, и приказывает мне: «Так и держи, ей так легче». Ну я, как дурак, с колесом все время, пока она рожала, и простоял.

— А твой обоз громили когда-нибудь?

— Было дело, — посерьезнел Илья. — Два раза я в такую неприятность попадал. Один раз, я еще совсем молодым был, нурманы с цареградской службы через наши земли к себе возвращались. Ну, как у них и водится, грабили по пути, где силы хватало. Мы им как раз на переправе и попались. Почти всех вырезали, я только тем и спасся, что телега опрокинулась, я в воду упал, и течением меня в сторону отнесло. Потом сотник Агей их на переволоке догнал, и тоже всех до одного порешили. В ладьи ихние покидали, кого и живым еще, да сожгли. У нурманов, правда, говорят, обычай такой — умерших князей да воевод вместе с ладьей сжигать. Так что Агей им всем вроде как честь оказал...

А второй раз — когда с Волыни уходили. Нагрузились так, что еле ползли. Волыняне на ратников-то наскакивать опасались, крепко их тогда побили, а на обоз, хотя и с охраной шли, несколько раз налетали. У меня в телеге здоровенная бочка с вином стояла, удачно так, со спины меня от стрел берегла. И надо же было такому случиться, что сразу двумя стрелами ее пробило. Вино и потекло. Наши подбегают по одному, шлемы под струйки подставляют и мне дырки заткнуть не дают. И главное что? — Илья с досадой шлепнул себя по колену. — Каждый говорит: «Подожди, я вот наберу, а потом затыкай». А потом еще один — и опять то же самое, и конца этому не видно.

Надрызгались все! — Илья мечтательно прикрыл глаза и пошевелил усами, словно принюхиваясь. — И ратники, и обозники, одни лошади трезвые, хотя и моя лошаденка чего-то пошатывалась, нанюхалась, наверно. А волыняне опять наскочили! Тут бы нам всем и конец, да Лука Говорун — пьяный, пьяный, а сообразил — всадил стрелу в самый низ бочки. Винище — струей, запах — на всю округу, волыняне — все ко мне, а я от них. За стремя кого-то из ратников ухватился — и дай бог но-

ги! В жизни так никогда не бегал!

И что обидно: выпил меньше всех, а разило от меня сильнее, чем от всего десятка, потому как облился, пока дырки затыкал, с головы до ног. Отогнали волынян, вернулись — бочка пустая. Кто все выпил? А Илья: от него за версту шибает! С тех пор на меня выпивку не грузят, даже квас не доверяют.

Илья горестно понурился, а Афанасий мелко затрясся от сдерживаемого смеха.

— А если бы у вас самострелы были? — спросил Мишка.

— Что лук, что самострел — для хорошего выстрела сила нужна да сноровка. А в обозе кто? Слабые, увечные, не вояки, одним словом.

— С моим самострелом сила не нужна, возьми глянь. — Мишка протянул свой самострел Илье. — Видишь рычаг сбоку? Упираешь самострел в землю или еще куда-нибудь, нажимаешь ногой на рычаг — и готово. Тут не сила, а вес нужен. Я меньше двух пудов вешу, а мой болт с полусотни шагов доспех пробивает.

— Интересно, — оживился обозник. — Дашь стрельнуть?

— Стреляй, не жалко. Можно и на ходу, в днище саней упри.

— Ты из него тогда волков-то настрелял?

— Ага, так же вот в санях ехал. Дави ногой, пока не щелкнет.

Илья упер самострел и нажал на рычаг ногой.

— Легко идет!

— Так на меня рассчитано, ты же тяжелее. Тебе можно самострел более тугий сделать — дальше бить будет.

— А целиться как?

— Приложи к плечу, левый глаз зажмурь, а правым смотри вдоль болта... Да куда ты, лошадь убьешь!

— Я не в лошадь, вон пень возле дороги. О! Гляди-ка, попал!

Илья уважительно оглядел оружие и вернул его хозяину.

— Вот, а если у всех обозников по такому будет?

Обозник хитро ухмыльнулся, расправил свои могучие усы и выдал вердикт:

— Хе-хе, тогда бы из той бочки вообще решето сделали!

— Я же о деле говорю, — обиделся Мишка, — ты что думаешь: если мальчишка, так только глупости болтать могу?

— Не, отрок отроку рознь. Ты, Михайла, отрок умственный, книги, говорят, читаешь. Да вот незадача: сколько такая вещь стоит? Обозники народ не богатый.

— Обоз и из сотенной казны вооружить можно, для дела же, не для баловства. И себя защитите, и сотню, при случае, сзади прикроете.

— А Пимка-десятник потом будет трепать, что Корней это придумал, чтобы сотенные деньги сыну отдать. Самострелы-то Лавруха делать будет!

— И что? Никто Пимену пасть не заткнет?

— Он десятник, и подпевал у него много, всем пасть не заткнешь.

— Наплевать! — уверенно заявил Мишка. — После первого же похода сами заткнутся.

— Может, и заткнутся, а только...

— Что?

— Смотри. — Илья указал рукой куда-то вдоль обоза. — Вон твой дядька Лавр вперед поскакал и Тихон с ним. Знаешь зачем?

— Дорогу проверить? — попробовал угадать Мишка.

— С заводными конями?

— Тогда не знаю.

— А ты, Афоня?

— Если с заводными конями, то далеко поехали. Как бы и не в Ратное, — ответил Афанасий и тут же удивился: — Только зачем?

— Эх, не ходили вы с обозом, ребятки! Народишко-то из городища для себя припас взял, а для скотины много ли увезешь? До первой травы — месяц, если не больше. Чем скотину кормить? Сено в Ратном сразу в цене подскочит. Они и поехали, чтобы заранее корма прикупить, пока никто ничего не знает. Как мы доедем, так к сену и другому корму для скотины не подступиться будет. Я вот тоже подзаработаю. Летом не поленился, так что лишнее сенцо есть, а баба моя без меня не продаст. Теперь понял, Михайла?

— Не очень.

Мишка насторожился, что-то в рассуждениях обозника ему не понравилось.

— Кто поехал? — начал объяснять Илья. — Сын сотника и племянник Луки, почитай, старшего из десятников. Вот Афоню бы отпустили? Да ни в жизнь! И все всё видят, потом разговоры пойдут: мол, пользуются своей властью, а простым людям объедки оставляют. То же и с самострелами будет, если сотенные деньги твоему дядьке перепадут. А такие разговоры копят, копят, а потом... всякое может быть.

— Теперь понял. — Мишка утвердительно кивнул головой. — Но если на болтунов оглядываться, ни одно дело как следует не сделаешь.

— Ты — внук сотника, тебе виднее...

«И умолк мой ямищик, а дорога... не помню, как там дальше. Замолчал Илья, нахохлился, как воробей. Вот оно — социальное расслоение когда-то единой общины. И совершенно бесполезно объяснять, что к приходу такой толпы в селе надо подготовиться, и посылать для этого рядовых ратников совершенно бесполезно — не умеют они такие вопросы решать. Там, конечно, староста есть, но у деда и Луки самые большие доли в добыче. У деда, потому что сотник, а у Луки, потому что почти весь десяток состоит из родственников. А еще они не только воины, но и управленцы — умеют смотреть вперед и вычленять главные проблемы. Проинструктировали своих людей и послали готовить село к приему полона.

А Илья с Афоней люди, конечно, хорошие, но о таких вещах даже не задумываются. Афоне хочешь, не хочешь, а придется хотя бы азам управления учиться, иначе ничего путного у него с холопами не получится. А Илья... жаль мужика, но от него начинается социальный слой «низов» феодального общества. Сам-то он отнюдь не дурак, на самый низ не свалится, но дело в принципе. А Афоня — предтеча того, что будет называется рыцарством, или шляхтой, или, позднее, дворянством. Нижний уровень верхнего слоя. Поучить его, что ли? Все равно делать нечего».

— Афанасий, а что ты с холопами своими делать будешь? — спросил Мишка.

— Их сначала займать надо, — мрачно отозвался Афоня.

— Я же обещал!

— Мало ли что ты обещал! Ты не обижайся, Михайла, но сотник решение десятника отменяет редко, почти никогда. Десятнику виднее...

— А мне виднее, что обещать! Я — Лисовин, и слово сказано!

— Хе-хе...

— Что смешного, Илья? — Мишка резко обернулся к вознице, но тот уже успел отвести глаза.

— Да так... ничего. Не смеюсь я, кашлянул.

Мишка снова повернулся к Афоне:

— Так что, Афанасий? У вас раньше когда-нибудь холопы были?

— Были... давно. Дед рассказывал, я не помню.

— Значит, не умеешь, — сделал вывод Мишка.

— Чего там уметь-то?

— Людьями управлять. Это — тоже ремесло, уметь надо или учиться, если не умеешь. Так что ты с ними делать станешь?

— Ну чего? Это... работать заставлю.

— Это понятно, на то и холоп, чтобы работать. А как? Ну вот представь себе: вытянул ты жребий, указали тебе холопскую семью, которая тебе по жребию выпала. Подходишь ты к ним: глава семьи, баба, детишки. С чего начнешь? Какие слова самые первые скажешь?

— Э... На подворье поведу.

— Есть где поселить?

— На сеновале можно, еще пристройка есть, но холодная... в сенях... там тоже холодно. Летом-то построимся, а сейчас. Да-а-а, в избе всем тесно будет...

— А если детишки малые совсем?

— А как же тогда? Едрит твою... — Илья полез всей пятерней скрести в затылке. — Я и не думал.

— На первом же шагу и споткнулся. Ты как, тоже думаешь, что Лавр с Тихоном сено скупать поскакали?

— Народищу-то разместить... — обалдело протянул Афоня. — Да куда же мы их всех денем?

— Корней с Лукой уже придумали, для того людей и послали, чтобы все приготовить, а у тебя еще дня два на раздумья есть, быстрее-то не доберемся.

Илья тут же встрепенулся:

— Э! Так я что, на сене-то не подзаработаю?

— Заработаешь, — успокоил Мишка, — но сено — не главное.

— Это хорошо. — Илья довольно улыбнулся. — Слышь, Афоня, у тебя в пристройке пол земляной?

— Земляной, а что?

— Так они же по-старинному жить привыкли: пол — земляной, вместо печки — очаг. Натаскаешь камней для очага, полати можно там сделать?

«Даже и не подумал извиниться за то, что на деда наклепал... Все как ТАМ — в каждой курилке Совет министров и Генеральный штаб одновременно, и обязательно все начальство — либо идиоты, либо сволочи... Правда, бывает, и обожествляют, но зато как потом матерят! Того же Сталина вспомнить...»

Афоня между тем продолжал строить планы:

— Я им еще пару лавок поставлю, стол есть, поломанный, правда, но починим! Полки там есть, дверь плохо закрывается, ну это сделаем... для скотины место есть, дрова... пока хватит... постели у них свои...

— С жильем, значит, решилось, — утвердил Мишка.

— А? — Афоня даже не сразу понял вопрос. — Ага, решилось!

— Тогда думай, с чего разговор начнешь.

— Э... Спрошу, как зовут.

— А поздороваться?

— С холопами?

— А они не люди? Вот тебе первая заповедь: если с человеком вести себя как со скотиной, то и он себя вести будет по-скотски. Тебе это надо?

Илья опять не удержался, чтобы не съязвить:

— Хе-хе, гляди, Афоня, заповеди! Как в Писании!

— А ты как думал, Илья? — тут же подхватил идею Мишка. — Десять заповедей указывают, как люди жить должны, что можно, что нельзя, что хорошо, что плохо. Это и есть управление. Какая, к примеру, первая заповедь?

— Это самое... — Илья задрал бороду к небу и задумался. — Кажется, «Не убивай!».

— Неверно. А ты, Афанасий, как думаешь?

— Чего ты, как поп? Не помню я.

— А подумать? — не отступался Мишка. — Тебе теперь много думать придется: и за себя, и за холопов, а в заповедях Господних все, что нужно для управления, есть!

— Ну, кажется, не молись другим богам... вспомнил! Не сотвори себе кумира, не делай изображений... и не поклоняйся им. Вот!

— Почти правильно! Начинаются заповеди со слов: «Я Господь, Бог твой». А дальше уже говорится о том, как людям с Богом жить. Не сотвори себе кумира, не поминай имя Божье всуе. И наказание за неповиновение: «Я Господь, Бог твой, Бог-ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня».

А потом сразу же про поощрение послушных: шесть дней работаешь, а седьмой день отдыхаешь. Так и ты сразу же должен дать понять, что хозяин ты и все зло и добро будет от тебя. Про добро — обязательно, человек должен какой-то свет впереди видеть и хоть на какую-то выгоду рассчитывать.

— Что, так и говорить? Я твой хозяин, если что — накажу, а если... — Афоня озадаченно хлопал глазами. — А про добро-то чего сказать?

— Про одно и то же можно разными словами говорить! Сначала поздоровайся, покажи, что ты к ним не как к скотине относишься. Потом назови себя, чтобы сразу было понятно, кто ты такой. Как в заповедях: «Я Господь, Бог твой». Так и ты, например: «Я Афанасий...» Как тебя по батюшке?

— Романыч.

— Я Афанасий Романыч, ратник девятого десятка ратнинской сотни. Красиво звучит?

— Я Афанасий Романыч, ратник девятого десятка ратнинской сотни... — повторил Афоня. — Красиво. А дальше?

— А дальше: «Жить будете у меня!» Понимаешь? Жить! Вам теперь вместе жить, может быть, до конца жизни. Работа, наказание, одобрение, все остальное — это жизнь. Ваша жизнь связана воедино навсегда или очень надолго.

— Жить будете... верно! Они же сейчас бездомные, а я их в свой дом ввожу.

— Вот-вот: кем введешь, тем они и будут. Сразу же надо объяснить: что — хорошо, что — плохо. Как в заповедях Господних: почитай родителей, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не

приноси ложного свидетельства, не пожелай жены или имущества ближнего твоего. Так и ты: обижать не стану, будете хорошо трудиться — будете в тепле, сытости и под моей защитой, но если что, то я человек воинский, к порядку и строгости приучен, так что не взыщите! Сразу все и понятно: кто ты, кто они, бояться не надо, но лениться не дашь.

— Ага! И в пристройку!

— Нет! — Мишка с трудом сдержал улыбку. — Сначала расспроси. Кто они, как кого зовут, как раньше жили, что умеют... и прочее. Вот тебе заповедь вторая: интересуйся людьми, чем больше ты про них знаешь, тем легче ими управлять. Не жалея на это времени — окупится!

— Так наврать же может! — усомнился Афоня.

— Смотря как спрашивать. Был такой ученый мудрец... э-э иудей, Карнеги звали. Так он говорил, что для человека нет более интересной темы разговора, чем о нем самом. Вот и веди разговор о нем. А чтобы не врал или не умалчивал — сомнение покажи. Не говори прямо, что врет, а так, усомнись слегка. Он горячиться начнет, доказывать, весь раскроется, а ты на ус мотай.

— Это как же? Ну усомниться, да еще слегка?

— Да очень просто. Скажет он, к примеру, что у него в хозяйстве три лошади было. А ты спроси: «Всегда три?» Он тут и начнет, что сначала одна была, потом он вторую на Княжьем погосте выменял на шкурки, потом еще что-нибудь про третью. Как звали лошадей, расскажет, какой масти были. А ты удивись: как это он на лесных полянах столько корма на зиму заготавливал, спроси о цене, какую за лошадь запрашивали и за сколько сторговал. Удивись, если сторговал хорошо. С женой его поговори: сколько лет детишкам, чем болели. Удивись, если все выжили, посочувствуй, если не все, вспомни, что и у тебя или у соседей тоже не все дети живы. Пообещай, что если сживется, то детей поднять сможешь, расскажи, что лекарка у нас хорошая.

— Да, Афоня, — подтвердил Илья, — дети — разговор бесприкрытый. Михайла верно говорит.

— Угу, у меня в моровое поветрия дочка двухмесячная...

— Прости, Афанасий, — смутился Мишка, — не знал я.

— Ничего, ты рассказывай. Интересно у тебя выходит. Умным был, видать, тот иудей... как его...

— Карнеги. В общем, к концу разговора ты все должен знать. Какой работой их до пахоты занять, кого из детишек в теплую избу на ночь забирать надо, чему их учить придется, а что умеют. Сравнивай все время с собой и со своей жизнью, тогда легче понять будет. Не бойся, если и час с ними поговоришь или больше, — все на пользу. И всегда помни: если притвориться, что не очень веришь, человек начинает доказывать, объяснять — раскрывается весь.

— Понятно. Просто же все! — преисполнился энтузиазма Афоня. — Я и не думал!

— Не управляя людьми, вот и не приходилось о таких вещах думать.

— Хе-хе. Можно подумать, ты управляя! — подкусил Илья.

— У меня дед перед глазами, есть у кого учиться. Ну и книги еще.

— Да, Корней Агеич... вот у кого научиться многому можно. Ну ладно. Поговорили, привел я их в дом...

— Погоди, рано еще, — остановил Афоню Мишка.

— Хе-хе, — снова встрял Илья. — Афоня, ты так до лета домой не доберешься!

Мишка сделал вид, что не слышит, и продолжил:

— Третья заповедь — твой вид. Понимаешь, слова — это еще не все, только малая часть. Гораздо больше мы друг другу говорим одеждой, осанкой, выражением лица, движениями рук. Из всего, что один человек до другого доносит, слова составляют меньше десятой части. Треть — это голос, а больше половины — лицо, руки, одежда и прочее.

Вот смотри: ты им с самого начала говоришь: «Я — Афанасий Романыч, ратник девятого десятка ратнинской сотни». Но при этом придешь к ним пешком, просто одетый, без оружия. Получится: уши слышат одно, а глаза видят другое. Создается ощущение вранья.

Или ты приедешь к ним верхом, на поясе меч, из-под кобуха кольчуга видна. Совсем другое дело: слух и зрение говорят одно и то же, никаких сомнений нет. А еще ты смотришь на него сверху вниз — он в положении подчиненного. В одной руке повод, другая на рукояти меча лежит, или еще подбочениться можно. Сразу же другой вид.

И вообще: всегда будь опрятен и подтянут, не ходи распояской, грязным, неряшливым. Понимаешь, человеческий ум так устроен, что он все подмечает, даже если особо над этим не задумываться. Как бы это объяснить? Илья, ты мне сможешь?

— Как? — изобразил всем своим видом готовность Илья. Несмотря на вставляемые время от

времени ехидные замечания, слушал он очень внимательно.

— Посмотри на Афанасия, а ты внимательно смотри на Илью, на выражение его лица.

Мишка слегка перевалился на бок, чтобы смотреть на обозника не выворачивая голову, и начал:

— Илья, вспомни, как Афанасия раненого с коня снимали и к тебе в сани клали. Посмотри на то место, где у него рана, вспомни других раненых, на него похожих. Так, а теперь вспомни, как Афанасий тебя Илюхой назвал и ты обиделся. А теперь вспомни, как у тебя первый ребенок родился, как он первое слово сказал, как первый раз ножками пошел. Хорошо, а теперь подумай: а вдруг твоя же на все-таки сено без тебя продаст? Только не говори ничего!

Мишка обернулся к Афоне:

— Понял, Афанасий?

По ходу Мишкиного монолога лицо Ильи менялось самым разительным образом — мужиком он, как понял Мишка, был достаточно эмоциональным, да к тому же хорошим рассказчиком, поэтому мимикой обладал весьма выразительной. Афоня приоткрыл рот и расширенными глазами, не отрываясь, смотрел на Илью. Потом перевел взгляд на Мишку и с запинкой выговорил:

— Ты... ты колдун?

— Глупости! Если кто и колдун, то Илья. Ни слова не произнес, а столько тебе сейчас рассказал, словами такого и не скажешь никогда.

Илья неожиданно зло процедил:

— Зверь ты, Михайла, с людьми — как с куклами...

— Илья, ты же сам согласился!

— Бешеный Лис, как голого выставил...

— Илья, прости дурака, не подумал... — Мишка действительно ощутил острый приступ стыда. — Илья! Ну хочешь, на колени встану? Прости, пожалуйста, я же Афоне помочь хотел. Ты же сам знаешь, как это важно, сколько ты по лицам раненых понимать умеешь! Ты же не одну жизнь спас, когда они сказать не могли, а ты догадался...

— Паршивец, и уговорить-то умеешь! Ох поплачут девки от тебя!

— Не сердись? Илья, вира с меня: выпрошу у дядьки для тебя самострел, бесплатно.

— Ладно... самострел. — Илья неожиданно хихикнул. — Афоня, ты на его рожу сейчас смотришь?

— Ага! Здорово!

— Хе-хе, Михайла, как я тебя! А?

— Притворялся? — понял Мишка. — Знаешь, как это называется?

— Не-а!

— Мордой об стол!

— Ха-ха-ха, го-го-го, Афоня! Вот такого лица, ха-ха-ха, ты еще... ты еще не видел!

— Которое, го-го-го, об стол?

— Ага! Ха-ха-ха, и об лавку тоже!

Проезжающий мимо ратник придержал коня:

— Чего ржете, мужики?

— Губан, ха-ха-ха, у тебя... ха-ха-ха, случайно стола... с собой нету?

— Чего?

— Го-го-го, а лавки?

— Гы-гы-гы, чего... ржете-то?

— А ты, ха-ха-ха... чего?

— Не... гы-гы-гы... не знаю.

— И мы, ха-ха-ха, не знаем... но без, ха-ха-ха, но без стола — никак!

Глава 4

Конец марта 1125 года. Дорога в Ратное

Мишка проснулся, как от толчка. Рядом в санях храпел и постанывал Афоня, еще дальше, на толстом слое лапника, завернувшись в облезлую медвежью шкуру, сопел с присвистом Илья. Мишка попытался определить, что же его разбудило. Нога практически не беспокоила, к Афониному храпу он притерпелся, других шумов вроде бы не было. Огромный стан, в котором расположилось несколько сот человек, с вечера угомониться не мог очень долго. Где-то плакали дети, кто-то на ночь глядя вдруг решил, что припас мало дров, и стучал топором, потом чего-то испугались лошади, потом еще что-то случилось. Большое сборище людей и животных всегда успокаивается очень мед-

ленно, то и дело оживляясь локальными очагами шумов и беспокойства.

Сейчас над станом стояла тишина, костры слабо тлели, морозец ощутимо усилился, похоже, дело шло к утру. Что же все-таки его разбудило? Мишка еще раз окинул взглядом все пространство, открывающееся ему из лежачего положения, и уже надумал сесть в саних, как уловил краем глаза какое-то движение. От ствола одного из деревьев отделилась белесая тень и, пробежав несколько шагов в сторону дремлющего у костра часового, припала к снегу.

«Маскхалат, бесшумное движение, явное намерение снять часового. Привидение или чей-то спецназ пожаловал? Вижу только одного, помогут быть и другие, если, конечно, спецназ».

— Илья! — позвал Мишка шепотом. — Илья, проснись.

— Да не сплю я, — так же шепотом отозвался обозник. — Что случилось?

— В стане чужие, к страже подбирается кто-то.

— Не показалось?

— Нет, я его и сейчас вижу. До самострела моего, не поднимаясь, дотянуться можешь?

— Могу, может, шумнуть?

— А стрелу словить не боишься? Вводи самострел и незаметно подай мне.

— Как его лежа-то?

— Упри в сани, сам на бок повернись, чтобы колено вверх не торчало.

— Сейчас. — Илья деятельно заворочался, впрочем, почти бесшумно.

Тень продвинулась еще на несколько шагов. Щелчок взведенного самострела показался оглушительно громким — лазутчик припал к утоптанному снегу.

— Михайла, руку опусти.

Голос раздавался снизу: Илья каким-то образом умудрился вползти под сани. Мишка опустил руку и нащупал приклад.

— Лежа-то стрельнуть сможешь?

— Смогу, а ты приготовься опять зарядить, может быстро понадобится.

— Угу, сразу под сани суй, я тут приспособился.

Часовой приподнял голову, огляделся и снова подпер подбородок кулаком.

«Да уж, не видал ты, раздолбай, плакатов „Несение караульной службы — выполнение боевой задачи!“, зарежут ведь как куренка».

— Михайла, ну чего? — донесся из-под саней сиплый шепот Ильи.

— Тсс...

Белесая фигура вскочила на ноги и метнулась к часовому. Мишка нажал на спуск, болт ударил лазутчика куда-то в район поясницы, тот в падении все же дотянулся до часового, но удар пришелся по ногам. Разгильдяй-караульный вскинулся спросонья, свалился с чего-то, на чем сидел, и прямо в его уже открывшийся для крика рот оттуда-то слева ударила стрела. Илья буквально вырвал самострел из опущенной Мишкиной руки, и через пару секунд, показавшихся вечностью, из-под саней раздался вожделенный щелчок.

«Блин, всего два болта осталось, где же этот лучник? В Демкиной сумке еще десяток болтов, но не достать, шуметь нельзя, на звук выстрелить могут».

Мишка до боли в глазах всматривался туда, откуда, по его представлению, вылетела стрела. Вдруг из темноты пришло ощущение чужого враждебного взгляда, направленного прямо в лицо, а напряженный до предела слух уловил тихий скрип, такой, какой должен издавать натягиваемый лук. Мишка нажал на спуск, и тут же какая-то сила вырвала самострел из рук и швырнула на снег рядом с санями. Илья, словно змея из норы, высунулся из-под саней и втянул самострел в свое укрытие.

«Ну все, сейчас замочат! Лежу, как мишень, он меня видит, а я его нет».

Забыв о ране, он, насколько мог быстро, перевалился через край саней, плюхнулся на снег и чуть не взвыл от боли в ноге. Тут же ему в руки сунулся самострел.

— Сможешь из порченого-то?

— Один хрен — последний болт.

Из саней послышался сонный голос Афони:

— Мужики, вы чего?

— Лежи, Афоня, не шевелись!

— Чего случилось-то?

— Тихо ты!

Где-то в стороне раздался крик: «Вон он, держи! А-а-а! Уходит!» Зычный голос Рябого: «Десяток, по коням!»

— Все, Афоня, можешь орать, — разрешил Илья.

— Чего орать-то?

— А чего хочешь, то и ори. Михайла, тебя опять зацепило?

— Нет... нога! Уй, блин.

— Потерпи, парень, сейчас головню принесу — посветить.

Илья потрусил к костру и нарвался на окрик Луки, выросшего словно из-под земли:

— Не шляться! Следы затопчешь. Складень, Софрон, быстро, пока не натоптали, разберитесь.

Эй, вы! Никому не вставать, хоть одна сука поднимется — пристрелю! Что, не понимаешь? Ну на!

Щелкнула по кожаному наручню тетива, в темной массе полоняников раздался чей-то вскрик. Сразу же за ним взвился истеричный бабий вопль:

— Луня-а-а!!!

— И тебе непонятно? На!

Снова щелкнула тетива, крик оборвался.

— Девятый десяток! — заорал в полный голос Лука. — Становись вокруг полона! На любое движение или шум стрелять немедленно! Бабы, держать детей, мужи — баб. Чтобы тихо у меня!

«Блин, концлагерь какой-то! Но если толпа ударится в панику... Правильно все, жестоко, но правильно».

Илья, притащивший от костра горящую ветку, склонился над Мишкиной ногой.

— Ну показывай, что у тебя тут? Эх! Ты же присохшую повязку сорвал, кровь опять. Сейчас, потерпи, мы вот старую повязочку снимем. Травки лечебные у меня есть, их приложим. Смочить только надо. На-ка пожуй, чтобы в кашу превратилось, только не глотай. Знаю, знаю, что горько, зато лечебно, потом медку дам хлебнуть. Разжевал? Давай вот сюда, на тряпочку. Вот, сейчас перевяжем, кровь уйдем, в сани тебя уложим...

«Он ведь так же, как Юлька, разговаривает, только получается хуже. Или мне кажется, что хуже? Все равно молодец».

— А меду, извини, брат, нету, — развел руками Илья, закончив перевязку. — Вчера весь выпили. Ты снежку пожуй... погоди, вон Корней Агеич идет, у него, наверно, найдется для внучка-то!

Дед подходил, сердито выговаривая понуро бредущему рядом одному из недавно избранных десятников:

— ...Я вам сколько раз говорил: на страже стоят, а не сидят и не лежат! Забыл уже? Какой ты десятник, если за своими людьми углядеть не можешь? Скажи спасибо, что убили, а то ведь ты своими руками обязан был бы его казни предать за то, что проспал все! Помнишь, как Филату пришлось собственного зятя казнить, когда тот полочан проспал? Вот тебе мое слово, Аким: памятуя, что ты только третий день в десятниках, наказываю тебя мягко. Убиенного сам родителям отвезешь и повинисься, что, мол, не уследил за парнем, и выслушаешь все, что они тебе скажут, безропотно. Долю получишь, как простой ратник, а не десятничью, а весь десяток — по половинной доле. И в последнюю очередь. Еще одна промашка — и десятником тебе не быть!

— Я и не хотел, выбрали, — пробубнил в ответ Аким.

— Ах так? — Дед остановился и закрутил по сторонам головой. — Лука! Лука, где тебя носит?

— Здесь я, Корней Агеич!

— Тихону твоему давно пора десятником быть. Вернемся в Ратное, пусть этих охламонов под свою руку берет, Аким негодным оказался. А пока сам за ними присмотри.

— Присмотрю. Корней, там лазутчик... живой, оказывается, Михайла ему хребет перебил, ноги отнялись, но какое-то время еще поживет.

— Допросить! — рывкнул дед, потом спохватился: — Погоди... Михайла? Он же раненый лежит!

— А больше у нас никто из самострелов не стреляет, его болт.

— Где он? — Дед снова начал оглядываться.

— Так вон же, рядом! — Лука ткнул протянутой рукой в Мишкину сторону. — Вон его сани, а чего это он на снегу лежит?

— Иди, Лука, я сам. Поднимай стан, накормим людей, скотину, и как раз рассветет. Ехать надо. И поостроже там, хватит с нас приключений. Илья, что тут у вас?

— Корней Агеич, медку не найдется? — Илья был предельно вежлив, только что не кланялся. — А то Михайла травы для перевязки жевал, горько же.

— А запаренной травы у тебя, конечно, нет? — недовольно пробурчал дед.

— Вчера вся вышла, хотел с утра запарить, да вот ведь какие дела...

— Что тут у вас случилось-то?

— Михайла лазутчика заметил. Я-то вполуха сплю, когда раненые... чувствую, он дышать

по-другому стал, только хотел встать, посмотреть, а он шепчет: самострел давай. Ну и... это, я заряжал, он стрелял, а потом в нас. Он, от греха, из саней вывалился, ну и рана открылась. Так как насчет медку-то?

— Есть, есть, — дед похлопал по баклажке, привешенной к поясу, — только давай его сначала на место переложим.

— Я сам, деда...

— Лежи уж... сам. Взяли! Вот так, на, хлебни, травы и правда горькие.

— Корней Агеич, дозвожь и мне приложиться, кости все ноют, видать, снег пойдет.

— Вот только этого нам и не хватало. Приложись, чего уж там, вдвоем сегодня стреляли. Я Бурею скажу... эй-эй, меру-то знай! Чуть не все выхлебал, всем ты хорош, Илья, но в питии удержу не знаешь.

— Чего сказать-то мне хотел. Корней? — раздался сбоку неприятный хриплый голос.

Обозный старшина Бурей был не просто страшен, им можно было пугать не только детей, но даже и взрослых. Горбатый, руки висят ниже колен, надбровные дуги — как у питекантропа, носа почти нет, а борода растет от самых глаз. Ратнинские бабы на полном серьезе утверждали, что матушка прижила Бурей в лесу с лешим. Единственный из обозников он имел серебряное кольцо ратника, причем заработал его за один раз. Обладая жуткой физической силой, однажды, когда к телегам с ранеными прорвались половцы, он оглоблей вынес из седел одиннадцать степняков, а из него самого потом вытащили четыре стрелы.

Мужики Бурей уважали не только за силу, но и за ум, а также за кое-какие лекарские знания, недоступные даже Настене. К уважению, правда, примешивалась некоторая доля легкой жути. Не из-за внешности, а из-за того, что Бурей умел избавить от мучений безнадежного раненого всего лишь нажатием большим пальцем на одному ему известную точку шейного отдела позвоночника.

Полонянки же и холопки держали Бурей чуть ли не наравне с Сатаной, поскольку до плотских утех он был не просто большим охотником, а прямо-таки фанатом. Сколько их, бедолаг, прошло через его руки, он, наверно, и сам не знал. Дважды он даже женился, но заканчивалось все одинаково: жены рожали ему мертвых младенцев и вскоре умирали сами.

— Чего сказать-то хотел, Корней? — повторил обозный старшина.

— Илюха твой отличился, надо бы наградить.

— С чего награждать-то? — Бурей даже и не глянул на Илью. — Или долю обозу увеличишь?

— Ты же знаешь, — пожал плечами дед, — против обычая никто не пойдет.

— Ну так что тогда?

— Зайди ко мне, как приедем, поговорим.

— Как приедем, тебе не до того будет: этакую прорву народу пристраивать придется, а потом у тебя настроение пропадет, обозник, по сравнению с другими делами, мелочью покажется, да и забудется. Что, не так?

Авторитетов для Бурей не существовало, он и с князем, наверно, так же разговаривал бы. За свою жизнь обозный старшина пережил столько унижений и несчастий, что не боялся никого и ничего. Как дразнили его в детстве ровесники, как насмехались в юности девки, как ненавидели и боялись холопки...

— Кхе! Ладно, тогда по-другому сделаем. Лавруха весь ратнинский обоз поднял и сюда гонит. Надо из городища сено и прочий корм для скотины забрать, а потом все там сжечь.

— Знаю, — кивнул Бурей, — сам с ними пойду.

— Вот и возьми Илюху с собой, там еще пошарить можно, не все же с собой увезли, глядишь, и найдется что для хозяйства.

— Возьму. Что найдем — наше?

— Да, — согласно кивнул дед, — мы свое уже взяли. Потом все подожжете.

— А если люди попадутся?

— Возьмешь — твои будут. Охрану дать? — Было заметно, что деду очень не хочется отпустить с Буреем ратников, которых и так было мало, но не предложить он не имел права. Бурей это, конечно же и сам понял, поэтому лишь махнул рукой:

— Сами управимся.

— Деда, можно мне сказать? — Мишка приподнялся на локтях.

— Не встревай, сопляк. — Бурей коротко обернулся в Мишкину сторону. — Старшие разговаривают, жди, пока спросят!

— А он не тебя и спрашивает, Буреюшка, угомонись, милый. Говори, Михайла.

— Ну я тогда пошел. — Бурей развернулся, собираясь уйти.

— Стой, где стоишь! — скомандовал дед. — Я тебя отпускал? Ладно, молодые распустились, ты-то чего?

— Недосуг, дел много.

— Ничего, подожди. Михайла, бывает, и дело говорит. Ну, Михайла?

— Ты вот про охрану сейчас сказал, а Илья мне рассказывал, как, бывает, обозы громят. Я и подумал: дать бы обозникам самострелы. Сильным быть не нужно, научиться можно быстро, а несколько десятков выстрелов — это ж сила! Илья из моего попробовал стрельнуть, получилось.

— Что скажешь, Бурей?

— Игрушка, Корней. Я против.

— Дядька Бурей...

— Я тебе не дядька!

— Серафим Ипатьич! Да если хоть несколько жизней самострелы спасут, и то хорошо, а если удачно получится, то и вообще к обозу врагов не подпустите.

— Много ты знаешь про обозы...

— Корней, Корней, ты глянь! — С той стороны, откуда в Мишку стрелял лучник, быстрыми шагами приближался Лука. — Корней, что твой Михайла творит! Скоро все мои лучники к нему учиться убогут. Ты только глянь!

В руке Лука Говорун держал обычный лук-однодеревку, какими пользовались лесовики. Но этот лук отличался от остальных тем, что был изуродован попаданием самострельного болта. Чуть выше середины древка кусок дерева был вырван, и от этого места шла трещина почти на две трети длины всего лука.

— В темноте, на слух — и так попасть. Михайла, ты как это?

— Так же, как и он. — Мишка показал треснувшее ложе самострела с застрявшим в нем накопником стрелы. — Наверно, одновременно выстрелили.

— Дай-ка!

Бурей забрал у Мишки самострел, повертел в руках, без видимого усилия отжал рукой рычаг, щелкнул спуском.

— Значит, не врут, что он уже десяток народу из этой штуки уложил? — Демонстративно игнорируя Мишку, Бурей обращался с вопросом к деду.

— Не врут, — подтвердил сотник.

— Что, Корнеюшка? — Бурей неожиданно ощерился. — Лисовина растишь?

— Внука рашу! — Дед вызывающе выпятил вперед бороду. — Ты что, передумал?

— Наоборот. Игрушка, конечно, убойная, и давать ее в руки детям... твое дело, Корней. А обоз вооружать — себе дороже. Тебе лишняя морока, а обозу — смерть.

— Ну-ка, ну-ка, объясни.

— У сопляка в башке ветер, так это и должно так быть, а ты-то где ум растерял?

— Бурей! — грозно прикрикнул дед.

— Сорок лет уже, как Бурей, а из ума не выжил. — Дедов окрик не возымел на обозного старшину ни малейшего действия. — Вы вооруженных обозников обязательно в сечу потянете, сзади вас прикрывать. Тут им и конец. Воевать они не обучены, доспехов не носят, стрельнут по разу и полягут все. Не дам своих людей гробить! Довели сотню до оскудения, теперь убогими дырки латать хотите? — Бурей потряс в воздухе огромными кулаками. — Не дам! А если у кого из своих эту игрушку увижу, об его же хребет и разломаю!

— Кхе!

— Не сказал твой сопляк в этот раз дела, подождем, может, в другой раз повезет. Пошел я, забот полон рот.

— Ступай, Буреюшка, Бог в помощь...

Неожиданно Мишке в голову пришла интересная мысль, и он тут же обратился к десятнику лучников:

— Дядька Лука...

— Помолчал бы! Стреляешь ты, Михайла, слов нет, ловко, а...

— Бурей сам нам на помощь вызвался, — перебил Мишка, — или ты ему приказал?

Дед с Лукой многозначительно переглянулись.

— Все-таки сказал дело твой внучок, Корней. Только... Бурей же Пимена не любит...

— Он никого не любит, а себя самого больше всех, — философски заметил дед. — Пойдем-ка, Лука, мне уже третий раз пеняют, что сотня до полной убогости дошла.

— А мне — второй.

— Так вот, пора бы нам, кому на это не наплевать...

Дед с Лукой неторопливо пошли в сторону от Илюхиных саней, и голоса их перестали быть слышны, но Мишка и так догадывался, о чем у них сейчас идет речь. Похоже, возвращение деда на должность сотника было вовсе не безоблачным и одобряли это далеко не все.

«Значит, десятник Пимен вовсе не „лидер объединенной оппозиции“, есть и другие персонажи местных политических игр, которые вовсе не в восторге оттого, что дед начнет восстанавливать порядок и дисциплину. Это еще хорошо, что на нашей стороне оказалась большая часть ратников, иначе и вообще все могло скверно обернуться. Похоже, что вы, сэр, не ошиблись в анализе — система пришла к точке бифуркации. Развилка: либо дед цепляется за прежние порядки и на какое-то время продлевает агонию системы, утратившей адекватность, либо он возглавляет вооруженную силу уже на правах феодала, тогда система переходит в иное состояние, выходит из застоя и начинает развиваться. Как можно помешать первому и поддержать второе?»

Дурак вы, сэр, и звать вас — Мишка-придурок. Еще не до конца первые три задачи решили, а уже полезли в политику регионального уровня: Иллариону идею Ордена подкинули (очень опасную, как выяснилось), перед княгиней рыцарскую куртуазность изобразили (тьфу, вспоминать стыдно), Феофан еще, со своими гэбэшными примочками.

Прежде чем туда лезть, надо на месте хозяином стать, иначе попользуются и выбросят, как пардон, презерватив. Элементарно, сэр Майкл, не хрен через уровень прыгать, последовательность и еще раз последовательность. Личные и семейные проблемы, как и планировалось, решены? Ну, скажем так, решены на текущий момент. Теперь беремся за решение проблем... блин! Клановых!!! Дед же клан создает! Клан — самая устойчивая самоуправляемая структура в истории человечества. Все завязано на родственных связях, централизованное управление, целенаправленное использование талантов и способностей каждого на общую пользу, помощь и поддержка любому члену клана, решение всех конфликтов внутри, «без выноса сора из избы» и прочее и прочее.

Ни одно государство мира не нашло способа разрушения клановой системы, кроме поголовного уничтожения, разумеется, но зато кланы умеют адаптироваться к любому государственному строю и повернуть практически любые законы себе на пользу. Шотландские кланы, кавказские, среднеазиатские. Есть, наверно, еще, например, в США — клан Кеннеди.

Дед — гений. Сейчас нас одиннадцать человек плюс Немой, плюс добавили четверых крестников. Плюс «филиал» в Турове. Есть военная составляющая и коммерческая. Можно развить и производственную. Матвея взяла к себе Настена, будет в клане свой медик, а если я еще женюсь на Юлке... Сорри, сэр, вы о чем? Откуда такие матримониальные планы в ваши-то годы? А как же семейные традиции: дед на княжеской дочке женился, отец — на первой красавице стольного града Турова, из богатейшей семьи, между прочим. А вы — на участковом враче из сельского медпункта. Фи! Какой мезальянс! Вспомните наконец, какими глазами смотрела на вас принцесса Анна!

Отставить! Не о том речь. Сколько дед народу притащит? Три семьи точно. Это человек пятнадцать-двадцать. Но могут быть и еще. Крестники с куньевскими генетически никак не связаны, можно женить на их девках. Моих сестер тоже можно выдать за куньевских парней.

Как известно, прочность и жизнеспособность любой системы прямо пропорциональна количеству внутренних связей, мы это количество увеличим, всех способных вооружим самострелами и кинжалами... Блин!!! Какой же я идиот! Сую самострелы налево и направо, как коммивояжер: то Луке, то Бурею — деду всю игру порчу, как он терпит-то? В роду это все держать надо, внутри семьи!

— Афоня, Михайла, доставайте ложки, я кашу принес, — раздался рядом бодренький голос Ильи. — Михайла, давай-ка я тебе сесть помогу.

— Илья, чего там слышно-то?

— Ты про что, Афоня?

— Ну, народ-то у котлов не молчит. Ты ж там долго крутился.

— Хе-хе, я рассказывать буду, а ты кашу жрать? Нет уж, потерпи.

В три ложки котелок вычистили почти мгновенно, но Илья, словно испытывая терпение раненых, ушел к костру за горшочком, в котором запаривал травы для перевязки, потом долго возился, освобождая лошадь от торбы с овсом и запрягая ее в сани, потом зачем-то ушел искать Бурея.

— Нарочно тянет, зараза, чтобы в дороге было о чем поговорить, — пробурчал Афоня. — Михайла, а ты зачем про обозников у Луки спрашивал?

— Вы-то сами нам на выручку пошли, значит, на эти четыре десятка людей дед всегда положиться может, а остальные ненадежны. А вот обозники? Про них-то тоже знать хорошо бы.

— Не-а, про них ты ничего не узнаешь, и надежными они не бывают. Чья взяла, за того и

обоз. — Афоня даже не задумался над ответом, видимо, знал точно или уже бывали прецеденты.

— Так уж и все? — все-таки переспросил Мишка.

— А кто не как все, того Бурей со свету сживет. Ты пойми: обозники из-под наших мечей кормятся. Вот побили мы, к примеру, волынян, или полочан, или еще кого. Собираем добычу, если в погоню не пошли, конечно. А обозники раненых к себе тащат и примечают: чем мы побрезговали, то они вернутся и подберут. А потом еще по кустам и буеракам пошарят: вроде бы как наших раненых ищут, но и ворога укрывшегося добьют и оберут.

Знаешь, если сеча на одном месте крутилась, то потом там не то что стрел своих не найдешь, людей в броне из земли выковыривать приходится, так их ногами да копытами притопчут, что и не узнаешь порой, своего или чужого достаем. Я сам однажды видел шлем кованый, в лепешку растоптанный. А обозник не брезглив, он и в земле покопается, и требуху конскую разгребет — вдруг что полезное отыщется? Но и помощь, конечно, нам, тут ничего не скажешь. И воды принесут, и раненых полечат, и еды сготовят, да и вообще, бывает, так умашешься, что из доспеха самому не вылезти. Тут никакая помощь лишней не бывает.

— А если в погоню уходите?

— Тогда обозники сами все собирают, и им за это — десятина от всего.

— И не утаивают?

— Дите ты еще, Михайла, — усмехнулся Афоня. — Не обижайся, просто жизни еще не знаешь. Вороватую руку Бурей по локоть рубит, болтают, что было даже, когда не рубил, а просто ручищами своими из локтя выломал. А это смерть, после такого не выживают. Но он прав: лучше самому чужую руку отсечь, чем тебе за чужой грех сотник голову отсечет. Рассказывают, что сотник, который перед Агеем был, так и сделал, за то что обозный старшина за своими не уследил.

Но самое раздолье для обозников, когда мы город или село большое на щит берем. Сколько ты на заводном коне добычи увезешь? Ну захватишь еще коня или пару, так их кормить в пути надо, следить за ними, а случись в бой опять идти — на кого оставить? Вот и идешь к обозникам. А они тоже нагрузятся. Бывает, едет один на телеге, а к той телеге повод еще одной лошади привязан, а та тоже в телегу запряжена, а сзади еще одна. Ну и приходится просить, добычей делиться.

Зато если нас побьют или же быстро уходить приходится, обозникам лихо достается. Было уже на моей памяти, когда меньше половины обоза вернулось. Так что ни нам без них, ни им без нас.

— Понятно: симбиоз.

— Чего?

— Это когда друг без друга не обойтись.

— Ну мы-то обойдемся, на крайний случай полоняников на телеги посадим, хотя это, конечно, похуже будет. А вот они без нас — никто и ничто. Потому я тебе и сказал: Бурей посмотрит, чья взяла, и к тому, кто верх одержал, подастся. Иначе ему не выжить. Но сейчас ему и смотреть не нужно. Твой дед всех обскакал: золотую гривну у князя получил, добычу великую взял. Пимен теперь язык прикусит.

— А что вы все: Пимен да Пимен?

— Он — десятник, и в его десятке, почитай, никогда меньше пятнадцати человек и не было. Было и двадцать одно время, и почти все — родственники. А еще у него в десятке всегда все самое лучшее и дорогое: и кони, и оружие, и доспех. Он даже в обоз свои телеги и холопов ставить пытался, но Бурей выгнал. И народ у него: Степан-мельник с сыновьями, братья Касьян и Тимофей, которые все кожевенное и шорное дело в селе держат. И у каждого сыновья уже ратники. А еще Кондрат с двумя братьями, у которого больше всех в селе холопов. Лето-то все в поле, а зимой и бондарным делом занимаются — и корзины плетут, и короба делают, мешки еще шьют, рогожи плетут, много чего всякого. И у них сыновья взрослые. Все между собой детей переженили, а у самого Пимена брат Семен на дочке старосты женат.

— Дед рассказывал, — вспомнил Мишка, — что был такой полусотник. Он тоже всех своих людей родством повязал, а потом взбунтовался и увел полусотню из Ратного, только его на Волыни убили.

— Не, эти никуда не уйдут, — убежденно возразил Афоня, — у них тут хозяйство, мастерские, земля, холопы. Они хотят здесь хозяевами быть! Пимен все намекал, что хорошо бы полусотничество восстановить, Корней не дал. Потом, когда твоего деда покалечило, Пимена сотником выкрикнули, но старики, кто с серебряными кольцами, не согласились. Не то чтобы Данилу так любили, но лишь бы не Пимена, понимают, что он сотню из воинов в торгашей превратит. А когда нас на той переправе чуть не перебили всех, десятку Пимена уцелел. Даже троих утопших вытащили и двоих откачать сумели. Тут-то они Данилу и спихнули, а нового сотника все избрать не могли. Переругались

все, чуть до оружия не дошло. Пимен к погостному боярину с подарками съездил, но кто ж знал, что тот Корнея приятель старинный? Я вот только вчера от Илюхи и услышал. Собирался Пимен и в Туров — князю челом бить, да Корней раньше успел. Вот такие у нас дела, Михайла. В книгах ученых про такое есть чего-нибудь?

— Есть, и очень много.

— И чего?

— Не выйдет у Пимена ни хрена. Если они уже сейчас между собой собачатся, то им с дедом не справиться: наш-то род — все заедино. А теперь род еще и увеличится, и холопов прибавится.

— Да-а-а, глава в роду один должен быть, — согласился Афоня.

«Как хорошо, что ЗДЕСЬ пока дерьмократов нет. Сейчас бы начали про общечеловеческие ценности балаболить да сотника на референдуме выбирать. Сотенную казну разворовали бы, между собой перегрызлись... Тут нам и кирдык. Первый же наезд с Волыни или из Полоцка, и нету Ратного».

Откуда-то с озабоченным видом вывернулся Илья:

— Афоня, ты идти можешь?

— Илья, у меня же ключица сломана, а не нога.

— А хоть бы и хрен прищемлен! Бывает, в ухо ранен, а на ногах не стоит. Пошли тогда — сотник всех собирает.

«Итак, имеются три группировки: „начальник транспортного цеха“ Бурей, сексуальный маньяк и угребище жуткорылое, который гарантированно поддержит победителя, но сам в драку не полезет, „лоббист“ нарождающейся буржуазии Пимен, мечтающий о военной карьере, но постоянно обламывающийся, потому что не любим ветеранами, и, наконец, командующий вооруженными силами Корней Агеич Лисовин. К командующему примыкают представители военно-промышленного комплекса в лице Луки, Лавра, и кто у нас еще оружейным делом занимается? А администрация в лице старосты Аристарха куплена предпринимателями, но боится силовиков. Блин, и это двенадцатый век? Как домой вернулся!»

Дед обошел соперников на вираже, вырвался вперед и продолжает наращивать преимущество. Какие ответные меры могут предпринять противники? К международной общественности не обратишься, к гражданскому обществу не апеллируешь, в СМИ не заклеишь. Обвинения в тоталитаризме или создании военной хунты вообще не катят. Что же еще? Акты гражданского неповиновения? Ерунда. Закон и обычай на стороне сотника, тем более утвержденного верховной властью. Передача власти в руки гражданской администрации? Бред. Дед местный «Белый дом» — подворье старосты — раскатает по бревнышку — и будет в своем праве.

Что там у нас еще есть в арсенале либеральной интеллигенции и зарождающейся буржуазии? Вооруженное восстание? Самоубийство. Терроризм? Гм, пока не в моде, но, если не ошибаюсь, примерно через полвека именно таким образом разберутся с князем Андреем Боголюбским. Донос? А вот это — всегда пожалуйста! Настучать князю или епископу наши деятели могут вполне. Князю «не до грибов», вот-вот под самим кресло заелозит, а у епископа реальной власти — кот наплакал. Илларион, во славу Божью, кости переломал, ниспошли ему, Создатель, инвалидность за усердие, а Феофан... возможностей Феофана я не знаю. Пожалуй, вполне актуальным становится создание собственной службы безопасности. Опомнитесь, сэр, вы и ГБ — вещи несовместные! Я и сам так думал, но пакостить будут исподтишка, и других средств противодействия я не знаю».

* * *

Илья и Афанасий вернулись и молча стали устраиваться в санях. Оба были мрачнее тучи.

— Илья, что случилось? — поинтересовался Мишка.

— Андрюху казнили, — мрачно поведал обозник.

— Какого Андрюху?

— Плясуна.

— Погоди, как казнили, за что?

— Мечом голову снесли. Аким, тряпка гнилая, только с третьего раза отрубил. Теперь рыдает, как баба. На хрена такого десятником выбрали?

Мишка припомнил Акима — молодого еще мужика, которого дед отстранил от командования десятком. Вроде бы хлюпиком тот не выглядел. Но рубить голову собственному товарищу... А Андрюху Плясуна любило почти все село, особенно девки. Прозвищу своему он вполне соответствовал, по праздникам, пускаясь в пляс, выделявал такие коленца... Только с третьего раза... Брр, даже

представить жутко.

— За что его, Илья?

— Складень следы посмотрел. Да там и так, без Складня, понятно: лазутчики сначала мимо Андрюхи Плясуна прошли — лучше бы убили, паскуды, — потом уже к нам. Ты, кстати, не только лук тому попортил, там на снегу еще и кровь была.

— И Акима заставили...

— А иначе его самого. Обычай не обманешь: проспал ворога на страже — смерть. Твой человек на страже уснул, тебе и казнить, а не хочешь, тогда тебя самого.

— С-сучье вымя! — ругнулся молчавший до этого Афанасий. — Владана совсем свихнется: сначала мужик — на той переправе гребаной, теперь сын.

Илья зло прикрикнул на лошадь и тронул сани. Долго ехали молча, каждый по-своему переживая произошедшее.

— Илья, а чего им надо было? — прервал молчание Мишка.

— Лазутчикам? Говорят, волхва выручить хотели.

— Какого волхва?

— В Куньем городище свое капище было, и волхв там жил. Сбежать хотел, но наши поймали, теперь в Ратное везут.

Афоня тоже включился в разговор:

— Михайла, как думаешь, зачем волхва в Ратное тащат?

— В Турове на праздниках двоих ведунов по приказу епископа сожгли живьем: старика и девушку.

— Что, и у нас жечь будут?

— Не думаю. Деду не по нутру пришлось. Илья, что говорят, их много было?

— По следам — пятеро. Одного ты у костра уложил, второго ты ранил, но он ушел. Еще одного ребята Рябого зарубили, прямо на дороге. Остальные ушли. В лесу снегу — коню по брюхо, а они на лыжах, да еще в белое одеты. Могли в засаду заманить.

Опять повисло молчание.

«Похоже, дед круто забирает: кнут и пряник — добыча и спрос за службу по полной программе. Старикам должно понравиться, а оппозиция обязательно его людоедом выставит попробует. Может, и к лучшему? Пускай размежевание очевидным станет».

— Илья! — обеспокоился Афоня. — Бурей от охраны отказался, а если вас эти подстергут?

— Трое, один из троих раненый... Не, не страшно, отобьемся, да и сами не полезут.

— Вчера несколько человек сбежали, может, и ночью кто ушел? А ну как все вместе соберутся?

— Да? А ты попробуй людей в лесу найти, если условного места нет! Да и знать друг про друга надо, а они поврозь все бежали...

— Условное место есть, — поправил Мишка, — городище-то не сожгли, кто-то из сбежавших может вернуться. За всеми не уследишь: могли что-то перед отъездом припрятать, и оружие тоже.

— Управимся! — Илья, на удивление, был спокоен и уверен. — Бурей не дурак, мы тоже не дети малые, да и будет нас поболее полусотни. Не, не страшно.

— У тебя, кроме топора, хоть какое-то оружие есть? — поинтересовался Мишка.

— А как же? На виду не держим, но пользоваться умеем. У кого засапожник, у кого кистенек, у кого и копьецо имеется. Кто во что горазд! Бурей, так тот и вообще лучник отменный, а лук у него — я только одного знаю, кто его натянуть мог, и то с трудом. Андрюха Немой, пока у него обе руки были целыми.

— Тогда хочешь совет дам?

— А что? Давай, лишним не будет.

Впереди вдруг раздалась какие-то крики, шум, сани стали останавливаться. Раздался разъяренный рык Луки:

— Чего встали? Проезжай! Проезжай!

Обоз снова тронулся, и вскоре Мишка увидел место происшествия. У самых кустов, головами к лесу, на снегу лежали два тела — парня и девушки. У каждого из спины торчала стрела.

— Сбежать хотели, совсем Лука озверел: не знает, как с Корнеем рассчитывать будет, — прокомментировал Илья.

— За что рассчитывать? — удивился Мишка.

— А! Я же вам не рассказал! Помнишь, утром Лука народ в стане успокаивал?

— Да, двоих подстрелил...

— Не подстрелил — наповал уложил, насмерть. А они, оказывается, Корнею какой-то дальней

родней приходится — через невестку Татьяну. Теперь Луке придется виру Корнею платить. Вот и выходит, что я все-таки прав!

— В чем прав?

— А в том! Если родня, то веди их отдельно и сам охраняй. Ан нет: сотник может велеть ратникам и своих вести, хотя тем с этого ни прибытку, ни удовольствия. А то еще и неприятность вот такая выйти может. Но — сотник! Что хочу, то и ворочу. Афоня, вожжи одной рукой удержишь? Да чего тут держать-то, шагом едем. На!

Сунув Афоне в руку вожжи, Илья соскочил с саней и, увязая в снегу, полез к убитым беглецам. Откуда-то сзади тут же раздался крик:

— Стой! Куда? Стрелять буду!

— Да свой я, свой! Ослеп, что ли?

Вернулся Илья нескоро, запыхавшийся, красный, потный, нагруженный поклажей так, что наминал скарабея, толкающего перед собой навозный шар. Два окровавленных на спине полшубка, два заплечных мешка, беличья шапка, что-то еще. В кулаке зажаты две стрелы с окровавленными наконечниками. Вывалив добычу в задок саней, он плюхнулся на свое место и долго не мог отдышаться.

«Мародер, блин. И стрелы не забыл прихватить. Наверно, чтобы от Луки откупиться, за то что его покойников обобрал. Хорошая стрела недешевая штука. Заготовки надо больше года особым образом обрабатывать и выдерживать подвешенными за определенный конец, наконечник стальной, перья, костяное кольцо на хвостовик...»

— Молодые совсем, наверно, жених и невеста, боялись, что разлучат, — заговорил, отдышавшись, Илья. — Надо было мешки не в руках нести, а за спину повесить, может, стрела и увязла бы... хотя от Луки так не спасешься. Чего носы воротите? Ладно — Михайла, а ты-то, Афоня, что, с убитых добычу не брал никогда?

— Брал...

— Ну и я... только добыча у нас с тобой разная. Ты — доспех, оружие, коня, одежду дорожную, если не сильно измарана. Однако ж и пальцы рубить приходилось ради перстней. Что, не так?

— Так!

— Ну а мы — попроще. Вот одежонка теплая для детишек, значит, овечек резать не придется, и они нам ягнятков принесут.

Разговор не завязывался. Илья поерзал, покосился на мешки, но потрошить их при пассажирах, видимо, постеснялся.

«Мерзко. Все понимаю: семью содержать надо, здоровьем Бог обидел, судьба predetermined и из колеи не вывернешься, но... мерзко. И мужик-то Илья вроде бы неплохой, не дурак и дело свое знает, но... на определенное место в иерархической структуре впаян намертво и вариантов что-то принципиально изменить не имеет. Может, оттого и пьет? Сколько рукастых и неглупых мужиков вот так спились от безысходности и бесперспективности за тысячу с лишним лет существования Руси? Все войны, вместе взятые, наверно, таких потерь нам не нанесли.

А закинул бы меня Максим Леонидович вот в такую семью? Что бы делал? Вслед за отцом под начало уроды Буря пошел бы? Мародерствовал бы, тихо спивался, рожал бы таких же слабых и больных детей. Неужели не нашел бы выхода? Это даже интересно... поставим мысленный эксперимент. Допустим...»

— Михайла, слышь?

— А? Чего, Илья?

— Волокушу с сеном позади нас видишь? Ты ее запомни, а как приедешь в Ратное, под сено загляни или попроси кого-нибудь. Там пес твой лежит, ты, наверно, похоронить захочешь...

— Илья!.. Илья, спасибо тебе!

— Не на чем. Это вон ратники такими вещами пренебрегают, а мы — люди простые, обозники.

— Но-но! Мы убитых товарищей не бросаем! — возмутился Афоня.

— Своих — да. А чужих? Пес вас всех спас, сам говорил, а так и бросили бы на дороге! Не крути носом, бросили бы! А Илья что ж? Илья и покойника оберет, и собачку на волокушу пристроит. Ты увидел бы, так решил бы, что шкуру на шапку взять хочу, обозник же!

— Ничего бы я...

— Да ладно!

— Илья, я совет тебе дать хотел, да отвлеклись... — вспомнил Мишка.

— Ага! На покойников.

— Будет тебе, Илья. Отвлеклись, и все. Ты послушай: когда в Кунье городище вернетесь, ты по

домам не шарься, а иди прямо в жилище волхва.

— Да там уже смотрели!

— И много чего ценного нашли?

— Нет, я бы слышал...

— Вот и я о том же. Простучи каждое бревно в стенах, можно еще и стропила, ищи по звуку пустоту. Волхву все время подношения делают, должно что-то быть. Потом потыкай чем-нибудь острым пол, особенно у стен и в углах. Но и середину не забудь, по-всякому бывает. Если найдешь тайник, сразу руками не хватайся, палочкой зацепи или...

— Это я знаю! — перебил Мишку Илья. — Если бы я все подряд руками хватал, меня бы и в живых уже не было!

— Тем лучше...

— Что лучше?

— Не бери в голову, присказка такая. Потом иди на капище и потыкай землю возле идолов...

— Не, не пойду — боязно.

— Ты же христианин?

— Христианин, но все равно... как-то... того... — Илья поежился, хотя было совсем не холодно, мартовское солнышко пригревало вполне ощутимо.

— Понятно, — кивнул Мишка. — Есть надежное средство: выпростай крест из-под одежды, чтобы снаружи висел, и читай молитвы не переставая. Как молитва кончится, трижды осеняешь себя крестным знаменем и начинаешь новую молитву. Ни одна нечисть и близко не подойдет, а идолы тебя вообще не заметят. Средство проверенное, помнишь, летом я колдунье попался?

— Болтали что-то...

— Вот, только тем и спасся, отец Михаил научил.

— Верно, Илья, — подтвердил Афоня. — Я тоже слышал: крестом и молитвой любую нечисть отогнать можно!

«Наивные вы, ребята, как избиратели на думских выборах, даже неудобно как-то. А что делать? Должен же я тебя хоть как-то за Чифа отблагодарить? Чиф, мальчик мой... Господи, если бы его оживить можно было! Никогда больше его на привязи не оставил бы, куда б ни собрался. Каждый день с ним разговаривал бы, он это любит...»

— Ты... Михайла, а креста-то у меня и нет, — признался вдруг Илья. — Веребочка сопрела, оборвалась, а новую завести... все никак руки не доходили...

— Возьми мой. Он сильный, кипарисовый, с горы Афон, что в Святой Земле. Бери, бери, у меня дома другой есть, который во время крещения надели.

Афоня схватил Мишку за руку:

— Михайла! Ты что делаешь? Он же твоим крестным братом станет! Ты — внук сотника, а он...

— Пошел ты на хрен, Афоня, Илья тело моего товарища с поля боя вынес...

Илья смущенно поддержал Афоню:

— Михайла, ты и правда, того...

— Слово сказано. — Мишка надел цепочку на шею Илье. — И дело сделано. Я — Лисовин!

«Что-то я часто это повторять начал, не доиграться бы».

— Спаси тебя Христос, Михайла Фролыч, чем и отдариваться-то...

— Ничем, ты уже все сделал.

— Только я... это...

— Что?

— Я ни одной молитвы до конца не знаю. — Илья смущенно потупился. — Я вообще к наукам неспособный, даже грамоте... Отец, покойник, порол, порол, а потом и говорит: «А на кой обознику грамота?» — и отступился.

— Ну это просто! — ободряюще заявил Мишка. — Повторяй за мной: «Отче наш, суший на небесах! да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя...»

Проезжающие мимо всадники с удивлением таращились на троих, ни с того ни с сего затеявших молебен посреди дороги. С девятого или с десятого раза Илья смог почти без запинки повторить несложный текст, и Мишка решил сделать перерыв.

— Все, пускай теперь в голове уляжется, а потом еще повторим, и будет от зубов отскакивать. Когда молишься, думать не нужно, молитва не от ума, а от души идти должна! Я устал чего-то, полежу.

— Полежи, полежи. Давай-ка я тебя поудобнее устрою. Афоня! Да подвинься ты, расселся тут,

задница шире саней! Лежи, парень, отдыхай.

«А правда, перевели бы Писание в стихотворной форме, насколько легче запоминалось бы. О чем-то я таком важном думал... Хорошие мужики спиваются. Нет, не то. Ага! Клан. Дед создает многочисленную группу, повязанную родственными связями. Каждому человеку в ней есть свое место, и люди, имеющие хоть какие-то таланты или способности, получают возможность их развивать. Этому способствует весь клан, потому что успех одного члена клана — успех всех. В то же время почти исключено предательство, дурные наклонности пресекаются, а любая внешняя опасность встречает дружный и организованный отпор. Если кто-то из членов клана попадает в беду, он всегда может рассчитывать на помощь всех остальных.»

Интересно было бы рассмотреть клан как структуру, стремящуюся к какой-то цели, решающую для этого какие-то задачи. Цель в общем-то проста — выживание, самосохранение. Задачи: расширение ресурсной базы, подконтрольной территории, увеличение численности. Хотя тут, похоже, имеется некий предел. Рюриковичи поначалу тоже были кланом, но сейчас их уже единой семьей не назовешь: слишком разрослись, проблема выживания утратила остроту... Да, все тот же закон: цель достигнута — Русь подмята, внешних врагов, достаточно сильных и опасных, нет. Результат — пошли внутренние разборки. Когда из степи придет серьезная сила, оказать сопротивление ей уже не смогут. А новые, региональные кланы сформироваться еще не успеют, а то навтыкали бы степнякам по самое некуда.»

— Опять уснул? — вполголоса спросил Афоня.

— Дите еще, ночью не выспался, рана открылась.

— Ну и как тебе родичем сотника стать?

— Помолчал бы ты, Афоня, парень мне крест по простоте детской дал, грех его глупостью пользоваться, да и Корней... нужны ему такие родичи, как же!

— По простоте детской? А кто говорил: «Бешеный Лис родился?»

— А я и сейчас скажу. Лисовины ни в чем удержу не знают: ни в добре, ни во зле, ни в любви, ни в ненависти. Только такие сотню в узде держать и могут. Вот смотри: сани в том лесу с кровавым месивом, мужик изуродованный и умирать брошенный...

— Наши его добились, чтоб не мучился.

— Ну и зря, может, заслужил он ту муку. Я о другом толкую. Там да здесь, на дороге, лесовик изодранный, кажется — зверь лютой. А глянь по-иному: от засады он нас спас, от лазутчиков тоже, с тобой наукой вчера поделился, со мной — сегодня. Так какой он?

— Если друг — лучше не сразу и найдешь, а если враг — не дай бог.

— Вот! Потому-то народ за ними и идет. Понятны они, с ними всегда ясно: что хорошо, что плохо. А что удержу не знают... Знаешь, откуда слово «боярин» происходит? Я грамоте не разумею, но думаю, что так: «Бо ярый» — потому что яростный.

«Вот тебе и неграмотный! Как там мне отец Михаил читал? „Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих“. То же самое! Нет, умен Илюха, хоть и неграмотный, даже обидно, что такой в обозе сопьется. А может, то, о чем он говорит, и есть пассионарность? Но Юлька! Почему даже махнуть на прощание не захотела? Только в самом конце, так это и мать могла велеть.»

Приедем в Ратное, попробую новым методом полечиться. Интересно, как это будет? Рана прямо на глазах зарастет или просто вылечусь в рекордные сроки — скажем, за пару дней? Юлька не удержится, согласится попробовать. Если получится, всех ребят на ноги поставим и Немого. А вдруг таким способом можно процесс регенерации запускать? Деду новую ногу вырастить! Омолодить. Татьяне детородную функцию подправить. Мать... а что я для нее сделать могу? Отца не оживишь, а если Татьяна начнет нормальных детей рожать, Лавр к матери и охладеть может. Последней женской радости ее лишу.»

* * *

— Михайла! Царствие Небесное проспишь!

— Деда? Что случилось, чего стоим?

— Все проспал! Обоз из Ратного встретили, сейчас тебя в другие сани перенесем, а Илюху отпустим — заслужил. Ну-ка, ребята, взяли его!

Новым возницей, к величайшему Мишкиному удивлению, оказалась женщина. Имени ее Мишка не знал, но все почему-то называли ее Донькой.

— Так, Донька, принеси-ка нам с Михайлой поесть, а сама с Афоней у котла поешь, да помоги

ему с одной рукой управиться. Пока не позову, не возвращайтесь, нам с Михайлой поговорить надо.

— Да что ж это я, как бездомная бродяжка, должна... — начала было скандальным голосом Донька, но дед тут же ее уgomонил:

— Цыц! Я тебя спрашиваю, почему вместо твоего мужика ты приехала? Не спрашиваю. Вот и помалкивай!

— Молчу... командуют тут...

— А ну быстро нам еды неси, лахудра! Афоня, у тебя одна рука здоровая, поучи ее, если надо. Пошла, я сказал!

Баба поплелась в сторону костров, что-то ворча под нос, но Афонин пинок под зад заставил ее заткнуться и начать передвигаться несколько быстрее.

— Про казнь слышал? — спросил дед, дождавшись, пока Афоня с Донькой удалятся на достаточное расстояние.

— Слышал, деда.

— Что люди говорят?

— Ну всех я не слышал.

— Дурака-то не строй, о важном говорим.

— Акима ругают, что негодным десятником оказался, десяток его — за то, что выбрали себе такого, мать Андрюхи Плясуна жалеют.

— А про меня?

— Что по обычаю поступил. И еще что Лисовины ни в добре, ни во зле удержи не знают.

— Кхе! По обычаю, значит? Понятно. Ну а сам чего думаешь?

— А я-то что?

— Отвечай, если спрашиваю!

Тут только до Мишки дошло, что дед страшно зол, непонятно на кого или на что, но зол ужасно.

— Я думаю две вещи, и обе — хорошие, хотя хорошего в этом ничего нет.

— Михайла!

— Первое: хорошо, что Акима выбрали, а не ты его назначил. Второе: все увидели, что порядок возвращается. Сразу станет видно, кто за порядок, а кто... ну то, что ты тогда говорил. И тех, кто за порядок, по-моему, намного больше, и всем видно, что от тебя польза: городище без потерь взяли и добычу везем. А еще я думаю, что род Лисовинов теперь самым сильным в Ратном будет, а еще через какое-то время — самым богатым. Только вот куда ты столько народу денешь?

— Дену, место есть, приедем — увидишь.

— Деда, а чего ты злой-то такой, я и не помню, когда ты...

— Не твое дело, сопляк! Кхе!.. — Дед, кажется, понял, что излишне горячится. — Андрюха, передали, плох. Настена боится, что ногу отнять придется. Как жить будет? Одна нога, полторы руки. И так-то женить его не могу никак, а теперь...

— А Демка?

— Поправляется, все твои отроки поправляются. А Андрюха...

— Деда, помнишь, как мы с Юлькой Демку вытащили? Может, отправишь меня поскорей, мы опять попробуем?

— Думаешь, выйдет?

— Не знаю, но попытаться надо.

— На ночь глядя не отправлю, а с утра дам хорошего возницу, охрану... попробуй... Ты что принесла, коряга?

Что не понравилось деду в котелке, принесенном Донькой, Мишка разглядеть не успел: слишком быстро котелок оказался надетым Доньке на голову. Баба взвизгнула, попыталась сбросить посудину с головы, но дедов кулак припечатал сверху так, что котелок наделся по самые брови, а Донька уселась в снег и, кажется, на какой-то момент потеряла сознание. Дед на этом не успокоился, а, ухватив подвернувшуюся под руку лыжу, продолжил экзекуцию. Спасла Доньку только шустрость: даже на четвереньках и с котлом на голове, она передвигалась по снегу быстрее, чем дед на протезе.

Народ, наблюдавший дедову педагогику, развлекался от души. Донькино семейство в Ратном не любили. Да и семейство-то было — она да муж. Муж, носивший звучную кличку Пентюх, был дураком. Не юродивым или дебиллом, а обычным дурнем и растяпой. Про таких говорят: «Руки из задницы выросли». Если случался пожар, то начинался он с дома Пентюха, если огород зарастал лопухами, то конечно же у Пентюха, если заболела скотина, переставали нестись куры, провалива-

лась крыша или случалась еще какая-то неприятность вследствие разгильдяйства, то опять же в первую очередь у Пентюха. Даже забор у него падал если не каждый год, то через два года на третий — обязательно.

И жену-то — Доську — он приобрел себе не так, как все люди, а выпросил у Бурея ненужную тому бабу. Пользы от такой женитьбы Пентюх, разумеется, не поимел никакой. Единственным талантом Доськи было умение настаивать бражку из чего угодно, болтали, что даже из навоза может. Единственного ребенка, которого она умудрилась родить, Доська сама же и загубила, уронив, с пьяных глаз, в колодец. Бабы ее тогда чуть насмерть не забили коромыслами.

— Деда, за что ты ее?

— А ты не видел?

— Так я же спиной сижу!

— Принесла, едрена-матрена, пальцы жирные, к морде каша прилипла! Это она мясо из каши вылавливала и жрала по дороге! Да чтоб я после такого есть стал!

«И этих мы тоже защищать должны? Они, мать их, свои, а Роська, к примеру, чужой. И даже не это самое обидное, а то, что Илья находится в одной социальной нише с этими... даже и не знаю, как назвать-то».

— Михайла! — Дед, похоже, отвел душу и немного успокоился. — Ты чего это с крестом учудил? Я даже не поверил сначала. На кой тебе этот пьяница сдался?

— Он Чифа подобрал, вон в той волокуше под сеном лежит.

— Из-за пса крестными братьями становиться?

— Мы купеческую охрану обучать собираемся, а Илья обозное дело хорошо знает. И «Младшей страже» свой обозный старшина нужен... пока.

— Пока что?

— Пока не понадобится обозный старшина для твоей боярской дружины. Он дело знает и умен, а что пьет, так под Буреем любой сопьется. У Ильи голова светлая, а применения ей нету, а начнет отроков обучать, так и к чарке меньше тянуть станет... может быть.

— Тебе бы настоятелем в монастыре для убогих быть, вот бы светлых голов насобирал! Кхе! А что? Если Бурей отроков учить поставить, так они с перепугу от его рожи заиками поделаются! Ладно, посмотрим.

— Дело не только в этом. Бурей твоим человеком никогда не станет, он сам по себе. А Илья... Илью можно своим сделать, и пользы от этого может много оказаться. Понимаешь, деда, мы ему другую жизнь открыть можем, не такую, от которой он в пьянку прячется. Не было у него до сих пор ни на что надежды, а теперь появится. Если я все правильно понимаю, он за это нам как пес служить будет.

— Кхе! Я же сказал: посмотрим... А это еще что за явление?

Возле саней стояла женщина лет тридцати с небольшим, судя по одежде, из Куньего городища. Вся она была какая-то аккуратная, благообразная, крепенькая, улыбалась приветливо. В руках женщина держала деревянный поднос, накрытый чистеньким белым полотенцем с вышивкой по краю. Контраст с Доськой был настолько разительным, что Мишка почувствовал, как у него на лице невольно появляется ответная улыбка.

— Откушайте, Корней Агеич, Михайла Фрольч!

Женщина ловко пристроила поднос на санях, сняла полотенце, и на свет явились две миски с кашей, еще одна мисочка с солеными грибочками и две глиняные чарки, от которых поднимался ароматный медовый пар. Тут же лежали два ломтя хлеба и стояла деревянная солонка.

— Кхе! Кто ж ты такая, красавица?

— Из городища я, Листвяной зовут. Вы ешьте, остынет же.

— Благодарствую, Листвянушка. — Настроение у деда исправлялось прямо на глазах. — А Татьяне, дочери Славомира, ты случайно родней не доводишься?

— Если и есть родство, то дальнее. Я к тебе, Корней Агеич, в родню не набиваюсь.

— Кхе! Жаль. Грибочки у тебя отменные, сама солила?

— Сама, и хлеб пекла тоже я.

— Что скажешь, Михайла?

— Вкусно, деда!

— И все?

— Матери помощница нужна, семья-то увеличивается. Такую бы хозяйку к нам. Листвяна словно ждала Мишкиной реплики.

— О том и просить хочу, Корней Агеич, челом бью: возьми к себе с семейством.

— А велико ли семейство?

— Пятеро нас. Старшему сыну шестнадцать. Второму сыну и дочке по пятнадцать. Еще одному сыну двенадцать.

— А муж?

— Медведь заломал, осенью четыре года будет...

— Кхе! А хозяйство большое?

— В том году семь поприщ земли подняли, две коровы, две лошади, мелкая скотина. Хозяйство справное было, к дочери сватались уже.

— Кхе! И все — без мужика?

— Так дети почти взрослые, помогают.

— А сама-то, чай, не из Куньего?

— Нет, я сама с лесного хутора, изверги мы.

— И из какого же рода изверглись?

Женщина впервые за весь разговор смутилась, опустила глаза.

— Может, помнишь: отец твой по Горыни ходил, за побитых купцов карал?

— Эко ты время вспомнила, сама-то еще и не родилась, поди!

— Я уже на хуторе родилась. Мы еще до того из рода ушли, но разговоров много было, боялись, что и нас найдете.

— И чего ж именно ко мне захотела?

— А чем ты плох? И стряпня моя тебе по вкусу пришлась...

— Кхе! Умно... ответила. Добычу у нас жребием распределяют, но... М-да, ежели челобитье свое перед обществом повторишь... повторишь?

— Повторю!

— Ладно, я к тебе еще по дороге подъеду, поговорим. Благодарствую, Листвянушка. покормила вкусно, поговорила ласково... ступай.

Листвяна быстренько прибрала посуду и ушла, а дед как-то очень уж задумчиво проводил глазами ее удаляющуюся фигуру.

«А-я-яй, сэр, оказывается, и на лорда Корнея блесну найти можно. А собственно, почему бы и нет? Деду еще пятидесяти нет, а вдовствует уже вон сколько лет. Но баба-то какова! Так соринтироваться, сработать на контрасте! Между прочим, так ведь и не ответила, почему к Корнею просится. Наверняка уже вызнала, что он вдовец, что он тут главный... Ну, деда, не теряйся, никто не осудит, наоборот, завидовать станут! Да! Я же обещал за Афню походатайствовать!»

— Деда, Лука весь дозор доли лишил, — начал Мишка.

— Угу.

— Так несправедливо же! Они засаду заметили, вас предупредили.

— Десятнику видней. — Деду затронутая внуком тема явно не нравилась.

— Я Афоне обещал словечко замолвить.

— Вот и замолвил, обещание выполнил.

— Деда! Лука же их не за провинность наказал, а за свой собственный страх. Испугался, что меня убьют, а ему перед тобой ответ держать. Нечестно так!

— А мне за два дня два раза тебя хоронить честно? — взорвался криком дед. — Лука их за свой страх наказал, а я за свой страх их миловать не буду!

Внук помолчал, ожидая, что дед скажет еще что-нибудь, но не дождался. Просить за дозорных и дальше было бесполезно, и Мишка решил зайти с другого бока:

— Деда. Я в дозоре четверых ворогов завалил. Мне доля в добыче хоть какая-нибудь положена?

— Нет, ты не ратник.

— Ладно, а за тех, кого мы на дороге побили?

— За тех — да, дело семейное, между собой делим.

— Могу я ту свою долю на одну холопскую семью обменять?

— Доля твоя, но распоряжаюсь ею я. Ты мал еще, нет твоей воли, и нет у тебя права. А я ничего обменивать не собираюсь!

— Но я слово лисовиновское дал!

— Мал ты еще родовым словом обещания давать!

Дед постепенно снова начинал распалиться, и Мишке пришло в голову, что причиной его злости было не только здоровье Немого. Что-то еще очень сильно тревожило и злило сотника Корнея. Разговор был затеян явно не вовремя, но отступить Мишка не хотел.

— Значит, нет?

— Да уймись ты! Забот у меня мало, ты еще со своим Афоней!

— Я все равно что-нибудь придумаю!

— Придумывай, на здоровье! Заодно еще можешь подумать и над полезными вещами.

— Над какими?

— А вот над такими. Те лазутчики не в исподнем поперх доспеха были, а в специально сшитой белой одежде. Это — раз! Тот, которому ты хребет перебил, признался, что им велено, если не смогут волхва освободить, убить его. Это — два!

— Кем велено?

— Не сказал — помер. Двое из них за нами идут, но осторожно, подстеречь не выходит. Это — три! А еще один куда-то убежал, может, за подмогой. Это — четыре. А у меня на руках толпа, обоз и меньше четырех десятков охраны. Ну как? Еще и Афоню мне на шею повесить хочешь?

— Ну раз ты велел подумать, то я думаю, и вот что выходит...

— Ну-ну?

— Волхв знает что-то важное, чего нам знать ни в коем случае нельзя, потому и велено его убить.

— Мудро! Я и не догадался! — Дед был само воплощение сарказма.

— погоди! Лазутчик помер и не сказал, кем велено. А Белояр помер и не сказал, куда народ вел. А если он их вел к тому, кто велел волхва убить? Если эти — в белом — должны были Белояра встретить? Не встретили, волхва не выручили и не убили, осталось их всего трое, да и то — один раненый. Вот тебе бы поручили встретить толпу людей и привести в нужное место, а их кто-то перехватил. Отбить ты их не можешь: мало вас, а тайна — куда и к кому их вести надо было — может открыться. Что бы ты сделал?

— Так. Выходит, они должны были в Куньем городище заночевать, а оттуда их забрали бы те, которые в белом? И куда-то увели бы. Мы между ними встряли... нет! Это те, кто от Иллариона ушел, не утерпели, захотели посчитаться. А для «белых» все это неожиданно оказалось. Они с ходу сунулись — не вышло. Теперь один побежал докладывать, а двое следить остались. Кхе! Тогда понятно! Надо в Ратное побыстрее добираться, пока тот не смотался, куда надо, и подмогу не привел. А уж в Ратном-то...

— Помог я тебе, деда?

— Да, про Белояра я не подумал.

— А ты мне поможешь?

— А зачем? Сказал, что сам придумаешь. Вот и думай.

* * *

Снова по лесной дороге медленно тянется санный обоз. Подмерзший за ночь снег снова «поплыл» на солнечных местах, того и гляди начнут появляться проталины. Но впереди небо уже затягивается снеговыми тучами, прогноз Ильи подтверждается, но обозу от этого легче не станет — мокрый, липкий снег завалит дорогу, сани начнут в нем вязнуть, вытягивая из лошадей последние силы.

В новых санях лежать неудобно, Донька не Илья, даже не подумала, как устроить раненых. Воняет не то гнилью, не то еще какой-то гадостью, сама Донька сидит нахохлившись, кажется, даже подремывает. Сначала попробовала было ворчать, но после Афоного окрика заткнулась.

— Афанасий, а сколько холопская семья может стоять?

— Смотри какая семья и какой торг. Когда много продают, то дешевле.

— Это понятно, когда товара много, он всегда дешевле. Такая семья, которая выйдет по жребью тем, кто в последнюю очередь... Кстати, а почему очередь такое значение имеет? Ведь жребий же?

— Так уж обычай сложился. Жребии лежат в кувшине. Те, что похуже, — внизу, те, что лучше, — сверху. Первым берет сотник, потом десятники, потом те, у кого серебряное кольцо, потом остальные по десяткам. Какому десятку раньше, какому позже — говорит сотник.

— Но доли же должны быть одинаковые?

— А они и есть одинаковые, почти. Ну вот взяли мы, к примеру, десяток коней. Все кони строевые, тягловых нет. Все привычные под седлом в бой ходить. Нет ни раненых, ни хромых, ни старых. Но все равно совсем одинаковых-то коней не бывает. Тот жребий, на который самый лучший конь выпадет, лежит сверху, а тот, на который самый худший, хотя тоже хороший, лежит внизу.

— Ну хорошо. Сколько будет стоить семья, на которую выпадет жребий простого ратника? Гривну будет?

— Нет, народу-то много, меньше.

— А доля «рухлядью»?

— Наверно, еще меньше. Тех, кто «рухлядью» взять захочет, много. Как бы и по две семьи на жребий не получилось.

— У тебя дружки, которые «рухлядью» будут брать, есть?

— Есть, а что?

— Договорись с кем-нибудь из них, чтобы взял «душами», а потом за гривну тебе продал. Гривну я тебе дам.

— Да ты что? — замахал руками Афоня. — Такие деньги! Не, Михайла...

— Лисовиново слово дороже! — с напором произнес Мишка. — Или брезгуешь?

— Да нет, что ты? Не уговорил, значит, деда?

— Не хочет он с Лукой ссориться. Меня завтра с утра в Ратное быстрым ходом отправят, ты присмотри, пожалуйста, за волокушей, где Чиф лежит. А как приедешь, сразу ко мне зайди.

— Спасибо, Михайла, я тебе... Донька! Убью, сука!

Мишка вывернул голову, чтобы посмотреть вперед, и поперхнулся от неожиданности: Донька, свесившись с передка саней, с самым невозмутимым видом справляла малую нужду.

Часть вторая

Глава 1

Первые числа апреля 1125 года. Село Ратное

Мишка, с непривычки неловко опираясь на костыли, стоял в углу двора старосты Аристарха Семеныча. Присесть было нельзя — по обычаю, сидеть сейчас могли только двое: сам староста за столом, на котором стояли широкогорлые кувшины с жребиями, и сотник — верхом, командирским оком оглядывающий собрание с высоты седла.

Находиться здесь Мишке вообще-то было не положено — на священнодействие распределения добычи допускались только строевые ратники да еще те из бывших строевых, кто в силу возраста или увечья уже не служил. Но и им сидеть не полагалось, способность выстоять на своих ногах за тяжкое мероприятие была неким свидетельством дееспособности и ценилась самими «нестроевиками» очень высоко.

Одновременно собрание ратников выполняло и функции сельского схода, решая попутно и другие вопросы жизни села, оттого-то так и было ценно право присутствия, а следовательно, и право голоса на этом мероприятии. Когда-то, в самом начале существования Ратного, на такой сход собирались практически все мужчины, поскольку все были строевыми ратниками. Но прошло уже больше ста лет, и жизнь брала свое: кроме изнывающих от любопытства баб, сидящих по домам, и детишек, несмотря на угрозу получить изрядную трепку, норовящих залезть на забор подворья старосты, за пределами «представительного органа власти» оставалось более полусотни вполне взрослых мужиков.

Стояли тоже непросто. Никакой аморфной толпы не было. Рядовые ратники кучковались вокруг своих десятников, обозники, из бывших строевых ратников, которых возраст или ранения заставили покинуть боевой строй, — вокруг Бурея, тоже имевшего права десятника, и только семеро человек — остатки невезучего десятка Акима — оказались неприкаянными и, видимо чисто инстинктивно, жались к десятку Луки Говоруна.

Староста что-то бубнил, отчитываясь о доходах и расходах сотенной казны, а народ позевывал и поеживался — поднялись ни свет, ни заря, потому что день предстоял хлопотный. Наконец финансовый отчет, из которого подавляющее большинство собравшихся поняло только то, что какое-то количество средств в казне есть, закончился.

— Об чем еще поговорить надо? — Староста традиционно откладывал главное событие напоследок: после получения жребиев собравшихся на месте уже не удержишь никакими силами. — Кто чего сказать или спросить хочет?

— А что здесь малец делает?

Бурей, как и в прошлый раз, даже не повернулся в Мишкину сторону, впрочем, ни на кого другого он тоже не смотрел, прогудел свой вопрос себе в бороду, словно размышлял вслух.

— Отрока Михайла привел девятый десяток. — Аристарх повернулся к Говоруну. — Лука, отвечай!

— Отрок Михаил был послан в дозор вместе с моими людьми...

Говорун он и есть Говорун. Далее последовало: красочное описание оперативной обстановки на маршруте движения воинской колонны, не менее красочное описание коварства врага, замыслившего поголовно истребить славных ратнинских воинов, подробная характеристика соотношения сил в начале, кульминации и концовке боя...

Мишке так и представилось: лежит раненый мальчишка на высотке за пулеметом, а на него со всех сторон надвигаются несметные толпы врагов под барабанный бой и стройными рядами, как в кинофильме «Чапаев».

— ...А потому тридцать шесть ратников посчитали, что отрок Михаил имеет право на долю в добыче. Ущерб же остальным от того не будет, потому что трое ратников за провинность лишены своих долей вообще, а семеро получают половинную долю.

— Что скажете, честные мужи?

Самым первым голос подал Пентюх — муж Доньки:

— Гнать! Не давать ничего!

Право голоса он имел, поскольку дважды, по молодости, участвовал в бою. Оба раза, правда, совершенно неудачно. В первые же минуты его вышибали из седла, но, проявляя удивительную юркость, Пентюх умудрялся не дать затоптать себя насмерть и отделялся только ушибами да переломами. После второго раза его списали в обоз, против чего он сам ни словом не возразил. Однако факт оставался фактом: какое-то время Пентюх был строевым ратником и право голоса, по обычаю, за ним сохранялось.

— Не было такого раньше, не по обычаю!

Это подал голос кто-то из десятка «лидера оппозиции» Пимена.

— Было! Два раза! — Опять голос из обоза — кто-то из бывалых ветеранов. — Один раз твоего отца, Аристарх, так наградили за то, что, раненый, коня насмерть загнав, донес важную весть и тем всю сотню выручил. Другой раз Луку Говоруна приветили. Это многие помнить должны. Ему еще и пятнадцати годов не было, а он тогда семерых половцев из лука положил, а один из тех половцев ханом оказался! Было, по обычаю!

— Как решать будем, Корней Агеич? По обычаю, можно и так, и эдак. Раз такое уже было, то можешь ты повелеть следовать примеру пращуров. Но если есть сомнение, подходит ли нынешний случай под обычай, можно и всех спросить.

— Ну да! — снова заорал Пентюх. — Он сейчас своему вну...

Бурей даже поленился рукой пошевелить, лягнул Пентюха пяткой.

— Кхе! Случай сомнительный. Пусть все решают, а ты, Аристарх, в сотенную летопись все три случая впиши, чтобы при нужде свериться можно было.

«Так я до этой летописи и не добрался, а жаль, много там интересного, наверно, есть».

— Так, слушайте все! Если посчитаете, что отрок Михаил награды достоин, говорите «да», если думаете, что недостоин, говорите «нет». Всем понятно?

— Понятно!

— Давай, время не тяни.

— Не дураки, чего каждый раз... — загомонили собравшиеся.

— Тихо! Первый десяток! Данила? — Аристарх начал переключку.

— Три голоса. Да!

— Второй десяток. Егор?

— Шесть голосов. Нет!

— Третий десяток. Фома?

— Шесть голосов — «да», один голос — «нет».

— Четвертый десяток. Пимен?

— Пятнадцать голосов. Да!

«Странно, вроде бы Пимен должен был своих против настроить? Или он что-то крутит?»

— Пятый... эх! Нет пятого. Шестой, гм, десяток. Анисим?

— Да какой я теперь десяток? Один голос. Да!

«От него люди к нам ушли и другого десятника себе выбрали — Игната».

— Седьмой десяток. Глеб?

— То же самое!

— Да или нет?

— Да! Один голос, чтоб вас всех!

«От него тоже ушли, но Аким не справился».

— Восьмой... тоже нет... Девятый. Лука?

— Десять голосов. Да!

— Десятый. Алексей?

— Десять голосов. Да!

— Одиннадцатый... Корней Агеич, ты Игната десятником утверждаешь?

— Утверждаю!

— Одиннадцатый десяток. Игнат?

— Девять голосов. Да!

— Так, а с этими что делать? Из десятка ушли, десятника нет — Лука, ты их к себе берешь, что ли?

«Сироты» нестройно загалдели:

— Хотим обратно Глеба десятником!

— Это как? Вы же от него ушли, а сотник вам разрешил себе десятника избрать.

— Да не уходили мы... его дома не было...

— Нет, вы слышали? — Аристарх оглядел собравшихся, словно сомневался, что его слышно всем. — Десяток своего десятника найти не может! Вы что, все пьяные были?

— Искали мы... времени мало было, Лука торопил... ну вот... временно, в общем... думали: догонит.

— Глеб, ты где был-то?

В толпе послышались смешки:

— Ну мало ли... по делам... отлучился.

— Ага! У холостого дел много!

— А как дело-то зовут?

— Так у него чуть не каждую неделю... новое дело. Не упомнишь!

— Хоть бы упреждал: сегодня, мол, такое дело, а завтра...

Аристарх немного послушал галдеж, потом хлопнул по столу ладонью:

— Тихо! Развеселились... Корней Агеич, десятник без десятка, десяток без десятника, да еще и обгадились. Позорище! До казни дело довели! И этот... кобелина, дела у него! Решай, сотник, время идет!

Дед с сомнением поглядел на оставшегося без подчиненных десятника:

— Глеб, порядок в десятке навести берешься?

Глеб угрюмо молчал, вместо него отозвались любители позубоскалить:

— А он с ними делами займется!

— Ага! И искать не надо будет, если что!

— То-то они мечтали, что догонит!

Аристарху снова пришлось прикрикнуть:

— Тихо! Глеб, тебе сотник вопрос задал! Чего молчишь?

— Да пошли вы все!

Глеб развернулся и пошагал к воротам. На дворе наступила тишина.

— Кхе! — Дед проводил Глеба глазами и громко, специально, чтобы тот слышал, кинул ему в спину: — И не десяток был — дерьмо! — Потом, обведя собравшихся глазами, обратился уже ко всем: — Слушать меня! Тихон, ставлю над этими балбесами тебя! Еще двоих возьмешь у Луки. Лука, согласен?

— Согласен, Корней Агеич! Пусть полный десяток будет.

— Дашь таких, чтобы помогли Тихону вразумить их. Тихон, подойди!

Тихон подошел, снял шапку, поклонился деду.

— Ратник Тихон, с одобрения воинского схода и по обычаям пращуров наделяю тебя властью десятника. Десятку твоему быть по счету пятым. Срок власти твоей — год. Через год, собравшись здесь же, ратники сами скажут свое слово: согласны ли они и далее служить под твоим началом, желают избрать себе нового десятника или хотят перейти в другие десятки. До того ты властен командовать, карать и миловать, власть твоя полная — вплоть до лишения живота за тяжкий проступок, трусость или неповиновение в бою. Отец Михаил немощен, потому присягу дашь не здесь, а у него в доме, и ратники крест целовать тебе будут там же.

Десятник Данила, десятник Анисим, десятник Глеб! Если в Велесов день в ваших десятках не будет хотя бы по пять ратников, десятниками вам не быть!

«Вот так, вроде бы и полноправный десятник, но назначенный, а не избранный. Подтверждение звания только через год. Можно лишь посочувствовать: и разгильдяйство среди ратников искорени, и отношения умудрись не испортить, иначе через год вернешься в рядовые. Мудр дед, аки змий: Лука хотел, чтобы Тихон, обучив „косоруких“ стрельбе из самострелов, сразу стал полноправным десятником, а вместо этого его племянн такой геморрой заполучил, что не приведи господь. Если не справится, второй шанс получит очень нескоро, а может, и никогда. А в Велесов день, то есть 6 августа, ты, Тихон, увидишь, как это может произойти и с тобой. Негде им хотя бы по пять человек взять».

— Пятый десяток, — продолжил прерванное голосование Аристарх. — Тихон?

— Семь голосов. Да!

— Ты же нас не спросил!

— Молчать! Спрошу через год, тогда скажете!

«Круто заворачивает! Неужто так в себе уверен? Или на дядькину помощь рассчитывает?»

— Обоз. Серафим?

— Двадцать восемь голосов — «да», один голос — «нет».

— Э! Постой! — снова подал голос Пентюх. — Я тоже «да».

— А я — «нет». — Бурей, также как и Тихон, и не подумал поинтересоваться мнением своих людей.

— Тогда и я — «нет».

— Сгинь, Пентюх, пришибу. Считай, Аристарх!

— А и нечего считать, и так все ясно. Михайла, стоять можешь?

— Могу.

— Ну и стой, где стоишь, потом позову.

«Вот вам, сэр, и парламентский регламент, и демократия, и глас народа, который, как известно, глас Божий. Одних спросят через год, других не спросили вообще, а Пентюха пришибут, если не сгинет. И попробуй тут выступи по процедурному вопросу».

— Так, теперь дело, которое с прошлого раза отложили... и с позапрошлого тоже и еще раз десять откладывали, но я с вас не слезу, пока не решите! В селе тесно! А вы вчера еще и кучу народу приволокли. Тын в иных местах подгнил, в иных местах расшатался. Надо обновлять и расширять.

Собрание загудело недовольными голосами. С одной стороны, действительно тесно и обновлять укрепления пора, с другой — все же на своем горбу придется.

— Холопов за тын выселить, пускай посад будет!

— И мастерские туда же! От кожемяк вонища — не продохнуть!

— Тын от этого крепче не станет!

— А пускай холопы поработают! Понабрали себе...

— Ага, а ты кверху брюхом лежать будешь! Защита же и для тебя тоже строится!

Вопрос был важным, давно назревшим и безнадежно завязшим в словопрениях. Когда-то на возведение или ремонт оборонительных сооружений выходили все — от мала до велика. Споров не было, «уклонистов» тоже, а лентяев вразумляли непосредственным физическим воздействием — чем под руку попадет. Необходимость спасительного для всех дела ни у кого сомнений не вызывала.

Но постепенно выводить ратнинцев на фортификационные работы становилось все труднее и труднее. Сказывалось и то, что на село уже много лет никто серьезно не нападал, и то, что одним приходилось вкалывать самим, а другие могли прислать вместо себя холопов, и, разумеется, традиционное: «Пока гром не грянет, а жареный петух не клюнет...»

«А у нас-то в усадьбе строительство вовсю идет».

* * *

Да, дед знал, что делал, когда отправлял Лавра в село сразу же после захвата Куньего городища. В этом Мишка очень наглядно убедился, когда его наконец привезли домой. Родного подворья он поначалу даже не узнал — такую бурную строительную и реконструкторскую деятельность развил Лавр.

Соседнее с дедовским подворье он с приплатой обменял на бывшее жилище Немого, свой двор расширил в две стороны — в сторону дома главы семейства, перегородив переулок, и в сторону кузницы, около которой тоже был свой двор, а весь получившийся комплекс дополнительно раздвинул до самого тына, окружавшего село. Для этого пришлось выкупить у хозяев несколько сараев и явочным порядком захватить пространство вдоль самого тына, которое не было ничем занято. Но и этого

ему, видимо, показалось мало, и Лавр нахально присоединил к площади родового гнезда и второй переулок, отделявший его от соседнего подворья. Таким образом, род Лисовинов заполучил в свое распоряжение целый квартал, в котором Лавр запустил процесс коренной реконструкции. Все мало-мальски пригодные к тому помещения переоборудовались под жилье, промежутки между постройками накрывались крышами, оснащались торцевыми стенами, и то, что еще недавно было улицей, становилось жилищем.

Самой же грандиозной частью проекта реконструкции лисовиновской усадьбы было уже заметно поднявшееся над землей здание, соединявшее собой в одно целое дома деда Корнея и дядьки Лавра. Получалось оно несуразно длинным, стоявшим как-то вкось, но зато, судя по тому, что уже было сделано, должно было стать самой крупной постройкой в Ратном.

Все вокруг было завалено щепой, стучали топоры, перекрикивались работники, что-то куда-то несли, из дверей пристройки выкидывали какой-то хлам... Мишка еще не успел толком удивиться, откуда Лавр взял столько стройматериалов и где набрал работников, как откуда-то из глубины всего этого бедлама появилась сестра Машка со здоровенной корзиной в руках и, увидев лежащего в санях Мишку, заорала:

— Мама! Миньку привезли! Пораненного!

Мишка сначала поспешно принял сидячее положение, чтобы показать, что не так уж он и плох, и только потом сообразил, что Лавр наверняка рассказал матери о его ранении и сильно обеспокоиться она не должна. Что уж там нарасказывал Лавр матери, осталось неизвестным, но крик «Мишаня!» и слезы в глазах выскочившей откуда-то сбоку матери никак не соответствовали тяжести повреждений, нанесенных Мишкиному организму.

Чтобы как-то отвлечь мать от собственной персоны и сбить ее с истерического настроя, Мишка состроил плаксивую рожу и занял трагическим тоном:

— Мама, Чифа убили, Чифа моего убили...

И все! Словно прорвало какую-то плотину: тринадцатилетний мальчишка на полном серьезе разрыдался, пытаясь спрятаться на материнской груди от кошмарного окружающего мира, в котором его столько раз пытались убить, в котором он убивал сам, мира, который спрашивал с него по полному счету, наравне с битыми и рублеными мужиками, не делая скидки ни на возраст, ни на слабость, ни на особые «talанты».

Не стало в этот момент на свете Михаила Андреевича Ратникова, а остался только раненый, напуганный, плачущий мальчишка, добравшийся наконец-то домой, к маме, которой можно без слов, одними слезами и всхлипами рассказать о том, как ему плохо, страшно, больно и горестно. Все жуткое напряжение последних дней, которого он сам, кажется, и не замечал, но которое постепенно превращало его в натянутую до предела струну, нашло наконец выход, перестав изматывать и разьедасть его изнутри.

Детский организм, уловив рядом теплое, родное существо, защищавшее его с первых секунд зарождения жизни, задвинул куда-то в дальний угол сознание взрослого человека, уже и позабывшего о том, что есть на свете женщина, любящая, понимающая и всепрощающая, рядом с которой можно забыть про все страхи, обиды, опасности и беды. И там, в темном дальнем углу, взвыл от зависти и отчаяния пришелец из будущих веков, давным-давно похоронивший родителей и начисто утративший представление о том, какими целительными и облегчающими могут быть слезы, пролитые в материнских объятиях.

Мать что-то шептала ему, гладила по голове, даже, кажется, слегка укачивала, как младенца, и было совершенно неважно, что именно шептала мать, о чем пытался рассказать сын: происходило великое чудо исцеления душевных ран, без лекарств, гипноза и прочих медицинских ухищрений, просто от близости двух сущностей, еще так, казалось бы, недавно бывших едиными и сейчас, на какое-то время, это единство восстановивших. Впрочем, для матери это всегда будет недавно, сколько бы лет ни прошло.

Потом, вымытый, перевязанный, переодетый в чистое и накормленный, Мишка, оказавшись в своей постели, попытался восстановить в памяти эту светлую радость, чувства тепла, нежности и защищенности. И... не смог. Сознание взрослого человека к этому, кажется, было не приспособлено. Вспомнить можно, а ощутить заново нельзя. Что-то мы, взрослея, теряем безвозвратно, и, может быть, поэтому на всю оставшуюся жизни остается чувство утраты и воспоминание о детстве как о чем-то светлом и радостном, каким бы это детство ни было на самом деле.

Мысли снова, как Мишка этому ни сопротивлялся, вернулись в привычное русло.

«Да, сэр, видела бы в тот момент своего старшину „Младшая стража“! Хотя многие из них вовсе не стали бы смеяться, а позавидовали бы, потому что их-то вот так уже никто никогда не

обнимет.

Но каков лорд Корней! Умница, гений, светлая голова! Понял, старый солдат, что запас прочности нервной системы у отрока вот-вот закончится, и отправил к матери, к единственному человеку, который может этот запас восстановить. В школах, говорит, не учились... да в какой школе этому обучат? То-то больше половины ратников рванули ему на помощь, как только узнали, что сотник Корней попал в беду. Такое отношение так просто не зарабатывается...»

* * *

— Михайла.

Задумавшийся Мишка вздрогнул от шепота незаметно подошедшего Афони.

— Чего?

— Тебе долю дали, так... это... может, мне недоговариваться... ну чтобы ты холопов для меня покупал? Ну помнишь, ты говорил?..

— Да, не нужно договариваться. Видишь, Лука, как будто знал, устроил тебе холопов через меня.

— Слушай, Аристарх с Корнеем подсчитали, получается по две семьи на долю...

— Так ты что, обе хочешь?

— Нет, что ты! Я к тому говорю, что если две, то мне бы ту, где народу поменьше: все-таки трудно мне их до урожая держать будет.

— Да ладно, сам выберешь, а другую я деду отдам.

— Вот спасибо! Должник я твой, Михайла, если что, ты только скажи.

«А почему бы и нет? Сам же решил, что надо, значит, с чего-то придется начинать. Вот сейчас и начнем. Эх, блин, прощай, невинность!»

— Ты вот что. Дедовым возвращением в сотники у нас не все довольны, сам понимаешь. Так что, если чего узнаешь случайно, хотя бы мелочь какую, предупреди. Ладно?

— Да мы все за Корнея... кому хочешь головы поотрываем!

— Головы не надо, просто предупреди. Мало ли что услышишь или увидишь...

— Угу...

— Вот и договорились.

«Ладно, хоть это дело утряслось, а то сплошные обломы пошли. „Спортзал“ ликвидировали, с Юлькой ничего не получилось...»

* * *

Идею проведения эксперимента по ускоренному излечению Юлька приняла с энтузиазмом. Контакт между ними установился даже легче, чем в прошлый раз, Мишка снова почувствовал необыкновенный прилив сил, «услышал» Юлькины мысли, но... больше ничего не произошло. Как он ни пытался сконцентрироваться на своей ране и направить на ее излечение полученную энергию, сколько ни старался вообразить ускоренную регенерацию тканей, рассеченных плоским наконечником стрелы, как ножом, результат оказался нулевым.

Дополнительным подтверждением неудачи послужило и то, что ни слабости, ни сонливости после «сеанса» Мишка не ощутил: энергия как пришла, так и ушла, словно вода сквозь пальцы. Юлька же, как и в прошлый раз, взбодрилась, раздумянилась, но выглядела расстроенной: очень уж заманчивым было Мишкино предложение единым махом излечивать раны.

— Ничего, Юль, не грусти, — попытался успокоить подружку Мишка, — мы просто что-то неправильно делаем, вот подживет нога, я к Нинее съезжу, может, она объяснит. Тогда еще раз попробуем.

— Ничего она не объяснит — сама не умеет.

— Ты тоже не умела, а Демку-то мы вытащили. — Мишка вспомнил об умении Юльки мгновенно менять тему разговора, как только он переставал ей нравиться, и решил угостить юную лекарку ее «пилюлями»: — Слушай, а чего ты мне тогда только в самом конце платком махнула? Я головой крутил, крутил, чуть шею не свернул.

— Хотела посмотреть: на сколько у тебя терпения хватит?

— Ну и язва ты все-таки!

— А ты думал, что платок привез, так я перед тобой половиком стелиться буду?

— Нет, я думал, что ты почувствовала, как мне кличка Бешеный подходит, и я тебе опроти-

вел, — сам для себя неожиданно признался Мишка. — Ты же меня ВСЕГО тогда почувствовала... поняла. Я ведь и правда бешеным бываю.

— Ты книжек поменьше у попа читай! — насмешливо ответила Юлька и, неожиданно посерьезнев, добавила: — Да какой же муж без ярости? Кому он нужен? Только в обоз!

— Боярин — «Бо ярый». Так?

— Слава богу, не все мозги еще отбили!

— А еще: «Делай, что должен, и будет то, что будет»?

— А как же иначе?

— Бывает и иначе. — Мишка попытался с ходу привести какой-нибудь пример, но не успел ничего придумать — Юлька безапелляционно заявила:

— Не бывает! А если бывает, то — не муж!

— А как же бабы за обозников замуж выходят?

— А и они не бабы. Знал бы ты, сколько уродов с виду обычными людьми кажутся! Только мы — лекарки — и знаем. Иного бы и не лечить, а отравить, чтобы не плодился.

— Что? И это лекарка говорит?

— Ты Чифа привез?

«Блин, опять. Ну как с ней разговаривать?»

— Привез.

— Мы с Мотей могилку выкопали, место хорошее — под деревьями...

Голос у Юльки потеплел, в нем появились завораживающие лекарские интонации.

— Не надо, Юль. — Мишка досадливо поморщился. — Перестань.

— Чего не надо?

— Не действует на меня твой лекарский голос, говори, как обычно.

— Подумаешь, очень надо!

Юлька возмущенно фыркнула и выскочила вон. Понятно: «главный калибр» дал осечку. Мишка вовсе не хотел ее обижать, но по сравнению с тем, как утешала его мать, Юлькины психологические экзерсисы показались такими фальшивыми...

* * *

— Михайла! — Голос старосты вернул Мишку к действительности. — Уснул, что ли?

— Что, Аристарх Семеныч?

— Где грамота от епископа? Давай сюда!

— Так у тебя должна быть, Аристарх Семеныч, я как с сестрой передал, больше ее не видел.

— Да? Ну, значит, у меня. Всего не упомнишь. — Староста Аристарх поглядел туда-сюда, будто грамота могла валяться где-то тут, на дворе. Ничего, естественно, не обнаружил и принялся излагать пастырское послание по памяти: — Значит, так: упрекает нас епископ туровский Феогност за то, что пастырь наш отец Михаил в болезни неухожен, не присмотрен...

* * *

Нынешней ночью Мишка совершил преступление — выпустил пленного волхва, захваченного в Куньем городище. Дождавшись, пока все шумы на подворье затихнут, пришкандыбал на костылях в сарайчик, где держали пленного волхва, долго чиркал кресалом, наконец зажег огарок свечи. Волхв, нестарый еще мужик, закутанный в традиционный для волхва плащ из белой шерсти, сильно перепачканный, лежал в углу связанный по рукам и ногам, на свет и произведенный Мишкой шум даже не обернулся.

— Я пришел тебя отпустить, — негромко произнес Мишка. — Вот тут топор, немного еды, огниво — в дороге пригодится. Покажу тебе лаз через тын. Выберешься, повернешь налево, пойдешь... — Волхв никак не реагировал на Мишкины слова, хотя должен был проснуться, если вообще спал. Поэтому Мишка на всякий случай спросил: — Ты хоть слушаешь? Голос-то подай.

— Слушаю, — глухо отозвался волхв.

— Тогда обернись, — потребовал Мишка.

Волхв заворочался на соломе, сощурил глаза на свет свечи.

— Пойдешь налево вдоль тына, — продолжил Мишка с того места, на котором прервался, — пока не выйдешь к речным воротам. Там увидишь мостки через реку, а на том берегу дорогу. Эта дорога выведет к Нинеиной веси. Знаешь Нинею?

— Чего молчишь? Знаешь или нет?

— Слыхал. — Волхв опять ответил односложно и таким голосом, будто был недоволен, что Мишка его разбудил.

— До Нинеиной веси по дороге полдня пути, к утру доберешься. Даже если наши и вышлют погоню, Нинея тебя не выдаст, но, скорее всего, погони не будет. Куда идти дальше — твое дело.

Мишка снова сделал паузу, но волхв молчал. Не удивился, ничего не спросил, пришлось давать объяснения по собственной инициативе, не дожидаясь расспросов.

— Отпускаю тебя не просто так: передашь весть и ответишь на мои вопросы, после этого будешь свободен. Согласен?

— Кому весть? — Волхв наконец проявил хоть какое-то любопытство.

— Не знаю, сам думай или у Нинеи спроси. Весть такая. — Мишка пригнулся поближе к волхву, насколько позволяли костыли, и заговорил медленно и отчетливо, чтобы мужик все правильно понял и запомнил: — Тот поход на языческие капища и селения, про который ты знаешь, — не последний. В Турове завелся грек, зовут Илларионом, служит секретарем митрополита. Этот Илларион надумал собрать полк из монахов, обученных воинскому делу. Можно сказать и иначе: основать монастырь для воинов. Полк этот никому из князей подчиняться не будет, епископу — тоже. Только митрополиту киевскому, а может быть, даже и патриарху царьградскому. В Турове несколько дней назад по велению епископа сожгли живьем двух ведунов. Если затея Иллариона удастся и он наберет силу, оставит такими кострами всю Русь. Пресекать это надо быстро, пока Илларион в силу не вошел, потом будет поздно. Все понял?

— Понял, руки развяжи. — Волхв снова отвернулся от Мишки, подставляя связанные за спиной руки.

— Нет. — Мишка распрямился и сделал шагок назад. Нападения он не боялся, но чувствовал себя на костылях неуверенно, а на что способен волхв, даже связанный, представлял себе плохо. — Пока на мои вопросы не ответишь, не развяжу.

— Дурак! — пробурчал пленник, все еще лежа спиной к Мишке. — Я ни рук, ни ног не чую, как пойду?

— А никак. Не станешь отвечать или соврешь, оставлю тебя здесь, а весть сам найду как передать.

— Спрашивай. — Волхв снова повернулся лицом к собеседнику.

— Заклятие на Татьяну накладывал?

— Тебе-то что?

Мишка немного выждал, но продолжения не последовало, тогда он сделал вид, что поворачивается к двери, и пригрозил:

— Или отвечаешь, или я ухожу.

Угроза не подействовала, волхв молчал, пришлось действительно развернуться и шагнуть к двери, только тогда за спиной прозвучало:

— Накладывал... чрево затворял.

— Почему не сразу подействовало? — быстро спросил Мишка.

— Случается... иногда... — Пленник попытался пожать плечами, но из-за неудобной позы и веревок получилось лишь склонить голову к левому плечу.

— А не потому ли, что ей о твоём заклятии рассказали только после того, как она уже близнецов родила?

Мишка впился глазами в лицо волхва, чтобы уловить хоть какую-то мимику, даже свечу поднял повыше, но связанный мужик сохранял философское спокойствие:

— На все воля богов.

— Врешь! — Мишка понял, что почти выкрикнул это свое «врешь», и понизил голос. — Пока человек о проклятии не узнает, оно на него не действует. Так?

— ...

— Так или нет?

— ...

— Ну как хочешь, я ухожу.

— Так. — Признание явно далось волхву с трудом, сделанное спокойствие пропало, на лице проступило выражение жгучей ненависти.

— Когда ей черную весть передали? Ну!

— Не понукай, не запряг, — огрызнулся пленник, но было заметно, что это он так — для удовлетворения самолюбия, расскажет же правду. — Как узнал, что у нее младенец в моровое поветрие

помер, так и велел ей передать, что детей у нее больше не будет... живых.

— Понятно. Повернись, веревки перережу.

Мишка перехватил стягивающие волхва веревки кинжалом и снова попятился к двери. Как выяснилось, боялся он зря — волхв действительно не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Неизвестно, сколько времени его держали связанным, может быть, с самого захвата городища. Тогда дело могло кончиться скверно. Но нет, вязать пленных ратницы умели, волхв ругнулся сквозь зубы и попытался растереть руки. Получалось плохо, и Мишка решил немного успокоить волхва:

— Не спеши, время есть.

— Кто она тебе? — поинтересовался волхв.

— Татьяна? Тетка.

— Что ж не спрашиваешь, как заклятие снять? — Пленник, видимо окончательно поверив в близкое спасение, разговорился.

— Сам знаю.

— Ну уж... — Удивление было искренним, волхв даже перестал растирать затекшие руки.

— Все просто, — спокойно объяснил Мишка. — Сделаю куклу, проткну ей иглой живот, потом на глазах у Татьяны эту иглу выну, а куклу сожгу. Какие при этом слова нужно говорить, тоже знаю. Ничего сложного.

— Нинея научила?

— Сам — не дурак.

Волхв пожал плечами и снова принялся восстанавливать кровообращение в руках. Некоторое время тишину в сарае нарушало только его сопение, потом волхв, словно спохватившись, спросил:

— Что со Славомиром, знаешь?

— Убит.

— А те, кто с ним уходил?

— Тоже.

— Точно знаешь? — Волхв вперился в Мишку недоверчивым взглядом. — Только слышал или сам видел?

— Сам трупы видел. А Славомира, без лица и языка, в лесу оставили, с подрезанными жилами.

— За что? — Волхв снова замер без движения, ожидая ответа на свой вопрос.

— Он внуков своих убить пытался — сыновей Татьяны. Оба ранены, но жить будут. В том бою всех трех сыновей Славомира убили, получается, что он близких родственников между собой стравил — дядьев с племянниками. Потому с ним так и поступили.

— Совсем сдурел старый... — пробормотал волхв себе под нос, но Мишка услышал.

— Тебе видней — сдурел так сдурел. Весть запомнил?

— Грек Илларион, полк воинов-монахов.

— Верно. — Мишка утвердительно кивнул. — Встать можешь?

— Сейчас... ох! Сейчас, погоди немного, уже отходит. Так Корзень из-за этого на городище пошел?

— Почему ты его так зовешь? — Мишка тут же ухватился за возможность получения новой информации.

— Его так... — Волхв, пыхтя, изо всех сил растирал себе ноги, — один человек назвал... перед смертью. Провидцем был. Предрек, что если Корзень со Славомиром схлестнутся...

— Не со Славомиром! — напористо перебил Мишка. — Он другое имя назвал! В Перуновом братстве у всех иные имена, так же как у Корнея — Корзень. Так и у Славомира...

— Ты!.. — Волхв отшатнулся к стенке сарая, и на лице его вновь проступила ненависть. — Ты кто такой?

— У Нинеи спросишь. Но она вряд ли скажет. — Мишка на всякий случай извлек из ножен кинжал и демонстративно подбросил его несколько раз. — Поднимайся и пошли, на ходу быстрее разомнешься.

До лаза в тыне добрались без приключений, волхв на непослушных ногах двигался даже медленнее, чем Мишка на костылях. Уже выбравшись наружу и окончательно поверив в освобождение, он вдруг обернулся и обратился к Мишке:

— Эй, парень! Кукле под одежду напихай чего-нибудь, как будто беременная, и... на-ка вот, Татьяна узнает. — В руке у волхва неизвестно откуда появилась толстая бронзовая игла, тупой конец которой был изготовлен в виде головы языческого идола. — Сначала вытащи, потом обломи или перекуси клещами. Так правильно будет. От кого Нинея поклон-то передать?

— От Михайлы.

— А по-нашему тебя как?

— Ждан. Только она меня все равно Михайлой зовет. Скажи: скоро навещу, только нога подживет.

* * *

— Михайла! Михайла! — опять прервал Мишкины воспоминания голос старосты Аристарха. — Да что ты сегодня сонный такой? Очнись! Слышишь, о чем спрашивают?

— О чем, Аристарх Семеныч?

— Ну совсем сомлел. Самому-то отцу Михаилу грамота была? Он же на порог прислугу не пустит, мол, нельзя чернецу.

— Была, — отрапортовал Мишка. — С пастырским увещанием и разрешением от некоторых монашеских обетов до того времени, как выздоровеет.

— Ага. Ну тогда ладно. А почему грамоты с тобой передали, а не с Корнеем Агеичем?

— А про отца Михайла секретарь епископа почему-то меня расспрашивал. И еще один монах — Феофан. Он-то мне грамоты и передал, а почему мне — не знаю.

— Ладно, с этим решили. — Староста обвел глазами собравшихся. — Вроде бы все или еще о чем-то забыли?

— Забыли! — выступил вперед десятник Пимен. — Ты сам намедни обещал.

— И охота тебе, Пима, впустую время тратить! — не очень настойчиво попытался возразить староста.

— Не впустую! Дело важное, и от него благополучие всех нас зависит!

— Так, слушайте. — Аристарх повысил голос. — Десятник Пимен и с ним еще... Пимен, сколько вас?

— Еще семнадцать.

— Десятник Пимен и с ним еще семнадцать человек предлагают... как бы это... да ну тебя, Пимка, сам рассказывай!

— Я — десятник четвертого десятка, обозный старшина Бурей и еще шестнадцать человек — все достойные мужи и бывалые воины, а также крепкие хозяева — хотим, чтобы вы задумались над тем, что сотня наша слабеет, — начал торжественным голосом Пимен. — Сами сегодня убедились: полных десятков у нас только три, двух десятков нет вообще, еще один докатился до такого позора, что и говорить противно. Трое десятников остались без ратников, а это значит, что и еще трех десятков у нас нет. Терпеть такое дальше нельзя, с этим, я думаю, и сотник наш согласен. Так, Корней Агеич?

— Беды наши любой перечислить может, — отозвался Корней. — Что предлагаешь-то?

— Но с перечисленным ты согласен?

— Согласен.

— Теперь еще одно, — продолжил Пимен. — Опять же сегодня вы все убедились: в селе тесно, тын обветшал, надо расширяться...

Кто-то из ратников перебил:

— Так решили же: после Велесова дня, как с жатвой управимся...

— Слыхали? — Пимен повысил голос. — Даже и сроки назначаем, как язычники! Нет чтобы сказать: после дня поминовения благоверных мучеников Бориса и Глеба! Нас для чего сюда прислали больше ста лет назад? Свет христианской веры во тьму языческую нести! А мы что? Дошло до того, что епископ туровский нас в небрежении упрекает! Так вот, Корней Агеич, — Пимен обернулся к сотнику, — тебя князь над нами снова поставил. С этим не спорим — князю виднее, но что ты со всем этим делать собираешься?

— С чем «с этим»? — Голос деда был холоден как лед.

— Повторю еще раз, мне нетрудно. — Пимен обернулся к своим сторонникам, словно ища поддержки, и Мишка понял, что чувствует себя десятник вовсе не так уверенно, как хочет показать. Тем не менее говорить он продолжил вполне бойко: — Ратная сила уменьшается, жилье и крепость наша ветшает, вера православная ослабевает. Так и будет дальше или ты как-то все это исправлять собираешься? Если собираешься, то как?

— А сам что-нибудь предложить можешь? Или только беды перечислять способен? — Дед в точности повторил свой предыдущий вопрос, только слова местами поменял.

— Могу. — Пимен снова оглянулся на свой десяток. — Для пополнения воинской силы — звать воинов со стороны. Для содержания в порядке села — допускать на сход всех мужей, имеющих

в селе свое хозяйство, а не только ратников. Для укрепления веры — не селить язычников внутри села, а построить посад за тыном.

— Все? — Голос деда по-прежнему был совершенно лишен эмоций.

— Все, Корней Агеич. Если можешь предложить что-то получше — говори, а если не можешь, тогда давай то, что я сказал, сделаем.

— Что скажете, честные мужи сотни ратнинской? — обратился дед ко всем собравшимся.

Шум, постепенно нараставший по мере того, как Пимен излагал свое мнение, грянул в полную силу. Дед спокойно сидел в седле, давая эмоциям выйти наружу в криках и спорах.

«Пимен абсолютно прав, по крайней мере в том, как он перечислил недостатки. Можно подумать, что он сдает зачет по управленческим патологиям.»

Во-первых, десинхронизация. Необходимые решения недопустимо запаздывают: либо не принимаются вообще, либо дело затягивается.

Во-вторых, деструктуризация. Всего три полных десятка вместо десяти, как должно было бы быть. Плюс существенная часть мужского населения занимается чем угодно, только не основным делом — несением ратной службы.

В-третьих, дисфункция. Сотня фактически перестала исполнять ту роль, ту функцию, для которой, собственно, и была создана.

Все вместе — дезадаптация — неспособность адекватно реагировать на изменения обстановки и отвечать на вызовы времени.

Все признаки рефлексивного метода управления, когда способ разрешения очередной проблемы придумывается не в соответствии с какой-то концепцией, а «на ходу», после того, как событие уже произошло.

А вот с предложениями Пимен подкачал. По крайней мере, с двумя из трех. Ратников со стороны не набрать, даже если ратнинцы согласятся нарушить сложившуюся традицию. Хорошие воины все при деле: в княжеских дружинах, в боярских, в бандах, в конце концов, а плохих нам и не надо. Так что для реализации первого предложения просто-напросто нет ресурсов.

Выселение холопов, упорно не желающих креститься, «за периметр» и вовсе даст результат «с точностью до наоборот». Это как бы узаконит существование в Ратном двух общин — христианской и языческой. Распространению христианства — выполнению основной функции — это не только не поможет, но и помешает.

А вот с допуском к решению хозяйственных вопросов всех хозяев Пимен, пожалуй, прав. Дискриминация по признаку годности к строевой службе — полная дичь. Тот же Илья куда как умнее и практичнее Пентюха, например.

Интересно: что дед ответит? Это же прямой наезд на него как на сотника: ты власть, ты и решаешь проблемы, а мы тебя будем критиковать. Любимая позиция дерьмократов.

Но Пимен против деда — сопляк. Во-первых, почти вдвое моложе — тридцати еще нет. Во-вторых, сторонников у него вдвое меньше, чем у деда. Выручат нас Лука тридцать восемь человек привел, а Пимен выступает от имени семнадцати. Неопределившихся меньше десятка, погоды они не делают. В-третьих, Пимен либо трусит, либо поет с чужого голоса, недаром же все время на кого-то оглядывается».

— Ну, наорались? — Дед приподнялся в седле. — Молчать! Слушать сотника!

Шум утих быстро, все — люди военные, к дисциплине приучены, да и приказать Корней умел.

— В должность сотника, — дед притронулся рукой к золотой гривне, — я вступил только сегодня. По обычаю, любой недовольный или желающий сам стать сотником может о том сказать, и тогда дело решается поединком. Десятник Пимен потребовал с меня отчета! Десятник! С сотника! Доставай меч, Пимка!

Дед соскочил с коня и обнажил клинок.

«Блин! Как он пеший на протезе-то будет?»

— Корней Агеич, да ты что? — Пимен явно не ожидал такого оборота.

— Доставай меч!

— Да не буду я с тобой...

— Тогда на колени, шапку долой, меч наземь! — не дал Пимену договорить дед. — Винись, паскуда!

— В чем виниться-то? Я только...

«Ну прямо Троицкий: „Ни мира, ни войны, а армию распустить“. Труханул Пимка. Ох, блин!»

Вжик! Дедов меч перерубил на Пимене пояс, и ножны с мечом и кинжалом упали на снег. Удар был настолько точен, что одежда Пимена оказалась нетронутой. Второй удар был тоже хорош — оп-

леуха плашмя, так, что с головы Пимена слетела шапка, а сам он еле устоял на ногах.

— На колени, крысеныш, убью! — Произнесено это было так, что никаких сомнений не оставалось: убьет.

Пимен бухнулся на колени:

— Винюсь, Корней Агеич! Прости, и в мыслях дурного не желал!

— Встать! Коня!

Пимен торопливо вскочил, подхватил дедова коня пол уздцы, почтительно придержал стремя.

— Так и держи!

Пимен покорно остался стоять в роли конюха — без шапки, распояской — живое воплощение раскаявшегося злодея. Ухо и левая щека у него медленно начинали багроветь.

— Ну, кто еще забыл, что такое сотник? — Дед напоказ поиграл обнаженным клинком. — Выходи, напомним!.. Нету? — Меч скрылся в ножнах. — Тогда — о делах.

Дед медленно обвел взглядом присутствующих. Так дирижер «собирает внимание» оркестра или хора, перед тем как первый раз взмахнуть палочкой.

— Первое: новые ратники. Обычай ломать не дам! Чужих брать не будем, у нас и своих достаточно. Не поняли? Объясняю. Я привел из Куньего городища пять семей моей родни. Там шесть парней и молодых мужиков, которых можно обучить ратному делу, да еще с десятков мальчишек, которых отдадим вон ему, — дед указал на Михаилу, — в «Младшую стражу». Почти у каждого из вас жены или невестки родом из местных селений, значит, там у вас есть родня. Вот там пополнение для сотни искать и станем, заодно и женихов нашим девкам присмотрим. Кхе! — Дед блудливо подмигнул старшим ратникам, имеющим годных для замужества дочерей.

— А если не пойдут? — Кто задал вопрос, Мишка разобрать не успел. Дед, с высоты седла, возможно, и увидел вопрошающего, но обращался по-прежнему ко всем сразу:

— Возьмем силой! Мы эту землю отвоевали, теперь пора становиться на ней хозяевами. Или будут платить дань, или будут давать людей! Мы их защищаем, пускай платят! А особо упорным — пример Куньего городища!

Собравшиеся одобрительно загалдели, идея явно пришлась по вкусу.

— Молчать! — гаркнул дед. — Я еще не закончил!

Тишина наступила мгновенно.

— Второе. Тын и вообще все строительство. О сроке договорились. На работы выходить всем! Кто будет отлынивать, выгоню из села на все четыре стороны! У кого есть холопы, выведете на работу ровно половину, включая баб. А чтобы пример показать, беру на себя строительство угловой башни. Пора уже вместо тына валы насыпать и башни поставить.

— Э, Корней Агеич! — подал голос староста. — Прости, что перебиваю...

— Чего, Аристарх?

— Я вот что подумал: угловые башни на себя могли бы другие взять. К примеру, Степан-мельник, Касьян с Тимофеем, Кондрат — им по силам. Ну и я, раз уж такое дело, тоже мог бы. А тебе уж тогда проездную надвратную башню надо строить.

— Кхе! Ну... могу и надвратную. Потом с тобой вдвоем сядем и все сочтем: кому сколько. Все понимаете, к чему дело идет? Городок у нас получается! А потому будем ставить и посад. Перво-наперво вынесем за стены мастерские. Мельница у нас и так там, и ничего — стоит, работает. А если кто захочет внутри мастерскую оставить, пусть платит в сотенную казну. Но кожемяк уберем непременно — больно уж промысел у них вонюч.

Последнее замечание сотника снова вызвало одобрительный ропот — кожевенные мастерские смердели нещадно, особенно летом.

— Ну и третье, — продолжил дед. — Твердость в вере и насаждение христианства. Начнем с себя! С тех, кто в церковь аккуратно не ходит, на исповеди и у причастия бывает от случая к случаю, буду брать виру! Также и с тех, у кого холопы больше года живут и до сих пор не окрещены. И делу польза, и казне нашей прибиток! Всем все понятно? Кому непонятно, тому потом объясним, а теперь, Аристарх, пора жребии тянуть! Начинай!

Аристарх поднялся с лавки и торжественным голосом произнес:

— Отрок Михаил! По обычаю, пращурами заведенному, раз уж ты так отличился, что воинскую долю получаешь, тянуть тебе жребий первому, чтобы другим пример был и у тебя стремление появилось в первые люди выйти. Подходи!

Мишка, неловко опираясь на неудобные костыли, подошел к столу.

— «Рухлядью» или душами?

— Душами.

— Бери вот из этого кувшина, да не копайся, бери верхний.

Мишка вытащил деревянный кругляш с выжженными на нем буквами «КД».

— Двадцать четвертая доля!

— Корней Агеич, подходи...

«Поздравляю вас, сэр, вы только что присутствовали на произнесении тронной речи. Да какой! Лорд Корней, без преувеличения, гениален! Сначала посрамлен и унижен „лидер оппозиции“, потом заявлена неукоснительная верность традициям и обычаям. И после всего этого реформы! Ратников вроде бы берем со стороны, но обычая не нарушаем — родня. Село вроде бы расширяем, как договорились, но на самом деле строим город. Христианство продолжаем насаждать, но как! С использованием экономических рычагов и внедрением идеологического надзора. И это только то, что лежит на поверхности!»

А самое-то интересное то, на что никто и внимания не обратил. Плата с владельцев мастерских — в казну, штрафы с нерадивых прихожан — в казну, а дань с окрестных селений? Про казну ни слова! Никто и не заметил, но наверняка же дед не случайно оговорился!

И еще один очень интересный момент, который пока никто не оценил. Пополнение за счет родни по женской линии! «Пимен и компания» пережили между собой — внутри своей замкнутой группы, поэтому пополняться им будет неоткуда. А те, кто сможет «поставить под ружье» родню из местного населения, очень быстро начнут набирать силу и влияние.

И наконец, третье. Небрежно, как бы между делом, официально заявлено восстановление «Младшей стражи» и назван ее командир. И ни у кого даже никаких вопросов не возникло — настолько дед это проделал гладко и естественно!

Что же получается? На словах дед стеной стоит за сохранение обычаев, формально все тоже вроде бы правильно, а на деле все переворачивается с ног на голову. Предпринимателям дед организовал сразу две проблемы: плату за землю, занимаемую мастерскими, и плату за холопов, не обращенных в христианство в течение года. Тем же, кто предпочитает предпринимательству воинское дело, дается возможность не только набрать себе подчиненных, но и самым радикальным образом изменить соотношение сил в свою пользу.

Плюс к этому — «Младшая стража» превращается в учебный центр для тех, кого дед туда допустить пожелает, а остальные высококачественного обучения не получают. В результате через десяток лет, а то и раньше, у деда под рукой будет такая сила, что спорить с ним не решится никто. Ни в самом Ратном, ни в округе.

Налицо смена типа управления — от рефлексивного к следящему — нейтрализация дисфункций, сосредоточение функций. Но этого в нынешней ситуации мало, надо еще...»

— Михайла! — раздался над головой голос деда. — Вон Роська сани подогнал, садись, поедем людишек забирать.

— Деда, я одну семью Афоне отдал. Ругаться будешь?

— Кхе! — Было заметно, что дед пребывает в хорошем настроении. — А то я не догадался, о чем вы там шептались! Надо бы тебя, конечно... да ладно. И этих-то пристроить. Ты хоть подсчитал, сколько народу у нас теперь поселится?

— Ну, пять семей родни, сорок семей тебе на двадцать долей пришлось, еще две семьи — доля дядьки Лавра...

— Ты и впрямь спал, что ли? Лавру двойную долю дали за то, что он тайно в городище пробрался и ворота открыл!

— Значит, четыре семьи и еще одна от меня. Всего получается пятьдесят семей, то есть больше двух сотен народу. И куда же мы их всех поселим?

— Поселим... не о том думаешь! — Дед слегка поморщился. — Где мы для них землю возьмем, чтобы пахали-сеяли? Если лес сводить, то на рощистях только на будущий год сеяться можно будет. На выселках, где раньше наши холопы жили, земли самое большее на десяток семей, да и та заросла за столько-то лет. Понял?

С пахотной землей действительно было туговато. Не то чтобы междуречье Горыни и Случи было особо густо заселено, но вся земля была занята лесами и болотами. Все удобные участки рядом с селом давно были заняты, недаром же деду пришлось устраивать выселки почти в пяти километрах от Ратного. Лесных полян, которые можно было распахать, не хватало, поэтому приходилось сводить лес — работа долгая и тяжелая.

«Каждой семье под пахоту требовалась хотя бы пара гектаров — четыре футбольных поля. На пятьдесят семей... М-да! А еще луга для выпаса скотины, земля под огороды, да и сено на зиму надо было где-то косить. Плюс лён для масла и тканей. И так далее и тому подобное. Даже пред-

ставить страшно, какая требуется организационная работа, чтобы обеспечить новые семьи всем необходимым.

Впрочем, у проблемы резкого увеличения населения есть не только организационная сторона. Можно, конечно, наставить в удобных для того местах несколько деревенок так, чтобы поля и луга были под боком, но для этого нужен прочный мир с местным населением. В противном случае каждое поселение придется превращать в укрепленный пункт наподобие Ратного.

Тож же, конечно, выход. Крестоносцы в Прибалтике именно так и поступали, вернее, будут еще поступать. Потому-то армии Ивана Грозного и будет так сложно и тяжело воевать в Ливонии. Придется расковыривать каждый замок в отдельности — терять время, нести потери... Эврика! Поздравляю, сэр Майкл, не сочтите за лесть, но идея представляется весьма плодотворной, с далеко идущими последствиями. Боярская усадьба, в сущности, тот же феодальный замок. Раздаем земли преданным деду десятникам — вот тебе бароны. Ратники их десятков — рыцари. Следовательно, Погорынье — графство, а Корней Агеич — граф!

Как известно, сэр, управленческое решение может считаться добротным только в том случае, когда дает выигрыш не по одной, а по нескольким позициям. Наделяя преданных деду людей землей, мы решаем проблему перенаселения, повышаем свой статус и статус дедовых ближников, превращая их в военную аристократию, а заодно превращаем Погорынье в «укрепрайон» — козырный аргумент для любого, кто в нашем высоком статусе попытается усомниться или попытается проверить его на прочность. Кхе, любезный граф Корней, вы-то еще и не подозреваете, что стали «вашим сиятельством», но вот под каким соусом вам это преподнести?»

— Чего примолк, Михайла?

— Да вот, деда, думаю: как дело с пахотными землями утрясти?

— К Нинее поедешь, — как о давно решенном заявил дед. — Я, конечно, могу пустующие земли и так занять, но хочу дело решить добром. Скажешь ей, что будет она с этого иметь корм и помощь во всех хозяйственных нуждах. Отошлем туда тридцать семей.

— Там же только шестнадцать домов! — удивился Мишка.

— Пятнадцать! — поправил дед. — А в шестнадцатом — самом большом — разместим «Младшую стражу» и воинскую школу. Туда же отправим потом станки и кузню, в которой самострелы делать будем.

— А по-другому нельзя, деда?

— Опять что-то выдумал? — Дед подозрительно прищурился.

— Не сам, в книгах вычитал, но это долгий разговор, согласишься выслушать?

— Ну, если на пользу...

— Роська, — окликнул Мишка своего крестника, — сходи-ка дядьку Лавра позови.

— Слушаюсь, господин старшина.

Дед дождался, пока Роська отойдет, и подозрительно спросил:

— Зачем парня отослал?

— То, что я сказать хочу, никому знать не надо, не согласишься — забудем, согласишься — только мы с тобой будем знать. И все.

— Ну, излагай.

— Сейчас, только ты в сани пересядь, а то чего я тебе наверх кричать буду?

Дед с нарочитым кряхтением и охами сошел с коня и уселся в сани.

— Развел таинства, едрена-матрена... Ну рассказывай, книжник.

— Есть три способа управления людьми и делами: рефлексивный, следящий и программный.

— А по-людски говорить не можешь?

— Сейчас объясню. Если ты у дядьки Лавра в кузнице случайно к раскаленной железке притронешься, ты же не думаешь: «Ой, горячо, надо руку убрать»? Рука как бы сама отдергивается. Вот это и называется «рефлекс». А рефлексивный способ управления — это когда думать некогда, что-то делать надо. Ну, к примеру, пожар. Все всё бросают, даже самые важные дела, и бегут тушить. И при этом уже ничего не берегут: льют воду, кидают землю, бывает, соседние дома разваливают, чтобы огонь не перекинулся. Сплошной убыток, а всего-то и надо было: за печкой присматривать, чтобы уголек не выскочил.

Но это — срочное дело: выпал уголек, начался пожар. Бывает же, что беда долго подкрадывается, как бы накапливается постепенно. Например, видит хозяин, что крыша не в порядке, но погода стоит сухая, жаркая, вот он все и откладывает на потом. Пошел дождь, потекло в жилье, и начинается: лужи подтирать, ведра подставлять. А если дожди не на один день зарядили? Приходится на мокрую крышу лезть, а она скользкая. Упал, ногу сломал. А всего-то и надо было, что в ведро крышу

поправить.

Или еще пример...

— Да понял я, понял. Тын обветшал, в селе тесно, ратников мало. Накопились беды. Сколько лет дурака валяли, а теперь спохватились. Так бы и сказал: «пожарный способ», а то придумал... Даже и не выговоришь. — Дед изображал сердитое ворчание, но было заметно, что тема его заинтересовала.

— Не я придумал, поумней меня люди книги писали, — быстренько «отмазался» Мишка.

— Ладно, дальше давай.

— Так вот: пожарный, как ты говоришь, способ — это когда заранее не подумали или не сделали то, что требовалось, и спохватываются, когда событие уже произошло. От этого обязательно случаются три беды. Первая — десинхронизация. Это когда решения и дела запаздывают. Вторая беда — дисфункция. Это когда важные дела не делаются или людям не своим делом заниматься приходится. Вот, ты же не поп, а приходится дела веры исправлять: следить, чтобы к причастию ходили, холопов крестили. Отцу Михаилу уже одному не совладать, а ведь нас сюда прислали христианство насаждать. Это — наше главное дело, наша функция. Третья беда — деструктуризация, проще говоря, развал. Было у нас воинское поселение, а теперь: одни желают по-прежнему служить, другие ремеслом и торговлей заниматься, третьи... да ты и сам об этом говорил. Помнишь?

— Гм... Кхе! — Дед поскреб в бороде, оправил полы кожуха. — Выходит, наши беды мудрецам давно известны были и в книгах описаны?

— Да не наши! Это беды любой общины, города или племени, которыми рефлексивным способом управляют.

— Угу... Понятно. — Дед покивал головой. — И что ж дальше?

— Дальше плохо. Количество бед нарастает, справиться со всеми уже не получается, потому что все делается второпях, по-пожарному, без раздумий о том, чем это в будущем обернется. Либо община гибнет, либо власть в ней меняется. Но бывает, что смена власти приводит к междоусобице, и тогда тоже гибель.

— Сам-то понял, что сказал? — Дед неожиданно для Мишки напрягся и уставился на внука очень внимательно.

— А что? — не понял Мишка.

— Рюриковичи в усобицах погрязли, великий князь киевский при смерти. Или забыл, что боярин Федор рассказывал?

— Помню, деда. Те правила, о которых я тебе рассказываю, и для всей Руси тоже справедливы.

— Степь только и ждет, что мы ослабнем, — словно не слыша, продолжал дед. — С запада тоже давят.

— Но мы же с этим ничего сделать не можем. — Мишка никак не ожидал подобного поворота разговора. — Пока...

— Пока что?

— Пока у себя порядок не наведем и силы не наберем. Иначе кто нас слушать будет?

— Какие силы, какой порядок? Все, как гнилая тряпка, расползается! Толку с твоих книжек... Только названия дурацкие придумали, а проку...

— Так я же еще не все рассказал!

— А-а-а!

Дед в сердцах махнул рукой.

«Чего ж он так завелся-то?»

— Деда, ну потерпи еще немного! Ты же самое главное уже сделал!!! Ты власть в Ратном сменил! И без усобицы, только Пимену по уху дал.

— Да что ты понимаешь! — Дед машинально цапнул рукоять меча. — Думаешь, смолчали — так и подчинились? Все только начинается.

— Может, и не все, но понимаю! Во всяком случае, понял, что Пимен не от себя говорил, то-то все время оглядывался!

— Вот! — Дед наставительно ткнул в Мишкину сторону указательным пальцем. — В сотне раскол, а зачинщики таятся, Пимку вперед выставляют. А ты мне тут всякую книжную заумь рассказываешь.

«Блин, как же разговор в нужную сторону повернуть? Может, попробовать удивить деда?»

— Так и я о том же! Был рефлексивный метод управления, а ты теперь другой применишь, уже начал.

— Кхе! Когда ж это я успел? Вроде бы и трезвый был. — Брови деда сначала удивленно при-

поднялись, потом грозно сдвинулись. — Опять, как с воинской школой, дурня из меня делаешь? Я вот тебе сейчас...

— Деда, Христом Богом прошу: дослушай, пожалуйста! — взмолился Мишка. — Ты же обещал выслушивать! Сам же сказал, что мудрецы наши беды точно описали! Так в тех книгах и способы преодоления бед описаны. Ну послушай же!

— Обещал-то обещал... — Дед раздраженно поправил воинский пояс, дернув его туда-сюда и задев ножами Мишкину раненую ногу. Испуганно глянул на внука и смилостивился: — Ну ладно, только что ж мы посреди улицы, давай-ка домой поедем.

— А дядька Лавр сюда придет, мы же позвали, — спохватился Мишка.

— Не мы, а ты, — поправил дед. — По дороге встретим. Давай уж, вещай дальше... Мудрец, тудыть тебя.

— Я думал, что и Лавру послушать полезно. Все-таки старший мужчина в семье после тебя. Да и говорить лучше в кузне, а не в доме — лишних ушей нет.

— Ага, ему сейчас только разговоры и разговаривать, дел невпроворот. Ладно, поехали.

* * *

В кузнице поговорить не вышло. Лавр уже приставил к работе не то свежее испеченных холопов, не то вновь обретенных родственников (Мишка еще не научился их различать), и закопченное помещение было наполнено лязгом металла, сипением мехов и прочими кузнечными шумами. Тут же ковылял, опираясь на один костыль, Кузька, раздавая какие-то указания работникам.

Лавр привел отца и племянника в какое-то помещение на втором этаже недостроенного «главного корпуса» усадьбы, послал крутившуюся здесь девчонку на кухню за горячим сбитнем и усадил всех на расстеленные прямо на полу чьи-то постели.

В суть рефлексивного метода управления Лавр «въехал» с ходу.

— Это когда я заготовку в горне передержу, а потом начинаю орать: «Давай быстрее, железо пережжем!» Обязательно кто-нибудь что-то уронит, или заготовку клещами неловко схватит, или штаны прожжет — не работа, а сущее наказание.

— Вот-вот! — обрадовался Мишка. — А есть и другие способы управлять. Второй способ — следящий. Начальствующий человек смотрит за тем, что происходит, и, если происходящее идет на пользу, поддерживает, а если во вред — пресекает. Вот, к примеру, как с некрещеными холопами. Наше главное дело — насаждать христианство, значит, если холопов хозяева не крестят, это — во вред. Беда только в том, что пользу и вред разные люди по-разному понимают. То, что для одних — хорошо, другим поперек горла встать может. Вот деда мастерские за тын вынести хочет. Казалось бы, дело правильное, но хозяевам-то мастерских это не по нутру.

— Кхе! — Дед зловеще ухмыльнулся. — Ничего, уберутся как миленькие, найдем средство!

— Об этом я и толкую. Пресекать! — быстренько согласился Мишка и поспешил продолжить: — Но при таком способе управления тоже не все гладко идет. Во-первых, из-за того, что есть недовольные, важные дела могут делаться медленно и плохо, потому что без желания, из-под палки. Как, например, с ремонтом тына. То есть опять дисфункция — неисполнение важных дел. Во-вторых, есть опасность деструктуризации — развала. Если тех, кто «за», и тех, кто «против», примерно поровну. Или же не поровну, но одна из сторон хоть и малочисленна, но сильна. До крови, может, и не дойдет, но дело делаться не будет.

Ты, деда, именно по этому пути и пошел, и с первого шага пришлось силу применять. Пока дело только оплеухой Пимену ограничилось, но ты верно сказал: «Смолчали — не значит, что покорились». А можно ведь сделать так, что те, кто ремеслом и торговлей предпочитают заниматься, твоими союзниками станут, помогать тебе будут и в делах, и в том, чтобы недовольных поприжать.

— Кхе! Это как же?

Дедов скепсис начал постепенно развеиваться, похоже, разговор начал его понемногу заинтересовывать.

— Есть третий способ управления — программный. Программа — это... Как бы объяснить... Вот задумал ты какое-то большое, важное дело, такое, что не на один год. Результат этого дела — цель, которую надо достичь. Заранее обдумываешь, что надо сделать, сколько это времени займет, что может помешать, кто будет тебе помощник, а кто противник. Рассчитываешь, сколько чего понадобится: людей, времени, средств. Прикидываешь, когда что делать и когда одно дело заканчивается, а другому пора начинаться. Вспоминаешь людей: кто что умеет, кому доброго слова достаточно, а кого подкупить или припугнуть надо.

Самое же главное — людской интерес. Если другие люди в достижении твоей цели свой интерес увидят, то помогать будут не за страх, а за совесть. Если таких людей будет большинство, то противники твоего дела и пикнуть не посмеют, а если посмеют, то твои сторонники их враз придавят.

Вот если все это вместе сложить, то и получается программа действий на какой-то большой срок, и все: твои дела и мысли, дела и мысли твоих союзников — должны быть выполнению этой программы подчинены. А тех, кто сопротивляться задумает, придется принуждать силой.

— Кхе! Что скажешь, Лавруха?

Лавр, до сих пор сидевший молча и вроде бы с безучастным видом, на самом деле, оказывается, слушал очень внимательно. Во всяком случае, ответил на дедов вопрос сразу и очень толково:

— А я так и работаю, батюшка. Прежде чем ковать, думаю, сколько чего нужно — угля, руды или железа, помощников. Потом: как нагревать, как отковывать, как закаливать. Если что-то сложное делать собираюсь, сначала рисую на дощечке, помощникам показываю, обсуждаем. А уж когда все решили, каждый свое дело знает, недостатка ни в чем нет. Ну... и прочее, много всякого. Зато дело делается как следует.

— Дядя Лавр, а бывает так, что помощники что-то дельное подскажут?

— Бывает, конечно, — подтвердил Лавр. — Кузька вот на выдумки горазд, добрый кузнец будет.

— Но для этого помощникам конечная цель должна быть понятна? — продолжил подводить разговор к нужному выводу Мишка.

— А как же без этого? — удивился Лавр. — Если помощники не знают, что куют, так что же получится?

— Вот, деда! — Мишка от возбуждения даже попытался привстать, забыв про ранение, но нога тут же напомнила о себе болью. — Перво-наперво, преданные тебе люди должны все правильно понять, свой интерес увидеть и важностью дела проникнуться.

— Без интереса, конечно, хрен кто пошевелится... — согласился дед. — Ну а беды какие у этого способа?

«Браво, лорд Корней! Уловили методика анализа, что называется, сходу».

— А нету бед, деда. Вернее, есть только одна — если программа неверная. Тогда все развалится. А если цель правильная и средства ее достижения продуманы хорошо, все получится. Вот Ярослав Мудрый, когда нашу сотню сюда посылал, все правильно продумал, и все получилось. Но цель, которую он перед нами поставил, достигнута, пора ставить следующую, иначе так и будем гнить потихоньку. Сам же сказал: «Все, как гнилая тряпка, расползается».

Дед, видимо, спохватился, что получается как-то несолидно: глава семьи слушает поучения от отрока.

— Красно глаголешь, отрок, как поп на проповеди. И как же эту книжную премудрость к нашим делам приложить?

— Начинать надо с цели, — не смутился Мишка. — Вот какая цель была у нашей сотни в самом начале, когда сюда пришли?

— Как какая? — Дед рубанул воздух ладонью. — Да просто выжить!

— Да, это верно. Если бы не выжили, то и ничего другого не смогли бы, разве что обратно в Киев сбежать. Но князь Ярослав от нас ведь чего-то другого хотел? — продолжил гнуть свое Мишка. — Ему не просто наше выживание требовалось, мы ему здесь зачем-то нужны были. Зачем, деда?

— Ну... Кхе! Это... Христианство насаждать, Волынский рубеж стеречь.

— И только?

— Да что ты прицепился? Я ж не князь!

— Но первый наш сотник — Харальд — знал? Дядя Лавр сейчас только объяснил, что помощники должны конечную цель понимать. Так знал Харальд?

— Не Харальд, а Александр, — поправил дед, — хотя, конечно, он того... Александром только в церкви и был. Князь Ярослав с ним, конечно, разговаривал, перед тем как сюда послать, и не один раз, наверно. Но я-то уже одиннадцатый сотник! А если по родам считать, то четвертый.

— Как это по родам? — Мишка понимал, что отклоняется от главной темы разговора, но больно уж было интересно, да и деду надо было дать передышку. Долгое обсуждение непривычных и малопонятных вопросов могло его опять разозлить, а тут дела привычные и известные, к тому же внук превращается из наставника во внимающего ученика — возвращается к положенному ему статусу.

— Да так. — Дед расстегнул оружейный пояс и отложил в сторону — явный признак настроения на долгий разговор. — После Харальда его сын сотню водил, потом внук, но погиб молодым, когда

его сын еще совсем малым был, потому сотника из другой семьи выбрали. Прямо на поле боя выбрали — в Угорской земле дело было. Звали его, дай бог памяти... У Данилы-десятника надо спросить.

— Да какой он теперь десятник? — пренебрежительно махнул рукой Лавр.

— Теперь — да, — не стал спорить дед. — Но в его роду четыре сотника было. При последнем из четырех, Петром его звали, случился мятеж десятника Митрофана. А Петр уже был больной совсем, много раз раненный, ну и сам от сотничества отрекся. Выбрали Ивана — прадеда десятника Пимена, которого я сегодня попотчевал. Потом сотником стал его сын. Дурным он сотником был, чуть всех не угробил. Мой отец — Агей Алексеич — его убил. От Агея и пошли сотники из рода Лисовинов. Даст Бог — на мне это не закончится.

— Так вот почему Пимен на тебя волком смотрит! — старательно продемонстрировал удивление Мишка.

— Не только из-за этого. — Дед раздраженно передернул плечами. — Его отец меня убить пытался — мстил. В бою хотел в спину ударить, но не вышло, сам там остался. По уму бы, весь их род вырезать надо было бы, иначе не будет нам покоя... Кхе!

Лицо деда снова приобрело жесткое выражение, каким было утром на дворе старосты Аристарха. Левый глаз прищурился, щека поползла в сторону, изгибая шрам от половецкого клинка. Рука, словно сама по себе, сдвинулась поближе к рукояти меча. Дед недоуменно глянул на нее, вздохнул и отодвинул оружие в сторону.

— Так что ж ты Пимена-то... — осторожно поинтересовался Мишка. — Имел же право! Или пожалел?

— Не в жалости дело, Миша, — вмешался Лавр, — батюшка не захотел сотничество с крови начинать. Второй раз подряд и с крови одного и того же рода. И так чуть ли не первый приказ о казни был.

— Но почему «начинать»? — удивился Мишка. — Ты же и раньше сотником был?

— Правильно Лавруха сказал: «Начинать». Та сотня и нынешняя... — Дед тяжело вздохнул. — Это такая разница. Лучшие люди на той проклятой переправе легли. Почти все, на кого я в любом деле положиться мог. — Дед досадливо заворочался на смятой постели, зачем-то переложил с места на место ножны с мечом. — По справедливости, спросить бы за это с Данилы. Десятник первого десятка — второй человек после сотника. Я его не тронул. Значит, нельзя было и Пимена. Вот если бы он за оружие взялся... тогда бы да! — В голосе деда слышалась прямо-таки плотоядная мечтательность. — Но почувял, стервец, смерть свою. Почувял...

С минуту помолчали. Каждый думал о чем-то своем.

— Деда, прости, если глупость спрашиваю. А чего ты с Данилой возишься? От него же одни беды.

— Беды? — Дед снисходительно усмехнулся. — Дите ты еще, Михайла! Если Данилин Ероха тебе синяки наставлял, это не беды. Наоборот, это тебе на пользу пошло. А Данила мне столько лет спину прикрывал...

Есть, внучек, такие люди, которым обязательно надо при ком-нибудь состоять. Все время вторые. Но зато какие вторые! Незаменимые, на которых надеяться как на себя можно, никогда не подведут. Такого помощника найти — всю жизнь искать можно, и не найдешь. Но не дай бог такому человеку остаться одному. Та переправа это и показала. И ни разу, слышь, Михайла, ни разу — ни полусловом, ни намеком — не напомнил мне Данила о том, что его род на сотничество право имеет.

— Выходит, в Ратном два рода с нами соперничать за сотничество могут? — сделал вывод Мишка.

— Три, — поправил внука дед. — Остался еще один прямой потомок Харальда — Бурей. Се-рафим Ипатьич из рода первого сотника ратнинской сотни Александра.

Уважение, с которым произнес полное имя Бурей дед, было Мишке совершенно непонятно, поэтому он переспросил:

— Обозный старшина?

— По уму и по силе мог бы первым воином в сотне быть, а может, и сотником, — все так же уважительно отозвался дед. — Только кто же уroda в строй поставит? Да и злости в нем... Хотя от такой жизни любой озверевает.

— Теперь понятно, почему Пимен зубы точит... — начал Мишка.

— И почему Ерема к тебе вязался, пока вы его не отлупили, — подхватил Корней, — и почему Бурей грубит. Мотай на ус, Михайла, тебе с этим жить.

— Детей Данилы в «Младшую стражу» не возьму, — решительно заявил Мишка, — детей Пи-

мена и людей из его десятка — тоже!

— Слыхал, Лавруха? Парень-то верно все понял!

— Отвлеклись мы, батюшка, а время-то идет. — Лавру дедовы воспоминания были неинтересны — давно все знал и сам.

— А ты что, спешишь куда, сынок? — ласково поинтересовался Корней.

— Так люди же за тыном уже две ночи провели. Все уже своих холопов, наверно, разобрали, только наши остались. Идти надо, батюшка, людей по жилью разводить, наши же холопы!

— Эх, Лавруха, Лавруха.

Дед сокрушенно покачал головой и вдруг рявкнул что есть мочи:

— Невместно сотнику!!!

Мишка и Лавр вздрогнули от неожиданности, за дверью кто-то испуганно шархнул.

«Подслушивают нас, что ли?»

— Это твой, Михайла, дружок — Афоня — обрадовался, вприпрыжку побежал холопов забирать, а мне невместно. — Корней почему-то адресовался внуку, а не сыну. — Лавруху вот пошлю, но не сейчас, а завтра. Сегодня Татьяна с Анной родню разместят. Ужин бабы накроют в самой большой горнице, все семейство вместе соберется. А холопами завтра займемся. Или послезавтра. Должна быть разница между холопами и родней! И разницу эту должны увидеть и понять все! Переночевали две ночи за тыном, переночуют и еще раз, а то и два.

Дед расстегнул кожух и, повозившись, сбросил с ноги протез, показывая, что рассчитывает сидеть долго, потом продолжил, уже не повышая голоса:

— Лавруха, ты послезавтра поедешь верхом, в броне и с мечом за тын. Возьмешь с собой Роську, Матвея... и кто еще из мальчишек сможет верхом ехать. Тоже в броне и при оружии. Разговоры особенно не разговаривай, посмотри, кто как устроился. Отбери десять хозяев, у которых в семье порядок, ночлег хорошо устроен, дети и скотина обихожены, в общем, десять лучших — сам разберешься. Этих десять семей отправим на выселки. Там все в упадке: сгнило, заросло, — вот самых хватистых туда и пошлем.

«Вот так, сэр! Почти слово в слово то, что вы Афоне насчет невербального ряда объясняли. Ни слова не говоря, даже сам не показываясь, сразу же вываливает на людей кучу информации. Всем бывшим куньевцам — разницу между родней сотника и чужими. Родне — как их положение выгодно отличается от положения других бывших односельчан. Новым холопам — что попали они к военным людям, что до сотника им, как до Бога, и что оценить их здесь умеют по достоинству чуть ли не с первого взгляда. Даже ратникам — что род Лисовинов к приобретенному богатству относится спокойно, без суеты. Управленец Божьей милостью. Или учили хорошо. Только есть, ведь, вещи, которым не научишь, управление — это только наполовину наука, а наполовину искусство».

— А у господина сотника, — продолжал дед, — и другие дела есть, вот, к примеру, с ученым человеком Михайлой Фролычем о книжной премудрости потолковать. Давай, Михайла, дальше рассказывай, только ты уж как-нибудь книжную премудрость с жизнью соединишь, а то не сразу и поймешь, о чем ты толкуешь. На чем мы остановились-то?

— На том, какая цель у князя Ярослава была, — напомнил Мишка.

— Ага! Кхе... — Дед поерзал, устраиваясь поудобнее. — Не знаю я, сам думай.

— Смотри, деда, славяне живут в этих местах испокон веку, еще со времен до Рождества Христова. — Мишка решил зайти издали, благо дед, облегчив душу криком и командным тоном, был расположен послушать. — Были у них какие-то свои порядки, обычаи. Сейчас уже не узнаешь точно, только легенды сохранились. Здесь, на Днепре, Припяти и их притоках, была северо-восточная граница славянских земель. Постепенно разошлись на разные племена: поляне, древляне, дреговичи, кривичи... Значит, порядки и обычаи изменились, ведь у разных племен они хоть немного, но были разные.

Два с половиной века назад сюда пришли варяги. Взяли Полянский Киев, подчинили другие племена, заставили платить дань, но князья пока почти у всех оставались свои. Опять порядки изменились. Прошло еще около ста лет, и княгиня Ольга разгромила княжество древлян, а дреговичей вообще с трех сторон зажали: с севера полоцкие князья, с юга киевские, с запада волынские. Было ведь время, когда Туровские земли Волыни принадлежали. И не стало у славянских племен своих князей, а стали киевские князья сажать к ним родню — Рюриковичей. Еще раз порядки сменились. А потом внук Ольги Киевской Владимир Святой крестил Русь. Правда, это только так говорится, что сразу всю Русь, на самом же деле...

— И опять порядки изменились! — прервал дед. — Я тебе что велел? Ближе к жизни! А ты? Еще Евангелие нам тут пересказывать начни. Все четыре сразу.

— Погоди, деда, вот прямо сейчас про нас речь и пойдет. Я к чему веду? К тому, что людям только кажется, что жизнь неизменна. Живем, мол, по заветам предков, а на самом деле...

— Да понял я, понял! Дальше давай.

— Сел на киевский стол Ярослав Мудрый. Порядки, которые были в то время в нашей округе, ему не нравились. Христианство не приживалось, дань дреговичи платили, но кто его знает: правильную или неправильную? Поди пересчитай по лесам число дымов или рал! Ладно городища, а лесные хутора, малые веси? Изверги так и вообще ушли из рода — и поминай как звали. Волхвы народ мутят, по дорогам ездить опасно, да волынцы через Горынь посматривают, а то и наезжают, ляхи и угры наведываются. Князь с дружиной раз в год здесь появлялся — в полюдь. Дань собрал — и назад. Да глубоко не заходил, а то можно было и не выйти.

Надо было порядки менять. Рубеж с Волынью прикрыть, смутьянам и татям окорот дать, хоть сколько-то твердых христиан на этих землях поселить. Так и появилась наша сотня и село Ратное. Вот и выяснили мы цель Ярослава — изменить жизнь в Погорынь так, как это было выгодно великому князю киевскому. И мы этой цели достигли! — Мишка выдержал паузу и спросил: — А теперь скажи нам, деда, устраивает ли нас сложившийся порядок?

— А то сам не знаешь!

— Не устраивает, — подтвердил очевидное Мишка. — Значит, надо менять! Только сначала крепко подумать, какой порядок нам нужен. Дядя Лавр ведь железо в горн не сует, пока не знает, что именно он ковать собирается. Так и ты: что ты из нашей Погорынской земли выковать намерен?

— Кхе! Нашей, говоришь? — Дед молодецки расправил усы. — А что? И нашей! Кроме нас, эту землю никто удержать за собой не сможет. Исчезни наша сотня — тут такое начнется!

— Давай тогда, деда, сразу и определим границы наших земель, чтобы потом уже к этому не возвращаться, — «взял быка за рога» Мишка. — Западная граница понятно — по реке Горынь, а остальное?

— Северная граница тоже понятно — там, где Горынь в Припять впадает. — Дед расстелил на полу свой оружейный пояс. — Это Припять. — Дед требовательно пошевелил пальцами в воздухе, сын и внук догадливо распоясались и сунули Корнею в руку «материал» для макета местности. — Вот так в Припять впадает Горынь. — Пояс Лавра прилег одним концом к поясу деда, а другой конец загнулся на запад. Дед ткнул в него пальцем и пояснил: — Но верховья Горыни не наши — волынские, значит, по Горыни получается верст семьдесят пять — восемьдесят.

«Это ж примерно километров сто двадцать. Нехило!»

— Тогда восточную границу можно по Случи считать? — Мишка приткнул свой пояс к «Горыни» и расстелил его на юг.

— Можно. — Дед немного сдвинул «место слияния Горыни и Случи». — Случь подлиннее Горыни, но течет вот такой загогулиной: от истоков сначала течет почти точно на восток, чуть к северу, а потом сворачивает на северо-запад. — Дед соответствующим образом изогнул Мишкин пояс.

— А между истоками Горыни и Случи сколько?

— Верст сорок или около того, да пока Случь на север не повернет — еще верст шестьдесят будет.

— Выходит, южная граница в сотню верст получается?

— Выходит, так. Едрена-матрена, я и не думал как-то, что тут земли так много! — сам изумился собственным подсчетам дед.

«Так, сэр Майкл. Получается, что графство Погорыньское имеет форму, близкую к треугольнику, со сторонами примерно сто двадцать, сто шестьдесят и сто сорок километров. Площадь, дай бог памяти, половина произведения основания на высоту... Это для прямоугольных треугольников, но других формул я не помню. Значит, будем считать треугольник прямоугольным, особой точности не требуется. Где-нибудь сто двадцать на сто шестьдесят и пополам... Что-то около десяти тысяч квадратных километров, может, чуть больше. Впрочем, если мы называемся „Погорынь“, то надо приплюсовать еще и земли на левом берегу Горыни — между Припятью и границей с Волынью, а также правобережье — между той же Припятью и слиянием Горыни и Случи. Пожалуй, тысяча тринадцать — пятнадцать набегжит. Совершенно случайно помню, что Люксембург — две с половиной тысячи. Выходит, мы впятеро или вшестеро больше Люксембурга! Этак на целую Голландию или Бельгию тянет⁶».

⁶ Здесь Мишка ошибается. Площадь Голландии в XX веке составляла больше сорока тысяч квадратных километров, а площадь Бельгии — тридцать тысяч. Больше всего к его весьма и весьма приблизительным расчетам подходит площадь Израиля — четырнадцать тысяч квадратных километров.

— Знаешь, деда, в латинских землях это целое герцогство, а то и королевство!

— А у нас — кусок княжества! — Дед задумчиво поскреб в бороде. — Так, где-то десятая часть! Ну, может, восьмая.

— И как мы эту часть назовем?

— Так и без нас назвали: Погорынье!

— Нет, деда, я не о том. Вот смотри. — Мишка широко развел руки. — Русь — великое княжество. Оно делится на удельные княжества, — Мишка чуть сблизил разведенные ладони, — Черниговское, Турово-Пинское, Переяславское и прочие. А удельное княжество на что делится? — Мишка свел ладони еще больше.

— Кхе... Ну есть города, села... Чего ты хочешь-то? — не понял дед.

— У латинян королевства делятся на герцогства и графства, во главе которых стоят герцоги и графы. Герцогства и графства опять делятся на баронства. У каждого герцога или графа в подчинении несколько баронов. Баронства разделены на дворянские или рыцарские лены. Каждый владетель лена должен по приказу барона прийти к нему со своей дружиной. Чем больше лен, тем больше дружина. Барон их собирает и приводит в распоряжение графа или герцога...

— Понятно, понятно, — перебил дед. — У нас так бояре по призыву князя конно и оружно собираются. У кого, конечно, вотчина есть. Так ты что же, хочешь Погорынье герцогством обозвать?

— Нет, не в наших это обычаях, деда. Но вот у ляхов земля разделена на воеводства.

«Разделена или еще будет еще когда-то разделена? Не знаю, ну и неважно!»

— Вот это, деда, нам подойдет. Погорыньское воеводство, и во главе его погорыньский воевода боярин Корней сын Агеев из рода Лисовинов!

— Красота! Лавруха, чего молчишь? Нравится?

Лавр, невольно копируя отца, тоже задумчиво поскреб в бороде.

— Нравится-то нравится, батюшка, и воевода ты и взаправду, а вот боярин...

— То-то и оно, — наставительно заметил дед, — заврался ты, Михайла.

— И ничего я не заврался! Все просто решить можно!

— Сам, что ли, мне боярскую грамоту напишешь, «княже великий»?

— Да она уже написана!

— Вот ты о чем... — Дед, прищурившись, уставился на внука. — Помнится, боярин Федор при тебе об этом не говорил. Откуда проведал?

— О чем вы, батюшка? — встрял Лавр.

— погоди, Лавруха! — Корней отмахнулся от сына, как от зудящего над ухом комара. — Что-то мне не нравится, когда кто ни попадя ненужные вещи узнает. — Дед набычился, шрам на лице начал наливаться кровью. — А ну признавайся, паршивец, от кого узнал!!!

Выдавать мать Мишке показалось недостойным, и он решил воспользоваться любимым приемом «дерьмократов», умудряющихся чуть ли не в любом событии узреть происки спецслужб:

— В Туровском епископстве за нашей сотней внимательно следят, деда. Сам понимаешь. С чего бы меня епископский секретарь Илларион обхаживать стал? Феофана ко мне приставил, а тот, оказывается, с отцом Михаилом в Царьграде вместе учился...

«Пургу вы, конечно, гоните, сэр Майкл, но выглядит весьма многозначительно. Дед должен клюнуть».

Дед клюнул.

— Знают, значит, — пробормотал он негромко. — Только попы или князь тоже? Нет, Вячеслав только приехал, не мог прознать, а попы против сотничьей гривны и не пикнули. Значит, одобряют?

— Илларион Православный орден создать хочет, — напомнил Мишка. — Может, с Погорыньского воеводства и собирается начать?

— Может, и собирается... — машинально ответил дед, думая о чем-то своем.

— Да в чем дело-то?! — не выдержал в конце концов Лавр. — Батюшка, да объясни ж наконец!

— А? — Корней уставился на сына, словно только сейчас заметил его присутствие. — Чего тебе, Лавруха?

— Что за грамота, батюшка? О чем вы с Михайлой речь ведете? При чем тут попы, да еще туровские?

— Кхе... — Дед неожиданно подмигнул Мишке. — Задурили мы твоему дядьке голову, Михайла? А?

— Так, может, объяснишь, деда. Я-то тоже не очень точно знаю, — «прикинулся шлангом» Мишка. — Так только, намеками.

— Кхе... В общем, такое дело... — Дед все еще колебался. — Славка... Князь Ярослав Свято-

полчиц, когда на Волынском столе сидел, грамоту мне пожаловал... На боярство и воеводство Погорынское. — Дед умолк, снова о чем-то задумавшись.

Мишка затих, боясь спугнуть удачу. Ляпнешь что-нибудь не то, и дед, из чувства противоречия, возьмет и упрется — с места не сдвинешь: упрям сотник Корней временами как баран. Лавр тоже немного помолчал, но потом опять не выдержал:

— Ну так и что, батюшка? Князю виднее, кого чем награждать. Что, пропала грамота, что ли?

— Да не пропала, Лавруша, не пропала. У Федора она хранится до сих пор.

— Так что ж тогда?

— Понимаешь, сынок... — Дед впервые за все время, что помнил Мишка, назвал Лавра сынком. — Князь Ярослав всегда считал, что имеет наследственные права на Туровские земли, а Владимир Мономах, как раз наоборот, этих прав за ним не признавал. Так Славка... князь Ярослав Святополчиц извернулся — взял и приляпал на грамоту отцовскую великокняжескую печать. И год поставил тот, когда еще его отец Святополк Изяславич великим киевским князем был. Так что ни Мономах, ни Мономашичи эту грамоту оспорить не могут, но нечестно же!

«Ну и друг молодости у лорда Корнея был, позвольте вам заметить, сэра Майкл. Трижды женат, причем последнюю жену выгнал с ребенком. Иностранцев интервентов на Русь приводил, документы фальшивые фабриковал. Извините за прямоту, сэра, но пробы ставить негде, ей-богу!»

— Ну и что? — Похоже было, что Лавру плевать на юридические тонкости. — Или ты, батюшка, не заслужил? Одно только Палицкое поле вспомнить! Ведь всех спас тогда! Что там князь куда приляпал, не наше дело — княжье. Тем более что с покойника уже не спросишь, а оспорить, как ты сказал, невозможно. Да и не знает об этом никто... — Лавр осекся, вспомнив, видимо, Мишкины намеки на туровских попов.

«Блин! Надо было правду говорить! Испугается дед епископской своры, да и откажется от воеводства. Дурак, на кой было врать? Мать пожалел? Да что бы ей дед сделал?»

— Все равно! — заключил Лавр. — Оспорить нельзя, и ты заслужил! Вот так!

В подтверждение своих слов Лавр стукнул себя кулаком по колену и выжидающе уставился на отца.

— Заслужил, не заслужил... Гм... Оно конечно... — Дед поднял с пола кувшин со сбитнем, поболтал, прислушиваясь, сколько там осталось, но наливать себе не стал. — Съездить, что ли? Нет, снега вот-вот падут, да и дел не перечесать. Вот дороги просохнут, тогда съезжу. Ладно, Михайла! — Дед еще секунду поколебался последний раз и торжественно провозгласил: — Приговариваю: воеводству Погорынскому быть!

Лавр шумно вздохнул и весело подмигнул Мишке. Мишка тоже подмигнул в ответ и, только тут почувствовав, как взмок, принялся расстегивать на себе полушубок.

— Ишь разморгались! — Дед и сам не удержал улыбки. — Давай, Михайла, дальше излагай, чего ты там собирался... Не упомню уже.

— Дальше просто: нужны люди, для которых твое воеводство — дело такое же важное, как и для тебя самого, чтобы они за твое воеводство горой встали, если придется, то и с оружием!

— Да где же я таких людей возьму? — Дед дурашливо охлопал себя, заглянул по очереди под обе полы кожуха, даже приподнял отстегнутый протез, словно под ним мог кто-то спрятаться. — Или ты опять людей из головы рожать собрался?

— Ага, деда. Из головы! — Жизнерадостно согласился Мишка. — Ты — граф, тебе нужны бароны! Пожалуй десятникам, которым доверяешь, земли в твоём воеводстве и по пятку холопских семей из добычи. Поверстай их в воеводское боярство. Из твоих рук получают, за тебя стоят и будут, а придет время (прости, деда, жизнь есть жизнь) — и за твоего наследника. Потому что нет Лисовинов на воеводстве — нет ни их боярства, ни земель.

— Кхе... Вот оно как... Лавруха, едрена-матрена... Михайла, ты это...

Дед непритворно растерялся, зрелище было совершенно удивительное.

— Что ж я, как князь? Со своими боярами... Да-а-а... Кхе! Поганец!!! Удивил! Нет, ну как измыслил! Лавруха, ты слышал? А? Поганец! Умница! Поди сюда, внучек, дай я тебя... Эх, Фролушка бы, покойник, порадовался. Ну как измыслил! Лавруха, да ну его к лешему, этот сбитень, вели... Там у нас в погребе вроде бы пиво еще оставалось, вели принести, и закусить чего-нибудь.

«Ну и как вам, сэра, в шкуре змия-искусителя? Нет, но правильно же все! Надо, надо феодализм строить, по нынешним временам — передовое общество!»

— Деда, кого в бояре-то поверстаешь?

— Ну придумаем... Потом.

— Сейчас надо решать, — возразил Мишка, — чтобы завтра дядя Лавр мог выбрать, кого из

холопов нам оставить, кого твоим боярам пожаловать.

— Кхе! Лавруха, да пошли кого-нибудь за пивом! Ну... Луку можно, Алексея Рябого еще... Люди верные. Кого ж еще-то?

— Может, Игната? — предложил Мишка.

— Молод больно.

— Зато верность проявил, — поддержал племянника Лавр, — и ратники его десятником выбрали.

— Ну, допустим, — неохотно согласился дед. — Трое выходит. Эх, мало верных людей.

— А Тихона? — попытался пополнить список Мишка.

— Да он, может, еще и с десятком не управится, — отмахнулся дед. — Нет, рано, потом, может быть.

«Ну, сэр, сейчас или никогда!»

— Значит, трое. Четвертая — Ниня.

— Что-о-о?! — Корней и Лавр одновременно изумленно уставились на Мишку.

— Она и так боярыня. — Надо было ковать железо, пока горячо. — Древлянская боярыня Гредислава.

— Ты-то откуда?.. — начал было дед и сам себя прервал: — Ну да. Понятно. Только... Нет, не примет. Зорно ей мне поклониться. Я для нее не смерд, конечно, но и не ровня. Ей даже природные Рюриковичи не ровня.

— Я попробую уговорить, — попытался настоять на своем Мишка. — Она ко мне хорошо относится, говорила, что любят меня светлые боги.

— Да мало ли кого боги любят! Здесь гордость такого древнего рода, что нам и не вообразить! Она через это не переступит. Подыхать будет, но не переступит.

— Она боится, деда.

— Чего боится?

— Что придут попы с воинами и убьют, как ее наставницу. Что умрет и преемницу себе не воспитает. Что внуков вырастить не успеет. Ей каждый день будущий страшен. Защита Нинее нужна, опора, надежность. — Мишка высыпал ворох информации и, пока дед ее не переварил, задал провокационный вопрос: — Мы же можем ей твердо обещать, что не придут и не убьют, что внуков сиротами не бросим, что будущее ее, сколь ей там еще отпущено, бедой не обернется?

— Можем-то можем... — Дед неопределенно пошевелил пальцами в воздухе. — Но тогда получится, что не она нам, а мы ей служим. В каком-нибудь ином случае такому древнему роду и послужить не грех, конечно, но если пройдет слух, что мы волхву покрываем... Даже не покрываем, а прислуживаем ей! Нет, Михайла, не дело ты предлагаешь!

— Хорошо, тогда последний аргумент...

— Что «последний»?

— Последний довод. Белояра с людьми кто-то ждал. «Людей в белом» кто-то послал. Нинее кто-то поля сжал и деревню в порядке содержит. Ты веришь, что это три разных «кто-то»? Или это один и тот же?

Лицо деда мгновенно сделалось жестким, он снова подхватил ножны с мечом и переложил их на другое место.

— Так вот, значит, что... Людей, значит, под себя собирает, силы копит. Для чего?

— Помнишь, деда, откуда у меня самострел?

— Как же не помнить? Баба с «громовой стрелой»... Кхе! Так ты думаешь, и она к ЭТОМУ ехала?

— Вполне могло быть, — подтвердил Мишка.

— А Ниня-то ему зачем?

— Если готовится восстание язычников, то во главе должен быть кто-то из очень древнего рода, а если волхв, то еще лучше. Сам «кто-то», видимо, из худородных. Умный, умелый, сильный, но без длинного списка предков. Ниня — то, что ему надо. Лучше бы, конечно, мужчина, но, похоже, не нашлось подходящего. А может быть, все еще круче: хотят возродить совсем древние порядки, когда во главе родов женщины стояли. От поклонников Перуна ведь тоже баба ехала. Во всяком случае, если грянет, то в Турово-Пинском княжестве начнут именно с нас. И время подходящее: великий князь при смерти, среди Рюриковичей вот-вот усобицы начнутся.

— Ну это мы еще посмотрим, кто с кого начнет. — Дед грозно пошевелил бровями. — Нам местной погани мозги вправлять не впервой. Но Ниня-то при таких делах с нами вообще разговаривать не станет!

— Наоборот, деда.

— Как это?

— Не такие уж мы и худородные. — Мишка решил идти ва-банк. — Во мне, например, четверть крови от Рюриковичей.

— И это прознал, поганец? — Дед в растерянности развел руками и глянул на Лавра, словно ища поддержки. Тот в ответ тоже развел руки и пожал плечами, демонстрируя полную непричастность к осведомленности племянника.

— Языки людям даны, чтобы болтать, а уши — чтобы слушать, — пояснил, ничего не объясняя, Мишка. — Однако и без Рюриковичей я — восьмое колено рода десятника Лисовина. Не простого ратника, а того, кто других в бой водил. И неважно, что только десяток. Главное — повелевал и за людей отвечал. И роду нашему два века.

— Ты — восьмое колено, а Нинейя — двадцатое, — парировал дед, — а может, и больше!

— Наверняка больше, — не стал спорить Мишка. — Славяне живут здесь десятки веков, кто знает, когда начало складываться боярство? Может, и тысячу лет назад. За одно поколение принято считать двадцать пять лет. Значит, Нинейя запросто может быть и из тридцатого, и из сорокового колена.

— Тем более! — победно утвердил дед.

— Вовсе нет, — продолжил дискуссию Мишка. — Нинейя, будучи боярыней такого древнего рода, да еще волхвой, прекрасно знает, что род может стать древним, если не выродится и не ослабнет в третьем-четвертом колене. Ну или если не пресечется почему-либо. Вот Данилин род дал четырех сотников, но четвертый сам от сотничества отрекся. Ты же не отрекся, хотя тоже увечен!

— Увечья, внучек, разные бывают!

— Да, но дурного сотника зарезал прадед Агей, а не Данилин дед, и сотню из ничего поднял тоже Агей. И ты сейчас тоже сотню поднимаешь, а Данила только и смог, что свой десяток угробить. Энергетика утрачена напрочь, а у нас сохранилась.

— Что утрачено? Ладно, понял. Ну а род Пимена? Тоже утратил эту...

— Энергетику. Может, утратил, а может, и не имел никогда. Я отцу Михаилу помогал поминальные записи разбирать. Так вот, ни Пимен, ни его родня никогда не заказывали службы на помин души своего родоначальника. Или не помнят, или от женской ветви пошли. Род, который своих пращуров не помнит, и не род вообще.

— Ну а Бурей? — Дед, похоже, увлекся спором. — Что-то он на ослабленного непохож.

— Здесь другое. Скорее всего, генетические отклонения.

— Чего-чего?

— Проклятие богов — «порченная кровь». Потому, наверно, и потомства у него нету.

— Кхе! — Аргументы у деда кончились, а нить спора он, кажется, потерял, поэтому переключил внимание на сына. — Лавруха, да когда ж пиво-то принесут?

— Да должны уже. Сейчас будет, батюшка.

Лавр поколебался и как-то по-детски просительно глянул на Мишку:

— Я вот что спросить хочу. Миша... Это... У меня что ж, тоже проклятие?

— Нет, дядя Лавр, это волхв из Куньего городища заклятие наложил.

— Эх, едрена-матрена! — Дед звонко хлопнул себя ладонью по колену. — Он же сегодня ночью убег! И по следам вышло, что к Нинее. Как развязался-то, я же сам веревки проверял?

— Не развязался он, батюшка. — Лавр досадливо поморщился. — Веревки перерезаны были, я смотрел. Помог ему кто-то.

— Это кто ж у нас такой шустрый завелся?

«Ну, сэр, получите и распишитесь... Кто-то по лестнице топает, наверно, пиво несут, может, отвлекут?»

— Это я, деда.

— Что-о-о?! Да ты как...

От возмущения у деда даже не нашлось слов.

«Ну да, только что: „Умница! Поди сюда, внучек“, — а теперь...»

— Да как ты посмел?! Щенок!!! Самым умным себя...

— Деда, пиво принесли!

В дверях действительно застыли раскрыв рты Анька-младшая и давешняя девчонка из новой родни.

— Да я тебя в этом же пиве и утоплю!!! Как кутенка!!!

Дед ухватил Мишку за шиворот, словно и вправду собирался утопить в жбане с пивом. Мишка

неловко шевельнулся, раненую ногу дернула боль.

— Ой, нога, нога!

— Тьфу, ты ж еще и дырявый! — Дед отпустил Мишку и обернулся к девчонкам. — А вы чего вылупились? Вон отсюда!

Девчонки попятились к двери.

— Пиво оставьте, дуры! На пол ставьте, видите: некуда больше!

Жбан с пивом и поднос с едой брякнулись об пол, и по лестнице застучали торопливые шаги.

— Выпороть тебя снова, что ли? — Наорав на девок, дед, похоже, немного успокоился. — Чего с ногой-то?

— Повязку сдернул, присохшую.

— Снимай штаны, книжник. Лавруха, глянь: что там у него?

— Деда, я же для пользы, в обмен, — начал объяснять Мишка.

— Снимай штаны, говорю. Какой обмен, на что?

— На средство от заклятия, чтобы тетку Татьяну вылечить. И чтобы тебе руки развязать.

— Мне? — не понял дед. — Руки?

— Ну да! Ты ж его на костер ставить не собирался, и отпускать невместно, а так убег и убег. Тебе ничего и делать не надо.

— Благодетель, едрена-матрена...

— Да погоди ты, батя! — Лавр даже позабыл свою обычную робость перед отцом. — Миша, средство-то верное?

— Вернее некуда, — уверенно заявил Мишка. — Только из кузни надо всех выгнать, и чтоб рядом никто не шлялся, а горн оставить горящим. Приведешь тетю Таню туда, и я все, что надо, при тебе сделаю.

— Ты что, колдовать собрался? — встревожился Лавр.

— Наоборот, изгонять колдовство. Святой воды надо будет немного. Есть у тебя, дядя Лавр?

— Есть. Пошли прямо сейчас.

«Ой, я же куклу еще не сделал! Срочно изобретаем причину для отсрочки.»

— Нет, надо с утра, чтобы потом весь день в кузне работали и горн как следует выгорел. А золу выгрести и подальше от дома унести, а лучше в польню спустить, чтобы вода унесла.

— Михайла! Точно знаешь, что делать надо? — Дед, кажется, отнесся к обсуждаемому вопросу очень серьезно.

— Знаю, деда. Конечно, лучше бы, чтобы отец Михаил, но он же болен. Я справлюсь.

— Взгреть бы тебя за самовольство... — Дед вздохнул и прощающее махнул ладонью. — Ладно. Ну что там у него с ногой, Лавруха?

— Ничего страшного, батюшка. Повязку сдернул, но крови почти нет. Значит, завтра с утра?

— Да. Тете Тане не говори пока, а то ночь спать не будет. С утра объясни, чтобы не пугалась. Ничего страшного не будет, — объяснил Мишка и просительным голосом добавил: — Деда, налей пивка.

— Мал еще, сбитень пей.

«Блин! Да когда ж я вырасту? Детство золотое, туды его в качель!»

— Лавруха, чего задумался? На-ка вот выпей. Михайла, на чем мы остановились-то?

— На Нинее, деда.

— Ага!.. Кхе! И что?

— Она прекрасно понимает, не может не понимать, что раз мы сохраняем свою энергетику аж в восьмом колене, то наш род вполне может стать, со временем, таким же древним, как ее. А это значит, что мы люди долга и чести.

— Долга и чести... — повторил за Мишкой дед. — Хорошо сказал! Ну и что?

— А то, что либо она будет с нами, либо мы ее убьем. Не по злобе, а потому, что должны так поступить. За нами, без малого, тысяча человек, и мы не можем такую опасность под боком оставлять.

— Так и скажешь? — удивился дед.

— Понадобится — так и скажу, — твердо пообещал Мишка. — Но думаю, она сама все поймет и предложение наше примет. А предложу я ей вовсе и не кланяться нам, потому что это ей действительно невместно. Скажу я так: «Воевода Корней...» — Мишка отхлебнул остывшего сбитня, с завистью глянул на кувшин с пивом и решил мелко нагадать: — Деда, а может, для нее лучше сказать: «Воевода Корзень»?

— Лавруха, гляди-ка, наш пострел везде поспел! — Дед возмущенно хлопнул себя ладонями по

коленям. — Все слышал, обо всем знает. Ох, драть тебя, Михайла, не передрать! Ладно, скажешь: «Корзень», но больше никому! Наипаче отцу Михаилу. Понял?

— Понял, не протреплюсь. Значит, скажу так: «Воевода Корзень, принимая на себя заботу о Погорыньских землях, ПРИЗНАЕТ за тобой и твоими наследниками право на боярство, а для поддержания боярского достоинства передает тебе во владение десять холопских семей. А для защиты и порядка размещает в твоей веси воинскую школу и базу „Младшей стражи“.

— Признает... Это хорошо. Вроде как была ты боярыней, боярыней и осталась, а мы к тебе со всем уважением.

— Да, — добавил Мишка. — И не жалуется холопские семьи, как другим, а передает, то есть восстанавливает должный порядок. Боярыню кто-то кормить должен, а она — людьми управлять.

— Кхе! Верно говоришь! А что это за база такая?

— Место постоянного пребывания. Вот когда войско Александра Македонского из Индии возвращалось, этот поход назвали «анабазис» — возвращение к месту постоянного пребывания. База, получается, не дом, но то место, где долгое время находишься и куда возвращаешься после дел. Где у тебя припас хранится, мастерские поставлены, откуда помощь получить можно...

— Понятно, понятно. Только на кой нам это?

— Ну мы же привыкли: где живем, там и все остальное. А всегда полезно запасное место иметь. Да и для тех, кто приезжать учиться будет, что из Турова, что из Ратного, воинская школа не дом, но жить они там будут, самое меньшее, год.

— Кхе! Лавруха, чего думаешь про эту... базу.

Лавр минутку помолчал, а потом начал перечислять:

— Жилье, мастерские, припас. Обустроить все это, как малую крепость. В случае чего туда и уйти можно, и отсидеться. И лишних глаз нету, сами себе хозяева. Воинский порядок жизни опять же. Хорошая мысль!

Лавр помолчал еще немного и снова обозначил позицию скептика:

— Мне, правда, вот другое сомнительно. А если Ниня только притворится, что согласна, а сама по-прежнему будет с ЭТИМ хороводиться?

— А это, дядя Лавр, уже дело «Младшей стражи», — отозвался Мишка. — Будем стеречь, может, кого из «людей в белом» поймать. Главное, не селить к ней тех, кто от Иллариона ушел: они на нас злые.

— Остальные тоже не добрые, — пробурчал дед. — Ладно, пусть будет четвертой боярыней. И база тоже пусть будет.

— Ой, деда!

— Чего еще?

— Я только сейчас подумал. А что, если те «люди в белом» должны были беглецов к Нинее привести? Может, дома-то для них и берегли?

— Дошло наконец? — Дед расправил намоченные пивом усы. — Я об этом еще там, на дороге, подумал. Помнишь, в санях сидели, разговаривали о том, что Белояр должен был беглецов этим самым «белым» передать. Вот я и подумал: куда их дальше вести собирались? И вспомнил, что у Ниней весь пустая стоит. Но только не она это. Те «белые» очень уж хорошо воинскому делу обучены. Очень хорошо, я даже и не знаю, где так учат.

Понимаете, ребятки, — дед по очереди взглянул на сына и внука, — после того как им до волхва добраться не удалось, их четверо осталось. Одного ты, Михайла, ранил в левую руку, когда лук ему покорежил. Они от нашего стана к дороге побежали. Хотели ее перейти и в лесу скрыться. Там-то, на дороге, их десяток Лехи Рябого и перенял. Так они раненого отпустили, а сами наших держали. Ненадолго, только чтобы раненый успел на лыжи встать и отбежать чуток. Но втроем! Десяток конных! — Дед длинной паузой подчеркнул невероятность события и снова повторил: — Втроем! Десяток конных!

Лавр и Мишка синхронно кивнули, показывая, что разделяют удивление деда, а тот продолжал:

— Леха рассказал, что первым коням чего-то в глаза сыпанули, так что те сразу в сторону шарахнулись, а остальных коней по мордам били. И так ловко крутились, что ни один ратник их мечом достать не мог. А народ-то у Рябого в десятке все бывалый, от них так просто не увернешься. Леха уже хотел спешиваться приказать, но те разом развернулись — и бежать. Так бы и ушли, да Семен успел им вслед клевец метнуть. Ну одного и зарубил. — Дед отхлебнул пива и подвел итог: — Так-то. Втроем десяток ратников остановить. И уйти, когда сами того пожелали. Лесовики так не умеют. Да и наши не смогли бы, пожалуй. Нет, не смогли бы!

«Блин! Прямо ниндзя какие-то. Хотя что мы знаем про дотатарскую Русь? Тем более про

Русь языческую. Вполне может быть, что где-то в лесном святилище готовят что-то вроде „спецназа“, а поскольку главный враг для них княжеские дружины, то и учат противостоять латинской коннице».

— Так что, ребятки, не Нинеины это люди, — продолжил дед. — Она баба, и воинов в ее веси не было, одни смерды да охотники. Но если Нинея нужна ЭТОМУ из-за древности рода и уважаемого имени, то мог ОН придумать поклониться ей беглецами, чтобы на свою сторону привлечь. Выходит, что теперь мы ЕГО опередим и Нинею на свою сторону перетянем. А вот насчет того, чтобы не селить к ней тех, кто от Иллариона сбежал, ты, Михайла, правильно придумал. Их вообще надо подалее друг от друга разбросать. Ну часть из них уже разошлась по рукам, а тех, кто нам по жребью достался, боярам раздадим, пусть на свои земли развозят. Нет, это ж надо! — Дед всплеснул руками. — Бояр своих завожу! Обос... Кхе! Обалдеть можно!

— Погоди радоваться, деда. Самое сложное впереди. Помнишь, с чего разговор начинался?

— Немудрено и забыть! Такого наслушался. Мозгам впору, как простокваше, свернуться! Лавруха, ты как, не очумел еще от книжной премудрости?

— Да нет, ничего, батюшка, даже интересно.

— Увы мне, убогому да увечному! Из одного премудрость, как понос, хлещет, другому хоть бревном по башке бей — даже не почешется, один я, сырой да ветхий, от скудоумия в тоску впадаю.

— Ты бы на пиво не налегал, батюшка, — попытался урезонить отца Лавр, — разговор-то серьезный.

— Учить меня будешь, сопляк? Да я только этим и спасаюсь, а то бы давно от ваших разговоров в уме повредился! Вещай далее, Михайла, мне теперь уже ничего не страшно! Все одно пропадать!

— Деда, налей пивка.

— Мал еще!

— А с татями резаться — не мал? — Мишка попробовал набычиться, как недавно дед. — А десятком командовать и людей терять — не мал? Ты сам-то вспомни, как первого своего подчиненного потерял, легко было?

— Кхе. Первого... не было у меня первого, Михайла. В первом же бою, как десятником стал, троих потерял. Двоих сразу, а третий еще почти всю ночь жил. Так всю ночь с ним и просидел. Тоже Андреем звали. А потом матерям их... Не знаешь ты еще этого, Меркуха-то сиротой был. Давайте помянем, что ли. Налей ему, Лавруха.

Выпили на помин души раба Божьего Меркурия. Дед утер усы и пригорюнился:

— Кхе! Хороший был парень Меркуха, о младших заботился. Помнишь, как говорил: «Ребятком жалко, я-то обойдусь как-нибудь»? От брони ради них отказался. Оттого и погиб...

— Митьке не пригодилось, ему в лоб прилетело, — уточнил Мишка, и, как тут же выяснилось, не к месту.

— Нет, пригодилось! — Дед стукнул кружкой об пол. — Если бы не бронь, ему бы не в голову, а в туловище стреляли, сейчас бы двоих поминать пришлось! Запомни, Михайла, ничего зря не бывает. Особенно такого — бронь другим отдать, а самому погибнуть. Раб Божий Меркурий собой всех четверых закрыл и погиб как истинный воин! Вечная память и царствие небесное!

Дед истово перекрестился, за отсутствием красного угла, на окошко.

«Да, воинов в рай „автоматом“ пускают. А уж того, кто собой ради других пожертвовал... Надо как-то сделать, чтобы его в „Младшей страже“ помнили. Может, койку в казарме вроде как для него держать, как в Советской армии? И на переключках первым вызывать, и чтобы отвечали: „Воин Меркурий пал смертью храбрых...“ А я с ним и не поговорил толком ни разу».

— Михайла. Михайла! — затеребил Мишку дед. — А ну-ка хватит кукситься! Ежели ты людьми командуешь, то, как бы тебе тошно ни было, виду показывать не смей! Командир бодр — и люди бодр, а командир затосковал — так его людям и вообще впору утопиться. Привыкай. Теперь на тебя все время люди смотреть будут.

— Угу.

— Не «угу», а давай дальше вещай. Чего ты там про бояр сказать хотел?

— Наказ боярам давать надо.

— Да? Лавруха, не наливай ему больше, видишь: ничего толком объяснить не может.

— Да все я могу, деда. Только отвлекаемся все время. Только об одном заговорим, так сразу на что-то другое переезжаем. А потом опять возвращаться приходится и вспоминать, на чем остановились.

— Да? Тогда наливай, Лавруха.

— Батюшка, а не хватит ли? — снова попробовал остановить отца Лавр.

— Не зуди, Лавруха, у меня от этого ум только острее делается! Давай, Михайла. Бояр завтра собирать придется, а мне еще обдумать надо то, что ты расскажешь. Вещай, внучек.

— Наказ боярам давать надо. Землю, людей и боярское достоинство мы им не за просто так даем. С них за это служба спросится.

— А сейчас они не служат, что ли?

— Сейчас они ратниками служат, а будут воеводскими боярами. Это разная служба. Вернее, это добавка к ратной службе, которая для них и сама теперь изменится. Первый год оставим им на обустройство, а на второй год повинны они будут выставлять уже не десяток, а два. Пусть берут людей, где хотят. Да ты им уже и сказал, где брать. На третий год — три десятка, на пятый — полусотню. И отроков в «Младшую стражу» хотя бы по пятку в год. Вот так. И спуску не давать! Ратную силу приумножать надо, отец твой — сотник Агей — еще решительнее поступил, будем надеяться, нам такое не понадобится.

— Кхе! Да пусть холопок брюхатят, все приплод.

— Батюшка! При мальце-то...

— А-а, не дите уже, вон гляди, как пиво трескает! Про прирост ратной силы верно сказал, давай дальше, Михайла.

— Воевода на себя должен все дела Погорынской земли взять, в том числе и сбор княжьей дани. И собирать придется больше, чем князь в полюдьё собирает, иначе на кой ему такой воевода? Если Погорынье начнет давать в княжью казну больше, чем до сих пор, то ни одна сволочь в Турове против твоего воеводства вякнуть не посмеет. А посмеет, так князь ему сам ноги пятками вперед вывернет. Князю серебро нужно, а если его больше станет да еще ему самому за ним таскаться не придется — тебе любой грех отпустят. И неважно, кто сидеть будет на Туровском столе: нынешний князь или другой. Каждый в тебе заинтересован будет. Каждый!

— Кхе...

— Сбор дани надо поручить боярам. Каждому назначить для этого какую-то часть Погорынской земли. Путь всю ее изъездят, найдут даже самые маленькие поселения, про которые и князьям неизвестно. Тогда сможем собирать больше, чем сейчас собирает сам князь, не увеличивая размеров податей. Увеличивать опасно — сопротивляться станут. А чтобы как следует все разведать, пусть ездят с Никифоровыми приказчиками, когда торговля вразнос начнется. Заодно и охранять будут.

— Кхе! Интересно: а сколько всего сейчас в Погорынье собирают? — Дед вопросительно глянул на Лавра, но тот лишь пожал плечами. — Надо будет у Федьки на погосте спросить.

— О нем, кстати, тоже забывать не следует, — вспомнил Мишка. — Свозить дань будем к нему, а он уже будет отправлять в Туров. Ну к рукам, конечно, что-нибудь прилипнет, не без того. Зато перед князем он за тебя горой стоять будет.

— А может, самим в Туров возить? — озадачился дед.

— А зачем тогда погост? — возразил Мишка. — Князь-то в полюдьё ездить сюда перестанет, на погосте останавливаться не будет. Тогда погостный боярин сразу же из твоего друга в злейшего врага превратится: ты же его хлебного места лишишь.

— Кхе! Тоже верно!

— Батюшка, а сколько вообще с дыма платят? — Лавр словно подрядился опускать собеседников с неба на землю.

— Да кто ж его знает? Мы-то не платили никогда.

— Раньше, дядя Лавр, платили по белке с дыма. Но теперь вроде бы берут не с дыма, а с рала, потому что в одном доме может быть несколько пахарей. А с дыма берут у тех, кто землю не пашет.

— А чего так мало-то: всего по одной белке? — удивился Лавр. — Хороший охотник за зиму сотню белок добывает, а то и больше.

— Я думаю, что это только так говорится: «По белке с дыма», — а на самом деле имеется в виду сотая часть от прибытков. Сотая шкурка с охоты, сотый сноп с пашни, сотый аршин полотна. Берут вроде бы еще с рыбных лемов, с бортных угодий. Еще могут брать ратников в ополчение, тягло на извоз, людей на крепостное строение, мыто на торгу и за проезд на мостах и переправах. Может, и еще чего. Но это все — в местах обжитых, где не спрячешься, а в наших глухоманях... Попробуй тут ратников в ополчение набрать!

— Да-а-а. Кхе... Надо будет Федьку все подробно расспросить. Это ж сколько всего упомянуть нужно...

— Меня с собой возьми, деда, я запишу.

— Возьму, внучек. И запишешь, и вопрос нужный подскажешь. Это ж какую маяту мы на себя

взвалить собираемся! Десять раз подумаешь.

— Для того у тебя будут бояре, — напомнил Мишка. — Пусть все объедут, подсчитают, карты составят.

— Что составят?

— Карта — чертеж земель, где показаны все поселения, дороги, реки, переправы, указаны расстояния, направления. Я потом их чертежи в одну общую карту Погорынских земель сведу. И опись сделаю: сколько народу проживает, какое хозяйство ведут, где какие промыслы, сколько откуда податей взять можно. И каждый год в эти записи изменения вносить надо будет. А еще надо будет склад устроить, где собранное хранить, обоз снаряжать, чтобы на Княжий погост отправлять, за боярами следить, чтобы не заворовались.

— Рехнемся! Ей-богу, рехнемся! — безнадежным тоном констатировал дед. — Ты во что нас втравливаешь, Михайла?

— А ты думал: вотчина — одно удовольствие? Это труд, и труд немалый, не руками — головой. Да ты, деда, не бойся! Есть способы этот труд облегчить, да и не один ты будешь. Организуем воеводскую канцелярию...

— Чего?

— Ну писанины же много будет: сколько товару пришло, сколько ушло, сколько на хранении лежит, сколько с кого получить надлежит, у кого какие недоимки. Да ты же сам у погостного боярина это все видел. Опять же воеводский суд: допросные листы, приговоры, виры и прочее. Еще лавка дядьки Никифора, за этим тоже глаз нужен...

— Чур меня! — Дед замахал на Мишку руками. — Сгинь, нечистый! — Было совершенно непонятно, дурачится он или всерьез.

— Да ты что, деда? Это всего-то человека три: писарь, казначей, ну и приказчик еще. Дядька Никифор их тебе подберет.

— О-о-ох, Господи, за что Ты меня так? Чем провинился перед Тобой раб Твой Кирилл?

Мишка не удержался и съехидничал:

— А за гордыню. Захотел возвеличиться — неси свой крест не ропща.

— Наливай, Лавруха, пропали мы с тобой! Смерть нас ждет лютая и помрачение рассудка... А тебе чего надо?

Мишка обернулся и увидел в дверях стоящую столбом Аньку-младшую.

— Это... — вымолвила дева. — Как его...

— Да говори ж ты, дурища! — прикрикнул дед. — Чего приперлась?

— Это... Мама обедать зовет.

— Некогда нам! Сюда несите, и пива еще! — Дед замахал на Аньку рукой. — Пошла, пошла!

Мишка наконец разобрался в подоплеке дедовых причитаний и деланого ужаса перед свалившимися на него вместе с воеводством проблемами. Не так уж сотник Корней был и пьян, просто-напросто Мишка перегрузил его информацией, к тому же непривычной. Деду нужен был длительный тайм-аут, чтобы все обдумать, взвесить и сформулировать уточняющие вопросы. Может быть, и для того, чтобы получить дополнительную информацию из каких-то других источников. Короче, пора было закругляться, иначе дед прекратит паясничать и начнет злиться, а это делу никак не поможет.

— Деда, да мы главное вроде бы все уже обговорили. Кое-что еще осталось, но это можно и потом.

— Да? Слава тебе господи, — искренне обрадовался дед, подтверждая Мишкины предположения, — я уж думал, и до вечера не кончим. Тогда пошли обедать.

Сказать оказалось легче, чем сделать. Лавр изрядно намучился, помогая деду прицеплять протез, а потом сопровождая двух хромых вниз со второго этажа. Спускаться по лестнице на костылях оказалось страшно неудобно, да еще пиво, не ко времени, ударило в голову. На последних ступеньках Мишка все-таки скovyрнулся, и лететь бы ему носом в пол, если бы Лавр не подхватил под мышки.

Во дворе разошлись: Лавр пошел к себе, дед решил заглянуть к Немому, и Мишка остался один. Откуда-то вывернулась Анька-младшая, вся прямо-таки вибрирующая от любопытства.

— Минька, а Минька, а чего вы там ругались-то так долго? Я как ни подойду, дед как зверь рычит, да еще тебя утопить в пиве грозился.

«Блин, ну почему в таком роду старшая дочь такая дура? Мы там больше двух часов сидели, и что же, все время ругались? Ну погоди!»

— Ты только не пугайся, Аня, — начал он заговорщицким тоном. — Все, может, и обойдется

еще.

— Ой, а что такое?

— Да, понимаешь, такое дело... — Мишка сделал вид, что не решается сказать страшную правду. — В общем... Бурей к тебе сватается!

— А? — Анька-младшая прижала ладони к щекам. — Ой, мамочка...

— Ну мы с дядькой Лавром, конечно, отговаривали, мол, урод и старый уже. А дед — ни в какую! — продолжал накручивать ужас Мишка. — Серафим Ипатьич, говорит, потомок первого сотника Харальда, нам с таким породниться — честь великая! Короче, хочет отдать тебя за Бурю.

— А... А чего он про смерть лютую кричал?

— Ты что, Буря не знаешь? — Мишка горестно понурился. — Если откажем... Сама понимать должна.

— Ой, мама, мамочка!!!

Из глаз Аньки брызнули слезы, она подхватила и кинулась бежать куда-то между многочисленных построек.

«Вот так-то, лахудра, будешь еще над воинскими обычаями хихикать».

Мишка сплюнул и пошкандыбал на костылях в сторону семейной избы.

Глава 2

Первые числа апреля 1125 года. Село Ратное

Дед действительно перебрал с пивом и после обеда прилег вздремнуть, а Мишка решил навесить отца Михаила. Роська с санями уже привычно исполнил роль водителя начальственного лимузина, с шиком подкатив к крыльцу церковного дома. Помог Мишке выбраться из саней и, как и положено начальническому водиле, остался ждать на улице.

— Господи Иисусе Христе...

Уже привычно подняв руку для крестного знамения, Мишка так и застыл в изумлении: запущенное холостяцкое жилище отца Михайла, по определению отличающееся от медвежьей берлоги только наличием мебели и отопительных приборов, преобразилось самым чудесным образом.

Полы и стены чисто вымыты, выскоблены чуть ли не добела. На полу расстелены половики. Печка побелена, и от нее веет вкусной смесью запахов ухи, пшенной каши и топленого молока. Чистейшая до стерильности посуда аккуратно расставлена на одной полке, а на другой, строго по ранжиру, выстроились книги. Даже шахматы на клетчатой доске расставлены хоть и неправильно, но аккуратно.

Какая-то незнакомая девка заканчивает застилать постель, а сам отец Михаил, умытый и причесанный, благообразный, словно иконный лик, лежит на лавке в свежайшей белой рубахе, укрытый теплым одеялом из волчьих шкур.

Были и еще какие-то приятные изменения, придавшие дому уют, но Мишка сразу их даже и не заметил. Просто-напросто дом стал другим.

Из ступора его вывел громогласный голос тетки Алены:

— Ну, чего встал? Ноги вытер? Проходи. Отче святой тебя заждался, уже два раза спрашивал. Хотя погоди-ка! Сейчас.

Тетка Алена подхватила на руки мгновенно запунцовевшего от смущения монаха и легко, словно ребенка, перенесла с лавки на постель.

— Давайте беседуйте, а потом кашки поедим с молочком. — Алена глазами строгой воспитательницы детского сада взглянула на монаха и предупредила: — И не вздумай опять отнекиваться! Насильно запихну!

Отец Михаил обреченно закрыл глаза — видимо, опыт общения с Аленой быстро и эффективно приучил его к покорности. Мишка, стуча костылями, подошел к постели, присел на стоящий рядом чурбан, исполняющий роль табурета. От отца Михаила тоже пахло хорошо: баней и лекарственными травами.

— Здравствуй, отче, поклон тебе привез от друга твоего отца Феофана.

— Спаси тя Христос, Миша. Как он, благополучен ли?

— Вполне благополучен, у епископа Феогноста в ближних людях состоит. Крамолу и ересь изыскивает и искореняет.

— Ну да, изыскивать и искоренять как раз по его натуре. А сам-то как, вижу — ранен?

— Ничего страшного, отче, заживает уже.

— Ну и слава богу. А я вот то ли в рай попал, то ли...

Взгляд монаха зацепился за богатырскую фигуру Алены.

— ...то ли еще куда. Сплошные соблазны вокруг. Лежу вот, телесно ублажаюсь...

— И правильно! — поддакнул Мишка. — Ты, отче, нам здоровым нужен.

— Сила не в плоти, но в духе!

— И в плоти тоже, — не согласился Мишка. — Помнишь, как латиняне говорят: «*Militat spiritu, militat gladio*»? «Воюешь духом — воюй мечом». Твой меч, конечно, слово Божье, но и для него телесная сила нужна. У нас три сотни душ, закосневших в язычестве, появилось, как ты с этим управишься, если болеть будешь?

— Правильно, — встряла Алена. — А то уху есть не хотел! Жирная, видишь ли!

Отец Михаил осторожно покосился на Алену и тут же отвел взгляд.

— Вижу, отрок, многое тебе поведать надо. Сестры! Оставьте нас на малое время, мне исповедь принять надо.

— Пошли, Улька, — скомандовала Алена, — мы еще в церкви не закончили.

В сопровождении девчонки Алена двинулась было к выходу, но обернулась и произнесла тоном смертного приговора:

— А вернемся — будем кашку есть. — Помолчала и зловеще добавила: — С молочком!

Отец Михаил выждал, пока за женщинами закроется дверь, и доверительно, полупшепотом, произнес:

— Не женщина — лев рыкающий, прости меня, Господи! А вторая! Язычница, а в храме полы моет!

— Ну у Алены и медведь на дудке играть будет! — Мишка с трудом сдержал улыбку.

— Только один раз в жизни такое, как сегодня, переживал, — продолжил трагическим шепотом монах. — Это когда на море буря случилась и наша ладья чуть не потонула. Только милостью Божьей и спаслись тогда из бездны вод. А ныне... Миша, ты не поверишь, в бане, без одеяний, в четыре веника меня... Думал, помру... Не женщины — две стихии необузданные.

«Да-а-а, можно только посочувствовать. Интересно, он отчего скорее помереть мог: от физического воздействия или от визуального? Алена кого хочешь впечатлит до беспамятства, а уж монаха-то... Впечатление же, надо понимать, было будь здоров. Чего-чего, а слезы в голосе я у отца Михайла не слышал никогда. Впрочем, а сами-то вы, сэр?»

* * *

Когда, впервые после ОСОЗНАНИЯ, Мишку повели в баню — по малолетству, вместе с женщинами, — он слегка оробел. Когда-то в детстве, в середине пятидесятых годов XX века, его тоже водили в женское отделение бани — старого здания из темно-красного кирпича, стоявшего недалеко от Сытного рынка. Визуального ряда детская память не сохранила, но до самого конца ТОЙ жизни помнился звуковой фон: умножаемый эхом, гулявшим под сводами обширного зала, женский гвалт, время от времени перекрываемый грохотом жестяных шаек, плеском воды и детским писком.

Тогда он был малым ребенком. Сейчас вроде бы тоже, но смотрел-то из детского тела зрелый мужчина! Как отреагирует организм на множество обнаженных женских тел в непосредственной близости? Не дай бог... Вот номер-то будет!

Робел Мишка, как выяснилось, напрасно. Детскому организму открывшиеся картины оказались совершенно «до лампочки». Тем более что лампочки-то как раз и не было — помещение освещалось двумя громко трещавшими от сырости лучинами.

Впечатление тем не менее оказалось очень мощным и неожиданным. Сильные, пышущие здоровьем (и не догадаешься, что не по одному разу рожавшие) женские тела, природная грация, естественная экспрессия, размашистые, но точные движения, царская осанка...

Куда там всяким Эммануэлям и Чиччолинам вкупе с прянишниковскими мочалками! Можно подумать, что порнодивы просто-напросто принадлежат к иной ветви эволюционного древа земной биосферы. Эти-то как раз от обезьян и произошли, а ратнинские женщины одним своим видом подтверждали гордое убеждение славян: «Мы — внуки Божьи».

А рядом со взрослыми женщинами — Мишкины старшие сестры. Подростки, но никакой угловатости, неуклюжести, костлявости — крепость и изящество. Еще только проклевываются черты женщин, но каких женщин! Как с почти балетной обманчивой легкостью подхватывает полуторапудовую бадью с водой мать, как колышется тяжелая грудь Татьяны... Общее впечатление: «пыльным мешком из-за угла». И это еще мягко сказано.

Мужики, по прошествии времени, удивили еще больше. Единственное, с чем можно было

сравнить увиденное, — фотографии богатырей первых десятилетий XX века: Поддубного, Заикина и других мастеров французской борьбы, жонглирования чугунами гирями и сгибания железного лома. Покатые плечи, плавные формы, только угадывающиеся, а не выпирающие, как у культуристов, стальные мышцы. Ощущение гармоничной мощи и понимание, что только на таких телах и может сидеть как влитая стальная кольчуга.

Глубинная, сущностная антитеза накачанным тренажерами и химией, «проработанным» до кондиций анатомического театра бодибилдерам, от которых парфюмом прет аж до десятого ряда партера.

А еще жуткие шрамы боевых ранений. Если уж чужая сталь прорывает кольчатый доспех, то что же она творит с человеческой плотью! Прямо-таки мистический ужас: не то воины Армагеддона, не то хозяева «Обитатели героев» — Валгаллы. А на самом деле обычные дядьки.

И все это сложное смешение изумления, восхищения, нового познания женщин и мужчин своей семьи породило у Мишки твердое, хотя и трудновыразимое словами понимание того, как смог русский народ перенести тысячелетие вторжений и междоусобиц, смут и бунтов, реформ и экспериментов, культурных, социальных, научно-технических и еще хрен знает каких революций. Выжить, победить, раздвинуть пределы, пасть, подняться, возвеличиться... и снова, в который уже раз, окунуться в весь этот кошмар, не теряя надежды, даже уверенности в новом грядущем величии.

* * *

Ничего удивительно, что отец Михаил не смог подобрать иного сравнения, нежели: «Стихии необузданные». Еще повезло, что не свихнулся или «дедушка Кондратий не посетил». Всего-то и последствий, что тяжелое обалдение и замена пастырских нравоучений «плачем в жилетку»:

— Тяжкий крест возложил на меня епископ Феогност, — продолжал меж тем жаловаться отец Михаил. — Одно утешает: не ведал владыка, чем его пастырское увещание обернется. Представить себе такое — не в силах человеческих! Да что ж я все о себе да о себе. Ты же исповедоваться хотел, помощи-ка встать.

— Лежи, отче, не вставай! Да лежи же! Алена придет, увидит, что ты встал...

Имя Алены подействовало безотказно: отец Михаил откинулся на подушку и расслабился.

— Давай, отче, я тебе так просто все расскажу, а ты уж потом решай: как и что. С чего начать-то?

— С Феофана. Я его лет семь или восемь не видел. Как он теперь?

— Благообразен. В теле, анахоретом не выглядит. Чувствуется, что умен и хитер, а приветливость его... Нет, не приветлив он на самом деле. Силен и храбр. Не побоялся с кистенем в одиночку против нескольких татей выйти.

— С кистенем? — удивился монах. — Это что-то новенькое, не водилось за ним такого раньше. От тебя чего-нибудь хотел?

— Хотел меня своим соглядатаем сделать. Впрямую не говорил, но я догадался.

— Паршивец, прости, Господи. И что ты?

— Я... Понимаешь, отче, пришло мне в голову, что он в молодости в ничтожестве обретался. То ли холопом был, то ли еще кем-то, но даже не вольным смердом. Что-то в нем осталось от рабской неуверенности в себе. Нет, не так. Что-то от постоянного ожидания воли господина, от готовности подчиниться... Прости, отче, не умею объяснить. Ну, вот, почувствовал я это, сделал морду сапогом и заговорил с ним, как с холопом. И показал Феофан слабину! Заюлил глазами, намеки свои прекратил... Что такое, отче?

— Да ничего, Миша, смешно просто: «сделал морду сапогом».

— Ага. Но было там еще одно интересное дело. Знакомец отца Феофана — Антип. Он Феофана Фенькой звал, а тот терпел, виду не показывал, что обидно. Так вот этот Антип тобой интересовался. Хотел что-то спросить, но Феофан его оборвал.

— Антип? Высокий такой, мосластый, улыбается кривенько — одной стороной рта?

— Похож, — согласился Мишка.

— Этого человека бойся, — горячо зашептал монах. — И к Феофану спиной лучше не поворачиваться, а Антипа почитай ядовитой змеей, с которой лучше вообще не встречаться. Смертельно ядовитой, Миша.

— Ты его знаешь, отче?

— Знал. Давно. Но с тех пор, думается, он лучше не сделался. А про Феофана ты, Миша, все правильно понял. Он действительно из ничтожества поднялся. Умом, упорством звериным, зубами и

ногтями выцарапывался наверх, но рабство из себя окончательно изгнать не смог. Тех, кто это замечает, он ненавидит. Ты понял, тайну его раскрыл, этого он не простит. Открыто против тебя ничего не сделает, но ударить в спину, да еще чужими руками, способен. Берегись. Еще что-то мне рассказать хотел?

— Грех на мне, отче, тяжкий. Человеческую кровь пролил.

— Это не грех. Воину кровопролитие не в упрек.

— Нет, отче. Я не о том. Я беззащитного человека убил. Из мести. Раненого и безоружного. По знаку на стреле опознал убийцу моего Чифа и убил. Говорят: уже мертвого кромсал и выл, как зверь.

— Лисовины...

Отец Михаил помолчал, о чем-то размышляя, потом тихо спросил:

— Что сам-то думаешь об этом?

— Я искупление себе нашел. Выкупил сироту из рабства и крестным отцом ему стал.

— Не юли, отрок! — Голос отца Михайла наконец-то обрел знакомое звучание. — Василия ты крестил до того.

— Так ты, отче, все знаешь уже?

— Все знает только Господь наш Вседержитель. Я же желаю знать твое понимание произошедшего.

— Лисовиновская кровь удержи не знает...

— Не прячься за кровь, отрок! Ты не тварь бессловесная! Помнишь, что я рассказывал о борьбе тварного и божественного начал в человеках? Зверь в тебе верх взял, на короткое время, но взял! Что ты намерен делать, чтобы такое не повторялось впредь?

— А что против природы сделаешь? Не в монастырь же мне...

— Думать ленишься! Господь Бог наш в неизъяснимой мудрости своей наделил нас разумом и даровал свободу выбора, тем самым отделив от тварей бессловесных. Волка в монастырь поселить — он что, волком быть перестанет? Хочешь волком стать?

— Да я же не помнил себя, отче! Меня над «Младшей стражей» старшиной поставили, а как я отроками командовать буду, если опять такое навалится? Это же не впервые было, я и на деда с ножом кидался! Не дай бог, случится еще раз. Опомнись, а передо мной труп растерзанный лежит. Нельзя другими командовать, если собой не владеешь!

— Правильно, — кивнул монах. — А если наоборот?

— Как — наоборот?

— Под твоей властью мальчишки будут. Они же удержи не знают, а вы им в руки оружие даете. Придется укрощать. Сумеешь укротить их — сумеешь справиться и с собой. И никакой неукротимый лисовиновский дух над тобой не властен будет.

— Ну не знаю... — неуверенно протянул Мишка.

— Боишься!

— Да, боюсь! Думал, у меня гонор разыграет, отче? Испугаюсь трусом показаться? Я на «слабо» не ведусь! Да, страшно, но только этот страх меня спасти и может!

— На слабо? Что за слово такое?

— Присказка, не обращай внимания, отче. Ты что мне предлагаешь? ПОПРОБОВАТЬ! Но проба-то на живых людях будет! Или ты, когда я кого-нибудь угроблю, руками разведешь и скажешь: «Ну не вышло, бывает, теперь по-другому попробуем»? И — до следующего трупа?

— Не будет трупов, Миша. А если будут, то по делу.

Произнесено это было настолько твердо и безапелляционно и так неожиданно, что Мишке даже показалось, будто он ослышался.

— Что? Что ты сказал? Что ты сказал, повтори!

— Лисовиновская кровь... Ты думаешь, сто лет назад твой пращур один такой в сотне был?

— Неужели еще?..

— Все! Все такими были! Дикими, необузданными, но преданными делу и ни себя, ни других для дела не щадящими. Ты легенду о Змее Горыныче слышал?

— Да, а что? — Мишка не понял: при чем тут сказка?

— А то! Это волынский воевода, имя которого уже забылось, так киевлян извел, что его уже иначе как змеем и не величали. Змей с реки Горыни. Киевский воевода Добрыня где-то в этих местах с ним и его дружинниками резался и убил-таки. И родилась легенда. А про Соловья-разбойника слышал?

— Тоже здешний?

— Древлянский воевода Соловей. Потом уже сказители его переселили на дорогу между Кие-

вом и Черниговом. — Отец Михаил усмехнулся. — Где Чернигов и где древляне... Ладно, не об этом речь. Ты понимаешь, какой должна быть земля, которая порождает ТАКИЕ легенды? Ты понимаешь, КАКИМИ должны были быть люди, которые смогли, придя сюда, выжить и победить? А теперь подумай: кто мог командовать такими людьми?

— Только полный отморозок.

— Что?

— Сумасшедший.

— Ну не совсем, но человек, пребывающий на грани безумия. Харальд. Викинг, берсерк, который и перекреститься-то правильно не умел, но был способен держать в узде сотню совершенно безудержных молодцов и исполнить порученное дело. То, что сотня пришла сюда с семьями, тоже легенда. Не могло у таких удалцов быть нормальных семей, да и тащить их сюда было бы безумием. Все женщины были местными, захваченными силой. Какой уж там был свальный грех, какое многоженство... Даже думать об этом не хочу. Так же как не хочу думать о том, ЧТО они творили с местными. Вас до сих пор боятся как огня, потому что те, кто не боялся, давно мертвы и роды их пресеклись. Вот так, Миша. Если уж вы решили от великой нужды дать оружие в руки мальчишкам, кои собой владеть еще не умеют, то стоять над ними должен... Прости, Миша, берсерк. Потому-то я тебя думать, и прежде всего думать, учил. Ярость без мысли — зверство. Ярость в узде разума — великие свершения!

— Боярин — «Бо ярый»?

— Да!

— Делай, что должен, и будет то, что будет?

— Да! Молодец!

— Цель оправдывает средства?

— Гм... — Монах помолчал, обдумывая услышанный афоризм. — Интересный тезис, но, по-моему, спорный. От кого услышал?

— Не помню... Кажется, от отца Иллариона.

— Грекам не верь!

— Свои не лучше!

— Кто? Феофан?

— Епископ! — выпалил Мишка. — Своих земляков живьем сечь повелел, я сам эту казнь видел в Турове, на льду Струмени! Живых людей на костер поставил!

— Колдунов!

— Свой — своих, по цареградской указке! Сказано же: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

— Не трепли Святое Писание попусту! Разделившийся... Были славяне едины до Рюриковичей?

— Нет вроде бы. — Мишка припомнил строки Несторовой летописи: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, да пойдете княжить и володеть нами». — Нет, не были!

— А сейчас?

— Но была же единая Русь — Великая!

— Но варяги обрусели. Или ославились, как хочешь. Хотя они тоже славянами были. В общем, переняли местные нравы, — нашел наконец нужную формулировку отец Михаил. — И пошли делиться. А державными скрепами должен вестись тот, чьи взгляды не меняются. Есть в языческих верованиях идея государственности?

— Ну... — Мишка задумался. — Нет, пожалуй. Хотя я языческую веру плохо знаю.

— Нет и не может быть! Многобожие складывалось, когда о государствах еще и речи не было.

— Вот и неправда! — сразу же нашелся с ответом Мишка. — А Египет? А Рим?

— Мы же о славянах говорим, — напомнил монах. — Впрочем, и в тех державах монотеизм восторжествовал. Так вот: в славянском язычестве идея государственности отсутствует, а в христианстве есть! И взгляды христиан не изменятся, как у Рюриковичей, потому, что главенствует в них не телесное, но духовное. Идея! «В начале было Слово»!

— Значит, цель все-таки оправдывает средства?

— Нет, не должно так быть! — вскинулся монах. — Вот ты убивал, а греха на тебе нет (за исключением одного случая) — нельзя было иначе. И епископу туровскому нельзя было иначе. А насчет цареградской указки ты и совсем неправ. Если бы было так, то епископом у нас был бы не Феогност, а Илларион. И от костров по ночам было бы светло как днем. Каждую ночь! Понимаешь, Миша?

— Кажется, понимаю, отче.

— И что же ты понимаешь?

— Думаю, разница между Илларионом и Феогностом такая же, как между тем, что с языческими городищами недавно сотворила княжья дружина и наша сотня.

— Правильно. А еще?

— А что еще-то?

— Не понимаешь? Вы же совсем в ином образе перед местными предстали. То — страшнее вас не было, а то — вы гуманнее князя оказались!

— Так, может, мы в Погорынье потихоньку своими становимся, отче?

— Давно пора, Миша.

— Дед утром на сходе сказал: «Мы эту землю завоевали, теперь пора становиться на ней хозяевами».

— Мудр сотник Кирилл! Мудр, не отнимешь. Как раз то, о чем я тебе толковал: ярость в узде разума.

— Значит, не «цель оправдывает средства», а «из двух зол — меньшее»?

— Зла вообще быть не должно! — В голосе отца Михайла начали проскальзывать знакомые Мишке нотки фанатизма. — Это не в силах человеческих, но стремиться к этому надо. Бывает же зло необходимое, но таково оно только в глазах невежественных. На самом же деле оно — суть добро. Так лекарь загнивший член отсекает, чтобы все тело спасти. Калечит, но творит доброе!

«Блин! Ну зачем же так банально? Какие бы гнусности ни оправдывали необходимостью „непопулярных решений“, обязательно сыплются на хирургию. Неужели других аналогий нет? Ну, заставь ты работать лентяя или учиться неумеху, они будут на тебя злиться, но добро от твоих действий будет несомненным! Нет, непременно надо про ампутацию трындеть. Все ты испортил, святой отец. Я уж было уши развесил...»

— Это что же: живые люди — загнивший член? — Мишка в упор уставился на монаха. — Старик на костре славу богам и предкам пел. Живьем горел, а пел! И в толпе подхватили! Их тоже «отсечь»?

— Происки врага рода человеческого! Неистошим он на способы смущения умов...

«Тьфу, долдон, прости господи. Универсальное объяснение на все времена и случаи жизни. Как что не по тебе, так — происки дьявола. Ты же умный! По нынешним временам — интеллигент в полный рост. Ну разве ж можно так?»

— Значит, цель все-таки оправдывает средства, отче. Не опроверг ты этот тезис. Нечем его опровергнуть.

— Да нет же! Пойми ты... — В голосе монаха послышалось страдание.

— Да понял уже, отче. Харальд перекреститься толком не умел, но насаждал христианство, и ему простилось все.

— Не простилось! Пред Высшим Судией он за все ответ держал.

— Это еще хуже. — Мишка чуть не проговорился, что навидался такого в прошлой жизни предостаточно. — Сделал для нас грязную работу? Ну и пошел вон, мы тебя не знаем.

— Не смей так говорить! И думать так не смей! Да, он исполнял приказ, но творить зверства ему никто не приказывал!

Отец Михаил заметно разволновался, на щеках выступил нездоровый румянец, одной рукой он, сам того не замечая, комкал край одеяла. Следовало бы, наверно, его побережь, но Мишка уже завелся и был безжалостен.

— Однако плодами этих зверств воспользовались. И пользуемся до сих пор. Или те, кто приказывал, не знали, во что это выльется? Знали. Ты сам сказал, что люди были специально подобраны необузданные. Знаешь, отче, есть в землях германцев такой город Нюрнберг. Так вот, там был суд. Судили злодеев, проливших реки крови, творивших страшные зверства. А те оправдывались тем, что, мол, выполняли приказ. И суд решил: выполнение преступного приказа есть преступление, так же как и отдавание такого приказа. Казнили всех: и тех, кто приказывал, и тех, кто исполнял.

— Мудро приговорили.

— Значит, за дела Харальда должен был нести ответ Ярослав Мудрый. И святые отцы, которые те деяния благословили.

— Значит, вы должны уйти из Ратного и вернуть эти земли язычникам!

«Ну да! Разбежались! Дед Корней — не Горбачев, Погорынье — не Прибалтика. Он тебе так уйдет — внукам рассказывать будешь, если выживешь, конечно. А я-то чего правозащитником заделался? Прямо тебе сталинские репрессии разоблачаю. Да, но отвечать-то что-то надо?»

— Что молчишь? — Отец Михаил попытался заглянуть Мишке в глаза. — Не так?

— Это невозможно...

— Невозможно? А судить дела столетней давности, пользуясь их плодами, возможно?

— Отче...

— Нет, слушай! Сидишь на земле, отвоеванной предками, пользуешься ее богатствами, продолжаешь дела их (пусть по-другому, но продолжаешь) и называешь их преступниками? Да тот старик, что предков славил, в сто раз честнее тебя!

— Отче...

— Молчи! «Не судите, да не судимы будете». Это для кого сказано? Только для меня? Или для всех? Суд в Нюрнберге... Наслушался на торгу купцов иноземных... Пращуры твои кровь проливали, исполняя свой долг так, как они его понимали, служили князю великому и Православной церкви так, как умели. Что те купцы о них знают? Как ты можешь их судить?

— Но что же...

— Живи достойно сам. Не твори того, что считаешь непотребным, а пращуров благодари за то, что живешь на своей земле и в свете истиной веры, а не воешь с голоду на гноище и не коснеешь в дикости. Дела же их Высший Суд уже рассудил, не нам его поправлять. «Мертвые сраму не имут». Язычником был великий князь Святослав Игоревич, но истина ему открылась, и касается она не только павших на поле брани, а всех!

В помещении повисло тяжелое молчание. Отец Михаил тихонечко покашлял, сплюнул в тряпочку, потом произнес совсем уже другим голосом — тихо и очень грустно:

— Увы, Миша. Прошлого не вернешь и не исправишь, можно только не повторять прошлых ошибок.

— Но как определить, то ли творишь?

— Вера, Миша, только Истинная Вера укажет достойную цель и достойные средства ее достижения. Слабый вопиет к Небесам о защите и утешении, сильный же взыскует путеводной нити.

— А ярый?

— Ярый алчет служения!

— Пассионарии...

— Что?

— Ярому нужна только идея, — пояснил Мишка. — Все остальное он сам решит.

— Так. А идею эту дает православная вера.

— Делай, что считаешь должным, но спрос будет только с тебя, спрятаться не за кого.

— Вижу, что понял, отрок.

— Один умный человек мне недавно сказал: «И хорошие люди творят зло, если считают, что поступают верно».

— Если боишься случайно сотворить зло, Миша, посади себя на цепь. Но помни: духовные узы крепче любых цепей. Вера и есть сии духовные узы. Вера — вообще все!

«Гм... На восточном фронтоне Исаакиевского собора расположена надпись: „На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся во веки“. Не об этом ли?»

— Спасибо, отче.

— Тебе, Миша, спасибо: только с тобой и поговорить о таких вещах, душу отвести. Что-то, вижу, еще тебя гложет?

— Да Илларион, будь он неладен! Глупость я сделал...

— Ну будет! Наговорились! — раздался от дверей голос. — Ступай-ка ты, Мишка, домой. Святой отец утомился, ему поесть и отдохнуть надо!

В дверях, закрыв могучей фигурой почти весь проем, высилась тетка Алена. Отец Михаил вздрогнул, словно от грома небесного, во взгляде его снова засквозили тоска и беспомощность.

— Царю Небесный, дай мне силы!!!

— Будут, будут тебе силы, — почти мужским басом проворковала Алена. — Сейчас кашки с молочком поешь — таким силачом станешь! Ступай, Мишка, ступай.

— Богородица Дева! Заступница Небесная! Обрати светлый лик свой...

Захлопнувшаяся за спиной дверь обрезала полный страдания голос монаха. Роська вылутился удивленно, даже несколько испуганно.

— Минь, чего это он там плачет?

— Он не плачет, он вопиет!

— А... Почему?

— Лечиться бывает трудно и больно. Особенно если болезнь запущена.

— Ага! Особенно, если такая бабища лечит!

— А другая и не справится. Помоги-ка с крыльца слезть. Не навернуться бы опять.

«Да, сэр, крепенько вам монах насовал, и, позвольте вам заметить, за дело. Как все-таки легко на критиканство сорваться! Все вокруг в дерьме: и Ярослав Мудрый, и Харальд, и вся сотня, и тут выхожу я — в судейской мантии, с истиной в последней инстанции на устах и сияющим нимбом... вокруг задницы. Всех осудил, всех заклеил... Позорище, блин! Только такой святой, как отец Михаил, и мог меня матюгами не обложить.»

И с чего я завелся-то так? Наверно, все-таки из-за того, что монах первых ратников сотни безбашенными отморозками посчитал. Да не были же они никакими отморозками, нормальные крутые мужики, военные профессионалы. Конечно, отцу Михаилу с его «возлюби врага» да «подставь другую щеку» понять, что это тоже совершенно нормальные люди, очень трудно. Но странно вообще-то. Он же в воинском поселении столько лет прослужил. Среди таких же профессионалов.

А может, неспособен понять в принципе? Как там лорд Корней живописал? «Лентяй норовит трудягу дураком выставить, слабак сильного человека — зверем тупым, а трус храбреца — сумасшедшим». Ну трудягу отец Михаил дураком вряд ли посчитает, а вот насчет остального... Ну да, тут я из чувства противоречия и попер буром, и даже сам не заметил, как дерьмократом голимым нарисовался. Ну надо ж так...»

— Минь, приехали. Сегодня еще куда поедем или распрягать?

— Распрягай. Завтра поедем. У меня с утра дело будет, но ненадолго, а потом к Нинее поедем. У матери где-то подарки лежат для Ниней и внучат, да мать еще и сама каких-то гостинцев приговорила. Вот это все возьмешь у нее, в сани уложишь; я освобожусь — и сразу поедем.

— Угу. Она что, родня вам?

— Нет, просто человек хороший, сам увидишь. Ну я пошел.

«А со Змеем Горынычем-то как интересно. Кто бы мог подумать: Змей Горыныч — реальная историческая личность! Обалдеть! Сказители, конечно, лихие ребята: мало того что Соловья-разбойника в другое княжество переселили, так еще и волынского воеводу трансформировали в гибрид птеродактиля с огнеметом, да еще в трехствольном исполнении. Кхе, как говорит лорд Корней. Впрочем, Соловьев могло быть и два, один в Черниговской земле, другой — в Древлянской. Слились же в народных сказках в единую личность Владимир Святой и Владимир Мономах под именем Владимир Красно Солнышко. Этнографа бы сюда вместо меня, вот бы кайфовал...»

Бум! Удар по голове был не столько сильным, сколько неожиданным. От неожиданности-то Мишка и упал, тут же получив пинок под ребра. Опять же несильный, даже какой-то несерьезный.

— У, змей подколодный! — раздался над головой голос Аньки-младшей. — Глаза твои бесстыжие, аспид! Чтоб у тебя язык твой поганый отсох!

Мишка едва успел прикрыться рукой — зубья грабель летели прямо в лицо. Прикрылся плохо — боль рванула правую щеку, хорошо, хоть глаза уберег. Анька замахнулась еще раз, но грабли почему-то так и остались закинутыми за голову.

— А ну не балуй!

Голос был молодой, совершенно незнакомый. Анька в ярости обернулась, и тут Мишка с маху врезал ей костылем сзади под колени. Девка выпустила грабли, плюхнулась задом на истоптанный снег и разрыдалась в голос.

Мишка поднял глаза. Перед ним, с граблями в руке, стоял незнакомый парень лет шестнадцати и протягивал руку.

— Давай поднимайся. Эк она тебе харю-то раскровенила, хорошо не в глаз. Много воли вы своим бабам даете.

— А-а! Молодая, глупая. Меня Михайлой зовут, а тебя?

— Перваком.

Анька вдруг заверещала совсем уже резаной свиньей и попыталась пнуть брата по раненой ноге. Тут уж Мишка стесняться не стал и врезал костылем от души. Хотел по спине, благо толстый кожух гарантировал от переломов, а попал по затылку, хорошо, хоть вскользь. Анька лягнула зубами и, похоже, прикусила язык, потому что сразу заткнулась и схватилась руками за рот.

— А это сестра моя, Анна, — светским тоном продолжил Мишка разговор. — Мы же воинское поселение, у нас и бабы на руку спорые. Эта еще ничего — девка дурная пока, а вот есть у нас тетка Алена, так та одним ударом самого здорового мужика с ног сшибает. Вот если бы я ей попался...

Мишка балабонил, а сам чувствовал, что катастрофически не попадает в тон. Парень смотрел как-то уж очень серьезно, по-взрослому, и Мишка начинал чувствовать себя мальчиш-

кой-пустобрехом. Надо было как-то выруливать.

— Ладно, не обращай внимания, детство это все. Я пошутил, она обиделась. Спасибо тебе, выручил...

— Не спасет меня твой бог, — мрачно отозвался Первак, — я славянским богам требы кладу.

— Что ж...

Мишка снял шапку, поклонился, насколько получилось на костылях.

— Благодарствую, Первак, прости, не знаю по батюшке, пусть Велес пошлет плодородие твоей ниве и скоту.

— Нету у меня больше нивы, я ваш раб, и батюшки нет. Я сын Листвяны — вашей ключницы.

— Вот оно что...

«Господи, стыдно-то как. У парня такое несчастье, а мальчишка-барчук тут языком треплет. Еще и Аньку дурой обозвал, а сам-то».

— Слушай, у нас тут воинская школа есть. Давай туда? По возрасту ты годишься, Выучишься, оружие в руки получишь, и никакого рабства. Добычу из похода привезешь, мать и братьев выкупишь.

— Нет. — Первак отрицательно покачал головой. — Я старший мужчина в доме, не могу семью оставить. Может, братья... Так вы ведь креститься заставите.

— Крестить все равно всех будут, дед ни за кого виру платить не станет...

Анька вдруг опять взвыла дурным голосом. По подбородку у нее текла кровь, видимо, действительно прикусила язык или щеку. На шум постепенно начали собираться любопытные. Новая родня близко подходить опасалась, но головы торчали из-за всех углов и из дверей. Появился и Лавр, Первак сразу же повернулся к нему и отрапортовал:

— Лавр Корнеич, в кузне все сделано, как ты велел.

— Хорошо. — Лавр одобрительно кивнул. — Погоди пока, что тут случилось-то? Михайла, что с Анной?

— Пустое, дядя Лавр, поцапались немножко.

— Ничего себе «немножко»: у обоих рожи в кровище, вы что тут устроили?

— Да я же говорю: пустяки, а кровь — это...

— Так! Кхе... Всем стоять! В чем дело?

Откуда вышел дед, Мишка даже не заметил, но атмосфера на подворье начала ощутимо сгущаться. Почувствовал это, видимо, не один Мишка — любопытные головы начали исчезать одна за другой.

— Я что сказал? Всем стоять! Хоть одна сука смоеется, найду и ноги поотрываю!

Дед был грозен, как скандинавский бог, предобеденное пиво в сочетании с послеобеденным сном явно не пошло на пользу. Лицо набрякло, глаза покраснели.

«Ох, блин, сейчас что-то будет».

— Анька, чего воешь? — обратился Корней к внучке. — Кто тебе чавку расквасил?

— Они меня побили-и-и!

— Кто «они»?

— Они-и-и!

Анька ткнула пальцем в сторону Мишки и... Первака! Положение надо было срочно спасать.

— Деда, не так было!

«Блин, веду себя как пацан. Да что ж такое-то?»

— Молчать! Тебя не спрашивали!

«Ну уж нет!»

— Господин сотник, дозволю доложить?

Мишка попытался стать «во фронт», но помешали костыли.

— Кхе... Ну?

— Девица Анна подслушивала наш разговор в новом доме, но...

— Подслушивала? — Дед подбоченился и грозно глянул на Аньку. — Так! Дальше!

— ...Но ничего не поняла и почему-то решила, что мы ругались, — продолжил доклад Мишка. — Когда вы с дядей Лавром ушли, прицепилась ко мне с расспросами. Я решил наказать ее за любопытство и сказал, что к ней посватался обозный старшина Бурей, мол, из-за того и ругались. Она поверила и...

— Бурей? Хе-хе... К этой козе? Хе-хе-хе! — Дед вдруг рассыпался мелким стариковским смешком. — Бурей! Хе-хе-хе! А она пове... Хе-хе-хе! А она поверила? Лавру... Ох... Хе-хе! Лавруха, слышь? Бурей по Аньке сохнет! Ну Михайла, ну... Ох, не могу. Хе-хе-хе!

По лицам окружающих начали расплзаться улыбки, зазвучали смешки, хотя большинство присутствовавших, не зная Бурея, явно не могли по достоинству оценить юмор ситуации.

Дед, наконец отсмеявшись, снова придумал себе строгий вид.

— Ну а дальше?

— Девица Анна обиделась, подстерегла меня во дворе, ударила по голове граблями и сбила с ног.

— Девка? Тебя?

— Я же на костылях, деда. — Мишка забыл про официальный тон. — И сзади, неожиданно. Я упал, а она еще раз зубьями по лицу. Пришлось ее костылем... Наверно, язык прикусила, вот и кровь.

— Та-а-ак. А он тут при чем? — Дед кивком головы указал на Первака.

— Первак ее и пальцем не тронул, только грабли на третьем замахе придержал, а то бы я без глаз остался.

— Ладно, кто еще это все видел?

— Я видел!

Мишка оглянулся и обнаружил у себя за спиной Роську, стоящего с кучей лошадиной упряжи в руках.

— Господин сотник! Старший стрелок «Младшей стражи» Василий подтверждает все, что сказал старшина «Младшей стражи» Михаил!

«Врет! Его же здесь в тот момент не было».

— Ну да! Чтобы ты хоть слово Михайле поперек сказал... Кхе. А чего же не помог своему старшине?

— Не успел, господин сотник! — бодро отрапортовал Роська. — Они без меня справились.

— Ну а ты что скажешь? Анька! Тебя спрашиваю!

— Да-а-а, а чего он? Я же напуга-а-алась!

— Кхе! Да, Михайла, пошутил... Теперь бойся, не дай бог Бурей узнает, что ты им девок пугаешь.

— Да я сама Бурею все расскажу! — заявила вдруг Анька. — Пускай он его...

— Расскажи, внучка, расскажи, — ласково поддержал внучку Корней. — А он возьмет и правда посватается. А я возьму да и выдам тебя!

— А-а-а! Не нада-а-а!

— Лавруха, — дед поманил рукой сына, — подойди-ка сюда, дело есть.

— Что, батюшка?

— А придержи-ка, сынок, эту свиристелку да подол ей вздень. Роська! Подай вожжи!

Анька попыталась дернуться, но Лавр без малейшего усилия удержал ее одной рукой.

— Ты!.. Коза!.. Облезлая!.. На раненого!.. Воина!.. Руку!.. Подняла!..

Каждое слово дед сопровождал хлестким ударом ременных вожжей. Анька сучила ногами и визжала.

— Он!.. Семей!.. Защитил!.. Кровь!.. Свою!.. Пролил!.. А ты!..

Анькин визг, казалось, вот-вот перейдет в ультразвуковой диапазон. Из дверей избы (видимо, и туда достал наконец Анькин голос) выглянула мать и, мгновенно оценив ситуацию, перехватила вожжи перемазанной в тесте рукой:

— Хватит, батюшка!

Дед взглядом искушенного ценителя окинул исполосованный Анькин зад и скептически изогнул бровь.

— Думаешь, хватит, Анюта?

— Хватит, — повторила мать.

— Ладно. В сарай ее! На хлеб и воду, пока задница не заживет! А по вечерам — нужники мыть, благо у нас их теперь... Лавруха... кхе, расстарался. В сарай! Теперь с тобой. — Указующий перст деда уставился на Первака. — Ты хоть понимаешь, что только что из-под топора выскочил? Вижу, что не понимаешь. Так вот: раб, поднявший руку на кого-либо из хозяйской семьи, должен быть убит. И никакого послабления в этом у меня никто не получит! Сегодня тебе повезло, но в другой раз не повезет, так что самое хорошее для тебя, если другого раза не будет. А чтобы лучше понял и другим объяснить мог... Роська! Сегодня же расскажи ему, как тебя судили!

— Слушаюсь, господин сотник!

— Вот-вот. Теперь ты, Михайла. Скажи-ка мне, внучек, а чего это вокруг тебя все время всякая дурь происходит? Гляди, надоест мне когда-нибудь.

Дед задумчиво покивал самому себе и вдруг рявкнул:

— Старшина «Младшей стражи» Михаил!!!

— Я, господин сотник!

— Приказываю! Уймись!

— Слушаюсь, господин сотник!

— Вот так-то. Кхе! Всё! Расходитесь!

Дед победно оглядел двор, молодецки расправил усы и вдруг заорал в сторону ворот:

— Илюха! Здорово! Заходи, ты чего, с делом каким или на шум заглянул?

У ворот и вправду нерешительно топтался обозник Илья.

— Здрав будь, Корней Агеич... Я того... не вовремя, видать.

— Да проходи ты, чего от ворот орать, проходи!

Неловко косолапя, Илья потихонечку побрел в сторону деда, то и дело зыряка глазами по сторонам. Многолюдье и размах строительства явно произвели на него сильное впечатление.

— Ну так что? — снова спросил дед, когда Илья приблизился. — С делом пришел?

— И с делом, и так, уважение, значит, выказать, и еще дельце малое имеется, и вообще...

— Ну если с делами, то пошли в дом, не во дворе же нам.

— Благодарствую, Корней Агеич, дельце-то небольшое... Можно и во дворе. Я, это... не гордый. У тебя, я вижу, забот полно... Строишься вот. Мне бы Михайлу... Михайлу Фролыча, вот.

Обычно бойкий на язык Илья почему-то сделался робким и косноязычным. Было заметно, что он чего-то опасается и не знает, как приступить к разговору.

— Так ты к Михайле?

— Ага... То есть и к тебе тоже, Корней Агеич. А к Михайле вроде бы как с твоего дозволения.

Ну, в общем, как ты повелишь... Но я со всем уважением, ты не подумай чего.

— Михайла, поди сюда!

— Здравствуй, Илья.

— Здрав будь, Михайла Фролыч... Такое вот дело... Я тебе это...

Илья совсем засмутился и уставился в землю, комкая в руках какую-то тряпицу, извлеченную из-за пазухи.

— Илюха, да что ты как ушибленный? — попытался приободрить обозника дед. — Вроде бы и трезвый. Чего робеешь-то?

— Да больно уж дело такое... ты только за обиду не прими, Корней Фролыч, ой, Корней Агеич.

— Кхе! Ну совсем потерялся. Ты, часом, не свататься надумал? А то у нас тут уже одно сватовство было. Кхе! Слыхал, поди, как невеста голосила? Так не свататься?

— Бог с тобой, Корней Агеич, я женат давно. И детишек...

Илья снова замолк, а потом, набрав в грудь воздуха, выпалил:

— Вот, Михайла, принес. Спасибо тебе, выручил, век благодарен буду.

Илья вытянул к Мишке руку ладонью вверх. На развернутой наконец тряпице лежал кипарисовый нательный крестик, который Мишка дал обознику для проведения обыска на языческом капище.

— Кхе! Возвращаешь, значит?

— Корней Агеич, ты не подумай чего, я со всем уважением...

— А свой крест где? — Дед грозно нахмурился, но Мишка видел, что он вовсе не сердится.

— Вот. — Илья похлопал себя по груди. — Как вернулся, так сразу новую веревочку спроворил.

— Ага! Зазорно тебе, значит, с моим внуком побрататься?

— Да Христос с тобой, Корней Агеич, как можно? Честь для меня великая, только я-то вам за чем?

— Честь, говоришь? А ну снимай крест! Илья суматошно заскреб пальцами у горла.

— Так! Отдавай Михайле, а сам его крест надевай! Лисовины своего слова назад не берут!

— Да разве я... Корней Агеич, и в мыслях не было!

— Ну если не было, то и хорошо. А теперь обнимитесь, братьями стали как-никак.

Илья облапил Мишку и растроганно хлюпнул носом. Мишка от неожиданности выронил кость и чуть не упал.

— Ну вот, Михайла, у тебя и старшенький братик появился. Вот мать-то удивим! А я ее еще спрошу, с кем это она больше тридцати лет назад тебе братишку нагуляла.

— Да что ж ты такое... Корней Агеич, разве можно так?

Илья залился краской, Мишка тоже почувствовал, что краснеет.

— Шучу я, шучу, — успокоил дед. — Не все ж одному Михайле. Илья, сегодня на ужин вся

родня собирается. У нас в роду аж пять семей прибыло, слышал?

— Как не слышать...

— Вот всех и собираю, чтобы познакомились, а то стыдоба: родичи друг друга никогда в глаза не видели.

Дед снял шапку и с достоинством склонил голову:

— Илья Борисыч, милости просим сегодня отужинать и познакомиться с новой родней.

— А... Э... Благодарствую... Это как же? Меня?

— Тебя, тебя. Окажи честь, не побрезгуй.

— Да я... Ой!

Илья спохватился и сдернул с головы шапку. Поклонился в пояс и даже не проговорил — пропел:

— Благодарствую на приглашении, Корней Агеич, буду непременно.

«Во как ритуал помогает! Сразу и косноязычие пропало».

— У тебя, Илья, — вспомнил дед, — еще какое-то дело было?

— Да так, дельце небольшое. Корней Агеич, продай мне одну холопскую семью.

— Что-о-о? Да ты никак разбогател?

— Ну не так чтобы очень. — Илья скромно потупился. — Продай, тебе же все равно такую прорву народу девать некуда, вон третью ночь за тыном сидеть будут.

— Это моя забота! Ты сам-то как целую семью до новин прокормишь?

— А это уже моя забота!

Бойкость возвращалась к Илье прямо на глазах.

— Кхе, Михайла, продать, что ли? Или самим сгодятся?

— С условием, деда. Если Илья согласится стать обозным старшиной «Младшей стражи» и будет учить в воинской школе обозному делу. Тогда ему для своего хозяйства времени будет мало оставаться и понадобятся холопы.

— Слышал, Илюха?

— Э, подумать надо, Корней Агеич.

— Ну когда подумаешь, тогда и приходи.

— Не-э-эт, тогда уже поздно будет. Ладно, согласен. Но с Буреем ты сам договоришься. Идет?

— Идет. Гривна.

— Что «гривна»?

— За семью — гривна серебром.

— Корней Агеич, да помилосердствуй, это ж разве цена?

— Не хочешь — не бери.

— А может, отдашь за пятнадцать кун?

— Пьяниц и бездельников или баб без мужика.

— Семнадцать кун!

— Двадцать три!

— Восемнадцать!

— Двадцать две!

— Сойдемся на двадцати?

— По рукам!

— По рукам!

Дед с Ильей зафиксировали сделку рукопожатием.

— Завтра с Лаврухой пойдешь за тын, — распорядился дед, — он тебе семью укажет. А серебром — сейчас.

— А золотом не возьмешь, Корней Агеич?

— Да ты и впрямь разбогател! А торговался-то! Где взял?

— Гм... Так это... Там уже нету.

— Да не жмись ты, поведай по-родственному, чай, не чужие теперь.

— Михайла мне присоветовал под идолами на капище покопать... Ну вот... Я и говорю: век благодарен буду. Я и подарок припас, в благодарность, значит. Вот.

Илья полез за пазуху и извлек на свет еще один тряпичный сверток. Размотал тряпочку.

— Вот, я думаю, в самый раз будет.

Дед и внук хором ахнули: на ладони у обозника стояла миниатюрная бронзовая статуэтка — вздыбившийся в хищном прыжке лис. Чеканка была исполнена настолько искусно, что обозначены были даже встопорщенная на загривке шерсть, коготки на лапах и клыки в ощеренной пасти.

— Кхе... Да-а-а... Где ж ты красоту такую?..

— Да там же, под идолами.

— Это же что получается? — Дед почему-то адресовал свой вопрос Мишке. — Волхв, паскуда, на нашем родовом знаке ворожил?

— Может, и ворожил, деда, так ведь не вышло ничего.

— Как это «не вышло»? А как он убег так легко?

— Кто убег, Корней Агеич? — всполошился Илья. — Волхв? Ну я пропал! Как дознается, что это я капище разворошил, тут и смерть моя.

— Кхе! М-да...

Дед многозначительно глянул на Мишку, потом сочувствующе на Илью, потом снова на Мишку, но уже сердито. Надо было срочно разруливать ситуацию.

— погоди помирать, Илья, — торопливо заговорил Мишка. — Кто знает о том, что ты на капище добычу взял? Обозники?

— Да что я, совсем дурной? — возмутился Илья. — Только Бурей. Он за это у меня половину добычи забрал.

— Ну, тогда все не так страшно, даже совсем не страшно, — принялся успокаивать обозника Мишка. — Смотри, Илья, придет волхв на капище, а идолов нет. Вы же их пожгли?

— Пожгли.

— Ага. Земля разворочена. Вы же землю разворошили, когда идолов выворачивали?

— Разворошили.

— Ну вот. Значит, никто не копался, а сокровище случайно нашли, когда столбы выворачивали. Неизвестно на кого и думать. Вернее, известно — сразу на всех. А на всех он и так злой, хуже уже не будет.

— Ага. Вроде бы так, — неуверенно согласился Илья. — А если он свое золото на расстоянии чутя умеет?

«Едрит тебя, естествоиспытатель хренов, пытливый ум, твою бабушку...»

— И это не страшно. Ты с Буреём ровно пополам поделился? А сейчас из своей половины за холопов расплатишься, да еще и лиса мне подарил. Значит, у тебя уже меньше половины. Что он лучше почувет: большую часть или меньшую? Большую! А она теперь у Бурея. Вот пусть к нему и идет. Бурею что волхв, что медведь, что сам леший. Башку мордой к заду вывернет и скажет, что так и было.

— Кхе! Понял, Илюха? — взбодрился дед. — Наука! Где-сунь-хренизация называется.

— О как! — изумился обозник.

— А ты думал! — Дед приосанился. — У нас все серьезно!

— Ну если наука... тогда оно конечно...

— Или ты Бурей обнес и себе больше половины оставил? — поинтересовался дед.

— Ну да, его обнесешь!

— Тогда доставай золотишко.

Илья в третий раз полез за пазуху. «Да что у него там, чемодан, что ли?»

— Вот, Корней Агеич. Примешь за двадцать кун?

На ладони у Ильи лежали две золотые монетки с арабскими закорючками.

«Динары. Что-то он вроде бы много дает. Два динара за двадцать кун. Какой, блин, пробел в образовании! Знаю, что в золотом соверене — двадцать серебряных шиллингов. Правда, соверенов сейчас, кажется, еще нет. А сколько серебряных дирхемов в динаре? Без понятия. Что дороже: дирхем, шиллинг или кун? Ни бум-бум. На Руси златников со времен Владимира Святого не чеканят (не те товарно-денежные отношения), пользуются привозными. Льют из серебра гривны и отрубают от них сколько надо, чтобы рассчитаться. Называются такие обрубки рублями. В гривне — двадцать пять кун, или двадцать ногат, или пятьдесят резан. Черт ногу сломит! Все-таки два динара за двадцать кун, по-моему, многовато. Илья, похоже, настоящей цены золотым монетам не знает. А дед? Должен знать — он и в Киеве, и даже в Херсонесе бывал. Неужели надувает Илью? И не скажешь ведь ничего. С другой стороны, в том же Херсонесе целую семью за два динара хрен купишь. Один здоровый мужчина больше стоит... Кажется. Ничего не знаю, как слепой!»

Дед взвесил монеты в руке, попробовал на зуб, внимательно оглядел, потом вынес вердикт:

— Сойдет!

«Да-а, похоже, цены тут определяют на глазок: плюс-минус трамвайная остановка.»

— Давай-ка, Илюха, пойдем все же в дом, надо твою покупку обмыть, да и к ужину... кхе, подготовиться.

— Ой, Корней Агеич, да не надо... — снова засмутился Илья, но дед обхватил его за плечо и повлек в сторону крыльца.

Мишка огляделся, нашел взглядом разговаривающих Роську и Первака.

— Роська! Подойдите сюда, оба!

— Чего, Минь? Ой, погоди-ка, дай я тебе кровь сотру.

— Пустяки, царапина, подсохла уже, не трогай.

— Одежду закровенишь, потом стирать. — Роська извлек откуда-то чистую тряпочку и принялся осторожно отирать кровь с Мишкиной щеки.

— Ладно, ладно, хватит уже. — Мишка отвел Роськину руку с тряпочкой. — Слушай, поговорить надо. Где бы нам устроиться?

— А пошли в конюшню, там сейчас нет никого.

— Идите, я — за вами. Придумай там, чтобы посидеть, а то я уже все руки костылями отмотал.

* * *

Собственно конюшни, в привычном понимании человека более поздних веков, на подворье у сотника Корнея не было. Архитектурная мысль XII века до таких изысков еще не развилась. Был просто навес, под которым ставили лошадей, да несколько жердей, не дававших им разбрестись. Но даже это было роскошью: в большинстве семей скотину вообще держали в загонах под открытым небом.

Мишка конечно же знал устройство конюшни по кинофильмам и телепередачам, но в натуре ни одной конюшни не видел. Хлев видел, и не однажды, но наиболее сильное впечатление от этого сооружения было не столько зрительным, сколько обонятельным, поэтому аргументация для обоснования необходимости строительства жилья для скотины у него в голове все как-то не складывалась.

«Что будете делать, сэр? Первое впечатление у Первака о вас уже сложилось. Причем весьма, pardon, нелестное: легкомысленный болтливый барчук, внук боярина-самодура. А нужен вам этот парень позарез. С его-то неюношеской серьезностью, умением брать на себя ответственность за других, наверняка имеющимся среди куньевской молодежи авторитетом... Что ж придумать-то?»

Прежде всего, сэр, не комплексовать! Он видел перед собой мальчишку, своей дурью спровоцировавшего скандал. Мальчишку, которого пришлось защищать от глупой девки. Позорище, блин: старшину «Младшей стражи» девка граблями побила. Не комплексовать! Вон они оба уже устроились и на вас, сэр, пялятся. Выход только один: противопоставить образу раздолбая-барчука иной образ — более сильный и, с точки зрения Первака, привлекательный, лучше всего, совершенно неожиданный. В запасе имеется только одна матрица — старшина «Младшей стражи». Ее и используем.

Фу-ух, дотащился наконец. Достали эти костыли... Всё, работаем. Пацана задвигаем, Михаил Андреевич Ратников, ваш выход! Девочки, на сцену, блин!»

— Василий, зачем врал? — первым делом спросил Мишка своего крестника.

— Я не врал! Просто сказал, что подтверждаю!

— Не выкручивайся, Василий, воину неместно. Ты сказал, что все видел.

Роська неожиданно набычился и повысил голос:

— А ты рабом был, знаешь, что это такое? Я был! И не хочу, чтобы его, как меня тогда... Соврал! И еще совру! Можешь делать со мной что хочешь!

«Ну-ну. Еще рубаху на груди рвани, жертва эксплуатации. До чего же любит русский человек своими бедами глаза другим колоть. В сущности, психология нищего, выставяющего напоказ язвы и увечья. Но нищего агрессивного — свои беды преподносят, как упрек остальным. Будем отучать, достоинство начинается с самоуважения».

— Что справедливости взыскуешь — добро. Хвалю. Но средство ты выбрал негодное. Слово воина — золотое слово, поэтому воину верят без доказательств. А кто сомневается, повинен подтвердить свои сомнения с оружием в руках — на Божьем суде. Только так, и никак иначе. Будешь уличен во лжи хоть раз — верить тебе не станут никогда. И оружием ничего не докажешь — твой вызов просто никто не примет. Надеюсь, понял и повторять не придется. — Мишка сделал паузу, пытаясь понять, как его слова подействовали на Роську. Ничего не понял и продолжил: — Теперь о рабстве... Забудь. Забудь навсегда, как будто не было.

— Такое забудешь!

— Хочешь жить — забудешь. Воин и раб — вещи несовместные, в одном человеке не ужива-

ются. Не сможешь выдать из себя по капле раба — убьют если не в первом бою, то в третьем или в пятом. Или на поединке. Примета верная и оправдывается всегда. Феофана помнишь?

— Помню, а что?

— Он сейчас нарочитый человек, ближник епископа. А в молодости, так же как и ты, в ничтожестве пребывал. Был холопом у боярина — ныне настоятеля нашего отца Михайла. Выбрался наверх, но раба из себя вытравить не смог. Стоит заговорить с ним властным тоном и показать, что ты выше его, — дает слабину. Даже у меня получилось, и в этот момент я мог зарезать его, как куренка. Хочешь быть воином — забудь, что был рабом. Надеюсь, и это ты тоже правильно понял.

Краем глаза Мишка старался следить за реакцией Первака. Тот слушал. Не «разинув рот», но внимательно. Очень внимательно. Глаза его все время перескакивали с Мишкиного лица на Роськино и обратно.

— А теперь соединим то, что я сказал, в одно. Вранье — свойство раба. Раб врет, чтобы отлынивать от работы, раб врет, чтобы избежать наказания, раб вынужден врать, потому что не может защитить себя иным способом. Воин же способен защитить не только себя, но и других — оружием. Ему ложь не требуется.

Первый шаг к воинскому достоинству тобой уже сделан: Святое крещение сняло с тебя не только первородный грех, но и рабское клеймо. Любого, кто назовет тебя рабом, ты имеешь право убить. То же самое обязан сделать я как твой крестный отец.

Снято клеймо, но осталась внутренняя сущность. Справиться с ней можешь только ты сам. Выдавливай, вытравливай, выжигай из себя рабскую сущность. Каждый день, каждый час. Начни с того, что запрети себе врать, даже в мелочах.

— Минь... я...

— Молчи, воин Василий. Никаких слов не нужно. Я тебе поверил, когда взял на себя ответственность за тебя, как отец за сына. Один раз ты это доверие уже оправдал: убил татя и спас мою мадушку. Жизнь длинная, будут и еще всякие случаи. Я тебя тоже не подведу.

«Так, Роська до нужной кондиции доведен: не прослезился, но близок к тому. На Первака, кажется, тоже произвело впечатление. Ну что ж, действие третье, картина вторая. Те же, там же. Занавес!»

— Теперь с тобой, Первак. Как же тебя все-таки по батюшке?

— Вторушич.

— Понятно. А я — Михаил Фролыч. Ты не подумай чего, я с уважением.

— А я и не думаю.

«Лажса! Из образа выходите, сэр! Никаких реверансов, никаких оправданий! Давить, блин, давить!»

— Так вот, Первак Вторушич. Ты только что видел, КАК у нас относятся к воинам. Раненый воин неприкосновенен, пользуется всеобщим уважением и заботой. Слово воина не подвергается сомнению.

— Боярин переспросил: «Кто еще видел?» — напомнил Первак.

«Не оправдываться! Давить!»

— Не притворяйся, что не понял!

— Но переспросил же...

«Вот так, пусть он оправдывается!»

— М-да. — Мишка оглядел Первака с головы до ног и обратно. — Не воин. Пока. Может быть. Ладно, объясняю. Есть слово участника события, и есть взгляд со стороны. Со стороны, как ты, наверно, слышал, виднее. Боярину, чтобы вынести справедливое решение, надо было знать и то, и другое. В этот раз то и то совпало, потому что Роська соврал. Но воину верят на слово. Поэтому вопросов больше не было и боярин Корней вынес решение. Так вот: ты видел, как у нас относятся к воинам. Также ты видел, как у нас относятся и к холопам. Тебя вообще ни о чем не спросили. У тебя голоса нет! И это было неправильно.

«Держать паузу, держать! Пусть спросит: „Почему?“

— Почему неправильно?

— Верно спросил. Умеешь думать, — снисходительно похвалил Мишка. — Неправильно потому, что обельная грамота на тебя еще не выправлена, ты еще не раб. Пока. Твоя жизнь еще может пойти несколькими разными путями. Видишь их перед собой? Знаешь, что надо делать, чтобы пойти по тому или другому?

— Какие пути?

«Бинго! Теперь будет слушать!»

— Их в общем-то два. Первый — холопство. На землю тебя не посадят — молод, жены нет, мать ключница. Останешься дворовым: подай, принеси, сбегай. Это жизнь для мужчины? Допустим, ты готов стерпеть, чтобы не бросать семью. Что будет дальше?

Моя мать будет за провинность хлестать твою мать по щекам, а ты не сможешь вступиться, потому что тебя сразу же убьют. Твоих братьев (а они тоже будут дворовыми на побегушках) будут пороть за провинности, и ты не сможешь их защитить, потому что тебя сразу же убьют. Твою сестру изнасилуют, и ты не сможешь ничего поделать, потому что тебя сразу же убьют. Вас насильно окрестьят, и ты никуда не денешься, потому что у нас умеют заставить. Своих в бой — на смерть — водят, а уж чужих-то в церковь — вообще не вопрос. Допустим, ты не стерпишь и кого-то из нас убьешь. Воина вообще убить трудно, но допустим. После этого ты будешь умирать долго и мучительно. Допустим, ты уйдешь в бега. От нас уйти трудно, но допустим. И тогда твоя семья тебя больше никогда не увидит. Получается, что, оставшись, ты своих как раз и бросаешь. Без помощи и защиты.

— Гниды! Будьте вы...

— Гниды? — не дал Перваку договорить проклятие Мишка. — Роська, сколько нас было на той дороге?

— Э-э... Одиннадцать.

— Сколько из них взрослых мужей?

— Два.

— Два! Остальные — женщина и отроки. А сколько было куньевских татей?

— Четырнадцать... и еще два. Шестнадцать.

— Ну что, Первак Вторушич? Равные были силы?

— ...

— Отвечать! — рявкнул Мишка командирским голосом.

— Нет. Неравные, — выдавил из себя Первак.

— Роська, сколько близкой родни было у Славомира среди нас?

— Трое... Нет, пятеро.

— Скольким из них кровь отворили?

— Троим, один и сейчас — не знаю, выживет ли.

— Первак Вторушич, что по заветам славянских богов положено за татьбу на дороге, убийство детей и пролитие родственной крови?

— ...

— Отвечать! — снова рявкнул Мишка на подавленно молчащего Первака.

— Смерть.

— Не просто смерть! Мы имели право вырезать все Кунье городище! Мы подарили вам всем жизнь. Рабскую, но жизнь. Тот, кто был не согласен, умер или сбежал по дороге. Те, кто пришел сюда, согласились на рабскую жизнь. Ты пришел — значит, согласился! А если согласился, засунь свою гордость в заднее место и отвечай: мы, после всего этого, гниды?

— Нет... прости.

«Не перебор? Ломать не надо бы... В драку не полез, даже лаяться не стал. Не крут... Зато умен. Драться научим, не всем берсерками быть».

— Это — один твой путь. Остаешься с семьей, но, по сути, бросаешь их без помощи и защиты. Теперь посмотрим на другой путь. Воинская школа, «Младшая стража», место среди воинов. Ты ведешь жизнь, достойную мужчины, тебя уважают, ты сам хозяин своей судьбы. Война, раны, может быть, смерть. Славная смерть в бою, а не позорная под кнутом. Но есть возможность защитить своих (родню воина обижать поостерегутся), а самое главное, есть возможность выкупить их на волю. Особенно если в воинскую школу ты пойдешь не один, а с обоими братьями. Втроем с двух-трех удачных походов мать и сестру выкупите.

— А сколько надо на выкуп?

«Все, ты уже согласился! И в воинскую школу пойдешь, и в церковь, хотя ты пока об этом еще не знаешь. А я знаю».

— Вас взяли с бою, а не купили или взяли в закупы за долги, значит, цены у вас нет — на все воля хозяина. Но если вы меня не подведете ни в учебе, ни в бою, то торговаться о выкупе я буду за вас сам. Как я умею это делать, Роська тебе расскажет.

— Уже рассказал.

«Ай, молодец, воин Василий, ну до чего же в струю!»

— Тогда все, что нужно, ты уже знаешь. Иди и думай, но недолго: обельные грамоты выправят быстро. Стоит только нашему старосте Аристарху скрепить их печатью, и пути назад уже не будет.

— А креститься обязательно?

«Ну совсем хорошо, клиент дозрел, можно подавать к столу».

— Обязательно, причем не из-под палки, а добровольно. Понимаю, что трудно отказаться от веры отцов, но этого пока и не требуется. Прими христианство, для начала, не сердцем, а только умом. Это не измена, а ПОЗНАНИЕ. До сих пор ты знал только одну сторону веры — языческую. Познай теперь сторону христианскую. Чтобы делать выбор, надо ЗНАТЬ, а отвергать не зная — удел дураков. Пройдет время, выбор свершится сам собой, и ты еще будешь удивляться: «Как это я раньше не понимал?» Каким будет этот выбор, сейчас не сможет сказать никто. Проси о Святом крещении и вступай на путь познания. Это все, что я сегодня могу тебе сказать. Только сегодня, жизнь впереди еще длинная, будет время и для других разговоров.

— Ты говоришь, как волхв или как старик...

— А ты что, не слыхал о стариках в детском теле?

Первак вдруг отшатнулся от Мишки, как от змеи, лицо исказилось, зрачки расширились, рука дернулась в защитном жесте.

«Что? Что я такое сказал? Неважно, полный назад! Отмена! Эскейп!»

— Что? Неужели похож? — Мишка заставил себя улыбнуться. — Меньше бабьих сказок слушать нужно, а если слушать, то не всему верить.

«Попал! На лице явное облегчение. Здорово он трухнул, даже пот на лбу выступил. На что же я наткнулся? Какая-то страшная сказка, не дошедшая до двадцатого века? Наверно, что-то вроде того, какой-нибудь славянский Питер Пэн с кошмарным сюжетом. Ладно, потом выясним».

— Все, Первак Вторушич, пищи для размышлений я тебе дал достаточно, решения твоего жду завтра, край — послезавтра. Подумай, с матерью посоветуйся. А сейчас ступай, мне еще с Роськой поговорить надо.

«Фу-ух, что-то день сегодня длинный выдался. А еще говорят: „Болтать — не мешки ворочать“.

— Возьмешь его с братьями в свой десяток.

— Он же еще не согласился!

— Согласился, только сам об этом пока не знает. Был ты, Роська, старшим стрелком, станешь десятником. Определим к тебе всех ребят из холопских семей, которые захотят в воинское учение пойти. Лавр возьмет тебя и Мотьку смотреть холопские семьи, так ты к ребятишкам подходящего возраста приглядишься. Поедете верхом, в бронях. Сверкай шлемом, звени кольчугой, вообще постарайся выглядеть лихо, чтобы ребятам завидно стало. Попозже подпустишь к ним Первака для разговора. Так, глядишь, у тебя под началом и не один десяток образуется.

— Когда же попозже? Ты же сказал, что обельные грамоты...

— А как обельная грамота составляется? На главу семьи «со чады и домочадцы». Детей в ней вообще не упоминают.

— А сам говорил: не врать.

— А я и не врал, Первак — старший мужчина в семье. Был бы помоложе, написали бы грамоту на вдову Листвяну, или как ее там окрестят. А так — на него.

— Минь! — Роська поколебался, но все же решился спросить: — Ты ему креститься притворно посоветовал, а остальных — вообще насильно. Разве так можно?

— Не только можно, нужно! Ты крест искренне принял, тебе это странно. Но подумай: сейчас в их душах царит мрак язычества. Наша обязанность как христиан заронить в этот мрак хотя бы искру Истинной Веры. А уж там... Как сказал один умный человек: «Из искры возгорится пламя!»

— Но насильно! — Роська никак не мог успокоиться. — Нельзя, грех это!

— Владимир Святой первыми на Руси крестил киевлян. Объявил указ: всем киевлянам прийти утром на берег Днепра и принять Святое крещение. Заканчивался же указ такими словами: «А кто не придет — да будет мне враг». Как князья с врагами поступают, сам знаешь. И это Святой! Чего уж нам-то, грешным? Если хоть несколько душ спасем, все оправдается.

Роська насупился и сидел молча, машинально ковыряя пальцем сучок в жерди. Почти физически ощущалось, как в его сознании происходит трудное переосмысление каких-то истин, ранее казавшихся незыблемыми.

«Хороший ты парень, крестник, и, как всякий неофит, хочешь быть святее папы римского. Ну не могу же я тебе объяснить, что споры о канонах и ритуалах — не борьба за веру, а борьба за паству — за хлебное место посредника между Ним и нами. Бог един, и Ему все равно, на каком языке ты к Нему обращаешься, в каком храме молишься, в какие одежды облачаешься. Мы все Его создания, независимо от того, как мы Его называем. Если, конечно, Он... есть. А если нету, то все равно

вера нужна, иначе как мы будем отличать Добро от Зла?»

* * *

Лавр поднял Мишку ни свет ни заря. Терпеливо дождался, пока тот умоется, спросил, будет ли завтракать, но было заметно, что нервничает он очень сильно и даже несколько лишних минут ожидания для него будут настоящей пыткой. Поэтому Мишка отказался от еды, вытащил из-под лавки берестяной короб с тряпичной куклой, вручил его Лавру и потащился следом за дядькой, втихомолку проклиная осточертевшие костыли.

Кукла у Мишки получилась примитивной до неприличия. Две березовые веточки, связанные накрест и обмотанные тряпьем, некое подобие юбки, начинавшееся от самых «подмышек», платок из треугольного лоскута, «лицо», нарисованное угольком на серой холстине. Хорошо, что волхв был мужчиной: куклу, вышедшую из женских или даже девчоночьих рук он подделать не смог бы при всем старании.

Однако, несмотря на свой примитивизм, кукла, лежащая навзничь на наковальне, пронзенная толстой иглой, в алых отблесках пламени кузнечного горна выглядела жутковато, даже для Мишки. Что уж говорить о Лавре и Татьяне? Муж и жена — родители почти взрослых парней — выглядели сущими перепуганными детишками. Стояли прижавшись друг к другу, взявшись за руки, у Татьяны мелко подрагивали губы. На какой-то момент Мишке и в самом деле показалось, что он взрослый подонок, обманывающий малых детей.

— Начнем, пожалуй. «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя...»

Произнеся: «Аминь», Мишка взял в каждую руку кузнечные клещи, одними прижал куклу к наковальне, другими ухватил иглу и медленно потянул.

— Куб разности двух величин равен кубу первой минус утроенное произведение квадрата первой на вторую плюс утроенное произведение первой на квадрат второй минус куб второй!

К концу произнесения «заклятия» игла целиком вышла из куклы. Татьяна вдруг охнула и схватилась руками за живот, ноги у нее подогнулись, и, если бы не Лавр, она упала бы.

«Действует. Садист вы, сэр Майкл, морду вам набить некому».

Мишка ухватил иглу вторыми клещами, сломал и кинул в горн, тут же ухватился за веревку, приводящую в действие мехи, и начал раздувать пламя. Обломки иглы почернели и начали оплывать. Мишка перестал качать только тогда, когда от иглы не осталось видимых следов.

— Дядя Лавр, осторожно притронься к кукле, не жжется ли?

Ну чем там могли старые тряпки обжечь пальцы бывалого кузнеца? Однако, едва притронувшись к Мишкиному изделию, Лавр резко отдернул руку.

— Жжется!

«Значит, и на тебя подействовало. Взрослые люди, а как младенцы, ей-богу! Такой гнусью себя чувствую, сам бы себе в наглухую харю наплевал, но польза должна быть».

— Это отворот от жены. Где у тебя святая вода?

— Вот. — Лавр снял с полки маленький глиняный кувшинчик.

— Покропи и давай еще раз помолимся. «Отче наш...»

После окропления святой водой и молитвы кукла, как и следовало ожидать, уже не обжигалась.

— Вот и второе закливание сняли. Дядя Лавр, обними тетю Таню покрепче и держи, как бы она ни вырывалась.

Мишка схватил куклу клещами и сунул в горн.

— Площади подобных фигур пропорциональны квадратам их сходственных сторон, площади кругов пропорциональны квадратам радиусов или диаметров!

Кукла вспыхнула сразу. Мишка вдавил ее в самый жар, нагреб углей сверху и несколько раз качнул мехи.

— Дядя Лавр, тетю Таню не корежило, не корчило?

— Нет.

— А куклу корежило. Значит, колдовская связь между ними разорвана. Все. Поставьте свечки к иконе Богородицы и... Совет да любовь!

Лавр и Татьяна, как по команде, обернулись друг к другу. Лавр прижал жену к груди, потеряв щекой о ее головной платок.

— Танюша...

— Ладо мой...

Может ли хоть что-то на свете сравниться с ТАКИМ сиянием женских глаз? В нем все: и благодарность, и обещание, и награда, и ожидание... Приказ и просьба, требовательность и покорность, грех и благодать, сила и беспомощность, надежда и самоотречение... Кто-нибудь когда-нибудь сумел пересчитать компоненты, составляющие понятия Любовь и Счастье? И если ты не просто «М» в графе «пол», а действительно мужчина, нет цены, которая оказалась бы слишком велика за один такой взгляд. Отдать все — пустой набор слов. Отдать то, чего нет и не могло бы быть, если бы не эти глаза...

«Ну до чего же приятно смотреть на вас, прямо молодожены. Блин, аж слеза наворачивается... Э! А чего это я?..»

В глазах вдруг поплыло, Мишку крепенько трянуло, и он понял, что лежит на полу, неудобно подвернув под себя руку. А потом стало темно. Истошного женского вопля: «Мишаня-а-а!!!» — он уже не услышал.

* * *

— ...И все с молитвой Божьей, с крестным знаменем. А потом хватить ее клещами — и в горн. Она стонет, корчится, а Мишаня держит ее клещами и кричит: «Изыди, нечистая, отринься от добного!»

Голос тетки Татьяны звучал вдохновенно, чувствовалось, что рассказ воспроизводится уже не в первый раз, постепенно обрастая все новыми красочными подробностями.

— Так и сгорела, даже пепла не осталось. А Мишаня говорит: «Все. Ставьте свечки, благодарите заступницу нашу Небесную». А потом вдруг побледнел весь и упал.

Мишка приоткрыл глаза. В горнице у его постели собрался целый консилиум: лекарка Настена почему-то с очень сердитым лицом, мать с лицом заплаканным, дед с лицом, опухшим после вчерашнего праздничного ужина, отец Михаил с ликом бледным и болезненным, под ручку (с ума сойти!) с теткой Аленой. Правда, поддерживал не он даму, а дама его. Где-то на заднем плане маячила Юлька.

Отец Михаил первым заметил, что Мишка открыл глаза.

— Миша, Мишенька, узнаешь меня?

— Узнаю, отче.

— Миша, прости, я обязан тебя испытать. Перекрестись.

Мишка, удивляясь собственной слабости, обмахнул себя крестом и непослушными губами произнес первые строки Символа веры:

— «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым...»

Монах извлек откуда-то кропило и брызнул на Мишку святой водой.

— Аллилуйя! Чист отрок! Слава Богу!

— Ну и чего, спрашивается, всполошились? — сердито пробурчала Настена. — Я же сразу сказала: нет в нем тьмы. Не могло ничего на него перекинуться, заклятие-то на Татьяну было.

Стало понятно, отчего Настена выглядит такой сердитой, — старые счеты с попами. Отец Михаил, видимо, вообразил, что нечистый дух мог переселиться из куклы в Мишку.

«Опять, блин, спасает нетонущего. Прямо как в старом анекдоте: „Дурак, живу я здесь!“

— А теперь ступайте-ка все отсюда, — скомандовала Настена, — с душой у парня все в порядке, а я телом займусь — вон, зеленый весь, как лягушка, руками еле шевелит. Ступайте!

Все потянулись в двери, отец Михаил попробовал было поупираться, но Алена, похоже, даже не заметила его усилий. Все наконец вышли, только Юлька осталась стоять у стены с выражением на лице, более подходящим гладиатору, вышедшему на арену, чтобы победить или умереть.

— Ну чего набычилась? — обратилась Настена к дочери. — Не гоню же. Наоборот, ты лечить и будешь. Видишь: дружок твой силы все растратил, пустой почти.

— Так уж и мой...

— Ну не мой же? — Настена повернулась к Мишке. — Ты что натворил, дурень? Не мог мне сказать? Устроил тут тарарам.

— Не должно было быть тарарам, тетя Настена, куклу-то я сам сделал, только иглу у волхва взял, да и без иглы бы мог. Помнишь, ты объясняла, что наговор сам по себе ничего не лечит, надо, чтобы больной в него верил. Значит, и кукла сама по себе просто куча тряпок, но тетка Татьяна в нее верила, вот и подействовало.

— Умница ты, Михайла, молодец, верно догадался... А все равно дурак!

— Как это?

— Так это! Ты каким местом меня тогда слушал? Я с чего тогда начинала? Не с того, что больной верить должен, а с того, что лекарь должен верить и себя в нужное состояние привести.

— Я не верил, я знал.

— А разница-то? Знание — это просто самая сильная вера, вот и все. Ты знал, и тебе ничего с собой делать не надо было, Татьяна верила (не столько тебе, кстати, сколько кукле), потому у тебя все и вышло.

— А что же тогда со мной случилось?

— Вот! Об этом и речь! Ты что у Татьяны лечил?

— Я не лечил, я заклятие снимал!

— Ой, ну что мне с ним делать, Юлька? — Настена в деланом отчаянии всплеснула руками. — Такой ум — и такому дурню достался!

— Мама, он не понимает...

— Да вижу я, что не понимает. Заклятие, заклятие... Да нету никаких заклятий! Дурят вас: одних волхвы, других попы, а вы и уши развесили!

«Мать честная! Атеистка! В двенадцатом веке? Не может быть, потому что не может быть никогда!»

— Как это — нет? — Мишка все-таки решил уточнить. — А светлые боги?

— А светлые боги есть. И Христос твой тоже... Может быть. Как уж они там между собой... не наше дело. Но не дано смертным силой с богами равняться, и никакие заклятия тут не помогут. Чудеса — не от богов, чудеса — от ВЕРЫ. От одной и той же болезни: один амулетами гремит и у костра козлом скачет, другой на капище скотину безответную режет, третий перед иконами лбом в пол бьется. И помогает! Потому что верят, что поможет. Ты когда-нибудь слышал, чтобы от одной болезни три разных способа лечения было? Совсем разных, друг на друга непохожих?

— Нет.

— Правильно, лечат не амулеты, не жертвенная кровь, не иконы. Лечит ВЕРА — одинаковое лекарство для всех! Сегодня ты сотворил чудо, а родилось оно от Татьяниной веры и твоего знания, как дитя от жены и мужа. Так всегда: излечение от союза двух вер — лекаря и больного.

— Понимаю, матушка Настена. То есть нет, не понимаю: что же меня ударило-то?

— А этого мужикам понять и не дано. Придется тебе мне на слово... хм, поверить. Как бы тебе попроще... Знаешь, сколько силы надо, чтобы дитя выносить и родить? Нет, знать ты не можешь. Но догадываешься?

— Догадываюсь вроде бы.

— Догадывается он... Да больше ни на что другое столько сил не требуется! Иногда даже жизни лишаются!

— Ты хочешь сказать, что для восстановления этой способности?..

— Да! Неважно, хотел ты или не хотел, понимал или не понимал, чувствовал или не чувствовал, но ты Татьяне свою силу отдавал. Ты ВЕРИЛ. Не в заклятие волхва, конечно. Ты в себя верил, в то, что помочь можешь, и сам себя этой верой сжигал. Мог сдуру все отдать, сейчас отпевали бы. Нельзя мужикам в эти дела лезть, вы все умом понять норовите, а здесь чувствовать надо! Ладно, хватит болтать. Юля, давай качай в него силу, хочу посмотреть, как вы это делаете.

— Подождите! Матушка Настена, я еще спросить хочу. Почему у нас с Юлей не получилось ногу быстро вылечить? Демке-то мы помогли, а со мной не вышло...

— Юля, объясни ему.

— Мы Демке вовсе не рану лечили. У него тело устало со смертью бороться, силы кончились, а мы ему сил добавили, и все. А ты полон сил был, в полную бадью сколько воды ни лей — все мимо. Понял?

Мишка попытался сформулировать Юлькину мысль более просто:

— Тело лечится само, если хватает сил. Мы можем только их добавить, но не лечить. Так?

— Так, — подтвердила Юлька, но было непонятно: то ли Мишка действительно все правильно понял, то ли Юлька его просто успокаивала, как и любого больного. — Давай руки, где там жилка... Как ты тогда назвал?

— Пульс. Пульсация — это когда...

— Не говори ничего, я пойму...

Слияние. Ясность, бодрость, сила — энергия.

«Юленька, я тебя обидел, прости. Мне и так твой голос слышать радостно, не надо со мной, как с больным...»

Все это не словами — чувствами. В ответ: радость, удивление, кажется испуг, что-то еще, совсем непонятное, но светлое...

Легкость, тепло, сонливость... Откуда-то издалека голос Настены:

— Вот ты и выросла, доченька, уже больше меня умеешь. А он тебя в беде не бросит, теперь я уверена...

Все. Сон.

* * *

Проснулся Мишка, когда уже начало вечереть. Самочувствие было прекрасным, спросонья даже забыл о раненой ноге, но та о себе тут же напомнила, когда Мишка вознамерился вскочить с постели. Оделся и задумался. К Нине конечно же ехать уже поздно, придется завтра с утра. Хотя с утра не выйдет: утром Лавр заберет Роську смотреть холопские семьи. Может, самому с ним поехать? Пока же надо навестить раненых ребят, тем более что вчера не получилось.

За дверью дожидался Роська.

— Минь, ты как?

— Как огурчик — зелененький и весь в пупырышках.

— Ха-ха-ха!

— Будет ржать, пойдем ребят навестим.

Петр и Артемий жили вместе в одной горнице старого дома. Оба сидели на одной постели, и Артемий, видимо от нечего делать, учил Петра играть на рожке. Вообще-то те кошмарные звуки, которые извлекал Петька из музыкального инструмента, музыкой назвать было нельзя, даже при самом доброжелательном отношении, но, входя в горницу, Мишка услышал реплику: «Вот, уже лучше».

— Здорово, болящие! Как болеется?

— Сам-то тоже не сильно здоровый, на четырех ногах ходишь!

— Спасибо на ласковом слове. И все-таки как самочувствие?

— Да сколько же можно взаперти сидеть? — возмущенно заговорил Петька. — Ну ладно Артюха, у него ребро сломано...

— Не сломано, а треснуто! — тут же запротестовал Артемий.

— ...А у меня-то только рука. Ты вон с ногой и то на воле ходишь!

— А что лекарка говорит? — поинтересовался Мишка.

— Какая лекарка? К нам Мотька заходит, а он только и повторяет то, что лекарка сказала: Артюхе повязку снимать через неделю, мне на улицу не выходить, только по дому и то немного.

— Ну вот и займитесь делом.

— Каким делом?

— Дел много. Получается, что в «Младшей страже» у нас будет десятка три, а может и больше. Так что быть тебе, Петр, десятником. Сначала займешься ребятами из нашей новой родни, дед сказал, что там есть десять подходящих парней. Потом, когда Демка поправится, сдашь десяток ему, а сам возьмешь ребят, которых привезет твой отец. К тому времени ты должен уже научиться командовать. Это — первое. Есть и второе. Ребят надо будет учить грамоте, я один не справлюсь. Будешь мне помогать — возьмешь на себя чтение и письмо, а я — счет... Ну и прочее образование. Подумай, из чего сделать аспидные доски, спроси у матери, где взять мел, вообще продумай весь учебный процесс.

— Учебный... что? — не понял Петька.

— Ну как учить будешь, что для этого надо и прочее. А для практики начинай учить грамоте Артемия.

— Да я же не учил никого никогда, — попытался возражать Петр, но Мишка решительно отрезал:

— Справишься, не дурак.

— Ладно, — как-то подозрительно легко согласился Петька и тут же перевел разговор на другое: — А ребята где? Познакомиться бы.

— С такой-то рожей?

Внешний вид у Петьки был ничуть не лучше его музыки: переносица распухла, под обоими глазами синяки, на лбу диагональная ссадина, белок одного глаза заплыл красным, правая рука до локтя в лубке.

— Так я же не свататься, при чем тут рожка? — в общем-то резонно возразил Петька.

— Ладно, попроси Кузьку, он их к тебе приведет.

— А чего не Роська? — Петр повелительно махнул рукой. — Ну-ка сбегай!

— Отставить! — Мишка сначала рявкнул команду, а потом уже задумался, как ее объяснить. Обращение с Роськой, как с холопом, взъярило его так, что он даже сам удивился. С трудом сдержавшись, Мишка объяснил: — Ростислав — такой же десятник, как и ты, приказывать ты ему не можешь!

— Подумаешь... — Петька скорчил пренебрежительную мину.

— Извинись.

— Чего извиняться-то? Перед...

— Десятник «Младшей стражи» Петр! — Мишка почувствовал, как от ярости у него начинает дрожать голос. — Приказываю извиниться перед десятником Ростиславом!

— Ладно...

— Слушаюсь, господин старшина! — поправил Мишка. Голос, оказывается, не дрожал, а пытался обратиться в рычание.

— Слушаюсь, господин старшина, — недовольно повторил Петька.

— Ну!

— Извини, Роська, погорячился.

— Бог прос...

Роська вдруг хлопнул носом, глаза его явственно увлажнились.

— Роська, ты чего? — Мишка, чуть не выронив костыль, подтолкнул крестника к дверям. — А ну-ка пошел в сени!

Вытолкав всхлипывающего Роську за дверь, Мишка погнался, подталкивая костылем в спину, подальше от горницы, чтобы там не слышно было их разговора.

— Ну, в чем дело?

— Он — хозяйский сын... А ты... А я... Извиня-а-а...

Мишка утвердился на одном костыле, высвободил правую руку и закатил Роське пощечину.

— Я тебе приказал забыть! Забыть раз и навсегда. Каждый раз, когда замечу, что ты опять вспоминаешь, будешь получать так же, как сейчас! А если увижу, что забыть не можешь, выгоню к чертовой матери! Понял?

— П-понял. А как же...

— Будем учить вас драться без оружия. Для практики будете все время драться между собой. Даю тебе срок до лета и приказываю: ты должен побить Петьку, побить крепко, чтобы встать не мог. И запомни: ты не Петьку бить будешь, а рабство свое. Это оно будет валяться у тебя под ногами с разбитой мордой. Наизнанку вывернись, сдохни, но победа твоя должна быть такой, чтобы он начал тебя бояться. Чтобы и в голову не пришло с тобой так разговаривать, как только что. Понял?

— Минь, он старше и сильнее.

— Старше, старше. Двух взрослых мужиков у меня на глазах ухайдакал и что-то там про старшинство гундосишь. А что сильнее, так стань сильнее его! Как это сделать — научим, а дальше все будет зависеть от тебя. Срок — до лета!

Мишка немного помолчал и добавил уже более мягким тоном:

— Меня тут тоже один доставал, Ерохой зовут. Тоже — старше и сильнее, да не один, а с дружками. Спроси у Кузьки, чем все кончилось. Иди умойся и ступай к нему. Завтра вы с Мотькой должны хорошо выглядеть, пусть он вам подберет, что нужно, или у матери спросит. Иди... воин, тудыть тебя.

Мишка вернулся в горницу к Петьке и Артюхе, наткнулся на два любопытных взгляда и заорал:

— Козлодуй хренов! Ты что творишь?! Забыл, что он уже не холоп?

— Ну забыл. Подумаешь, цаца. Переживет. Холоп хозяина должен помнить всю жизнь.

— А ну встать!

— Да чего ты разоралс...

Мишка и сам не ожидал, что тычок костылем окажется таким удачным, Петька разинул рот, пытаясь вдохнуть: удар пришелся точно в солнечное сплетение.

— Встать, я сказал!

— Ы-ы-ах.

Петька все же втянул в себя воздух и тут же двинул Мишку кулаком, но левой рукой вышло плохо. Мишка, с трудом удержавшись на ногах, вскинул костыль, ударился им о низкий потолок и треснул своей деревяшкой по голове двоюродного брата. Удар тоже получился слабым.

«Комедия: два калеки подрались. Ох, блин!»

Петька сбил-таки его плечом с ног и сам повалился сверху. Мишка матюкнулся от острой боли

в раненой ноге, вывернулся из-под Петра, сел и снова размахнулся костью. Теперь потолок не помешал, замах получился, и Петька еле успел прикрыть голову рукой.

Хрясь!

— А-а-а!

«Едрит твою, я же ему вторую руку сломал. А нога-то, уй, блин!»

В горницу ввалились какие-то бабы, Петька блажил дурным голосом, но Мишку все это уже не интересовало. Он держался обеими руками за ногу и скрипел зубами от боли, чувствуя, как постепенно намокает кровью штанина.

* * *

— Так... Что скажешь?

Дед сидел за столом, барабанил пальцами по столешнице, Мишка — в углу на лавке, привалившись спиной к стене и вытянув вдоль лавки свежеперевязанную ногу.

— Я тебе велел: уймись. А ты что? Вторую руку брату сломал! Ты что, и правда бешеный?

— Холопа Роськи больше нет, есть вольный человек Василий. — Мишка не чувствовал за собой никакой вины и не собирался каяться. — Воля ему в церкви объявлена. Того, кто назовет его рабом, Василий вправе убить, и виры с него за это не будет. Я Петьку предупредил, он не внял, нагрубил и приказу не подчинился. На нем три вины, и пусть радуется, что только рукой поплатился.

— Так... Кхе...

Дед снова забарабанил пальцами по столешнице.

— И что дальше? — Дед не выглядел рассерженным, скорее хотел что-то выяснить для себя. — Как ты с ним теперь будешь?

— Если не повинится, отлуплю еще раз. Подожду, пока с рук лубки снимут, и отлуплю.

В приоткрывшуюся дверь просунулась голова Роськи.

— Господин сот...

— Пошел вон! — беззлобно шуганул его дед.

Дверь захлопнулась.

— А если и тогда не повинится? — снова обратился Корней к внуку.

— Еще отлуплю. И так до тех пор, пока либо толку добьюсь, либо Никифор приедет. Отправим Петьку домой: упертые бараны к учебе непригодны.

— Значит, крестник дороже брата?

— Не в этом дело, деда. Я — старшина «Младшей стражи», Петр — десятник, мой подчиненный. Он проявил неповиновение в присутствии других ратников «Младшей стражи» и должен был быть наказан.

Дверь снова открылась, в горницу вошла мать.

— Батюшка...

— Уйди, Анюта, разговор у нас.

— Батюшка, ну подрались мальчишки, не серчай...

— Анька! Христом Богом прошу: уйди! Не доводи до греха.

Мать немного потопталась, хотела что-то сказать, передумала и вышла.

— Ты хоть понимаешь, что это на всю жизнь?

— Что, деда?

— Роська. Преданнее, чем он, у тебя пса теперь не будет, но и тебе от него уже не избавиться. Ты давеча спрашивал: чего я с Данилой вожусь... лет пятнадцать назад я за него вот так же хлестался, как ты за Роську. Не спрашивай: «Почему?» — тебе этого знать не надо. Теперь он десятник без десятка и сам народ не соберет. Придется мне.

— Понимаю, деда. Знаешь, был у франков такой человек Антуан де Сент-Экзюпери. Философ и воин, погиб на войне. Так вот он в одной своей книге написал: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Дверь снова отворилась, в горнице нарисовалась Юлька и с порога заявила:

— Мне Мишкину ногу глянуть надо!

— Гляди. — Дед качнул головой в Мишкину сторону.

— Минька, болит?

— Терпимо.

— Не дергает?

— Нет.

— Точно не дергает?

— Точно.

— Повязка не промокла?

— Не чувствую, вроде нет.

— Надо все-таки посмотреть, — не удовлетворилась допросом Юлька.

— Смотри.

Пока Юлька исполняла (или делала вид?) свой лекарский долг, дед сидел задумавшись, потом неожиданно спросил:

— Михайла, кхе, как, говоришь, его звали?

— Антуан де Сент-Экзюпери.

— Не запомню. Жаль. Юлька, что там с Петрухой?

— В лубках весь, — недовольно проворчала лекарка. — Ноет. В нужник, говорит, самому не сходить.

— Кхе, в нужник. Мне бы его заботы. Посмотрела ногу?

— Да, все хорошо, повязка сухая, нога не горячая.

— Ступай.

— Корней Агеич...

— Ступай!

Юлька вышла, из-за закрытой двери послышалось шушуканье, явственно прозвучали слова: «Сидят, разговаривают...» «Откуда я знаю о чем?» Дед подобрал с пола Мишкин сапог, швырнул в дверь — шушуканье стихло.

— Значит, или переломишь, или выгонишь? — спросил дед, как-то очень внимательно глядя на внука.

До Мишки только сейчас дошло, что дед уединился с ним не для того, чтобы как-нибудь наказать, просто наорать и прочесть нотацию. Сотник экзаменовал старшину Младшей стражи, впервые столкнувшегося с открытым неповиновением подчиненного! И было похоже, что позиция старшины деда устраивает.

— Или подчиню, или выгоню, — твердо глядя в глаза деду, заявил Мишка. — Ломать не буду, кому он нужен сломанный?

Дед согласно кивнул и вдруг хитро подмигнул:

— Козлодуй, говоришь? Кхе! А Роську берешь на себя на всю жизнь?

— Беру, деда.

— Молодец, едрена-матрена, хоть сейчас тебе меч навешивай! Хвалю!

«Опаньки! Сэр Майкл, вы чего-нибудь поняли? За цирк не хвалил, за удачу на княжьем дворе не хвалил, за татей побитых не хвалил, за засаду на куньевской дороге не хвалил, а тут... Похоже, сэр Майкл, вы во что-то важное не врубаетесь».

— За что, деда?

— За людей, Михайла, за людей. Ты думаешь, я сотней командую? Ратным повелеваю или воеводством теперь? Я людьми командую! А каждый человек...

— ...это целая вселенная.

— Как?

— Каждый человек — это целый мир, и другого такого же нет.

— Да! Ты сегодня двух человек понял, судьбу их определил и на себя ответственность взял. Иной за всю жизнь этому научиться не может.

— Трех, — поправил Мишка.

— Что «трех»? — не понял дед.

— Завтра к тебе придет Первак — Листвянин старший сын. Будет просить крестить его с братьями и взять в воинское учение.

— Когда ж ты успел?

— А пока вы с Ильей к ужину готовились, а потом еще после ужина собирались вдвоем идти остров Рюген⁷ от латинян освободить.

— Рюген? — Дед задумчиво поскреб в бороде: воспоминания о концовке торжественного ужина, кажется, были смутными, если вообще были.

— Ага, — злоратно добавил Мишка. — И даже пошли, но в разные стороны. Ты — в оружей-

⁷ Принято считать, что князь Рюрик был выходцем с балтийского острова Рюген. Там же, по мнению некоторых исследователей, умер от укуса змеи Вещий Олег. Сейчас остров принадлежит ФРГ.

ную кладовую, а Илья в нужник. Там и уснули.

— Кхе! Я тебе велел уняться со своими шуточками.

— Прости, деда. А вот насчет людей для Данилы...

Дверь снова отворилась.

— Да что ж такое-то? Едрена...

В горницу впорхнула малышка Елька и, бесстрашно просеменив к деду, сосредоточенно сопя, полезла к нему на колени. Младшую внучку дед любил, баловал, с удовольствием держал ее на коленях и вообще относился к ней необъективно и непедагогично. Мать как-то обмолвилась, что Елька очень напоминает деду его покойную дочь Аглаю.

Елька, разумеется, совершенно бессовестно пользовалась дедовым расположением и буквально вила из него веревки, иногда, впрочем, совершенно неожиданно для себя напарываясь на дедовую строгость и всякий раз обливаясь по этому поводу горячими слезами. Сейчас, по всей видимости, затаившиеся за дверью женщины решили использовать Ельку как последнее средство для смягчения дедова гнева, которого на самом деле и не было в помине. Но они-то об этом не знали!

— Елюшка.

Дед помог младшей внучке устроиться, та тут же обхватила его ручонками и зарылась носом в бороду.

— Деда, я тебя люблю.

Дед погладил внучку по головке, мгновенно утратил строгий вид, как-то помягчел лицом и телом и вдруг постарел.

— И я тебя люблю, красавица моя. Ты чего это сюда забрела?

— Деда, не сердись на Мишаню, он хороший.

— Ну бабы!

Дед зыркнул на дверь, но по ту сторону стояла мертвая тишина.

— Пусть сидит, деда, она нам не помешает.

— Кхе... Так что ты там про Данилу?

— Пусть обучает пешее ополчение из холопов. У князей пехота есть, пусть будет и у воеводы. Учить можно зимой, когда работы в поле нет, а призывать в строй всех годных мужиков. Поучит и заодно подберет себе десяток наиболее способных к ратному делу.

— Десяток из холопов?

— Но ведь не в сотне же, а в личной дружине господина воеводы. А что из холопов, так твои холопы, что хочешь, то и делаешь.

— Кхе... Данилу невзлюбили после той переправы... — Дед задумался, машинально поглаживая Ельку по русской головке. — А так и при деле, и вроде бы... Только мы же конники, как там пехоту учить?

— Разберется, не дурак, — уверено заявил Мишка. — Доспех для пехоты — стеганка на конском волосе — ненамного хуже кольчуги. Шлемы — тут придется поработать и потратиться. Справимся, наверно?

— Подумаем. Лавруху озадачу.

— Оружие: рогатины, топоры и... И самострелы.

— Самострелы? — Дед сразу же подобрался, утратив ласковую расслабленность. — А ну как на нас повернут?

— Во-первых, против наших конных лучников они никто и звать никак. Перещелкаем, как курей. Во-вторых, на руки не отдавать, а только для учебы и в...

— Мишаня, а ты мне еще одну куколку сделаешь? — подала, совершенно не к месту, голос Елька. — А то Матрене скучно одной!

— Кхе!.. Ой, деда... — Мишка прихлопнул рот ладонью, но было поздно.

— Ты кого передразниваешь, сопляк!

— Деда, прости, это я от нежи...

— Деда, не ругай Мишаню, он хороший, он мне куколку...

— О господи! — Дед возвел очи горе.

«Сумасшедший дом, во бабы психотропное оружие нам послали!»

— Вон отсюда!

Дед спихнул Ельку с колен.

— А-а-а! Мама-а-а!

— Вон с глаз моих! Оба!!!

— А-а-а! Мама-а-а!

Мишка взгромоздился на костыли, двинулся к валяющемуся у двери сапогу. Правый костыль, которым он лупил Петьку, вдруг с хрустом подломился, и Мишка полетел на пол, больно приложившись лбом об дверное полотно. Снаружи кто-то ломанулся в горницу и еще раз треснул Мишку дверью по лбу.

«Все! Перебор, блин! Лучшие уж при дерьмократах».

Глава 3

Начало апреля 1125 года. Нинеина весь

Дорога в Нинеину весь, узкая и извилистая, шла среди высоченных деревьев, и весеннее солнышко сюда почти не заглядывало, поэтому снег, посеревший и ноздреватый, не был покрыт настом, таким опасным для лошадиных ног. Ночью немного подморозило, и Рыжуха легко тащила сани, с шипением перетирающие полозьями многократно подтаявшие и подмерзшие кристаллики льда.

Так уж сложилось, что из всей тягловой скотины, имевшейся на подворье сотника Корнея, именно Рыжуха закрепилась за Мишкой в качестве персонального транспортного средства. Мишка не возражал, ему нравилась поразительная универсальность Рыжухи. Та одинаково послушно и умело ходила и под седлом, и в упряжке, и даже участвовала в цирковых представлениях.

Не меньше универсальности импонировал Мишке и характер кобылы, воспринимавшей все перипетии судьбы с истинно философской невозмутимостью. Казалось, ей абсолютно безразлично: нести на спине жонглирующего горящими факелами циркача или волоочь из лесу воз с дровами.

Только два обстоятельства могли вывести Рыжуху из созерцательно-пофигистского состояния. Первым был покойный Чиф, успешно умевший возбудить в любой скотине и жеребьячью резвость, и военную дисциплинированность, и панический ужас — смотря что требовалось по ходу дела.

Вторым обстоятельством был прием пищи. По отношению к этому процессу Рыжуха вполне могла бы войти полноправным членом в клуб самых взыскательных гурманов, придирчиво оценивающих не только качество ресторанной кухни, но и сервировку, репертуар оркестра, оформление зала, даже степень благообразности швейцара и шкафоподобия охранников.

На пастбище она обязательно паслась несколько в стороне от всего стада, не хватая все подряд, а выедавая траву отдельными островками, определяемыми по только ей одной известным признакам. И с надетой на морду торбой с овсом Рыжуха не стояла на месте, как все лошади, а шлялась по всему загону, выбирая более привлекательное, с ее точки зрения, место для вдумчивого и тщательного пережевывания. Даже любимую ею морковку она принимала от Мишки с таким видом, словно раздумывала: в какой торговой точке сей продукт приобретен и не содержит ли он, чего доброго, зловредных модифицированных генов.

Мерный топот копыт и шипение снега под полозьями навевали дрему, мысли текли лениво, постоянно перескакивая с одной темы на другую.

«Змей Горыныч, Соловей-разбойник... Почему именно легенды этой земли пережили века и известны каждому школьнику? Может быть, оттого, что историю и правда пишут победители? Ведь именно киевские князья собрали Русь в единую державу.»

Засели в печенках у киевлян воевода Соловей и воевода с реки Горыни, и вот вам, пожалуйста, отрицательные персонажи на ближайшее тысячелетие для всей Руси. Служили верой и правдой Киеву Добрыня, Илья Муромец, Алеша Попович, вот вами положительные герои опять же для всей Руси.»

Все — как всегда. Проблемы столицы, хоть тресни, обязательно должны быть проблемами всей страны, хотя в Муроме двенадцатого века про реку Горынь и слыхом не слыхивали, а проблема московских автомобильных пробок конца двадцатого века у обитателя какого-нибудь райцентра Первомайский никакого, даже академического, интереса не вызывает.»

То же самое и с радостями. Если в Киеве под восторженные «аллилуйя» народ окунают в Днепр (между прочим, запросто и утопить могут от излишнего усердия и во славу Божью), то извольте с просветленными ликами устраивать такие же купания и в Волхове. А то, что за болтающийся на шее крестик в ближайшем переулке могут по данной шее накостылять, а то и железку под ребро сунуть, — сущие мелочи, всеобщей радости и благолепию воспрепятствовать совершенно неспособные.»

Если в Москве ликуют по поводу прироста инвестиций, то и ты в своем Верхнеопупенске изволь ликовать вместе с начальством по этому абстрактному поводу, хотя от всеобщего оскудения и оскотинивания делается тебе столь томно, что даже и не знаешь: то ли васильков собрать, то ли зарезать кого-нибудь.»

Ну а вам, сэр, легче оттого, что находитесь вы в двенадцатом веке и едете в гости к ученице Бабы-яги? Все равно ни черта не помните, даже того, кто в ближайшее время станет после Владимира Мономаха великим князем киевским. Эх, хоть бы на часик в Интернет заглянуть! Впрочем, как говаривал один персонаж мультфильма: «Мы и так неплохо питаемся».

А Петьке-то и пожрать нормально не удастся, и как я умудрился ему вторую клеищу отшибить? Странно он все же к Роське относится — в Турове защищал, а здесь за человека не держит. Может, дело в том, что в Турове он был старшим сыном хозяина, на всех, кроме родителей, покрикивать мог, а здесь — такой же отрок, как все, помыкать нечем? Достаточная мотивация? Здесь да, а в Турове нет. Там он себя вел вполне благородно. Должен быть какой-то «общий знаменатель», не пойму — не справлюсь. Это я деду свистел: отлуплю, выгоню, — а на самом деле... Надо разбираться, мне же с Петькой еще долго дела вести придется — он наследник Никифора, наследник Торгового дома.

Что там было-то? Извинения он принес, будем считать, нормально. Поведение изменилось потом, когда я вернулся. Почему? Роська «дал слабину» — раз. Я Петьку облаял — два. Два ли? Козлодуй.⁸ Деду, кстати, понравилось. Сам он не слышал, наверно, передал кто-то. Нет, Петька отреагировал не на ругань, а на требование изменить отношение к Роське. Тогда почему он извинился? А! Дт него было неожиданностью назначение Роськи десятником.

Как десятник перед десятником он извиниться был готов, а вот забыть о том, что Роська был его холопом... Он даже какую-то базу под это подвел... «Холоп должен помнить хозяина всю жизнь». Ага, вот и «общий знаменатель» — в Турове Петька защищал своего холопа от несправедливого обвинения, мол, хозяин — «отец родной», в обиду не даст. Добро холоп должен помнить... так Роська и не выпендривался, он, наоборот, «умилился до слез». Это я... Есть! В понимании Петьки я отобрал у него... Даже не холопа, нет, подчиненную личность, над которой он доминирует, независимо от наличия отношений «хозяин — холоп».

Социально-биологическая цель жизнедеятельности — лидерство в паре или малой группе. Я разрушил пару несколькими последовательными действиями: выкуп, крещение, заступничество, — я забрал Роську себе, а потом еще сделал заявку на доминирование в паре с Петькой. Команда «встать!». Это было обязательно: в конфликтной ситуации надо заставить противника выполнить хотя бы простейшую команду. А для Петьки это выглядело так: приперся некто, пытается подчинить меня, забирает себе моего аутсайдера... Конечно, такими словами он не думал, слов вообще не было — подобные конфликты были обычным делом еще в те времена, когда гомо сапиенс был стадным животным и всем все было прекрасно понятно и без слов. Вожака стаи творит, что хочет, а молодые самцы время от времени огрызаются и получают трепку.

Да, уступить без боя молодой самец Петька не мог, даже помня о том, что один раз уже был бит. И был побит второй раз! Победа моя несомненна, хотя уволокли меня оттуда, как мешок. Но сегодня я опять в строю, а Петька будет ощущать последствия еще очень долго, причем последствия унижительные.

Может озлобиться и затаить месть? Нет, не тот характер, Пашка мог бы, а Петька парень прямой. Тем более что у меня есть для него компенсация — иерархическое лидерство. Будет командовать десятком отроков из новой родни, а потом теми, кого привезут из Турова. Второе, кстати, для него более ценно, поскольку отношения сохранятся и по возвращении домой. Если дурака не свалют, то и на всю оставшуюся жизнь. Надо будет ему как-нибудь объяснить.

Чудненько, ни бить, ни выгонять Петьку не понадобится. Он примет мою роль вожака стаи, а сам займет свою нишу в иерархии. Надо только пару раз поговорить с ним командным голосом и обозначить перспективы иерархического лидерства. А подчиненную личность он себе сам найдет. Не завидую тому парню, но жизнь есть жизнь.

Стоп, а Артюху он на эту роль не пригребет? Нет, пожалуй. Артюха начал его учить играть на рожке, несколько раз поговорил наставительным тоном. Физические кондиции у Петьки сейчас, считай, на нуле. Не получится. Я, правда, велел Петьке начать учить Артюху грамоте... Это можно и отменить, пускай начинает с отроков из своего десятка. «Загипсованный», он все равно больше ни на что не годен.

Теперь Роська. Не зря ли я его на Петра направливаю? Будут ведь хлестаться всерьез, еще покалечат друг друга. Хотя два десятника, у каждого своя команда, их в спарринге можно вообще

⁸ Козлодуй — название населенного пункта в Болгарии, вблизи которого, при содействии СССР, была построена атомная электростанция.

не сводить. Перевести соперничество в иную плоскость — кто лучше командует десятком, у чьих людей показатели «боевой и политической подготовки» выше... наверно, есть смысл. Роська из шкуры выпрыгнет, чтобы победить».

Роська, до того сидевший с задумчивым видом, расслабленно держа в руках провисшие вожжи, словно почувствовал, что Мишка думает о нем, — встрепенулся, понукнул Рыжуху и повернулся к своему старшине:

— Минь, а я ребят-то много присмотрел — больше трех десятков.

— Так ты, наверно, всех пересчитал?

— Зачем всех? — Роська пересел так, чтобы было удобно смотреть на Мишку, не выворачивая голову через плечо. — Я видел, как Ходок гребцов выбирает. Вот и я так же: только нужного возраста и таких... ну, крепеньких. А всяких сопливых, тощих, чахлах, в общем...

— Понятно, Рось. Нет, столько нам из семей забирать нельзя. Понимаешь, у землепашца каждая пара рабочих рук на счету. Дети с малого возраста по хозяйству работают. Он сына растил, рассчитывал, что тот вот-вот в возраст войдет, настоящим помощником станет, а тут мы: раз — и увели его надежду. А старость-то не ждет, кто стариков родителей прокормит? Будем брать только из тех семей, где несколько сыновей, и лучше всего, чтобы не старшего, а второго или третьего. Так что дели свое «больше трех десятков» на три. Возьмем десять, максимум пятнадцать.

— Максим... это что?

— Максимум. Научное слово, означает самую большую величину. Есть еще минимум, означает самую малую величину. Повтори: максимум, минимум.

— Максимум, микси...

— Максимум, минимум!

— Максимум, минимум. А зачем это?

— А затем, что Петька этого не знает, а ты теперь знаешь!

— И что?

— И то! Вставишь к месту в разговоре — ты умный, а он дурак дураком.

Роська согласно кивнул, немного помолчал, раздумывая, и неуверенно поинтересовался:

— А как их вставлять-то?

— Ну вот послал бы я тебя привести этих ребят ко мне и сказал бы так: «Особо не скромничай, минимум десять человек». Это значит, что меньше десяти приводить нельзя. Чуть больше можно, а меньше — нет. Как бы границу прочертил. Или наоборот: «Особо не жадничай, максимум пятнадцать человек». Это значит...

— Не больше пятнадцати! — радостно подхватил Роська. — Чуть меньше можно, но не больше.

— Правильно, — похвалил Мишка крестника. — А теперь придумай что-нибудь сам с этими словами.

— Ну, это...

Лицо Роськи исказилось от напряженной работы мысли. Он поскреб в затылке, не помогло. Поерзал — тот же результат. В конце концов предложил:

— А может, ну его?

— Давай-давай, мозгам тоже упражнения нужны, как и телу.

Роська напрягся и выдал:

— Это... Вот! А пригони-ка мне минимум десять лошадей!

— Неправильно, а значит, глупо. Выглядишь смешно. Слова «минимум» и «максимум» употребляются тогда, когда точное число назвать не можешь, а можешь только обозначить границы — самое большее или самое меньшее. Вот представь себе, что ты кормщик, как Ходок. Нужно вести ладью на веслах против течения, и хозяин спрашивает тебя: «Сколько пройдем за день?» Придумывай ответ со словом «минимум».

— Э-э... Минимум двадцать верст!

— Почти верно. Еще лучше будет: верст двадцать пять, минимум двадцать. То есть никак не меньше двадцати, но может быть, и чуть больше. Понял?

— Ага.

— Тогда давай по течению, но тут уже будет максимум.

— Верст пятьдесят, максимум шестьдесят, — отбарабанил Роська.

— Вот и ладно, потом еще попрактикуемся.

Некоторое время Роська сидел тихо, что-то бормоча себе под нос, наверно, тренировался, потом снова повернулся к Мишке:

— Минь, а сколько их всего?

— Кого?

— Ну, слов научных.

— А ты сколько всего слов знаешь?

— А... Да кто ж их считал?

— Ты знаешь, скорее всего, около тысячи слов.

— Сколько?

— Около тысячи. Хотя ты на ладье во многих местах бывал, много видел, с разными людьми общался. Может быть, и полторы тысячи.

— Ого!

Роська явно был ошарашен «оцифровкой» собственной эрудиции.

— А если еще столько же научных слов узнаешь и поймешь, — добавил Мишка, — то станешь мудрецом, все тебя уважать будут, за советом приходиться, и будешь ты лысым, беззубым и с седой бородой.

— А лысым-то чего? — возмутился Роська.

— А мыслям в голове тесно будет, они изнутри волосы и повыталкивают.

— Да ну тебя.

Роська еще немного помолчал, но долго дуться не смог.

— Минь, а ты сколько слов знаешь?

— Тысяч пять.

«А не свистите, сэр?»

— Пять?

— Это все по большей части книжные слова, они в простых разговорах редко звучат, как тот самый максимум... Слушай, Роська, а ты читать умеешь?

— Ходок учил.

«Ну и повезло тебе, парень, далеко, далеко не всякому мальчишке, попавшему в рабство, попадается такой Ходок, ох не всякому!»

— Останови-ка.

Мишка, не вылезая из остановившихся саней, концом костыля крупно написал на снегу: «Ростислав».

— Прочти-ка.

Роська некоторое время напряженно смотрел на надпись, потом расплылся в улыбке.

— Ну себя-то я знаю!

— Хорошо, тогда это.

На снегу появилось слово «Ратное».

— Рцы, Аз — Ра. Твердо, Наш... Твердо, Наш... Твердо, Наш... не выходит, Минь.

— В первом слоге три буквы.

Мишка разделил слово вертикальной чертой.

— Попробуй теперь.

— Рцы, Аз — Ра. И еще Твердо — рат. Наш, Он — но. Ратно... Есть... Ратное!

— А теперь напиши сам: «Рыжуха».

«Рцы» Роська вывел уверенно, но над следующей буквой впал в задумчивость. Почесал в затылке, потоптался, глянул на Мишку и нацарапал наконец «И». Дальше все продолжалось в том же духе. Результатом примерно трехминутных усилий стала корявая, составленная из кривых и разнокалиберных букв надпись: «Рищуха».

— Две ошибки, — подвел итог Мишка.

— Где?

— Здесь. Вместо «Еры» написано «И», а вместо «Живете» — «Шта». Вообще-то не так плохо, как я ожидал. Грамоту ты знаешь, только практики мало было. Надо побольше читать и писать.

— Где ж мне?..

— Как вернемся, дам тебе Псалтырь. Давай садись, поехали. Так вот, дам тебе Псалтырь. Каждый день будешь заучивать один стих. А вечером будешь у меня на глазах по памяти его записывать. Покопайся в дровах, набери бересты. Знаешь, как с ней обращаться?

— Знаю.

— Вот и будешь писать. И как только наберем ребят в твой десяток, сразу же начнешь учить их грамоте.

— Я?

— А кто же?

— Так я же... — Было невооруженным глазом видно, что Роська ожидал чего угодно, но только не этого. — Ты же сам сказал, что в лошади две ошибки, и Ратное я сам не смог...

— Самый лучший способ научиться чему-нибудь — учить того, кто знает это еще хуже тебя. — Мишка изобразил на лице ободряющую улыбку. — Ребята твои будут совсем неграмотными, так что ты, по сравнению с ними, ученый муж.

— Да какой я ученый... — Роська безнадежно махнул рукой.

— Петька своих тоже будет грамоте учить. Твои должны выучиться быстрее и лучше.

— Так он в монастыре учился, за большие деньги!

— Хватит препираться, будешь учить! — приказал Мишка командным тоном. — Теперь проверим счет.

— Ну это я знаю! — Роська заметно приободрился, видимо, в этой «научной дисциплине» он чувствовал себя увереннее.

— Знаешь? Ну что ж, проверим. Три и два?

— Пять!

— Шесть и три?

— Девять!

— Семь и восемь?

— Пятнадцать!

— От шестнадцати отнять девять?

— Семь!

— Гм, двадцать семь и тридцать шесть?

— Э... Шестьдесят три!

— Однако! Сколько не хватает до сотни?

— Тридцать семь!

— Очень прилично, даже не ожидал. — Мишка действительно был приятно удивлен — А умножать можешь?

— Если не много.

— Три по три?

— Девять.

— Два по семь?

— Четырнадцать.

— Четыре по восемь?

— Э... Тридцать... тридцать два.

— Семь по восемь?

— Семь по восемь... не помню.

— Все равно очень хорошо! — искренне похвалил Мишка крестника. — Тоже Ходок учил?

— Ха! Пока весь товар на ладью погрузишь, да пересчитаешь, да не сойдется, да снова пересчитаешь, а потом выгружать, да не все, и новое грузить, и опять считать...

— Понятно-понятно, — прервал Мишка бойкую скороговорку. — По счету у тебя знаний примерно половина от Петькиных, по чтению, пожалуй, десятая часть, по письму... считай, сотая. Придется догнать... и перегнать.

— Да он же в монастыре!..

— Помню: за деньги. Нет денег — бери умом и старанием. Я помогу. Запомни: твои ребята должны выучиться быстрее и лучше Петькиных. Тогда тебе и морду ему бить не придется. Понял?

— Не-а, не получится...

— Отставить! Десятник «Младшей стражи» Василий! Слушай приказ! Приступить к обучению ратников «Младшей стражи» второго десятка по их прибытии в твое распоряжение. Обучать быстро и хорошо. Обогнать в учении ратников первого десятка. Срок — до прибытия ладьи купца Никифора!

— Минь... Ой. Слушаюсь, господин старшина! А если не выйдет?

— Значит, хреновые мы с тобой, Роська, командиры.

— А ты-то тут при чем, Минь?

— А я в «Младшей страже» при всем. Старшина. Куда денешься?

Снова шипит под полозьями снег, топчет Рыжуха, проплывают мимо деревья.

«Повезло мне с Роськой. Вернее, сначала Роське повезло с Ходок, а я теперь пользуюсь плодами его воспитания. Наверно, любил он парнишку, возился, учил... теперь, поди, тоскует без него.

Но отпуская с легкой душой — понимал, что для Роськи так лучше.

Дед, скорее всего, прав: Роська — это на всю жизнь. Смогу ли я заменить ему Ходока? Обязан. «Мы в ответе за тех, кого приручили». А Роська даже не приручился, а... и слово-то не подобрать. Сломанный костыль вот мне починил, поднялся, наверно, ни свет ни заря, а я, свинья такая, даже не поблагодарил как следует, не до того было».

* * *

Утром Мишку пришли благодарить Лавр с Татьяной. Кланялись, говорили всякие приятные слова. То, что «лечение» удалось, по крайней мере в части «снятия отворота от жены», было видно, что называется, невооруженным глазом — по сияющему виду и припухлым губам Татьяны да по синюшным кругам вокруг глаз Лавра.

Поднесли племяннику подарки: синюю шелковую рубашу и воинский пояс с чеканными бляхами. Рубаша вышита серебром — чувствовалась рука матери или по меньшей мере ее наставничество. Подношение было царским, наверно, приготовлено было на свадьбу одному из сыновей, а теперь досталось племяннику. Мишка кланялся в ответ, говорил, что положено, а сам готов был со стыда провалиться сквозь пол.

Эту особенность своего характера Мишка, тогда еще Михаил Андреевич Ратников, обнаружил во времена депутатства. Поможешь какой-нибудь бабке оформить копеечную справку, а она благодарит, как будто ты ей жизнь спас. И понятно, что благодарит не за бумажку, а за то, что в вертепе бюрократии нашелся хоть кто-то, кто отнесся по-человечески, а все равно чувствуешь себя, как... Как хрен знает что. Неудобняк голимый.

«Вот и тут... Да еще мать с женской половины так и не вышла. Ей-то Татьяна радость... даже думать не хочется. И не помочь было нельзя, хоть стреляйся».

Воспоминания оборвал голос Роськи:

— Минь, а ты долго учился?

— Что?

— Я говорю: сколько надо учиться, чтобы, как ты... ну пять тысяч слов знать?

— А я и сейчас учусь.

— Как это?

— Да так. Учиться надо всю жизнь, как только перестаешь, сразу начинаешь потихонечку дуреть. Был когда-то такой император Николай. Николай Второй его звали. Пьяница горький, балбес. Когда его отец помер, он в своем дневнике... Это книжница такая, куда все важные события и мысли записывают. Так вот: когда его отец умер, он в этой книжнице написал: «Закончил образование окончательно и навсегда!» Все, мол, папаши нет, больше никто учиться заставлять не будет. И доигрался: довел свою империю до того, что народ взбунтовался. Его самого убили, всю его семью тоже, между собой резались несколько лет. Кучу народа перебили, города и веси порушили. Соседи еще влезли, тоже такого наворотили... И не стало Великой Империи, существовавшей триста лет.

«Сорри, сэр, а не за уши ли вы вопрос образования к концу дома Романовых притягиваете? Да нет, пожалуй, — отношение к образованию, как правило, характеризует человека достаточно точно. Нежелание или неспособность усваивать новую информацию означает окончание процесса развития личности, и не только интеллектуального, но и нравственного. Кстати, совместим приятное с полезным — покажем Роське пример, а заодно попробуем получить полезные знания».

— Всего, Рось, узнать нельзя, на это просто человеческого века не хватит. Но знания требуется пополнять постоянно, и лишними они не бывают. Я вот вчера обнаружил большой пробел в образовании. Ты случайно не знаешь, что дороже: дирхем или куна?

— В куне серебра больше, она тяжелее, а дирхем тоненький, легкий. Но зато дирхем — монета, а куна — просто кусок серебра. Ходок говорил, что дирхем в любой стране берут, а кунами только у нас рассчитываются. В других странах куны надо сначала на монеты обменять, а потом уже на торг идти, и от этого убыток выходит.

— Выходит: так на так?

— Не-а, если ты только у нас собираешься торговать, то куна дороже, а если тебе монеты нужны, то дирхем дороже.

«Блин! И тут деревянный неконвертируемый. До копеек еще больше трехсот лет осталось, рубль как монета и вовсе при Петре только появится, а все проблемы уже в полный рост».

— А сколько дирхемов в динаре, не знаешь?

— А они все разные. Потертые, обрезанные, Ходок говорил, что до нас новые, полновесные не

доходят. Менялы в Киеве их не поштучно, а на вес обменивают. Если серебро на серебро менять, то за монеты и полтора веса взять могут, даже больше. Невыгодно. А если золотую монету на серебряные разменивать, то берут по весу один к двенадцати или к пятнадцати, смотря еще какая монета золотая. Есть греческие солиды, сами греки их номизмами называют. Золотые, но Ходок говорил, что их лучше не брать, в них золото плохое, греки туда добавляют что-то. То есть в старых солидах золото хорошее, но они потертые или обрезанные, а новые вроде и блестят, но золото в них с примесями. Хуже динаров.

— А еще какие ты монеты знаешь?

— Есть еще какие-то монеты латинские, но я их не видел. Ходок латинян ругал, говорит, они стоворились к нам монеты не возить, а товар на товар обменивать.

«Блин, ну как домой вернулся! Цивилизованный Запад давит русских варваров экономическим рычагом. Цивилизованный, как же! Меньше ста лет, как этих цивилизованных начали учить носить нижнее белье, мыться и отличать закуску от десерта. Учили две королевы — датская и французская и одна императрица — германская. Все три — дочери Ярослава Мудрого. Цивилизация, мать их... Будем справедливы: мавры европейцев тоже учили, другими методами, но примерно тому же самому. Однако дальше Испании эта наука не пошла».

— Ну вот видишь: и ты меня поучил.

— Да разве ж это учеба? — удивился Роська.

— Но знания-то новые я получил? Значит, учеба.

«Интересно, почему князья монету не чеканят? Потому, что на Руси своего серебра нет? Или потому, что как истинные аристократы торговлей не интересуются? Вообще, как-то они странно управляют, как будто временно здесь, хотя сидят-то уже больше двухсот пятидесяти лет. Блин, что ТАМ, что ЗДЕСЬ — Запад давит, потому что свои власти мух не ловят. Вернее, ловят, но исключительно для себя любимых. Тогда какая, к хренам, разница? Ах, во всем были виноваты коммунисты, а теперь нас будут любить! Ага! Разве что плотски, во все дыры разом. ЗДЕСЬ про коммунизм ни слуху ни духу, а все то же самое».

— Минь, вроде бы подъезжаем.

— Значит, так, — принялся инструктировать крестника Мишка. — Выедешь из леса, остановишься, я покажу — где. На левом от нас краю деревни стоит дом. Большой — на подклети. На него не смотри, выйди из саней и поправляй упряжь. Стой так, чтобы к тому дому быть спиной.

— А зачем?

— Делай, что говорят!

«Хамите, сэр! Парень правильно удивился, зачем же так?»

— Понимаешь, Рось, мы же без приглашения и о приезде своем не предупредили. Надо дать хозяйке немного времени, чтобы к приему гостей подготовиться. А то ведь незваный гость хуже... э-э... половца. И еще. В доме не крестись и Христа не поминай, как войдешь, поклонись очагу.

— Она что, язычница?

— Она волхва.

— Да ты что? И мы к ней... — Хотя вокруг никого не было, Роська отчего-то перешел на шепот: — Как же не креститься-то?

— В чужой монастырь со своим уставом не лезь. Хозяев надо уважать.

— А ты вчера про искру Веры говорил.

— Говорил. Только Ниня уже стара, чтобы ее перевоспитывать. Она сама кого хочешь... М-да. В общем, веди себя вежливо, Ниня не только волхва, но еще и боярыня очень древнего древлянско-го рода. Да, кстати: не просто Ниня, а Ниня Всеславна. Запомнил?

— Запомнил. — Роська немного помялся и предложил: — Может, я лучше на улице подожду?

— Да не валяй ты дурака, не съест она тебя! Ниня мне жизнь в прошлом году спасла. Хорошая женщина, сам увидишь. Все, вот здесь остановись и делай вид, что упряжь поправляешь.

«Интересно: волхв дошел? На дороге следов не было. Может, лесом пошел, напрямую, или в другое место подался? Долговато добирались, давно уже за полдень перевалило, ночевать придется остаться. Значит, детишкам сказку рассказывать. Что ж им рассказать-то?»

— Минь, — Роська говорил все так же шепотом, — а чего деревня пустая?

— Я же сказал: не смотреть!

— Так я на тот дом и не смотрю. А остальное-то! Дорожки натоптаны, в трех домах вон печи топятся, а ни людей, ни скотины. Даже собак нет! Жутко как-то...

— Собаки есть — три суки. — Мишка нарочито отвечал Роське в полный голос. — И скотина имеется — корова с телкой, лошадь, куры, гуси. А людей нет, тут ты прав. Вымерли все в моровое

поветрие. Две семьи сбежали, но тоже, наверно, умерли где-то. Осталась одна Нинейя и шестеро внучат. И прекрати ты шептать, разговаривай нормально!

Роська помолчал, о чем-то раздумывая, потом его «озарило»:

— А-а, так вы сюда своих холопов поселить хотите? Я-то думал: куда вы столько народу захихнете?

— Не только сюда, у деда до морового поветрия еще на выселках народ жил, это в другую сторону от Ратного. А сюда поселим, если Нинейя разрешит. И воинская школа здесь будет. Да отойди ты от лошади, сколько можно упряжь дергать? Вон уже и Рыжуха удивляется. Подойди сюда, покажи, где тут что уложено, а то я и посмотреть не успел. Только спиной, спиной к тому дому!

— Вот тут — игрушки для детей, тут — сладости, — принялся перечислять Роська, — а это — платок для Нинейи. А это Анна Павловна сама положила, я и не знаю, что здесь...

— Какая Анна Павловна?

Роська изумленно вылупил на своего старшину:

— Ты что? Матушка твоя!

— Тьфу! Я и не понял. Ты бы еще Ельку Евлампией Фроловной назвал. Зовут все ребята мать крестной, и ты зови. Что ты как чужой?

— Я — для уважения!

— Хочешь для уважения, зови меня «господин старшина», а для матери чем роднее, тем лучше.

— Ага, понял. Долго еще ждать-то?

— Все уже, вон — встречают. Трогай потихоньку.

На дороге появилась знакомая фигурка Красавы.

— Мишаня! Мишаня!

Разглядев в санях незнакомое лицо, Красава резко остановилась и настороженно уставилась на Роську.

«М-да, не любят здесь чужих».

— Не бойся, Красава! Это — мой... названный брат Ростислав. Иди сюда, садись в сани.

Красава нерешительно потопталась на месте, но потом все-таки забралась в сани.

— Мишаня, а ты подарки привез?

— Привез, Красавушка, привез.

— А сказку расскажешь?

— Расскажу... Красава! Да ты шепелявить перестала!

— Ага! Слушай: шмель жужжит в камышах! — Красава явно гордилась своим достижением. — Бабуля научила!

«Она еще и логопед! Ну дает бабка. Одно слово — волхва!»

* * *

Нинейя встречала гостей на крыльце.

— Здрава будь, Нинейя Всеславна! — Мишка обнажил голову и поклонился, насколько позволили костыли. — А это — мой названный брат Ростислав.

— Здрава будь, Нинейя Всеславна! — Роська поклонился «большим чином», дотронувшись шапкой, зажатой в вытянутой руке, до земли.

— Здравствуй, Мишаня, здравствуй, Славушка. Мишаня, а что с ногой-то?

— Подстрелили немножко, баба Нинейя, ничего страшного.

— Ну у тебя лекарка изрядная рядом, поправишься. Заходите в дом, ребятюшки.

Подражая Мишке, Роська поклонился очагу, потом принялся пристраивать на лавке перенесенные из саней подарки. Нервничал он все-таки здорово — мешки никак не хотели вставать, все валилось из рук. Нинейя, понимающе улыбаясь, помогла ему.

— Ты из каких же будешь, Славушка?

— Не знаю, Нинейя Всеславна, я еще в детстве в рабство попал...

Роська смущенно зыркнул глазами в Мишкину сторону.

— ...Михайла меня выкупил и крести... Ой.

Мишкин крестник прервался на полуслове и густо покраснел.

— Ничего, Славушка, все хорошо. Мишаня молодец, что крестника названным братом величает. Так и надо, так на самом деле и есть. Не смущайся, Славушка, раздевайся, да садись-ка вот здесь, поговорим. Нехорошо, когда человек своих корней не помнит.

— Баба Нинейя, я тут вам из Турова... — начал было Мишка, но Нинейя перебила:

— Погоди, Мишаня, я должна знать, кто ко мне в дом пришел. Славушка, рассказывай.

«Знакомое мероприятие, сейчас Роська выложит всю подноготную, даже то, о чем давно забыл. Сильна боярыня Гредислава, сильна, ничего не скажешь».

Мишка уселся на край лавки у торца стола, пристроил рядом костыли и стал слушать. Рассказ свой Роська начал с уже знакомой истории о захвате Никифором польской ладьи. Ниня некоторое время послушала, потом прервала Роську:

— А раньше? До того?

Роська молчал. Ниня повела перед собой рукой, Роська закрыл глаза, расслабился и вдруг... заговорил на каком-то незнакомом языке. Язык был явно не славянский. В XII веке русские еще могли общаться с чехами, поляками, болгарам и другими славянами без переводчика, различия в языках еще не стали столь существенными, как несколькими веками позже.

В том, что произносил Роська, тоже попадались хоть и искаженные, но знакомые слова и обороты, но большинство слов были непонятны. Ниня задала какой-то наводящий вопрос на том же языке. Роська вдруг судорожно втянул в себя воздух и попытался встать. Ниня ласковым голосом с хорошо знакомыми Мишке расслабляющими интонациями успокоила парня. Тот пробормотал еще несколько слов и умолк.

— Ятвяг твой крестник, Мишаня.

«Ятвяг? Ятвяги, ятвяги... Что-то такое я знаю. Пруссы, летты, литвины... Или литвины — это уже позже? И где-то там же ятвяги. Летто-литовское (или летто-славянское?) племя. А летто-славяне вообще были? Ну ни хрена не знаю! Говорила мама: „Учи историю“.

— Ятвяги — это на запад от кривичей?

— Да, они западные соседи полочан. Имя его — Ёнас, или Йонаш, или Янис. В тех местах такие имена есть. Мать его звала Ёша. Отец-то его точно ятвяг, а мать — не знаю. Ёша совсем мальцом был, не помнит почти ничего. Только мать и имя, да еще огонь, крики и какие-то бородатые хари в ладье, но хари вроде бы не нурманские. Потом он жил где-то у воды. То ли река большая, то ли озеро, а может быть, и море. Еще помнит город. Не весь город, а только каменную стену. А потом опять ладью и...

Взгляд Ниней метнулся за спину Мишке.

— Стой!!!

Мишка, как только мог быстро, обернулся — в паре шагов позади него, держа в опущенной руке топор, стоял куньевский волхв. Мишка сразу же понял, что Ниня остановила волхва не только голосом, — тому явно было не по себе.

— Н-н-н... Н-ниня, н-не мешай...

— Стой! — властно повторила волхва.

Волхв не послушался, качнулся вперед, сделал маленький шагок к Мишке. Мишка откинулся назад, уперся спиной в стол, одновременно хватаясь за рукоять кинжала на поясе... И тут Ниня ударила. Даже не ударила, а... Мишка почувствовал, что в какую-то долю мгновения через него, от затылка к лицу, от спины к груди, прошло то самое ощущение, которое охватило его, когда он встрял в схватку между отцом Михаилом и Ниней.

Волхв запрокинул голову назад и упал. Тело его выгибалось дугой, билось в конвульсиях, затылок стучал в пол, на губах выступила пена. Длилось это недолго — всего несколько секунд, потом волхв расслабился, распластался на полу, как тряпичная кукла.

«Вот он, боевой навык ведуньи! Классический эпилептический припадок. На кой ей охрана, она кого хочешь завалит!»

Мишка обернулся к хозяйке дома и успел уловить на ее лице какое-то... охотничье, что ли, выражение. Да, именно таким бывает лицо у охотника сразу после выстрела, причем выстрела неудачного — смесь хищности и досады. Но Ниня-то попала!

— Я же специально на околице ждал, чтобы он уйти мог, — пробормотал, словно оправдываясь за какой-то проступок, Мишка.

— Нож-то убери, не с кем воевать.

Мишка, только сейчас поняв, что успел-таки извлечь оружие, сунул кинжал обратно в ножны. Волхв слегка пошевелился и слабо застонал.

— Вставай!

Голос Ниней ударил по нервам, как электрический разряд. Мишка сам чуть не вскочил с лавки — такому голосу было невозможно не подчиниться.

— Красава, принеси его одежду и собери еды в дорогу! — распорядилась Ниня.

Девчонка забежала за занавеску, из-за которой вышел волхв, и деятельно там чем-то зашурша-

ла.

— Вставай!

Волхв со стоном перевернулся на живот, поднялся на четвереньки. Его шатало из стороны в сторону, как пьяного. С четвертой попытки мужику все же удалось подняться на ноги. На Нинею он не смотрел, тупо уставившись на входную дверь.

Подскочила Красава, сунула волхву в руки котомку, шапку и тулуп. Тот одеваться не стал, держал свои вещи в охапке и слегка покачивался на нетвердых ногах, продолжая пялиться на дверь.

— Сама оденься!

Красава шмыгнула в угол.

— А ты сейчас уйдешь! Насовсем! — От голоса волхвы по спине бежали мурашки, Мишке даже показалось, что на затылке зашевелились волосы. — Если приблизишься к моим землям хоть на день пути, тебя будет корчить так же, как сейчас! Красава, веди его к переходу через реку.

Девчонка вышла за порог, уставилась на волхва чуть исподлобья, немного так постояла и... поманила его к себе пальчиком. Здоровенный дядька двинулся к девчонке как сомнамбула. Та, пятясь спиной вперед и не спуская с волхва глаз, вывела его из дома.

«Ух ты! Да Нинея ее не только шепелявить отучила. Выбрала, значит, себе преемницу. Ну да, Красава же и раньше говорила, что бабка ее учит.»

«Если приблизишься к моим землям на день пути...» Интересно, что Нинея считает своими землями — только округу или все древлянские и дреговические владения? В последнем случае путь волхву заказан аж в три княжества: Турово-Пинское, Киевское и Полоцкое. Может быть, еще и в Переяславское, вдруг древлянские земли и туда доходили? Нет, пожалуй, там — земли полян. Ох и сложно мне будет с ней разговаривать, если она считает своими землями целые куски трех княжеств».

— Баба Нинея, я же его отпустил, из плена освободил, чего же он?

— Злой он. Слабый и оттого злой. Не смог прежний волхв себе достойного ученика найти. Измельчал народ. — Нинея вздохнула, брезгливо посмотрела на то место, где только что валялся недавний владыка Куньего городища. — Ты его отпустил... И я отпустила! Но я защитилась, а ты нет! Ты у околицы ждал, а он тебя тут ждал. А я, старая дура, недоглядела. Слабый-то слабый, а мысли прятать умеет. Плохо ты его отпустил, неправильно.

— Да как же я защититься мог? — попытался возражать Мишка. — Я ж не ведун!

— А слово с него взять, чтобы не вредил? Не подумал? За освобождение мог бы и взять, и никуда бы он не делся!

— Я с него за освобождение секрет заклития взял.

— Какого еще заклития? — насторожилась Нинея.

— Он моей тетке чрево затворил, она рожать не могла. Вернее, рожала, но мертвых...

— Паскудник, бабу калечить, детей убивать! Не знала, я б ему самому кое-что затворила. Привози свою тетку ко мне, избавим ее...

— Так я уже. Сам.

— Что? Да ты ума лишился...

Нинея вдруг напряглась, к чему-то прислушалась, на лице ее снова отразилась досада, но она быстро ее подавила и снова сделалась доброй, мудрой бабушкой.

— Как же это ты, Мишаня, сам умудрился?

— Да ничего особенного, баба Нинея. Сделал куклу, проткнул ей живот иглой, потом на глазах у тетки иглу вытащил, сломал и в кузнечный горн бросил. И куклу туда же. Вот и все.

Нинея задумалась, немного посидела молча, подперев щеку кулаком, а потом выдала резюме, от которого Мишка чуть не свалился с лавки:

— Эх, был бы ты девкой, какую бы ведунью из тебя сделать можно было!

Хлопнула входная дверь, и на пороге появилась Красава. У Мишки аж скулы свело — таким плотоядным удовлетворением повеяло от Нинеиной внучки. Как от мелкого хищника, только что сожравшего уворованного из курятника петуха. Так почему-то и подумалось: петуха, а не курицу.

— Красава! Ты что творишь? — строгим голосом спросила Нинея. — Я ж тебе не велела...

— Не велела, но хотела! — затараторила внучка. — Ты сердитая была и на него, и на себя тоже.

«Ну вылитая Юлька, когда с матерью на медицинские темы лается!»

— Что случилось-то, баба Нинея?

— Нету больше твоего волхва, Мишаня. Утоп. Красава его на реке под лед спустила.

У Мишки отвалилась челюсть.

Нинея чуть приподняла плечи и развела руками. В ее мимике и жестах не было и намека на ка-

кие-либо негативные эмоции по поводу того, что ее шестилетняя внучка только что совершила преднамеренное убийство. Скорее, ее невербальный ряд можно было прочесть так: «Вот видишь, с кем придется работать!»

«Оббалдеть! Именно так — с двумя „б“. Грохнули мужика и... И ничего! Внучка довольна собой, а бабушка считает случившееся досадной мелочью, детским непослушанием. Вот тебе и добрая бабушка. Я-то Роське заливал: хорошая женщина... Ой, я же сюда мальчишек приволочь собираюсь! Да Красава, если что, тут такой теракт организует! Никакого тротила не нужно, она сама как тротил, а бабуся как пульт дистанционного управления».

— Эх тебя перекосило, — сочувствующе обратилась Ниней к Мишке. — Неужто волхва пожалел?

— Кр... Кхе! Красаву.

— Красаву? — Ниней снова досадливо поморщилась. — Христианское воспитание, что с тебя взять?

— Да ей же всего шесть лет!

— А тебе сколько? Тринадцать, «муж честной»? А сколько ты народу уже убил? От тебя смертью несет так, что я чуть не от околицы почувствовала.

— Я защищался! На нас напали!

— И защитился! — согласилась Ниней. — Потому что умел! А Красаве, по-твоему, уметь защищаться не надо?

— На нее никто не нападал!

— На тебя нападал, а она тебя любит. И меня досада взяла, а ей за меня обидно стало. Дите же еще.

— Так я о том и говорю: ребенку такую силу в руки давать...

— А ты братьям не «такую» силу в руки дал?

«Блин, железная логика. Стоп, а откуда она про самострелы знает? Бросьте, сэр, все она знает — стучит ей кто-то из Ратного. Да та же старостиха Беляна. Но как же мне теперь?»

— Ну чего ты маешься, Мишаня? Вижу же, что что-то сказать мне должен. Говори, не мучайся.

«Колитесь, сэр, чего уж теперь-то? Ох, а крестник-то мой!»

Случайно взглянув на Роську, Мишка увидел, что тот все так же сидит, полуприкрыв глаза и покачиваясь. Протянул руку, чтоб потормозить его, и испуганно отдернул: вдруг нельзя? Оглянулся на Ниней. Та улыбнулась и поощрительно кивнула, словно что-то разрешая. Потом приложила палец к губам, призывая не то к тишине, не то к осторожности, и сделала округлое движение рукой, словно ласково погладила кого-то. Снова поощрительно кивнула.

Понимая, что участвует в некоем таинстве, Мишка осторожно погладил лежащую на столе ладонь Роськи. Тот вздрогнул, раскрыл глаза, и вдруг лицо его сморщилось, и на нем отобразилось такое горе...

«Вспомнил! Мать вспомнил, бедолага... Несчастный парень».

Физически ощущая нахлынувшую волну жалости, не замечая, что копирует интонации Ниней, Мишка тихо проговорил:

— Все хорошо, Славушка, все хорошо, не беспокойся. Я с тобой, Славушка, все хорошо, успокойся.

Роська немного расслабился, Мишка снова обернулся к Нинее и буквально напоролся на пронизывающий, словно стальная игла, взгляд. Старуха рвала его сознание, проламывала барьеры, внедрялась все глубже и глубже, показалось, что она уже видит в Мишкиных воспоминаниях сцены из предыдущей его жизни — непонятные и непостижимые для человека двенадцатого столетия. И... все вдруг кончилось. Ниней вздохнула, разочарованно отвела глаза и решила:

— Спрашивай.

— Что это сейчас было... Ну с Роськой, зачем ты мне позволила, даже велела... И зачем ты меня...

Мишка не знал, как продолжить начатую фразу, не скажешь же «сканировала».

— А сам-то как думаешь?

Мишка задумался. Почему-то пришел на память эпизод из Киплинга, когда Багира и Баллу вместе с бандерлогами поддались гипнотическому воздействию Каа и только прикосновение Маугли вывело их из транса.

— Знаешь, далеко на юге есть такая страна Индия. Там водятся огромные змеи шагов по десять, по пятнадцать длиной. Они не ядовитые. А охотятся тем, что заворачивают взглядом. Любую тварь заставляют самой ползти им в пасть. И только человека заворожить не могут. Никогда, даже ребенка.

Этих змей там почитают символом мудрости. Так и говорят: «Мудр, аки змей».

— Ну вот, ты сам все и объяснил. Не могу я тебя заморозить. Вроде и случай подходящий: ты сначала испугался, потом разозлился, потом Славушку пожалел, раскрылся весь, душой наружу потянулся, крестнику помочь... А все равно ничего у меня не вышло.

— Так ты меня специально отвлекла! То я спорил с тобой, а то — сразу про спор забыл!

— Эх, был бы ты девкой! Таковую б ведунью из тебя воспитала! Сильнее меня была бы. А мужи... И десятой доли воспринять неспособны. Ты вот сейчас чего-нибудь чувствовал?

— Что-то чувствовал, но не понял...

— А никто из мужчин ни за что не почувствовал бы! Что с них взять, скоты тупые. И что ж ты за парень такой? Не выходит у меня самой узнать, а знать я должна! Давай-ка сам объясняй.

— Да что объяснять-то?

— Не придуривайся! Ты же знаешь: меня обмануть нельзя.

«Влип! Старуха вранье как детектор лжи сечет. И правду не скажешь. Версия... Срочно нужна версия, чтобы правдоподобно... Время потянуть!»

Мишка многозначительно повел зрачками в сторону Роськи, старуха поняла с первого раза.

— Славушка, сходи-ка с Красавой на двор, она тебе покажет, куда лошадку вашу на ночь поставить. Да корму ей задайте, да обиходьте скотинку.

«Снова — добрая ласковая бабушка... Блин, версия!!! Чтобы самому поверить можно было! Что? Что придумать? Тайный агент? Фигня! Посланец богов, ублюдок Перуна? Не катит... Думай, debil, грохнет же, как волхва! Знаю!!! Спасибо, отче Михаил, опять меня выручаешь».

— Ушли? — Мишка глянул на дверь, снова вернулся взглядом к волхве. — Ладно, только, баба Ниня, я и сам не уверен. За что купил, за то и продаю. Ты про неканонические христианские тексты что-нибудь слыхала?

— Про какие тексты?

— Ну апостолов у Христа было двенадцать, а Евангелий — только четыре. Но ведь и другие апостолы воспоминания оставили.

— Понимаю, Мишаня. Да что ж ты встопорщился так? Успокойся, все хорошо, посидим, поговорим, я потом на стол соберу. Да! Ты же нам что-то из Турова привез. Балуешь ты нас, не знаю, чем и отдариваться стану.

«Блин, как Юлька с больным, разговаривает. А и вправду действует, посильнее, чем у Юльки... нет уж, хрен тебе!»

— Ладно, ладно, не буду. Да что ж ты так? Все из-за Красавы, что ли? Ну могла ж я его сразу убить, когда он на тебя с топором кинулся? Все было бы правильно и по справедливости... Считай, что так и было.

«Спокойно, сэр Майкл, мысли она не читает, только эмоции чувствует. Угрозы, похоже, нет. Она действительно только поговорить хочет, информация ей нужна, а выковырять из моей башки не получается. Ладно, версия, кажется, на самом деле удачная. Поехали».

— Апостол Андрей Первозванный бывал в славянских землях, об этом есть достоверные сведения. Но приходил он сюда не просто так, а для того, чтобы спасти от преследования младенца, родившегося от любви Иисуса и Марии Магдалины. Имя его нигде не упоминается. Младенец остался среди славян, а когда вошел в возраст, к нему приводили славянских дев, и те рожали от него детей. И кровь Иисуса разошлась по славянским племенам. Христианская церковь эту историю правдивой не признаёт, но если это правда, то славяне действительно внуки Божьи. И тогда на мне могла сойтись кровь нескольких родов — потомков того младенца.

Ниня долго сидела задумавшись. Очень долго, Мишка даже начал слегка нервничать.

— Сам-то веришь в это?

«Не врать, сразу заметит!»

— Даже не знаю... Не очень. Но другого-то объяснения нет.

— Другого объяснения нет... И ты можешь то, чего не могут другие... И я тебя понять не могу... Но ты мне люб...

Ниня говорила вроде бы сама с собой, но Мишка чувствовал, что эти слова предназначаются и ему тоже. Просто мысли вслух, чтобы обдумать вместе.

— Что думаешь делать с... ЭТИМ?

«Во вопросик на засыпку! Да что же мне, как Емельке Пугачеву, благословения на самозванство просить?»

— Да что я могу-то, баба Ниня?

— А если сможешь? Просто представь себе, что можешь многое, почти все.

— Ну... Наверно, было бы правильным... Знаешь, если Бог един, а остальные: Велес, Перун, Макошь и прочие — только Его воплощения, то и Иисус может быть одним из таких воплощений. Иудеи и римляне его убили, а славяне продолжили его род. Тогда надо отделять славянское правослаvie от греческого — Церковь Его родичей от Церкви Его рабов.

— Почему христианство, а не исконную веру?

— Язычники не создадут единую державу, будут сидеть каждый на своем капище и грызться друг с другом. Лютичи и бодричи один раз уже догрызлись, чуть все земли их германцам не достались.

— А это нужно — единая держава? — Ниня смотрела на Мишку очень серьезно, как будто ждала от него важнейшего для себя ответа.

— Мне видение было...

«Кто тебя за язык тянет, идиот?!»

— Из степи идет сила. Дикая и страшная, такой еще не было. А Русь — вся в раздрае: Рюриковичи режутся друг с другом, язычники — с христианами. И сила из степи всех их накрывает. Осталось около ста лет.

— А единая держава, значит, устоит?

— Да где ее взять-то? На это даже силы великого князя киевского недостает.

— Существуют и другие силы.

«Та щоб я вмер! Она же державную тему не со мной первым обсуждает! Хозяин „людей в белом“? Еще осенью, помнится, она конспирацию разводила. Попробовать раскрутить? Хрен там! Это она меня допрашивает, а не я ее. Не форсировать, сама расколется».

— Вот только мессию из меня делать не надо! — Мишка протестующе выставил перед собой ладонь. — Я на кресте корчиться не хочу! И на костре стоять — тоже.

— А зачем внукам Божьим мессия? Им князь нужен. — Хотя последнее предложение и было сформулировано в утвердительной форме, Мишка понял, что на него требуется ответ.

— Ага! Да Рюриковичи любого, кто князем назовется, на лапшу настругают! Князей, кроме Рюриковичей, на Руси нет.

— Рюриковичи не всесильны и все время слабеют, — продолжила настаивать Ниня.

— Да пойми ж ты! — Мишка понял, что излишне горячится, но сдерживаться не стал. — Дело не только в том, чтобы варяжскую семью сковырнуть. За сто лет надо державу создать: сильную, единую, хорошо управляемую. Нам же латиняне в спину ударят, когда степь навалится. Надо, чтобы все из одного места управлялось, чтобы средства и сведения со всех краев стекались, чтобы приказы беспрекословно исполнялись... Да много всякого. У славян князь только во время войны властен, а потом — опять волхвы. А они все разные: кто Велесу, кто Перуну, кто Дажьбогу требы кладет. Невозможно даже верховного волхва выбрать, а ты хочешь, чтобы они князю все хором подчинялись в мирное время, когда только и можно как следует к войне готовиться. Не будет этого!

Мишка немного помолчал, сам удивляясь тому, с какой горячностью излагает Ниня свои взгляды на государственное устройство. Непохоже было на то, что волхва оказывает на него какое-то воздействие, — она даже спрятала обычную свою поощрительную улыбку и просто внимательно слушала.

— Руси не князь нужен — царь! И чтобы Церковь за него горой стояла: «Несть власти, аще не от Бога!» Такое у нас только христиане могут. Сто лет, баба Ниня, — это очень мало. Вспомни: что у нас было через сто лет после призвания Рюрика?

— Волчица киевская была!

«Блин, точно! Как раз тогда княгиня Ольга древлян и прессовала».

— Ага. Между собой хлестались. Приходи кто хочешь и бери голыми руками. Хазары и пользовались, пока Святослав им козью рожу не устроил.

— И что ж делать? Покорно ждать?

«Да чего ж она от меня добивается-то? Ведь вижу, что подводит к какой-то мысли».

— Что делать — понятно, я только что рассказал. Только никто не знает: как? Впрочем, на наш век хватит... И даже на их век. — Мишка кивнул на тихонечко возившихся в углу детишек.

— А о будущем ты не думаешь?

«Хренушки! Чуть не каждый день вспоминаю».

— Если бы мы с тобой, светлая боярыня, о будущем не думали, то сейчас о чем-нибудь более приятном разговаривали. Только не придумали пока ничего путного. А если не придумали, то и суесться не следует — один вред будет. Одно только могу сказать уверенно: пытаться вернуть Русь к прежним временам — облегчить работу ее врагам.

— Думаешь, но делать ничего не хочешь.

— Ну почему же? Делаю, и не я один. Но только то, что можем, то, последствия чего понимаем, и только то, что полностью зависит от нас, не рассчитывая на неведомые силы или на авось.

— И что же делаете?

«А про „неведомые силы“ поведать не желаете, мадам? Ладно, я терпеливый, подожду».

— Ребят бы позвать со двора, замерзли, наверно.

— Позову, когда надо будет, не увиливай.

— А я и не увиливаю. Я для того и приехал, чтобы рассказать, ты же почувствовала, сама сказала. Ребятам это можно слушать, даже полезно.

— Добро.

Ниней не пошевелилась, не изменилась в лице, но Мишка понял: через минуту Роська и Красава войдут в горницу.

— Почувствовал? — быстро спросила Ниней.

— Догадался.

— Нет, почувствовал, я вижу!

— Да чего ты от меня добиваешься? Сама же сказала: я не девка.

— Вот именно...

В горницу вошли Красава и Роська, Красава скинула шубейку и не пошла, как ожидал Мишка, в угол к остальной малышне, а устроилась за столом, рядом с бабкой.

«Вот даже как? Ну что ж... М-да, почти на год младше Ельки, но в середине разговора куколку просить не станет, можно быть уверенным. Не торопится ли Ниней? Пережжет девчонку раньше времени».

— Ничего, пусть привыкает, — ответила на Мишкины мысли Ниней.

«Блин, вот так и поверишь, что мысли читает! Хотя догадаться, о чем я думаю, проще простого. А Роська остался стоять, молодец: понимает политес. Вот я тебя, любезнейшая Ниней Всеславна, сейчас тоже удивлю».

Мишка хлопнул по лавке рядом с собой.

— Садись, десятник Василий!

— Слушаюсь, господин старшина!

Левая бровь Ниней поползла вверх, Красава же и вообще вылупилась, приоткрыв рот. К ней-то Мишка и обратился тоном эдемского Змия Искусителя:

— Может, все-таки с гостинцев начнем?

Рот захлопнулся, вопросительный взгляд обращен к бабке.

— Потом, Мишаня, говори.

«Нет, тут вам ничего не светит, сэр. Контроль со стороны Ниней стопроцентный, но по лицу девчонки можно прочесть то, что умеет скрыть старуха. И на том спасибо».

— У меня два поручения. Первое — от княгини Ольги Туровской. Велено передать тебе, Ниней Всеславна, поклон от Беаты.

«Ноль, блин! Красава об этом ничего не знает. Впрочем, и неудивительно».

— Благодарствую, будешь еще в Турове, передай, что помню ее и люблю.

— Ольгу или Беату?

— Обеих. Скажи еще, что редко весточки шлет, можно бы и чаще, а увидеться и совсем хорошо было бы.

— Передам в точности, но не могу сказать когда.

— Не к спеху. — Ниней снова выпустила на лицо «улыбку доброй бабушки». — Ну спрашивай, вижу же, что как на иголках сидишь.

— Не говоришь — значит, не нужно. В чужие дела нос не сую.

— Взрослеешь, Мишаня. Давай тогда второе поручение.

Мишка положил руку на плечо Роське:

— Помоги-ка встать.

Роська вскочил, помог Мишке утвердиться на одной ноге.

— Лавку отодвинь, мешает.

Роська сдвинул лавку, прислоненные к ней костыли с грохотом упали на пол.

«Блин, забыл совсем. Ладно, теперь — два шага назад, а то фейсом в тейбл уткнушь».

Опираясь на плечо крестника, Мишка отошел от стола, перебрал левую руку с плеча Роськи на локоть и поклонился, коснувшись пальцами правой руки пола.

— Светлая боярыня древлянская Гредислава Всеславна! Моими устами обращается к тебе вое-

вода Корзень!

«Вот это кино! Смотрите, унтер-офицер Ростислав, когда еще такое увидеть доведется?»

За столом, гордо выпрямившись, сидела та самая ВЛАДЫЧИЦА. Величественная, надменная и...

«...и прекрасная! Чтоб я сдох, сэз Майкл! Да в такую еще запросто и влюбиться можно! И не просто копья на турнирах в ее честь ломать, а огнедышащих драконов на фарш перерабатывать. Пачками! Перчатку ее на шлем, и — на Рюриковичей! И ведь пошлет, стерва, не задумается! И пойду, не задумаюсь! Примите мое восхищение, мадам!»

Рядом с Нинеей, словно зайчишка, наостривший уши, застыла столбиком Красава. Роська, кажется, вообще забыл дышать. Мишка прокашлялся враз пересохшим горлом.

— Принимая на рамена свои попечение о воеводстве Погорынском, я, боярин Корней Агеич Лисовин, признаю за тобой, боярыня Гредислава Всеславна, достоинство древнего боярского рода, право на земли и иные владения, право на боярское знамя, право власти над людьми, боярский суд и иные права и привилегии, унаследованные тобой от славных предков твоих. Также и право на передачу всего поименованного по наследству. Для надлежащего поддержания боярского достоинства твоего, боярыня Гредислава Всеславна, передаю тебе во владение десять холопских семей, коих ты вольна принять или не принять. Для исполнения тобой боярской обязанности содержания воинской силы ПРОШУ тебя, боярыня Гредислава Всеславна, принять на своей земле и взять под материнское попечение воинскую школу и «Младшую стражу».

Мишка снова поклонился, коснувшись пальцами пола, выпрямился и, стараясь выглядеть столь же достойно, как Нинейя, добавил:

— Старшиной «Младшей стражи» имею честь быть я — старший внук воеводы Корзня — Михаил.

— Благодарствую, старшина Михаил. Хорошо исполняешь посольство.

«Боже, что за голос! Другой человек! Не поверил бы, если б сам не видел!»

— Передай воеводе, что я оценила его вежество, приличные слова и доброе ко мне расположение. Однако же забота воеводы Корзня о поддержании моего достоинства видится мне излишней. О сём я способна позаботиться и сама. Скажи также, что оценила я и мудрость его первых шагов на воеводском поприще, а также о том, что радует меня его правильное понимание прав, обязанностей и положения боярства среди прочих сословий. Особо радостно видеть такое понимание в столь юном роду, ничем, кроме воинских дел, себя пока не прославившем. Обещаю обдумать слова воеводы Корзня со всем приличествующим тому тщанием. О решении своем извещу воеводу во благовремение.

— Передам все в точности, матушка-боярыня. Благодарствую на добром слове.

Мишка поклонился третий раз. Роська вдруг шумно сглотнул и перевел дух, видать, и правда затаил дыхание.

— Присядь, старшина Михаил... — Нинейя царственным жестом указала на лавку, с которой только что встали ребята. — ...и ты, десятник.

«Христианское имя все-таки вслух произносить не стала. А может, по протоколу не положено? Может быть, по имени надо обращаться только к тому, кто принес послание, а к сопровождающим нет? Хорошо, хоть с остальным вроде бы не облажался. Но если: „Присядь, старшина Михаил“, — то разговор, похоже, еще не закончен. Просто дипломатические переговоры перешли из стадии официальных заявлений в стадию... черт его знает... консультаций, что ли?»

— Расскажи нам, старшина Михаил, о воинской школе и «Младшей страже». Дело это для нас новое, непривычное.

— «Младшая стража» — дело не столько новое, сколько забытое. Когда сто лет назад наша сотня пришла в эти места...

Мишка старался держать спину и голову так же, как и Нинейя, но очень скоро почувствовал, что это не такое простое дело. Кроме физического неудобства и быстро наступающей усталости он ощущал еще и психологический дискомфорт — его поза была явно искусственной, в то время как Нинейя выглядела совершенно непринужденно.

Кроме того, все время приходилось следить за руками, а Нинейя как-то умудрялась, положив одну руку ладонью на стол, производить впечатление, будто рука лежит на подлокотнике кресла. Самым же обидным было то, что и Красава, по-видимому, чувствовала себя совершенно свободно. Даже бровью не повела, когда старуха положила ей руку на плечо.

«Черт знает что, сэз Майкл! Вы уже и забыли о тех временах, когда не знали, куда девать руки при разговоре. Какой конфуз! Нет, это ж надо! Невозможно сделать даже простейшую вещь

— принять „зеркальную позу“ — без того, чтобы не выглядеть идиотом. Ну бабка, что значит порода! Так квалифицированно возить собеседника мордой по стогу, что даже и не понять, как это делается».

— Благодарствую, старшина Михаил, много ты нам интересного поведал. Чаю, шумно тут у нас станет, если воинская школа появится. По правде сказать, старикам молодые голоса всегда в радость, приятно, когда своими глазами продолжение жизни видишь. Однако же время позднее, не откажешься ли вместе со своим десятником разделить с нами трапезу?

«Нет, это уже садизм! Застольного этикета нынешних времен даже я не представляю, но ничего хорошего ждать не приходится. Семь шкур спустит и голым в Африку... Простите, лорд Корней, но я иссяк».

Мишка резко расслабился, и ему показалось, что он оплывает на лавке, как свеча.

— Фу-у, баба Ниня, пожалей, не могу больше!

— Наигрался, значит, в посла?

— Я не играл, непривычно просто...

— А если непривычно, значит, играл. Ничего, Мишаня, дети только думают, что играют, а на самом деле учатся жить.

— Как хоть получилось-то?

— Хорошо получилось, и в княжеском тереме не осрамился бы. И говорил все правильно...

Почти.

— А что неправильно-то?

— Пыжиться не надо было. — Ниня снова медленно преображалась из Владычицы в добрую бабушку. — Тебе тринадцать, так и будь тринадцатилетним. Будь самим собой.

— А кем же я был?

— А ну-ка расправь усы, — неожиданно предложила волхва.

— Так у меня нету еще...

— А если бы стал расправлять, было бы смешно?

— Конечно!

— Вот так же смешно, и когда мальчишка смысленного мужа изображает. Говорил ты хорошо, слушать было приятно и смотреть на тебя было приятно. А вот когда ты со мной в благообразии соревноваться надумал, стало смешно. Потому что говорил ты от души то, во что верил, то, что для тебя само собой разумеющимся было. А потом стал играть в того, кем ты на самом деле не был. И стало тебе трудно, и говорить ты стал плохо, и устал быстро.

«М-да, сэр, не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз! И добавить к этой крылатой фразе нечего».

— Но учиться-то этому надо? Как же учиться, если не пробовать?

— Правильно, Мишаня, учиться надо, но не с внешности начинай, а с внутренней сущности. Ощути себя наследником древнего рода, продолжателем дел славных предков, частицей великого народа славянского, внуком Божьим! Возгордись этим и тут же смиришься. Смиришься с тем, что ты не волен ни в своих поступках, ни в поведении, ни в речах, ни во внешнем виде. Смиришься с тем, что всегда и во всем, даже в мелочах, даже в самое краткое время, даже тогда, когда тебя никто не видит, ты должен быть достоин своего места в жизни, как бы трудно это ни было. В любых бедах: болезнях, поражениях, скудости, отчаянии — сумей соблюсти достоинство. Тогда спина сама выпрямится, и голова поднимется, и о руках думать не нужно будет, и каждый увидевший тебя все поймет без слов. Это трудно, очень трудно, иногда невыносимо, но если в народе нет таких людей, то жалок удел такого народа.

«Прямо по Гумилеву: „Будь тем, кем ты должен быть“. Только не та сейчас на Руси фаза этногенеза. Промахнулись вы, мадам, лет на шестьсот минимум. А может, и не промахнулись, а совершенно правильно чувствуете недостаток пассионариев — носителей императива: „Будь тем, кем ты должен быть“?»

— Я тебе сейчас кое-что скажу, Мишаня, — продолжала Ниня. — Один раз, и никогда этого больше не повторю. А ты подумай, как мне трудно это говорить и кем бы я была, если бы не смогла этого сказать. Ты знаешь, как я отношусь к киевским князьям. Ольга... Сука киевская... Баба, потерявшая мужа, — вдова. Что она может? В траур облачиться, вопить о возмездии, рыдать по покойнику, рвать на себе волосы... А она встала во главе войска и... И повергла княжество древлянское!

Еще она была матерью славного воина. Победителя хазар, грозы степняков, ужаса Царьграда. Что должна делать мать такого сына? Гордиться, хвалиться перед другими матерями, радоваться его славе... А она, считай, что своими руками... Знала, что ждет его засада, и ничего не сделала, чтобы

спасти. Сидела и ждала, когда принесут весть, которую она и так знала, еще до того, как все случилось.

Но так было нужно. Потому что не князем он был, не властителем. Воинственным бродягой, подобным морским конунгам у нурманов. Храбрым, удачливым, но не способным управлять ничем, кроме своей дружины. Просто военачальником, равнодушным к делам власти.

И Ольга его приговорила. Мать! Сына! И перед ней склонились мужи, не верившие в то, что женщина может ими править. И она воспитала Владимира. Сына рабыни! Воспитала великим князем.

Чего ей это стоило, знала только она одна, никто не видел, что творилось у нее в сердце. И потому она победила! И это была цена за то, что Рюриковичи встали во главе великой державы. Меньше чем через сто лет после Ольги короли и императоры просили руки дочерей князя Ярослава. Великая Русь пошла не с Рюрика или Олега, а с Ольги. Вот, Мишаня, какие бывают сто лет! Вот какие нужны для этого люди!

«Делай, что должен, и будет... Да, едрена вошь, БУДЕТ! Потому что ты ДЕЛАЛ!»

Ниней замолчала, опустив голову. Молчала долго, а когда подняла голову, Владычица уже окончательно исчезла. Снова перед Мишкой сидела добрая и мудрая баба Ниней.

— Славушка, ты-то что из нашего разговора понял?

— Мне Минька... — Роська снова шумно сглотнул и попытался встать, но Ниней жестом остановила его. — Мне Михаил давеча сказал, что учиться всю жизнь нужно. Я думал, он пошутил, а оказывается, правда. А еще он говорил, что раб врет, а воин — никогда. А я думал, что иногда если нужно, то можно. А выходит, что нет... А что, князь Владимир и вправду сыном рабыни был?

— Умен у тебя десятник, Мишаня, даже удивительно.

— У него хороший наставник был.

— Дураку любой наставник не впрок. — Ниней повернулась к внучке. — А ты что скажешь, Красава?

— Мишане бы еще шубу соболью, перстни с камнями да сапожки красные. Вот бы он тогда красавец был! А я бы, как выросла, на нем бы женилась!

Смеющуюся Нинейю Мишка еще не видел. Улыбающуюся — да. Усмехающуюся — тоже. А вот хохочущую, утирающую слезы и хлопающую себя ладонями по коленям, — нет.

Потом был шум, гам, детская возня, хохот — Ниней «отпустила» своих внучат, а Мишка с Роськой принялись раздавать привезенные из Турова подарки. Мишка с удивлением смотрел на своего десятника. Роська, видимо, впервые в жизни принимал участие в таком мероприятии и был счастлив, кажется, больше всех шестерых детишек, вместе взятых. Каждая детская улыбка, каждый радостный вопль словно впитывались в него и накапливались, как в каком-то неизвестном науке аккумуляторе. Бывший Никифоров холоп прямо-таки светился от этой «конденсированной радости».

«Вот-вот, десятник Василий, посмотри на это все, порадуйся вместе с ними, а потом как-нибудь вспомни, что попы этих детишек не иначе как исчадиями ада поименовали бы. Вспомни (а уж я найду случай напомнить) и задумайся. А то что-то ты слишком уж рьяным христианином заделался — начинаешь все в черно-белом виде воспринимать. Нет, брат Ростислав, не все в этой жизни так просто, существуют и другие цвета и оттенки».

Мишка развернул сверток с пуховым платком, который он по-прежнему называл про себя оренбургским. Почему-то захотелось не просто отдать его Нинее, а собственноручно накинуть его ей на плечи. Мишка не стал сопротивляться этому желанию, так и поступил и вдруг словно ослеп от всплывшей из глубин памяти картинке далекого детства.

* * *

Отец тогда вернулся из заграничной командировки — ездил учить военных моряков ГДР управляться с новым видом оружия — ракетными катерами. Загранпоездка, пусть даже и в социалистическую страну, по тем временам была редкостью, подарков отец привез кучу и вот так же молча вытащил из сумки и накинул матери на плечи пальто из искусственной кожи — последний писк моды начала шестидесятых годов XX века, несбыточную мечту ленинградских модниц.

* * *

Картинка исчезла, оставив после себя сладкую горечь воспоминаний о безвозвратно ушедшем, а на Мишку вдруг обрушилась целая лавина ощущений и впечатлений. Первое — изумленный взгляд

настежь распахнутых глаз Красавы, остановившийся на нем и Нинее. Второе — боль в раненой ноге — начисто забыл про костыли, это ж надо! И самое неожиданное — склоненная к плечу голова волхвы, прижавшаяся щекой к тыльной стороне Мишкиной ладони.

«Боже мой, сколько же лет она мужской руки на своем плече не ощущала? Умная, поразительно, по нынешним временам, образованная, властная и... такая одинокая Светлая боярыня, по каким-то причинам похоронившая себя в глуши припятских лесов и болот. Что ей сейчас вспомнилось, так же как и мне? Отец, муж, сын, любовник? Ничего-то я о ней не знаю, но...»

Не отнимая руки, Мишка сдвинулся чуть вперед и, заглянув в наполненные готовыми пролиться слезами глаза Ниней, тихо повторил ей ее же присловье:

— Все хорошо, не печалься, Гредислава, все хорошо.

Ниней со всхлипом втянула в себя воздух и так же тихо ответила:

— Сядь, Мишаня, нога-то у тебя...

— Ничего, не больно... почти...

— Больно, я чувствую... садись, садись...

Волхва отерла уголком платка глаза, выпрямилась и уже совсем другим голосом распорядилась:

— А ну! На стол собирать! Ужинать пора!

Каждый, кроме самых маленьких, занялся своим делом, чувствовалось, что внучата давно приучены к определенному порядку. Мишка опустился на лавку и почти сразу же почувствовал правым ухом горячий шепот Красавы, воспользовавшейся тем, что Ниней отвлеклась к печи:

— Ты зачем бабулю ворожил? Она тебя и так любит.

— Ничего я не ворожил... — попытался, так же шепотом, оправдаться Мишка. — Да и не умею я...

— Врешь, я видела! — безапелляционно заявила Красава. — Но ничего, я на тебе все равно женюсь!

Внучка волхвы упорхнула, а Мишка так и остался сидеть в состоянии столбняка.

«Здрасьте, приехали! Мало мне одной невесты от деда, так еще и эта на меня глаз положила! Еще и к бабке приревновала, обалдеть! Примите мои поздравления, сэр Майкл, вы идете у дам на расхват, как колбаса в горбачевские времена! Ребенок, конечно, еще, а вдруг не передумает? Ведь и замочить из ревности может запросто. Ну влип!»

После ужина ребяшня шустро прибрала со стола и, повинувшись Нинейной команде, отправилась спать. Ни капризов, ни возражений. К величайшему Мишкиному удивлению, Роська вместе со всеми поплелся за занавеску, где располагались полати.

«М-да, на коротком поводке Ниней ребят держит. Привыкнут, как без нее обходиться станут?»

Мишка и Ниней остались сумерничать вдвоем. Волхва поставила на стол подаренные Мишкой подсвечники, зажгла свечи, села напротив, подперев щеку кулаком.

— О чем задумался, Мишаня?

— О детишках твоих, баба Ниней.

— И что ж думаешь?

— Да вот подумалось мне: привыкнут они, что ты за них думаешь и решаешь, каждый шаг их стережешь, как потом жить будут?

— Так, как ты их научишь. Я не вечная, а кроме как на тебя мне их оставить не на кого. — Ниней вздохнула и неожиданно предложила: — Можешь прямо сейчас начать. Хочешь?

— Хочу, но не могу. Но и не думать про это не могу тоже. Не сердись, ты спросила, я ответил.

— Можешь, уже сейчас можешь, но я подожду. Сколько-то лет еще подожду, но уж воспитывать ребят буду, как умею. — Волхва выдержала паузу, показывая, что тема закрыта, потом спросила: — Ты ведь еще о чем-то узнать хотел?

— Скажи, нет ли какой-нибудь сказки или истории... неважно — правда или вымысел. В общем, что-то про взрослого, живущего в теле ребенка. И это должно быть страшно, страшная история.

— Вот оно как... Взрослый в ребенке. — Ниней ненадолго задумалась. — Есть такая сказка, а может — быль, кто ж знает?

— Расскажешь?

— Что ж не рассказать? Была у одной ведуньи ученица. Плохая была ученица. То ли ленилась, то ли дар у нее слабый был, хотя бывает, что и учитель негодный попадает. Всякое бывает. Выгнала ее ведунья, не стала дальше учить. Пошла девка домой и уже почти дошла до дому, как видит, степняки в сторону ее веси пробираются. Побежала она, хотела короткой дорогой через лес про-

браться, да заметили ее степняки и подстрелили. Лежит она со стрелой в спине, чувствует, что умирает. «Что за жизнь у меня? — думает. — Всего два дела у меня важных было: на ведунью выучиться и земляков предупредить. И ни то, ни другое сделать не смогла».

И тогда вспомнила ученье у ведуньи и произнесла заклинание. Пожелала перенестись в тело любого из земляков, кто ближе окажется, чтоб предупредить об опасности. Смотрит: она голая и в воде, а вокруг другие девчонки в речке плещутся. Видно, ближе всех к ней эта самая девчонка оказалась. Выскочила она из воды, а какая одежда ее — не знает. Схватила первую попавшуюся, оделась и побежала к селу. Кричит: «Степняки! Степняки! Спасайтесь!» А люди над ней смеются: «Где ты степняков в речке нашла? А одежду-то зачем чужую нацепила?» Так и не поверил ей никто, а вскоре и степняки налетели. Кого убили, кого в полон увели, а весь сожгли. Осталась только эта девчонка — степняки ее как будто и не видели.

Сидит она на пепелище и плачет. Тело чужое, одежда чужая, ничего сделать не смогла, даже смерть ее не взяла. И открылось тут ей, что неправильно она заклинание выбрала, обидела светлых богов, и те ее так наказали. С тех пор ходит она от деревни к деревне, от села к селу, от города к городу, и всегда так получается, что приходит только туда, где беда случиться должна. Предупреждает людей, а никто ей не верит, и беда все равно случается.

Не растет она и не стареет, а один раз в сто лет приходит на то место, где ее родная весь была. Плачет, просит светлых богов о прощении, но не желают ее боги слышать, потому что могла она земляков спасти, если бы училась прилежно. Могла и светлых богов не обидеть, если бы подумала как следует. Но думала она в тот час не о земляках и не о светлых богах, а о своей жизни пропащей, вот и стала ее жизнь пропащей по-настоящему.

А люди ее прихода боятся. Не только потому, что она с собой беду приносит, от беды защититься или убежать можно. Боятся они потому, что с ее приходом беспечными делаются и не верят ее предупреждениям. А она все ходит, и никто не знает, где ее путь закончится. Поведали светлые боги только одно: «Если найдется место, где тебе поверят и от беды благодаря твоему предупреждению спасутся, там твой путь и закончится. И обретешь ты покой». Вот такая сказка про взрослого в детском теле. Понравилось тебе?

«Ни хрена себе! Кассандра, баньши и Агасфер в одном флаконе! И такой лихо закрученный сюжет не дошел до потомков? Это кто ж так постарался? Татары или Православная церковь? Теперь понятно, почему Первак так тухнул: сначала родной хутор от морового поветрия вымер, потом мы Кунье городище угробили, а тут еще один типчик нарисовался!»

— Что-то вспомнил, Мишаня?

— Есть, баба Ниня, похожие сказки у разных народов. У греков — про Кассандру, дочку троянского царя Приама. Ее тоже боги наделили даром прорицания, но сделали так, что ей никто не верил. И из-за этого ее город погиб. А у христиан есть сказание об Агасфере. Он тоже ходит по земле и нигде не может задержаться. А один раз в пятьсот лет приходит на то место, где согрешил, и просит прощения. Но прощения ему нет, как нет ни покоя, ни смерти.

— Вот видишь: не ты первый, Мишаня.

— Что?!!

— Ты же про себя спрашивал? А услышал сказку про девку глупую, нерадивую. Что ж ты хочешь? У каждого своя ноша.

— Ты... — У Мишки слова застряли в горле. — Ты что? Что ты знаешь?!!

— Ничего я не знаю, — Ниня вздохнула, — чувствую только.

— Погоди. Если ты про меня все знаешь... Ну не знаешь — чувствуешь, то как же ты мне такому внуков доверить собираешься?

— А на тебе греха нет, Мишаня. И ученица ведуньи, и Вечный жид — они же согрешили. Да и дочка царя, которую ты помянул, тоже, наверно, чем-то провинилась. А ты — нет. Думается мне, что ты от какого-то горя бежишь и еще помочь кому-то хочешь, да пока не можешь. Так?

— От горя я уже убежал, а помочь... Помочь хочу человеку, который мне сбежать помог, и друзьям его. А как ты поняла, что на мне греха нет?

— Если человек про свой грех помнит, то это по нему почти всегда видно бывает. А если не помнит, то бессовестный он, и это тоже видно. Сам, наверно, такое замечал?

— Замечал. А то, что я не остаюсь ребенком и взрослою, а значит, и стареть буду?

— И это тоже, — согласилась Ниня. — Но чувства человека — это надежнее. Нет за тобой греха, и не бессовестный ты.

Снова шипит под санными полозьями снег, мерно топочут копыта Рыжухи, петляет узкая лесная дорога. Роська со смесью страха и восхищения рассказывал о своих вчерашних переживаниях:

— ...на ночь Рыжуху пристроил, корму ей задал, сделал все, что нужно, хотел уже в дом идти, а она говорит: «Постой, бабуля не велит возвращаться». Ну стою. И она стоит, совсем так неподвижно, и вроде как прислушивается к чему-то. Ну я постоял-постоял, а потом говорю: «Пойдем, чего ждать-то?» А она как глянет на меня, я и обомлел: глазищи — как у рыси, даже, показалось, светятся! Опять стоим. Я уж замерзать начал, а она вдруг говорит: «Пошли, бабуля зовет». А я точно знаю, что ни голоса, ни знака какого не было. Как узнала?

— Внучка волхвы. — Мишка пожал плечами. — Что ж ты хочешь?

«Скажи спасибо, что не наблюдал, как они вдвоем с бабкой волхва укатали. А то бы запросто заикой сделаться мог. Впрочем, у Нинеи... тут же и вылечила бы».

— Ну да, я думал, волхва — ведьма, вертеп сатанинский, а она добрая... А когда ты речь говорить стал — прямо царица! Слушай, а что, княгиня туровская ей правда поклон передавала? Они знакомы, что ли?

— Княгиня велела, я передал, остальное — не нашего ума дело.

— Ага... А как она про княгиню Ольгу Киевскую рассказывала, мне аж жутко стало. Сына собственного не пожалела. Неужто правда?

— Вполне может быть. Крутая баба была, к ней даже византийский император сватался.

«Версия, конечно, интересная, ничего подобного я нигде не читал. Но вполне могло быть, во всяком случае, ничего невероятного в этом не вижу. Убийства родственников, даже самых близких, в борьбе за трон — обычное в общем-то дело. Тем более — чужими руками. То, что Святослав был по сути своей варяжским военным вождем, а не великим князем, бабка очень точно подметила. В Киеве почти не жил, таскался туда-сюда, столицу в христианскую Болгарию перенести собирался, сам же креститься, по примеру матери, не пожелал... действительно, монарх — никакой».

А Ольга наверняка хотела править сама. Да и личная жизнь... Был конечно же какой-то фаворит, хотя бы тот же воевода Асмунд. Святослав мамочкиного любовника обязательно грохнул бы, с его-то характером. А мамашу — в монастырь. Впрочем, монастырей тогда на Руси еще не было, не только женских, вообще никаких. Ну тогда в мешок и в Днепр. От таких перспектив чего только не сотворишь...

Но, даже если о ее любовных делах тогда весь Киев судачил, в летописях об этом конечно же ни мур-мур. Ольга же — святая, а летописи пишут монахи. Хотя было там со сватовством императора какое-то несоответствие... по срокам, что ли? Да! Вроде бы получалось, что император влюбился в Ольгу, хотя она была уже далеко не молода.

Нет, однозначно верить летописям нельзя — их множество раз редактировали, исходя из идеологических и конъюнктурных соображений. А Нинея, возможно, имела доступ к более достоверным источникам, поэтому у нее и получается, что Ольга пережила Святослава, хотя официально считается, что она умерла на три года раньше сына.

В летописях ведь как? Владимир до крещения суцим монстром изображен — пытал, убивал, развратничал. Но стоило ему только принять христианство, сразу же заделался образцом благонравия. То же и с Ольгой — живьем людей жгла, в землю живыми закапывала, а как крестилась — сразу же сплошная святость. Так что с убийством Святослава... вполне могло быть. Могла даже и не организовывать. Просто знала и ничего не предприняла. А в летописи подправили дату смерти, и пожалуйста — стопроцентное алиби».

— Минь, а почему Нинея ни да, ни нет не сказала? Вы же ей десять семей дарите!

— Во-первых, мы.

— Что «мы»? — не понял Роська.

— Мы дарим, а не вы дарите. Ты тоже член семьи, значит, мы дарим, — пояснил Мишка. — Привыкай.

— Ага.

— Во-вторых, не дарим, а предлагаем. Она — не нищая, мы — не благодетели. Род ее древнее и знатнее нашего, поэтому мы можем только вежливо предложить, даже просить принять. А она вольна согласиться или отказаться, и с нашей стороны никаких обид быть не может.

— Ага, понятно. Вежество, уважение...

«Ни черта вам не понятно, сержант. Нинея нам нужна больше, чем мы ей. Заполучить в союзники волхву, которая на всех местных имеет влияние, отколоть ее от хозяина „людей в белом“... Можно, конечно, было бы захватить пустующие земли, но дед правильно опасается возобновления

заморочек столетней давности, когда из-за каждого куста стрелу в спину получить можно было. А Ниней нам такое удовольствие запросто устроить может».

— Минь, а какую ты сказку интересную рассказывал! Тоже в книгах вычитал?

— Угу, вычитал.

Вчерашним вечером Мишка рассказывал Нинеиным внучатам «Маугли». Исходный текст конечно же опять пришлось редактировать. Багира стала рысью, Шер-хан — росомахой, Хатхи — зубром, а бандерлоги — белками, только большими, мол, в Индии они величиной с собаку.

Роська вместе с детишками слушал раскрыв рот, а Мишка время от времени косился на Нинею — поймет ли намек? Ниней слушала внимательно, кажется, с удовольствием, тихонько улыбалась чему-то своему...

«Если Ниней — старый, мудрый, но смертельно опасный Каа, то вы, сэр, — лягушонок Маугли. По сути, вы же ЗДЕСЬ подкидыш. „Малэсэнькый, голопупэнькый“, как в той украинской книжке, которую вы пытались читать в армии.

Лорд Корней, несомненно, Акела, который еще очень и очень долго не промахнется. Серые братья — вот они: Демка, Кузька, Роська. Багира... Наверно, лекарка Настена, хотя Юлька, когда подрастет, будет в самый раз, да и Красава тоже. Красава, кстати сказать, уже и убивать умеет. Во пантер развелось!

Балу? Балу, Балу, Балу... Мудрый медведь, наставник молодняка. Наставник «Младшей стражи» Немой? Молод больно, да и неразговорчив, мягко говоря, а старый ворчун Балу потрындеть любил. Лука! Точно, Лука Говорун. А кто же у нас будет Шер-хан? Бурей бы подошел, но он среди своих не злодействует. Хе-хе... И маэстро Пентюх в роли шакала Табаки. А Ероха в роли вожаса рыжих собак! Хвост я ему уже отрубил, что-то дальше будет?

Смех смехом, сэр, а не вернуться ли к давним мыслям о том, чего они все хотят от «лягушонка Маугли»? Настена. С ней ничего не изменилось, она по-прежнему видит меня в роли защитника Юльки при форс-мажорных обстоятельствах. Мне ее планы никакими неприятностями вроде бы не грозят.

Отец Михаил. Тут все просто смешно. Он, может быть, и сам себе в этом не признается, но, как я понял из подтекста, отче вознамерился совершить пастырский подвиг — сделать берсерка (то есть меня) образцово-показательным воином Христовым. Сам поставил мне диагноз, сам же поставил себе задачу, по нынешним временам, достойную Книги рекордов Гиннеса. Гордыня обуяла: лютого зверя решил словом Божьим укротить. Ну и флаг тебе в руки, отче, получай удовольствие, я не против.

Ниней. Вот баронесса... Ну конечно же баронесса, никак не меньше. Так вот, баронесса... э-э-э, а как же ее величать-то? Титул-то обязательно должен включать в себя название земли, которой она владеет. А я даже названия ее деревни не знаю, привыкли как-то: Нинеина весь да Нинеина весь. Может быть, по названию речки ее поименовать?

Речка наша называется Пивень. Как объяснял отец Михаил, на местном диалекте это означает «Петух». Хотя я назвал бы ее вьюном — так крутит, так вьется. От Ратного до Нинеи сухим путем, пешком — полдня. А по Пивени, если по течению, то есть от Нинеи к нам, и за сутки не доберешься. Такие загогулины выписывает... Так, что-то я отвлекся.

Значит, баронесса Пивенская... Звучит! А по-нашему будет «мадам Петуховская», шарман! Так вот, баронесса Пивенская совсем интересно нарисовалась, всерьез рассматривает мою кандидатуру на роль вожаса (или только воеводы?) языческого восстания против Рюриковичей. Вот это уже опасно. Загремим под фанфары — к гадалке не ходи. Во-первых, ЧК не дремлет, сирень отец Феофан. Во-вторых, все равно ничего не выйдет.

Если бы что-то серьезное в эти времена произошло, то до двадцатого века хотя бы обрывочные сведения сохранились. Помним же мы о восстании Спартака, хотя и случилось оно тысячулетием раньше. Помним, между прочим, не столько из-за самого восстания (не единственное же), сколько из-за эффектной акции устрашения, организованной господином Крассом. Распятия вдоль Аппиевой дороги — две тысячи лет помним и помнить будем.

После подавления действительно серьезного восстания язычников Рюриковичи тоже не постеснялись бы, такой бы пиар сбавали — от Киева до самых до окраин пробрало б. Даже если бы наши летописцы поскромничали с описаниями, информация все равно попала бы в византийские и европейские хроники. А оттуда и в учебники истории. Но никаких сведений нет. Значит, ничего путного и не было. Вязоваться в заранее обреченное предприятие? Пардон, мадам Петуховская, я — пас.

Но как она мне напоследок поддала!»

* * *

Проводить отправляющихся домой ребят Ниней вышла на крыльцо. Стоя рядом с Мишкой, она некоторое время молча смотрела, как Роська запрягает Рыжуху, а потом совершенно неожиданно заговорила:

— Вот ты, Мишаня, говоришь, что Руси царь нужен. А он же уже есть. Уже семь лет, как есть. — Слегка усмехнулась в ответ на изумленный Мишкин взгляд и пояснила: — Приезжал из Царьграда патриарх Эфесский... Неофитом зовут. Привез Мономаху царский венец и помазал на царство.

— Как это?.. С чего вдруг? — прикинулся Мишка ничего не знающим, хотя уже слышал эту историю от боярина Федора. Просто интересно было сравнить две версии и еще раз попытаться оценить уровень информированности волхвы.

— А с того, Мишаня, с того самого. Мономах же потомок царьградских императоров. А в самом Царьграде род Мономахов пресекся. Сначала власть захватили Диогены, потом Комнины. И те и другие незаконно. Вот киевский князь и решил своего внука на царьградский стол посадить, он же сам в Киеве незаконно сел, так что знает, как самозванцы себя неуверенно чувствуют. Пошел войной, начал болгарские города один за другим брать. Алексей Комнин и перепугался: в войске же славян и нурманов чуть ли не половина. А ну как взбунтовались бы? Вот и нашел выход. Когда-то прадеду Мономаха Владимиру ради прекращения войны царьградскую царевну в жены отдали, а теперь, для того же самого, царский венец пожаловали. Ну и много Руси пользы оттого, что великий князь царем стал?

С ответом Мишка не нашелся. Поразительная осведомленность Ниней прямо-таки повергла его в шок.

* * *

Из стоящей под боком у Мишки корзины, укутанной в овчину, послышался слабый писк. Роська сразу же встрепенулся.

— Минь, щеночков бы покормить.

— На ходу-то сможешь?

— Чего тут мочь-то? Вожжи только поддержи.

Роська распутал овчину — на теплой подстилке, укрывающей дно корзины, бестолково копошились и пищали одиннадцать пушистых комочков.

«Дети Чифа. Никогда бы, ребятки, вашего отца не увидите, впрочем, он вас и не узнал бы. Чиф, Чифушка, Чифуля, кинулся меня спасать, про себя и не подумал. Я дурак, не научил тебя от стрел уворачиваться...»

Роська кормил щенят. Макал в горшок с молоком тряпочку и совал малышам во рты, умудряясь каким-то образом обслуживать сразу по трое едоков. Видимо, инструктаж и практическое занятие, проведенные Красавой, многому Роську научили. Он даже вполголоса приговаривал что-то ласково-сюсюкающее, что в Мишкино представление о Роськином характере совершенно не вписывалось.

— Себе-то какого выбрал? — спросил Мишка крестника.

— Вот этого — черненького, Вороном назову. — Новоиспеченный Ворон, видимо от полноты чувств, переполнявших его по случаю получения имени, тут же нагадил Роське на ладонь. Роська ничуть не расстроился, пристроил Ворона среди других щенков и, зачерпнув снега, стал оттирать руку.

— А ты себе не возьмешь, Минь?

— Нет.

— Это же помет от Чифа, такие же будут...

— Нет, я сказал!

— Ну как хочешь...

— ...

Роська снова укутал корзину, забрал у Мишки вожжи.

— Нет! Но десять же семей! Кто ж от такого отказывается? А, Минь?

— Все успокоиться не можешь? — Мишка усмехнулся и внезапно спросил: — Хочешь пряник?

— Хочу... Так у тебя же нету!

— Не простой пряник — величиной с княжеский терем.

— Таких пряников не бывает, — уверенно заявил Роська.

— Но вообразить-то ты можешь? Этакий пряничный терем. Что бы ты с ним делать стал?

— Ел бы целую неделю.

— Ну, отъел бы, скажем, э-э-э... — Мишка задумался: сколько можно отъесть от пряничного терема за неделю? Ничего не придумал и сказал наобум: — Крыльцо. Больше за неделю не одолеть. А дальше?

— Дальше ел бы, — не смутился Роська. — Угостил бы еще кого-нибудь.

— А с другой стороны, где тебе не видно, ел бы кто-то другой, кого ты ни за что угощать бы не стал. К примеру, Своята. Ел бы без спросу. А снизу ели бы мыши. А Своята еще отломил бы и понес на торг продавать. Потом к тебе мытник пришел бы и спросил: почему пряниками торгуешь, а мыто не платишь? А осенью пришли бы за податями — с дыма. От дождя бы пряник мок, на солнце — засыхал...

— Да на кой мне такой пряник? Ты это к чему?

— Это только один пряник, да и то сказочный, — поучительным тоном начал объяснять Мишка. — А тут без малого сотня народу, обязанности боярские, как-то еще отношения строить надо с воеводой менее знатного рода, с Церковью христианской, с князем, в конце концов... Куча всего. А ты — как с пряником: «Хочешь?» — «Ага, давай!» Не в игрушки играем, за каждым боярином жизни человеческие.

— Понятно, значит, ей время на размышление надо? — Лицо Роськи приняло озабоченное выражение, словно это на него свалилась забота о сотне людей. — Я как-то и не подумал...

— То-то, что не подумал. Не расстраивайся, постепенно привыкнешь.

— К чему привыкну?

— Ты теперь к владетельному сословию принадлежишь, вот и привыкай мыслить сословными категориями.

— Чем?

— Еще одно научное слово — категория. Придумал его древнегреческий философ Аристотель. Давно — за триста с лишним лет до Рождества Христова. Обозначаются этим словом общие свойства различных множеств: людей, предметов, событий. К примеру...

Шипит под полозьями снег, топчет копытами Рыжуха.